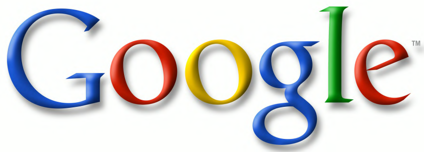
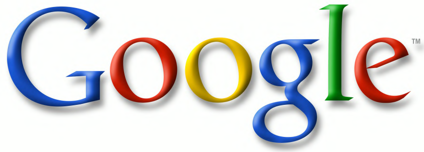

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

С. С. ШАШКОВА.

ИЗДАНІЕ Н. А. ШИГИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Моригеровскаго, Троицкій пер., домъ Гассе.

1872.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

С. С. ШАШКОВА.

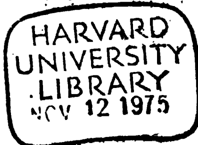
ИЗДАНІЕ Н. А. ШИГИНА.

Шеслер.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Моригеровскаго, Троицкій пер., домъ Гассе.
1872.

Keller Fd

8248.52

II.

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРІЯ

о

НѢМЦАХЪ.

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРІЯ

о

НѢМЦАХЪ. *)

I.

Грустную картину представляла изъ себя Германія XVIII вѣка. Раздѣленная на множество крупныхъ и мелкихъ государствъ, безгласная и безправная, опутанная интригами и бюрократіей, раззоряемая и продаваемая, она спала такимъ глубокимъ и самодовольнымъ сномъ, который могло нарушить, по выраженію Берне, развѣ только одно землетрясеніе.

Послѣ реформаціи и народнаго движенія, вызваннаго вліяніемъ ея на общественное мнѣніе и въ лицѣ Мюнцера дав-

*) *Scherr*, Blücher, seine Zeit und sein Leben, 3 Bänd., 1865. — *Springer* Geschichte Oesterreichs seit dem wiener Frieden 1809, 2 B., 1863 — 1865. — *Varnhagen von Ense*, Blätter aus der preussischen Geschichte, 5 B., 1868 — 1869. — *Ilse*, Geschichte der politischen, Untersuchungen welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Commission zu Mainz uud der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1869 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind, 1860.—*Шерръ*, Исторія Цивилизаціи въ Германіи, 1869 — *Берне*, Сочиненія, 2 т., 1870. — *Шерръ*, Комедія Всемірной Исторіи, 1870.—*Gervinus*, Histoire du XIX Siècle, 22 vol., *и др.*

1*

шаго генеральное сраженіе грубому феодальному порядку, Германія, побѣжденная и измученная изувѣрскими войнами, опять надолго заснула. Мюнцеръ погибъ, а съ нимъ погибла и великая мысль его. Народъ попрежнему сдѣлался орудіемъ политической и религіозной эксплуатаціи, и не было того произвола, того рабства, котораго бы онъ не вынесъ.

Такъ продолжалось дѣло до конца XVIII вѣка, когда въ самомъ воздухѣ стали носиться новыя идеи, новыя гуманныя стремленія, новыя потребности лучшей общественной жизни. Это обще-европейское движеніе коснулось и Германіи.

Нѣсколько государственныхъ дѣятелей пытались было произвести необходимыя реформы, но реакція дворянства, духовенства и бюрократіи оказалась сильнѣе прогрессивныхъ стремленій нѣмецкаго общества и тѣхъ немногихъ правителей, которые хотѣли идти въ уровень съ вѣкомъ. Таковъ былъ, напр., Іосифъ фонъ-Брейтенбахъ, курфюрстъ-архіепископъ майнцскій (1763—1774). Онъ поднялъ до высокой степени матеріальное благосостояніе и народное образованіе своей страны, ненавидѣлъ іезуитовъ, преслѣдовалъ развратъ духовенства, старался искоренять суевѣрія, запретилъ продажу мощей, амулетовъ и индульгенцій, ввелъ въ учебныя заведенія философію Лейбница и Вольфа и т. д. Но эта свѣтлая личность была бельмомъ на глазу высшаго сословія Майнца, и въ 1774 г. архіепископъ внезапно заболѣлъ и умеръ, поѣвъ супа, который былъ отравленъ іезуитами. Вся его реформаціонная дѣятельность погибла. Въ Пруссіи король-философъ, Фридрихъ II, объявившій при своемъ воцареніи, что главною задачею своей жизни онъ ставитъ борьбу съ невѣжествомъ и предразсудками, просвѣщеніе умовъ, смягченіе нравовъ, былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ миссіонеровъ науки, разума и вѣротерпимости въ своемъ отечествѣ. Поднявъ Пруссію до степени первостепеннаго государства въ Европѣ, Фридрихъ реформировалъ ея законы,

улучшилъ военное устройство, содѣйствовалъ развитію земледѣлія, промышленности и торговли, допустилъ свободу рѣчи и прессы. И хотя при всемъ этомъ Фридрихъ былъ до того деспотиченъ, что, по выраженію Альфіери, прусское королевство тогдашняго времени, „съ его тысячами наемныхъ сателлитовъ, этой единственной опорой самовластія, было одной огромной, непрерывной гауптвахтой, а Берлинъ большой казармой, внушающей отвращеніе“ — но никто не рѣшится отнять у этого государя великихъ заслугъ цивилизатора своей страны. Самый деспотизмъ Фридриха естественно объясняется характеромъ того апатичнаго общества, въ средѣ котораго ему довелось дѣйствовать. „Пруссаки, писалъ лордъ Мальмесбюри, вообще бѣдны, тщеславны, невѣжественны и безнравственны. Въ тщеславіи своемъ, они воображаютъ видѣть собственное величіе въ величіи своего монарха. Невѣжество заглушаетъ въ нихъ всякое понятіе о свободѣ и о возможности сопротивленія насилію. Отсутствіе нравственности дѣлаетъ ихъ готовыми орудіями для исполненія какихъ бы то ни было приказаній. Они никогда не размышляютъ, насколько справедливы эти приказанія“. Понятны послѣ этого предсмертныя слова Фридриха, что онъ „усталъ царствовать надъ рабами“. Реформаторская дѣятельность Фридриха II кончилась вмѣстѣ съ его жизнію, а затѣмъ дѣла пошли даже хуже, чѣмъ шли они прежде. Въ Австріи умственное и общественное движеніе XVIII вѣка произвело „деспотичнаго, какъ солнце“ императора, Іосифа II. Это былъ честнѣйшій изъ государей своего времени и своими нравственными правилами могъ бы служить поучительнымъ примѣромъ для всѣхъ тогдашнихъ вѣнценосцевъ. Онъ уменьшилъ на половину придворный штатъ своей матери и вмѣсто 6 милліоновъ, расходуемыхъ ежегодно на содержаніе двора, назначилъ только 500,000 талеровъ. Онъ не держалъ любовницъ, какъ это дѣлали всѣ тогдашніе государи, и никогда не игралъ въ карты на томъ основаніи, что „государь про-

игрываетъ деньги своихъ подданныхъ“. „Онъ, говоритъ Шерръ, уважалъ то, что дѣйствительно достойно уваженія въ народѣ“ и презиралъ, (конечно, безъ всякаго ущерба своей власти) жалкую фикцію олимпійскаго господства милостью божіей. „Безсмысленно думать, писалъ Іосифъ II въ одномъ изъ своихъ манифестовъ, что земля принадлежала властямъ прежде, чѣмъ явились подданные, и что эти власти уступили имъ часть своей собственности на извѣстныхъ условіяхъ. Развѣ власти не умерли бы съ голода, еслибы некому было обработывать землю?“ Онъ ввелъ свободу прессы, гражданскую равноправность протестантовъ съ католиками, уничтожилъ крѣпостное право, реформировалъ гражданское и уголовное законодательства, распространилъ на всѣхъ гражданъ обязанность нести государственныя тягости, значительно поднялъ народное образованіе, ограничилъ власть церкви, уничтожилъ 700 монастырей и т. д. Эти реформы и централизаціонная дѣятельность императора, желавшаго объединить разнородныя земли своего государства, создали ему множество враговъ, особенно среди дворянства и духовенства, которые и приготовили ему преждевременную могилу.

Вслѣдъ за эпохою упомянутыхъ реформаторовъ, въ Германіи настаетъ періодъ глухой и темной реакціи. Умныхъ и просвѣщенныхъ властителей смѣняютъ вялые правители, служащіе игрушками въ рукахъ феодальныхъ партій. Пруссія изъ государства европейски-просвѣщеннаго, какимъ хотѣлъ сдѣлать ее Фридрихъ II, снова превратилась въ феодально-грубое и отсталое государство. „Этотъ долговязый герой въ штиблетахъ, по выраженію Гейне, эта чопорная, лицемѣрная, ханжествующая Пруссія“, пожираемая и развращаемая феодальными паразитами, разлагалась заживо и постепенно умирала отъ внутренняго истощенія, подобно всей остальной Германіи. Особенно плохо дѣла шли въ Австріи, императоръ которой былъ главою „священно-римской имперіи нѣмецкой націи“. При ничтожномъ преемникѣ Іосифа, Леопольдѣ II,

дворянство австрійскихъ земель поспѣшило возстановить многія изъ своихъ привилегій, нарушенныхъ Іосифомъ, и употребило всѣ усилія, чтобы погубить брошенныя имъ сѣмена прогресса. Эта реакція съ особенною силою выразилась на провинціальныхъ сеймахъ. Ландтаги явно стремились къ возстановленію крѣпостного права и другихъ сословныхъ привилегій, уничтоженныхъ Іосифомъ, къ отмѣнѣ законовъ, обязывавшихъ всѣхъ гражданъ къ несенію государственныхъ тягостей, къ лишенію правъ, данныхъ евреямъ, протестантамъ и свободнымъ мыслителямъ, къ дарованію духовенству прежней его силы; къ введенію строгой цензуры и т. д. Помѣщичій и католически-изувѣрскій духъ явно былъ замѣтенъ во всѣхъ этихъ требованіяхъ, хотя онъ и прикрывался маскою чешскаго и венгерскаго патріотизма. Въ своихъ столкновеніяхъ съ этою реакціонною оппозиціей, прикрытой плащомъ сепаратическаго и конституціоннаго либерализма, австрійское правительство могло дѣйствовать двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, продолжая дѣло Іосифа, оно могло значительно ослабить и дворянскую оппозицію и духъ сепаратизма, уничтоживъ всѣ феодальныя привилегіи, заботясь преимущественно о свободѣ и благосостояніи народныхъ массъ, и ограждая ихъ отъ всякихъ хищническихъ притязаній аристократіи. Но идти по этому пути, значило воспитывать народъ для самостоятельной жизни и разрушать режимъ личнаго или корпоративнаго самоуправства. Между тѣмъ полное возстановленіе феодальнаго крѣпостничества было невозможно даже и въ томъ случаѣ, если бы оно не грозило вызвать энергическое сопротивленіе со стороны освобожденныхъ крестьянъ. Возвращая дворянству всѣ его старыя привилегіи, австрійскій абсолютизмъ самъ бы приготовилъ сильнаго соперника себѣ и опаснаго помощника сепаративнымъ стремленіямъ Венгріи и Богеміи. Оставался третій путь дѣйствій: признавая дворянство опорою трона и сдерживая какъ конституціонныя, такъ и сепаратистическія стремленія его, на-

правлять весь ходъ государственныхъ дѣлъ къ выгодамъ дворянской корпораціи, и не лишая крестьянъ окончательно всѣхъ пріобрѣтенныхъ ими льготъ, ограничить послѣднія такъ, чтобы ихъ свободное состояніе было только новою формою уничтоженныхъ Іосифомъ подневольныхъ отношеній къ аристократіи. Слѣдуя такой системѣ, предумышленно поддерживая въ государствѣ разрозненность сословныхъ интересовъ и вражду между крестьянами и дворянствомъ, прикидываясь попеременно защитникомъ то той, то другой стороны, надѣляя дворянство выгодными привилегіями и въ то же время поддерживая въ массахъ народа вѣру въ правительственную помощь, центральная власть могла бы пользоваться для своихъ выгодъ то той, то другой стороной, смотря по обстоятельствамъ. Австрійское правительство приняло именно такую систему дѣйствій и, поблажая реакціоннымъ стремленіямъ дворянства и духовенства, съумѣло водворить въ государствѣ такіе порядки, что одно названіе Австріи надолго сдѣлалось ненавистнымъ для каждаго порядочнаго нѣмца. Основанію и поддержкѣ этихъ порядковъ много содѣйствовали страхъ, наведенный французской революціей, и система запугиванья общества мнимыми интригами „якобинцевъ“, какъ называли тогда всѣхъ людей съ прогрессивнымъ образомъ мыслей. „Какъ прежде іезуитамъ, говоритъ Шпрингеръ, такъ теперь либераламъ приписывались самые несбыточные планы, и выдумывались самыя нелѣпыя сказки о степени ихъ вліянія и распространенія“. Мало понятное для большинства австрійцевъ названіе *якобинецъ* послужило удобнымъ орудіемъ для реакціонной интриги. Венгерскіе магнаты, хлопотавшіе о конституціи, члены оппозиціи на рейхстагѣ, юноши, читавшіе запрещенныя книги или увлекавшіеся теоретическими принципами французской революціи, члены тайныхъ обществъ, неимѣвшихъ никакого политическаго характера, каждый честный писатель, каждый чиновникъ, имѣвшій дерзость защищать права и интересъ народа, каж-

дый обыватель, непреклонявшій своей головы передъ авторитетомъ католическаго попа,—всѣ обвинялись въ якобинствѣ, всѣ преслѣдовались съ тою утонченною жестокостью, съ какою вплоть до послѣдняго времени Австрія карала своихъ добрыхъ гражданъ, какъ „политическихъ преступниковъ“. И кто только не былъ имъ въ глазахъ тогдашняго австрійскаго правительства! Даже извѣстный покрой штановъ и толстый галстухъ навлекали на носителей ихъ серьезное подозрѣніе въ революціонныхъ замыслахъ. Организованная при Леопольдѣ II тайная полиція, по выраженію Шпрингера, играла въ государствѣ роль провидѣнія. Поощреніе доносовъ въ конецъ развращало общественную нравственность. Всѣ отрасли народной жизни были отданы подъ надзоръ сыскныхъ канцелярій. Школы подчинены духовенству. Въ 1801 году цензура поручена полицейской власти; въ 1803 г. учреждена цензурная комиссія для строжайшаго пересмотра всѣхъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ при Іосифѣ II; она запретила болѣе 2,500 книгъ напечатанныхъ въ Австріи. Застой въ промышленности и торговлѣ и раззореніе народныхъ массъ вели за собою голодъ, страшную дороговизну и разстройство финансовъ. Ни введеніе новыхъ налоговъ, ни ревностное взысканіе недоимокъ, ни многочисленныя преобразовательныя комиссіи, посредствомъ которыхъ правительство думало поправить дѣла, преднамѣренно удаляя въ то-же время всякую мысль о какой-бы то ни было существенной реформѣ,—ничто не помогало. Реакціонерно-юнкерская партія имѣла даже наглость воспользоваться разстройствомъ народнаго хозяйства и всеобщею дороговизною для возбужденія общественнаго мнѣнія противъ крестьянской реформы. Чешское дворянство, напримѣръ, сваливало на освобожденіе крестьянъ всю вину экономическихъ бѣдствій страны, доказывая, что причина дороговизны лежитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что освобожденные крестьяне слишкомъ ужъ зазнались, а причина скудости хлѣбныхъ запасовъ—въ природной лѣности глупаго

мужика, неспособнаго безъ помѣщичьяго надзора ни къ какой дѣятельности! Въ этомъ хаосѣ реакціонной анархіи австрійское правительство, какъ и правительства всей остальной Германіи, опирались главнымъ образомъ на полицію и военную силу. „Грубая, ограниченная солдатчина, говоритъ Шерръ, считалась единственною опорою власти и привилегій высокомѣрнаго дворянства и нетерпимаго духовенства... Поэтому старались систематически расширять пропасть, отдѣлявшую военныхъ отъ массы гражданъ. Едва прикрытою безнаказанностью нарочно поощряли солдатскую грубость. Офицеры совершали безнаказанно чуть не убійства, и позволяли себѣ выдѣлывать надъ беззащитными гражданами такія штуки, терпѣливо сносить которыя могло только нѣмецкое добродушіе“. Но годныя для поддержанія реакціонныхъ стремленій внутри государствъ, эти войска совершенно негодились для защиты отечества отъ его дѣйствительныхъ враговъ. Неразсчетливое управленіе, раззоряя страну, лишало ее богатства, этого перваго условія для успѣшнаго веденія войны. Оно деморализировало и офицеровъ и солдатъ, лишенныхъ всякихъ гражданскихъ доблестей, превращенныхъ въ ходячія машины, служившихъ начальству, а не отечеству, воевавшихъ по приказу и непонимавшихъ, за что и противъ чего они сражаются. Офицерство, состоявшее почти исключительно изъ пустого и невѣжественнаго юнкерства, смотрѣвшаго на службу, какъ на доходную статью и на знакъ своего отличія,—офицерство это было вполнѣ достойно тѣхъ несчастныхъ солдатъ, которые вербовались насильно и которыхъ заставляли служить розгами, шпицрутенами и страхомъ разстрѣлянія. Реакціонная партія, вытѣснивъ честныхъ, способныхъ и образованныхъ людей изъ гражданской службы, вытѣснила ихъ и изъ военной, наполнивъ ту и другую такими друзьями отечества, съ невѣжествомъ и бездарностью которыхъ могла поспорить только ихъ безнравственность. Естественно, что весь контингентъ правительственныхъ агентовъ

состоялъ изъ людей сомнительной честности и ума. Подавляя всякую самодѣятельность общества, лишая его всякой надежды на улучшеніе дѣлъ, нѣмецкія реакціи подавляли въ народѣ и въ арміяхъ и довѣріе къ правительству, и патріотическое чувство, столь необходимыя для успѣховъ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Народъ оставался тѣмъ болѣе равнодушнымъ къ войнамъ, что эти войны затѣвались правительствами изъ-за ихъ личныхъ разсчетовъ и приносили народу только одно раззореніе. Люди развитые и всѣ великіе представители нѣмецкаго генія, и Кантъ, и Шиллеръ, и Гете, и Гегель такъ мало находили привлекательнаго въ окружавшихъ ихъ порядкахъ, что патріотическое чувство вовсе не волновало ихъ сердца. „Я, говорилъ Лессингъ, не имѣю никакого понятія о любви къ отечеству, и она кажется мнѣ одною только героическою слабостью, безъ которой я охотно обхожусь“. При подобныхъ порядкахъ возможенъ только одинъ казенный патріотизмъ чиновниковъ, получающихъ за него плату. Это понимало даже австрійское правительство и, приготовляясь къ войнѣ съ Наполеономъ, рѣшилось подкупить народное чувство своимъ двусмысленнымъ либерализмомъ, объявляя, что оно идетъ сражаться во имя свободы и блага народовъ!..

Но ничто уже не могло спасти Германіи, которая вслѣдъ за коалиціонными войнами съ новорожденной французской республикой была вовлечена въ борьбу съ геніальнымъ солдатомъ, рѣшившимся „вымести европейскій соръ“ своей желѣзной метлой.

Подъ напоромъ наполеоновскихъ армій гибли, какъ мухи, несчастныя нѣмецкія войска, разваливались, какъ старые, сгнившіе домишки, германскія государства, повелители которыхъ превращались въ раболѣпныхъ прислужниковъ новѣйшаго Аттилы. Особенно постыдную роль играли при этомъ правительства Рейнскаго союза, „которыя изъ-за титула королевства, великаго герцогства, изъ-за позволенія завладѣть

жалкими лохмотьями свободы, остававшимися еще у ихъ подданныхъ отъ всего ихъ наслѣдственнаго достоянія, изъ-за полученія права разыгрывать роль независимыхъ хозяевъ въ своихъ префектурахъ,—продавали Наполеону свои владѣнія и помогали ему угнетать ихъ собственныхъ соотечественниковъ и уничтожать Пруссію,. которая защищала ихъ отъ Австріи, и Австрію, вассалами которой они были“ (Берне). Такую-же жалкую роль играли въ эту трудную для Германіи годину и всѣ остальныя нѣмецкія правительства, безумно разсчитывавшія на сильную поддержку аристократіи, которая выдавала себя за самую надежную опору престоловъ. Даже въ то самое время, какъ наполеоновская гроза готова уже была разразиться надъ Германіей, нѣмецкое дворянство и нѣмецкіе государи не дѣлали ничего серьезнаго для защиты отечества,—да и что могъ сдѣлать серьезнаго этотъ исхудалый народъ, совершенно выродившійся вслѣдствіе своей вѣковой пригнетенной жизни! Въ виду самого врага и грозной опасности, прусское высшее общество развратничало, кутило напропалую и своею безпутною роскошью въ конецъ раззоряло страну. „Гнилое государство безцѣльно блуждало изъ стороны въ сторону подъ управленіемъ грязной троицы—Гаугвица, Ломбарда и Лукезини. Напрасно принцъ Людвигъ предсказывалъ, что Пруссія не устоитъ противъ силы Франціи, что она падетъ безъ помощи, можетъ быть, даже безъ чести. Его пророчество исполнилось. Несчастная разрозненность Германіи, дѣлавшая возможнымъ злорадство Пруссіи во время аустерлицкаго пораженія Австріи, пала тяжелымъ гнетомъ на самую Пруссію. Наполеонъ не могъ надивиться быстротѣ и легкости своихъ побѣдъ въ походѣ 1806 г., разрушившемъ монархію Фридриха Великаго. „Пруссаки еще глупѣе австрійцевъ“, говорилъ онъ.—Подлая трусость, съ которой знатные прусскіе генералы, почти безъ выстрѣла, сдавали сильнѣйшія крѣпости королевства во власть враговъ, показала, какую ненадежную опору для трона составляла въ

минуты опасности гордая феодальная аристократія“ (Шерръ). Пруссія по тильзитскому миру лишилась половины своей территоріи, да и другую-то половину Наполеонъ оставилъ за королемъ только „изъ уваженія къ императору всероссійскому“. У Австріи по вѣнскому трактату 1809 г. было отнято 2,000 кв. миль земли, 3,500,000 жителей и она была совершенно отрѣзана отъ моря. Нѣмецкія клячи были припряжены къ побѣдной колесницѣ завоевателя и поволокли ее въ походъ противъ Россіи.

Нѣмецкія дѣла были доведены до того, что не только народъ плохо поддерживалъ въ борьбѣ съ Франціей свои правительства, которымъ онъ не довѣрялъ и не сочувствовалъ, но многіе даже радовались политическому паденію своего отечества, видя въ иностранномъ завоеваніи единственное средство для своего возрожденія и прогресса. Когда, напр., ключъ священной римско-германской имперіи, Майнцъ, былъ отданъ Французамъ, то Герресъ въ своемъ журналѣ разразился цѣлымъ градомъ злорадныхъ насмѣшекъ. „Неприкосновенность имперіи разрушена! Граждане, Майнцъ нашъ! Да здравствуетъ французская республика! 30 декабря 1797 г., въ день передачи Майнца въ 3 часа по полудни, въ Регенсбургѣ скончалась тихо и спокойно священная римская имперія, тяжелой памяти, имѣя отъ роду 955 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ, 28 дней. Смерть послѣдовала отъ общаго разслабленія и удара. Боже мой, почему это гнѣвъ твой обратился прежде всего на это добродушное существо? Оно такъ безвредно и спокойно паслось на пажитяхъ отцовъ своихъ, такъ покорно давало стричь себя по десяти разъ въ годъ, было постоянно такъ же тихо и терпѣливо, какъ то презрѣнное длинноухое животное, которое бѣсится и лягается только тогда, когда рѣзвые мальчишки вздумаютъ засунуть ему въ уши трутъ или помазать задъ терпентиномъ“.

Наполеоновскій погромъ былъ именно тѣмъ землетрясеніемъ, которое могло разбудить Германію; онъ открылъ ей

глаза на глубокія язвы, разъѣдавшія страну. Сверженіе наполеоновскаго ига и внутренняя нѣмецкая свобода, гарантированная хорошими политическими учрежденіями, скоро сдѣлались завѣтною мечтою нѣмцевъ. Пробужденіе общества выразилось въ основаніи союзовъ, цѣлью которыхъ были нетолько изгнаніе французовъ и внутреннія реформы, но также физическое и нравственное развитіе народа, такъ долго изнывавшаго подъ давленіемъ всеотупляющаго и всеразвращающаго деспотизма. По всей Германіи возникли многочисленныя гимнастическія общества (Turnengesellschaften), цѣлью которыхъ было нетолько развитіе тѣлесной силы и ловкости, но также пробужденіе общественныхъ и національныхъ чувствъ, подавленіе обособляющаго сословнаго духа, пріученіе юношества къ самостоятельной дѣятельности. Янъ, знаменитый руководитель этихъ обществъ, направлялъ ихъ прямо къ тому, чтобы „возстановить нѣмецкое отечество и возродить народъ, душа, воля и дѣятельная сила котораго были подавлены рабствомъ“. Того же направленія держался и Союзъ Добродѣтели, имѣвшій многочисленныхъ членовъ во всѣхъ классахъ общества. „Цѣль союза, говоритъ его уставъ, утвержденный правительствомъ, — цѣль союза есть исправленіе нравственности и развитіе благосостоянія прусскаго и всего нѣмецкаго народа соединенными и общими трудами безупречныхъ людей. Средства союза—слово, письмо и примѣръ“. Французы заставили прусскаго короля запретить это общество, но королевское запрещеніе было только пустою формальностью и союзъ совершенно благополучно продолжалъ свою патріотическую дѣятельность и приготовилъ для Германіи лучшихъ героевъ войны за освобожденіе и лучшихъ дѣятелей на поприщѣ внутреннихъ реформъ. Благородное одушевленіе, охватившее собою нѣмецкое общество, увлекло нетолько литературу, но даже и философію. Знаменитыя „Рѣчи къ Нѣмецкому народу“, которыя Фихте произносилъ въ Берлинѣ подъ звуки барабановъ французскаго гарнизона, имѣли громадное влія-

ніе на пробужденіе національнаго чувства и на развитіе общественнаго самосознанія.

Германія пробуждалась и будила своихъ правителей, которые, особенно въ Пруссіи, волей-неволей принуждены были подчиниться всеобщему настроенію. Прусская королева Луиза писала своему отцу: „я все болѣе и болѣе прихожу къ сознанію, что все случилось именно такъ, какъ должно было случиться. Божественное провидѣніе ясно ведетъ міръ на новые пути; настаетъ новый строй жизни, ибо старый отжилъ свое время и падаетъ подъ тяжестью собственной дряхлости. Мы заснули на лаврахъ Фридриха Великаго, мы не пошли за новымъ вѣкомъ, имъ созданнымъ, и вѣкъ обогналъ насъ". Въ Пруссіи, отставшей даже отъ Австріи, наступила эпоха замѣчательныхъ реформъ, руководителемъ которыхъ явился извѣстный Штейнъ. Въ войскахъ было уничтожено варварское наказаніе палками, по возможности ограниченъ прежній грубый характеръ солдатчины, отмѣнена привилегія дворянъ на званіе офицеровъ, обязанность военной службы распространена на всѣхъ гражданъ, въ системѣ ландвера и ландштурма дана государству возможность быстро собирать въ нужное время многочисленную и сильную армію. Гражданскія реформы Штейна обнимали собою всю государственную жизнь. „Все нужно передѣлать заново, говорилъ онъ.—Всѣ граждане должны имѣть одинаковыя права и обязанности. Всѣ должны быть лично свободными. Пріобрѣтеніе поземельной собственности въ государствѣ должно быть доступно каждому. Судъ долженъ быть отдѣленъ отъ администраціи". Съ особенною энергіей нападалъ Штейнъ на бюрократію. „Правительства, основанныя на личномъ произволѣ, портятъ характеръ народа, говорилъ онъ,—удаляя его отъ общественныхъ дѣлъ и поручая его интересы толпѣ корыстолюбивыхъ чиновниковъ". Онъ всѣми силами стремился къ развитію народнаго самоуправленія и хотѣлъ „посредствомъ литературы и воспитанія поддерживать здоровое и сильное обще-

ственное мнѣніе“. Конечною же цѣлью штейновскихъ реформъ было объединеніе всего нѣмецкаго народа посредствомъ общихъ для націи представительныхъ учрежденій. И хотя въ концѣ 1808 г. Штейнъ, по приказанію Наполеона, былъ удаленъ отъ управленія, но несмотря ни на французовъ, ни на яростное противодѣйствіе дворянъ и бюрократовъ, ему удалось все-таки совершить нѣсколько реформъ первостепенной важности. Крѣпостная зависимость крестьянъ была окончательно отмѣнена и вмѣстѣ съ нею уничтожена крупная поземельная аристократія; право землевладѣнія распространено и на крестьянъ и на бюргеровъ. Города получили новое устройство, основанное на началахъ общиннаго самоуправленія. Коронныя земли были пущены въ продажу. Во всѣхъ этихъ и другихъ реформахъ Штейну принадлежитъ нетолько заслуга ихъ инціативы, но и заслуга исполненія, при которомъ онъ долженъ былъ бороться съ противодѣйствіемъ нетолько юнкерской и бюрократической партій, но и самого короля. „Въ дѣлѣ обновленія государственной организаціи и администраціи, говоритъ Гервинусъ,—король, только уступая неизбѣжной необходимости, шелъ шагъ за шагомъ; тутъ дѣйствовало не свободное желаніе духа, а пассивное малодушіе; потому и дѣятельность прекратилась, какъ только облегчился вынуждающій гнетъ... Какъ-только съ отставкою Штейна кончилось тяготѣніе принциповъ надъ королемъ, правительство отложило всю реформу, какъ дѣло несвоевременное“. Но вскорѣ оказалось, что совершенно повернуть на старую дорогу пока еще невозможно, тѣмъ болѣе, что съ часу на часъ угрожала война съ французами. И началась та жалкая система колебаній и двусмысленныхъ распоряженій, которая въ концѣ концовъ и привела къ полной реакціи. Преемникъ Штейна, Гарденбергъ, убѣждалъ правительство, что государство должно или погибнуть или взять за основаніе своей внутренней политики демократическіе принципы французской революціи. Гарденбергъ обложилъ налогами дворянство и

королевскіе домены, конфисковалъ церковныя имѣнія и назначилъ ихъ вмѣстѣ съ коронными на погашенія государственныхъ долговъ, уничтожилъ цехи и доставилъ промышленности полную свободу; отдалъ крестьянамъ въ собственность всѣ дворы и земли, которыми они владѣли до тѣхъ поръ только на правѣ пользованія, установилъ выкупъ работъ и свободу отчужденія поземельной собственности; наконецъ, Гарденбергъ задумалъ отмѣнить и послѣдній остатокъ крѣпостного права, вотчинную судебно-полицейскую власть помѣщиковъ, но это ему окончательно неудалось вслѣдствіе противодѣйствія короля и дворянства. Реакціонеры уже и въ это время подкапывались подъ неоконченное еще зданіе реформъ и готовы были бы разрушить его каждую минуту, но предстояла война за независимость и реформы пока были необходимы для того, чтобы поднять и увлечь народъ въ битву „за свободу“. И не только въ Пруссіи, гдѣ уже были совершены столь важныя реформы, но даже въ такихъ государствахъ Германіи, гдѣ застой царилъ во всей своей неприкосновенности, когда пробилъ часъ войны за освобожденіе, наперерывъ начали обѣщать народу множество такихъ льготъ и вольностей, самая мысль о которыхъ считалась до той поры государственнымъ преступленіемъ. Народъ повѣрилъ. Самые умѣренные люди твердо надѣялись, что война 1813 г., освободивъ Германію отъ французовъ, водворитъ въ ней внутреннюю свободу и такія конституціонныя учрежденія, которыя, объединивъ нѣмецкую націю, дадутъ ей возможность быстраго и успѣшнаго развитія. И народъ съ героическою отвагою всталъ и пошелъ отстаивать свою національную независимость, надѣясь впослѣдствіи пріобрѣсти и внутреннюю свободу. Патріотическій энтузіазмъ, охватившій Германію, былъ такъ силенъ, что растрогалъ даже безчувственное сердце того геніальнаго человѣка, который совмѣщалъ въ себѣ достоинства царя поэзіи съ должностью придворнаго лакея. Даже Гете увлекся немного и обмолвился въ своемъ „Про-

бужденіе Эпименида“: „возстаньте братья, освободите міръ! Кометы указываютъ вамъ, что великій часъ настанъ. Разорвите сѣти тирановъ и вырвитесь на свободу“.

Французы изгнаны изъ Германіи, народъ спасъ страну, чуть не погибшую отъ своихъ неспособныхъ и мелко-эгоистическихъ правителей. Парижъ взятъ союзниками, имперія разрушена. Наполеонъ обезоруженъ, изгнаніемъ. За эпохой великой революціи настала эпоха *великой реакціи*, великой по своему безобразію и по тому убійственному мраку, въ который она погрузила Европу. Всѣ розовыя надежды наивнаго Михеля разлетѣлись въ прахъ, всѣ данныя ему обѣщанія были нарушены.

II.

Для многихъ государствъ наполеоновскій погромъ имѣлъ цивилизующее значеніе. Онъ поколебалъ вѣками освященную рутину, вводя въ покоренныхъ странахъ французскіе законы и учрежденія и прививая къ побѣжденнымъ тѣ плодотворныя идеи, которыя были результатомъ движенія XVIII вѣка. Даже самый деспотизмъ Наполеона и его намѣстниковъ былъ ничѣмъ не хуже деспотизма многихъ правителей Германіи, незаботившихся о какомъ бы то ни было измѣненіи разъ установившагося порядка. И еслибы народныя массы, удаленныя отъ образованія и отъ участія въ общественной жизни, не были лишены всякаго политическаго смысла, то войны за освобожденіе Европы отъ Наполеона приняли бы болѣе разумное направленіе и довершили бы дѣло внѣшняго освобожденія внутренней свободой государствъ. Но народы, воспитанные въ чувствахъ того національнаго эгоизма, который, прикрываясь патріотической массой, ставитъ честь, достоинство и благоденствіе націи въ одной только ея внѣшней самостоятельности и даже въ тираніи надъ другими націями,—народы вовсе не обладали тѣмъ истиннымъ патріотиз-

момъ, который ищетъ своей опоры прежде всего во внутреннемъ благоденствіи и развитіи общества. И какъ легко всѣ сторонники старыхъ порядковъ, разрушенныхъ новымъ движеніемъ, воспользовались псевдо-патріотическими инстинктами народовъ для того, чтобы реставрировать полу-низверженную систему! Патріотическая ненависть въ французамъ, направленная реакціонерами, разстроила все, что они принесли съ собою благодѣтельнаго, и возстановила все, что они разрушили вреднаго. Она доходила до того, что, напр., въ Папской Области было уничтожено, какъ французское учрежденіе, ночное освѣщеніе городскихъ улицъ, прекращено оспопрививаніе, разорены заведенныя французами рисовыя нажни! Въ Сардиніи выбрасывали въ канцеляріяхъ изъ оконъ французскія вещи, а въ туринскомъ ботаническомъ саду вырывали растенія, посаженныя французами. Мостъ черезъ По, начатый Наполеономъ, хотѣли взорвать; не давали паспортовъ для проѣзда по наполеоновской дорогѣ черезъ Монсени; Фр. Массимино не дозволили открыть музыкальную школу потому только, что просьба объ этомъ была написана имъ на французскій образецъ. Какъ легко было среди такого хаоса патріотическихъ галлюцинацій возстановлять отечественный режимъ произвола и насилія. Тотъ же порядокъ начался и во Франціи со времени реставраціи. Все, что казалось прогрессивнымъ, подвергалось сильному гоненію со стороны этихъ реакціонеровъ, озлобленныхъ отъ голода и униженія, которымъ они подвергались во время изгнанія, и пылавшихъ чувствомъ мести ко всѣмъ виновникамъ, участникамъ и пособникамъ переворота, разстроившаго ихъ жизнь. Во Франціи насталъ періодъ реакціоннаго терроризма, періодъ жестокихъ преслѣдованій совершаемыхъ надъ личностями, заподозрѣнными реставрированными Бурбонами. Въ Италіи не удовольствовались даже и судебными приговорами, истребляющими по приказанію власти всѣхъ неправившихся ей лицъ; правительства начали организовать здѣсь тайныя общества

убійцъ; такъ въ Неаполѣ былъ основанъ союзъ кальдераріевъ, въ Римѣ—католическо-апостольское общество санфедистовъ, которые обязывались клятвою убивать всѣхъ либераловъ безъ различія сословія, пола и возраста. Привилегіи дворянства, пагубная власть и всеобщая опека католической церкви, произволъ бюрократій, средневѣковые законы и судопроизводство, безчеловѣчныя наказанія, система всесторонней эксплуатаціи народа въ пользу кутившихъ на пропалую высшихъ классовъ, даже наряды и шутовскія манеры XVIII вѣка, даже произношеніе въ носъ, которое почему-то считалось признакомъ легитимности и религіозности,—все востановлялось съ такою мелочною вѣрностью старинѣ, что, казалось, все пережитое и реформированное будетъ вырвано съ корнемъ. Когда, напр., сардинскій король, который, по его собственному признанію, спокойно проспалъ все время французскаго владычества, снова сѣлъ на престолѣ отцовъ своихъ, окруженный дворянами, чиновниками, патерами и солдатами, которые всѣ осаждали его просьбами и требованіями о возстановленіи прежнихъ правъ и привилегій, о наградѣ за свои лишенія, то правительство совершенно растерялось и не знало, какъ удовлетворить желаніямъ реставраціи. Графъ Черрути рѣшился помочь королю, указалъ ему на альманахъ Пальмоверди 1798 года и посовѣтовалъ возстановить всѣ поименованныя тамъ должности и достоинства вмѣстѣ съ лицами, занимавшими ихъ въ то время. Затѣмъ королевскій эдиктъ отмѣнилъ огуломъ всѣ французскіе законы и учрежденія, не перечисливъ даже ихъ, и предписавъ соблюденіе однихъ только „королевскихъ учрежденій 1770 г.", ввелъ старое варварское законодательство и нелѣпое судоустройство, возстановилъ колесованіе и четвертованіе преступниковъ, возвращалъ заповѣдныя имѣнія, маіораты, феодальныя привилегіи, уничтожалъ долговыя обязательства дворянъ, возобновлялъ десятинную подать, монастыри и духовныя общества, лишалъ правъ всѣхъ некатоликовъ, объявлялъ прелюбодѣяніемъ всѣ

гражданскіе браки, уничтожалъ всѣ прежніе судебные приговоры, подвергая ихъ произвольному перерѣшенію и т. д. Католическій монахъ снова сдѣлался всесильнымъ, а народное просвѣщеніе поручено было полицейскому сыщику, кавалеру Сеска, который въ одномъ только Туринѣ выгналъ изъ службы двадцать пять талантливѣйшихъ професоровъ за то единственно, что они получили свои мѣста во время французскаго владычества. И при всемъ этомъ, сардинская реставрація была еще мягче реставраціи во многихъ другихъ государствахъ. Слабыя попытки прогрессивной партіи противодѣйствовать этому безобразію кончались неудачно и подавали правителямъ поводъ къ новымъ жестокостямъ. До чего простиралось безуміе реставраціи, можно видѣть изъ сочиненій апостоловъ ея, Бональда, Де-Местра и др. Европу хотѣли вернуть къ среднимъ вѣкамъ и возстановить въ ней такіе порядки, при которыхъ церковь абсолютно владычествовала бы надъ государствомъ, государи были бы верховными собственники своихъ земель и подданныхъ, дворяне пользовались бы всѣми своими старинными привилегіями, крестьяне находились бы подъ „отеческой" властью дворянъ, а палачи были бы первыми охранителями всѣхъ этихъ „священныхъ основъ общества".

Германія, такъ далеко отставшая отъ Европы въ дѣлѣ соціальныхъ преобразованій, пошла наряду съ ней въ дѣлѣ реставраціи. Всѣ высшіе классы хлопотали о возстановленіи своихъ прежнихъ привилегій, нарушенныхъ реформами Іосифа, Фридриха, Штейна и другихъ,—дворяне о своихъ крѣпостническихъ правахъ, чиновники—о бюрократическомъ произволѣ, разные барышники—о монополіяхъ, полицейскіе—о расширеніи круга своей дѣятельности, духовенство — объ офиціальной обязательности своего авторитета и о стѣненіи свободнаго анализа мысли. Полчище реакціонеровъ было громадно, ихъ похотливость при видѣ добычи—необузданна. Тогдашніе иностранные и туземные наблюдатели германской жизни не

находятъ красокъ достаточно мрачныхъ для характеристики юнкерской партіи, „этихъ дворянъ, никогда ничему неучившихся,—шулеровъ, фокусниковъ, лошадиныхъ барышниковъ, способныхъ только своимъ таеровскимъ искуствомъ морочить крестьянъ на ярмаркѣ“, какъ выражается о нихъ Гейне. Клеймо бездарности давно уже легло на эту феодальную расу, выродившуюся вслѣдствіе вѣковой, отупляющей праздности, отвращенія отъ умственныхъ занятій и всевозможныхъ насилій надъ низшими классами. Ограниченіе феодальныхъ привилегій и освобожденіе крестьянъ еще болѣе развратило эту касту, непривыкшую къ самостоятельной жизни посредствомъ своего труда. Разстройство дворянскихъ хозяйствъ, вслѣдствіе войны и крестьянской реформы, сильно увеличило число подлоговъ, мошенничествъ, кражъ и другихъ преступленій противъ собственности, совершаемыхъ дворянами. Въ Берлинѣ, напр., дворяне нетолько силою забирали товары въ кредитъ и не платили своихъ долговъ, но даже знатныя дамы, разъѣзжая по магазинамъ за покупками, воровали при этомъ разныя вещи и попадались (Varnhagen, I, 65—68)! Университетскій судья въ Дрезденѣ, Краузе, укралъ у легаціонссекретаря Кюстера штаны (id., II, 349). Люди знатные, офицеры гвардіи, писали къ разнымъ особамъ, къ банкирамъ, даже къ принцамъ, безымянныя письма, въ которыхъ угрожали смертью, если они не принесутъ въ извѣстное мѣсто и въ извѣстное время требуемое количество денегъ. И аристократія громко защищала подобныхъ негодяевъ, считая поступки ихъ „легкомысленными шалостями молодежи“. Прусскій посланникъ въ Брюсселѣ, графъ фонъ-Шляденъ, былъ уличенъ въ шулерствѣ. Такіе факты вовсе не были исключеніями. Упадокъ нравственныхъ силъ и гражданской чести чувствовался на каждомъ шагу; эта искуственно развитая потребность праздной жизни на чужой счетъ доводила дворянство и до воровства, и до шулерства, и до казнокрадства, которымъ, какъ увидимъ ниже, такъ ревностно занимались

даже первостепенные государственные дѣятели того времени. Роскошная обстановка, пиры и банкеты, трата на любовницъ—все это требовало большихъ расходовъ, которые далеко не покрывались приходами, и промотавшаяся, но жадная до эпикурейскихъ наслажденій, аристократія прибѣгала, для удовлетворенія ихъ, къ самымъ неблаговиднымъ средствамъ. Потомки гордыхъ феодальныхъ бароновъ превращались въ мелкихъ мазуриковъ, торговавшихъ и словомъ и честію. Гейне доказывалъ, что „постоянно третій человѣкъ изъ благороднаго общества—или игрокъ, или неимѣющій отечества наемникъ, или мошенникъ, или сводникъ своей собственной супруги, или супругъ своего жокея, или всесвѣтный шпіонъ, или иной какой благородный негодяй“. Фарнгагенъ фонъ-Энзе передаетъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько характеристическихъ случаевъ, рисующихъ тогдашнее берлинское общество. Такъ, напр., однажды офицеры затащили къ себѣ одну дѣвушку изъ почтеннаго семейства и хотѣли ее изнасиловать; она выскочила въ окно и расшиблась чуть не до смерти. Вообще, все высшее общество, всѣ государственные дѣятели этой мрачной эпохи ставили единственною цѣлью своей жизни чувственныя наслажденія, доходившія до отвратительнаго цинизма. Вотъ какъ описываетъ одинъ, достойный полнаго довѣрія современникъ нравы высшаго берлинскаго общества: „Кутежи военнаго сословія развиты здѣсь до высшей утонченности. Офицеры, и прежде вполнѣ преданные праздности и чуждые научныхъ занятій, перещеголяли всѣхъ въ искуствѣ наслаждаться. Эти привилегированные нарушители порядка попираютъ ногами все—религію, супружескую вѣрность, всѣ добродѣтели семейной жизни. Жены у нихъ считаются общимъ достояніемъ. Они ихъ продаютъ, мѣняютъ, увозятъ другъ у друга. Женщины до того испорчены, что даже знатныя дамы привлекаютъ къ себѣ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ высшаго круга и соблазняютъ ихъ. Часто цѣлый кружокъ развратныхъ аристократокъ складывается вмѣстѣ и нанимаетъ меблированную

квартиру, куда являются ихъ любовники, чтобы тамъ, ничѣмъ не стѣсняясь, справлять вакханаліи и оргіи, которыя бы изумили своимъ цинизмомъ даже регента Франціи. Такъ какъ Берлинъ составляетъ центръ общественной жизни, изъ котораго распространяется на провинцію все, и злое и хорошее, то испорченность столицы постепенно сообщилась всей странѣ". Австрійская аристократія была еще хуже прусской. Невѣжество и праздная жизнь были особенными привилегіями этого сословія. И хотя дворяне постоянно путешествовали по Европѣ, хотя венгерскіе магнаты прикидывались даже англоманами, но вліяніе Европы ограничивалось только внѣшнею стороною жизни и выражалось лишь въ томъ, что полудикіе бары заводили жокеевъ и конюшни на англійскій образецъ. А между тѣмъ гордость ихъ и изолированность отъ другихъ классовъ общества были такъ велики, что даже самъ Меттернихъ считалъ это однимъ изъ величайшихъ золъ своей имперіи. До чего доходила эта надменность невѣжественныхъ баръ, показываетъ слѣдующій случай. Въ 1826 г. прусское министерство перетревожилось тѣмъ обстоятельствомъ, что со времени войны за освобожденіе, развился пагубный обычай и дворянскихъ и бюргерскихъ дѣвушекъ титуловать одинаково „барышня", Fräulein. Всѣ министры подавали свои мнѣнія по столь важному вопросу, а берлинское дворянство хлопотало изо всѣхъ силъ, чтобы посредствомъ королевскаго ордера воспретить упомянутое злоупотребленіе, предписавъ титуловать дворянскихъ дочерей Fräulein, а бюргерскихъ demoiselle!

Такъ ничтожно было нѣмецкое юнкерство, выродившееся изъ феодальной аристократіи и овладѣвшее въ періодъ реставраціи ходомъ государственныхъ дѣлъ. Ничтожно было оно въ своей массѣ, ничтожно и въ тѣхъ отдѣльныхъ личностяхъ, которымъ оно поручило „спасеніе отечества" и водвореніе въ немъ „законнаго порядка". Мы остановимся здѣсь на характеристикѣ главнѣйшихъ изъ этихъ личностей.

Лишенный всякой оригинальности ума и характера и глубоко ненавидѣвшій эти свойства въ других людяхъ, императоръ Францъ былъ консерваторомъ до мозга костей, окружалъ себя самыми ограниченными людьми. Всѣ его политическіе принципы сводились на безусловное охраненіе старыхъ порядковъ. „Держитесь старины, говорилъ онъ въ своей рѣчи профессорамъ лайбахскаго лицея, потому что старое хорошо и отцы наши благоденствовали при немъ, почему же не благоденствовать и намъ? Теперь бродятъ новыя идеи, которыхъ я никакъ не могу одобрить, никогда не одобрю. Берегитесь ихъ и держитесь положительнаго, ибо мнѣ нужны не ученые, а честные бюргеры; таковыхъ вы и обязаны приготовлять изъ юношей. Кто служитъ мнѣ, тотъ долженъ учиться лишь тому, что я повелѣваю. Кто не можетъ этого сдѣлать или подходитъ ко мнѣ съ новыми идеями, тотъ можетъ убираться, а иначе я самъ удалю его“. Эгоистической и бездушной натурѣ Франца были глубоко противны всѣ движенія мысли и чувства; онъ ненавидѣлъ въ особенности студентовъ, ученыхъ и литераторовъ; „къ чему столько поповъ, адвокатовъ, лекарей“, съ досадою говаривалъ онъ, сознавая невозможность уничтожить ихъ однимъ почеркомъ своего державнаго пера. Всякая мысль о необходимости какой нибудь самой незначительной перемѣны въ порядкахъ австрійской имперіи ужасала его и одно слово *конституція* приводило его въ бѣшенство. Однажды онъ простудился, и лейбъ-медикъ Штифтъ сказалъ, что это ничего не значитъ, такъ какъ у его величества хорошая конституція. „Какая тамъ конституція! закричалъ разгнѣванный императоръ, что вы за чушь порете, Штифтъ! Смотрите, чтобы я больше не слышалъ отъ васъ *этого* слова. Скажите, крѣпкая натура, хорошая комплекція или тамъ какъ ее... А хорошей конституціи, пріятель, не бываетъ. У меня нѣтъ конституціи, и я не хочу ея, не хочу“. Онъ, выражаясь словами Гервинуса, „своимъ острымъ чутьемъ угадывалъ все, что могло способствовать развитію обновляюща-

го политическаго духа: каждая свободная школа, каждое толкованіе религіозныхъ истинъ, философія и исторія, литература и ученость, малѣйшее сомнѣніе въ непогрѣшимости его правленія—все это было ненавистно ему". Всякое проявленіе либеральнаго духа онъ преслѣдовалъ съ жестокостью, и его обожатели хвастались при этомъ, что „въ Австріи живо порѣшаютъ со всякою новизной". Преисполненный сознанія своей непогрѣшимости, проникнутый цезарскимъ высокомѣріемъ, вѣрившій въ восторженную любовь къ себѣ подданныхъ и въ то, что въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ имперіи все дѣлается по его державной волѣ, онъ упивался своимъ величіемъ и съ большимъ удовольствіемъ дозволялъ воскуривать себѣ такой фиміамъ, отъ котораго было бы тошно каждому неиспорченному человѣку. Его въ глаза называли „земнымъ богомъ", а піита Эйпельдауеръ пѣлъ, что онъ, подобно Христу, пострадавшему за грѣхи всего міра, былъ посланъ провидѣніемъ спасти Европу, пострадалъ за нее, искупить всѣ ея прегрѣшенія, избавить міръ отъ узъ сатанинскихъ, и „*воскреснуть* во славѣ и блескѣ, какъ Христосъ, Господь нашъ!.." *). Считая государственный порядокъ Австріи совершеннѣйшимъ и разумнѣйшимъ подъ луною механизмомъ, Францъ считалъ всѣхъ своихъ чиновниковъ подмастерьями, а самъ разыгрывалъ роль главнаго машиниста и съ усердіемъ бюрократа занимался ежедневно государственными дѣлами, но занимался единственно отъ скуки, какъ отъ той же скуки онъ вырѣзывалъ бумажныя фигурки для тѣней,

---

*) Die Sünden von Europa abzubüssen
Warst Du bestimmt durch zwanzig Jahr,
Du hast allein fur Alle leiden müssen,
Weil Alles von Dir g'wichen war.
Jetzt bist Du aber glorreich auferstandten
Voll Glanz, wie Christus, unser Herr;
Du hast die Welt erlöst von Satans Banden
Und ziehst jetzt in Dein Reich, wie Er!..

приготовлялъ транспаранты, дѣлалъ игрушки. Корыстолюбіе одолѣвало его; его капиталъ былъ громаденъ; всѣ французскія контрибуціи, всѣ остатки отъ государственныхъ доходовъ поступали въ его собственную шкатулку, а потомъ онъ ихъ давалъ за хорошіе проценты въ долгъ государственному казначейству. Въ началѣ царствованія Францъ сжигалъ всѣ анонимные доносы, но потомъ, говоритъ Гормайръ, „они сдѣлались драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ его кабинета". Въ немъ постепенно развивались боязливость и подозрительность, которыя ревностно поддерживались и направлялись Меттернихомъ и другими безсовѣстными реакціонерами. Вся имперія была отдана подъ надзоръ тайной полиціи, главное управленіе которой находилось въ рукахъ самого Франца. Даже члены его собственнаго семейства были подъ надзоромъ, напр., эрцгерцогъ Карлъ, слова котораго подслушивались и замки сламывались въ стѣнахъ собственнаго его дома. Чтеніе доносовъ и распечатанныхъ на почтѣ писемъ сдѣлалось главнымъ и любимѣйшимъ его занятіемъ, а наиболѣе искусные по этой части люди—его лучшими друзьями и совѣтниками. Несмотря, однакожъ на все это, императоръ пользовался любовью своихъ подданныхъ, и они, въ свою очередь, вѣрили въ отеческую любовь къ нимъ императора. Эта вѣра оправдалась. Когда въ 1835 г. разнеслась вѣсть о смерти Франца, наивные австрійцы вообразили, что покойникъ долженъ завѣщать народу накопленные имъ милліоны. И велико было ихъ разочарованіе, когда въ 14 § завѣщанія, который одинъ только и былъ обнародованъ, императоръ завѣщалъ имъ только *„свою любовь!..“*

Главнымъ дѣятелемъ и исполнителемъ личнаго произвола Франца былъ князь Меттернихъ. Лучшій ученикъ Талейрана, свѣтскій любезникъ, салонный болтунъ, отчаянный развратникъ и мотъ, реакціонеръ и человѣкъ безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, Меттернихъ былъ воплощеніемъ всѣхъ недостатковъ современной ему аристократіи. Не обладая ни

талантами, ни знаніями, онъ въ совершенствѣ изучилъ одно только искуство интриги и, съ помощью ея обдѣлывалъ важныя дѣла. Для своихъ дипломатическихъ затѣй онъ пользовался всѣмъ безъ разбора, даже своими многочисленными любовницами. Зная слабость Меттерниха къ женскому полу, противники его неразъ задумывали поддѣть его на эту удочку. Такъ въ бытность его австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, Наполеонъ, замѣтивъ его ухаживанье за своей сестрой Каролиной, началъ поддерживать эти отношенія, убѣждая сестру „позаняться этимъ щеголемъ, потому-что онъ нуженъ теперь". У Меттерниха не было даже твердыхъ политическихъ убѣжденій, и онъ готовъ былъ еженедѣльно мѣнять ихъ, соображаясь съ обстоятельствами. Онъ велъ заразъ переговоры со всѣми партіями, стараясь всѣхъ обмануть и оставляя за собою лазейки, черезъ которыя онъ отступалъ, коль-скоро находилъ выгоднымъ измѣнить своимъ союзникамъ. Спекулируя всѣмъ на свѣтѣ, Меттернихъ продавалъ себя каждому, распространяя свою нравственную заразу на всѣхъ, кого ему только удавалось захватить въ свои дипломатическія объятія. Отъ неаполитанскаго короля онъ получалъ 60,000 въ годъ; отъ Россіи 75,000 въ годъ; герцогъ нассаускій подарилъ ему Іоганнисбергъ, король виртембергскій—Оксенгаузенъ и т. д. Безцеремонность Меттерниха быта такъ велика, что возмущала собою даже догдашнихъ дипломатовъ; Наполеонъ презиралъ его, и однажды даже чуть было не далъ ему плюхи, а императоръ Александръ отказывался одно время вести переговоры съ такимъ господиномъ, о чемъ и заявилъ сердечному другу Меттерниха, императору Францу. Во внутреннихъ дѣлахъ Австріи тридцатилѣтнее царствованіе Меттерниха было ознаменовано ужасными злоупотребленіями. Этотъ великій визирь, не довольствуясь взятками и пенсіонами, получаемыми отъ иностранныхъ государей, проматывалъ австрійскую казну, какъ свою собственную, и на одни только полицейскія и дипломатическія издержки истратилъ

13,000,000. Онъ жилъ съ восточною пышностью. Будучи первымъ другомъ своего императора, онъ съумѣлъ захватить въ свои руки всѣ нити европейской дипломатіи и руководить политикою иностранныхъ государствъ, особенно германскихъ. Бездарные дѣятели европейской реакціи стушевывались передъ этой олицетворенной интригой, и многіе изъ нихъ считали его даже геніемъ. Онъ успѣлъ овладѣть всѣми пружинами реакціонной интриги и, вполнѣ удовлетворяя господствующему направленію эпохи, наживалъ и прокучивалъ милліоны, наслаждаясь ролью „спасителя“ Европы и вершителя судебъ Германіи.

Но этотъ вершитель судебъ Германіи находился въ рукахъ у своего гнуснаго лакея, Фридриха Генца. Корыстолюбіемъ, продажностью, страстью къ чувственнымъ наслажденіямъ и положительнымъ отсутствіемъ нравственныхъ правилъ и убѣжденій Генцъ равнялся своему барину, дарованіями же далеко превосходилъ его. Въ началѣ своей литературно-политической дѣятельности Генцъ былъ поклонникомъ французской революціи; но протершись въ общество большихъ господъ, которымъ не могло нравиться его революціонное направленіе и заручившись значительною субсидіей отъ графа Шуленбургъ-Кенерта, онъ началъ громить французскую революцію, насколько хватило у него силъ. Но онъ все-таки остался либераломъ, превратившись въ аристократическаго конституціоналиста, преклоняясь передъ свободными учрежденіями Англіи, проповѣдуя о народномъ самоуправленіи, объ отвѣтственности министровъ, о правахъ парламента, гласности, свободѣ прессы и т. д. Большіе господа ласкали Генца, ухаживали за нимъ, и онъ, который еще въ юности называлъ себя „слабымъ, безумнымъ и легковѣрнымъ поклонникомъ житейскаго шума“, всецѣло погрузился въ великосвѣтскую жизнь, съ ея мотовствомъ, роскошью, волокитствомъ, картежною игрой. Искуственныя потребности Генца постепенно возрастали, его доходы безумно проматывались, долги увеличива-

лись до огромной суммы. Генцъ совершенно промотался и находился въ отчаяніи, когда англійское и австрійское правительства предложили ему купить его „бойкое перо". „Бойкое перо" съ радостью продало себя англичанамъ, но, промотавъ англійскія гинеи, оно снова продало себя Австріи и въ 1803 году переселилось въ Вѣну. Для бездарныхъ реакціонеровъ талантъ Генца былъ настоящимъ кладомъ. Онъ защищалъ и оправдывалъ реакцію, вооружался противъ всѣхъ проявленій свободы, отстаивалъ строгую цензуру и строчилъ литературные доносы на „демагоговъ". Будучи секретаремъ на конгрессахъ лейбахскомъ, карлсбадскомъ, вѣнскомъ, онъ составлялъ и обработывалъ здѣсь тѣ несчатныя постановленія, которыми реакція хотѣла задушить пробуждавшуюся политическую и умственную жизнь Германіи. Генцъ руководилъ и Меттернихомъ; они были до того солидарны между собою, послѣдняго называли въ шутку *оберъ-Генцомъ*, а перваго *Унтеръ-Меттернихомъ*. Генцъ былъ мыслительною машиною Меттерниха, и послѣдній безъ него никогда не пріобрѣлъ бы той незаслуженной славы, которою онъ пользовался, благодаря своему талантливому секретарю, отъ котораго онъ принужденъ былъ выносить всевозможныя грубости. Генцъ обходился съ нимъ, какъ съ тупымъ и невѣжественнымъ ученикомъ. „Это не годится, кричалъ онъ на министра: вѣдь я уже говорилъ вамъ, какъ это нужно сдѣлать; я не понимаю, какъ вы можете такъ поступать, зная уже мое мнѣніе!" „Что это такое? выговаривалъ онъ Меттерниху по другому поводу; неужели растолковывать вамъ каждую мелочь? это никуда не годится; это нелѣпо!" Цѣлью всей жизни Генца, цѣлью всѣхъ его стремленій были деньги да роскошь и развратъ, на которыя онъ тратилъ все, что не пріобрѣталъ. Кромѣ австрійскаго жалованья, у него было много побочныхъ доходовъ. На вѣнскомъ конгрессѣ онъ получилъ въ видѣ субсидій и взятокъ по 300 дукатовъ съ каждаго двора, 5,000 дукатовъ съ франкфуртскихъ евреевъ, всего же, больше 30,000 талеровъ.

Въ 1814 г. его годовой доходъ простирался уже до 14,000 дукатовъ, кромѣ экстраординарныхъ пріобрѣтеній. Безнравственность Генца доходила до возмутительнаго цинизма, и онъ нисколько не старался скрывать ее. Чувствуя, что ему нѣтъ возврата въ общество порядочныхъ людей, злобствуя на либераловъ за ненависть, презрѣніе и оскорбленія, которыми они награждали его, Генцъ мстилъ имъ, работая на пользу реакціи, и, по собственному его признанію „дьявольски радовался, что такъ-называемыя великія дѣла кончились такъ комично". Но ни эта радость, ни чувственныя наслажденія, которымъ такъ неудержимо предавался Генцъ, не могли заглушить въ немъ страха и подозрительности, отравлявшихъ его жизнь. Зная, какую ненависть возбудилъ онъ къ себѣ въ представителяхъ прогрессивнаго направленія, этотъ Іуда трепеталъ при одномъ словѣ „якобинецъ". Постоянно запугивая власть и общество доносами и выдумками о несуществовавшей въ Германіи „демагогической интригѣ", онъ самъ, наконецъ, сталъ вѣрить въ эту интригу и дошелъ до болѣзненной трусливости, которая развилась съ особенною силою послѣ того, какъ вслѣдъ за убійствомъ Коцебу Генцъ получилъ письмо, угрожавшее ему смертью. Мрачная физіономія, смѣлая и рѣшительная походка, большая борода, усы и бакинбарды внушительныхъ размѣровъ—все пугало его, всюду грезились ему „интрига", измѣна, отрава, кинжалы студентовъ. Онъ жилъ въ мірѣ ужасныхъ призраковъ и ради собственной безопасности ревностно поддерживалъ дѣло реакціонной партіи, будучи въ то-же время глубоко убѣжденъ въ непрочности и безуспѣшности своего дѣла.

Таковы были главные представители реакціи, сгруппировавшіе около себя цѣлый легіонъ подобныхъ себѣ креатуръ.

Когда эта клика захватила въ свои руки дѣла Европы, началась эпоха мрачнаго застоя.

III.

Призывая народы къ войнѣ противъ Наполеона, нѣмецкія правительства торжественно обѣщали дать имъ свободныя учрежденія и устроить внутреннія дѣла согласно съ новымъ духомъ времени. Такія-же обѣщанія давались и касательно международныхъ отношеній. Между прочимъ было обѣщано, что „націи съ этихъ поръ будутъ взаимно уважать свою независимость, что ни одно политическое зданіе не воздвигнется на развалинахъ государствъ, прежде бывшихъ независимыми, что цѣль войны и мира состоитъ въ томъ, чтобы защищать права, свободу и независимость народовъ“.

Но когда опасность миновала, обѣщанія были забыты, и реакція вошла въ свою обычную колею. Всѣ были рады, что возвращается доброе старое время! Съ колокольнымъ звономъ, съ музыкой, съ веселыми пѣснями, съ благодарственными молебнами, при торжественныхъ звукахъ *Te Deum*, съ громомъ пушекъ, съ ослѣпительными иллюминаціями и фейерверками, съ танцами и оргіями старая, беззубая, рабовладѣльческая Европа праздновала свою побѣду надъ революціей. Главное празденство было устроено на берегахъ Дуная. Государь и министры, попы и дипломаты, актеры и шпіоны, фигляры и философы, повара и проститутки, банкиры и наголодавшіеся въ изгнаніяхъ бары, герои послѣднихъ войнъ и оставленные за штатомъ маленькія величества, проповѣдники мистическихъ бредней и мастера государственныхъ проектовъ, карточные игроки и литературные мазурики—всѣ стремились въ богоспасаемый градъ Вѣну. И былъ здѣсь пиръ великій, шумный, блистательный пиръ реакціонеровъ. А между тѣмъ, среди этихъ пировъ и банкетовъ слышались вовсе не праздничные стоны и жалобы народа. Австрійскія провинціи раззорены; нѣтъ хлѣба, нѣтъ скота, нѣтъ денегъ; въ

однихъ мѣстахъ голодъ, въ другихъ тифозная эпидемія и всюду страшная дороговизна, нищенство; въ Трансильваніи нѣсколько тысячъ народа погибаетъ голодною смертью; 50,000 инвалидовъ побирается по міру; имперія потрясена случившимся за три года до того государственнымъ банкротствомъ. Но стоитъ-ли заботиться о такихъ пустякахъ! И никто не заботится, а императоръ Францъ тратитъ на угощеніе своихъ дорогихъ гостей 30,000,000 гульденовъ и потомъ собираетъ ихъ съ народа посредствомъ военныхъ командъ. „Всѣ великіе результаты конгресса, пишетъ въ своемъ дневникѣ Ностицъ, въ концѣ концовъ сводятся на ту же торговлю человѣческими душами, которая преобладала на аугсбургскихъ и регенсбургскихъ конференціяхъ, когда люневильская медіатизація раздѣляла страну по кусочкамъ. Все это ничѣмъ не лучше того, что дѣлалъ Наполеонъ“. „Всѣ вращаются въ той же дилеммѣ своекорыстія, черствости и ограниченности. Дурные и посредственные министры заправляютъ безнравственной политикой, и не обращая никакого вниманія на народъ, мѣрятъ все на свой дрянной аршинъ“. „Настало время ничтожества, время посредственностей, писалъ Штейнъ, всѣ они вылѣзаютъ впередъ и занимаютъ свои старыя мѣста; тѣ же, кто всѣмъ жертвовалъ для дѣла, забыты и устранены“.

Данныя въ минуту опасности обѣщанія были нарушены. Вліятельные члены конгресса заботились только объ одномъ усиленіи своихъ государствъ посредствомъ захвата земель и подданныхъ. Австрія захватила себѣ Тироль, Зальцбургъ, Ломбардію, Венецію, сдѣлалась владычицею Адріатическаго моря и законодательницею всей Италіи. Вездѣ, въ завоеванныхъ земляхъ, она разводила своихъ чиновниковъ, своихъ грубыхъ солдатъ, своихъ шпіоновъ. При занятіи въ 1814 г. Ломбардіи и Венеціи, императоръ обѣщалъ этимъ странамъ конституцію, но вскорѣ же ломбардцамъ было объявлено, что они обязаны безусловно повиноваться своимъ новымъ повелителямъ, а въ 1816 г. Меттернихъ возвѣстилъ, что „императоръ

желаетъ искоренить духъ итальянскаго якобинства и даровать Италіи миръ“. Въ томъ же году Австрія обязала неаполитанское правительство не совершать никакихъ существенныхъ реформъ безъ австрійскаго соизволенія. Безграничный, опьяняющій деспотизмъ австрійцевъ надолго утвердился въ Италіи, и тупые, невѣжественные слуги Франца и Меттерниха дошли до полнаго сумасбродства, вообразивъ, что они могутъ германизировать эту великую страну! Примѣръ Италіи показалъ, чего нужно ожидать Германіи подъ давленіемъ Австріи и Пруссіи. Вмѣсто обѣщанной народу конституціи вѣнскій конгрессъ далъ нѣмцамъ Союзный Актъ, въ силу котораго нѣмецкій союзъ являлся „соединеніемъ государей и свободныхъ городовъ, въ которомъ, кромѣ императора австрійскаго и короля прусскаго, принимаютъ участіе 4 короля, 8 великихъ герцоговъ, 9 герцоговъ, 11 князей и 4 вольныхъ города“. Цѣлью союза было прежде всего подчиненіе мелкихъ государствъ крупнымъ и внѣшняя безопасность, а потомъ, „*охрана внутренней безопасности Германіи*“, т. е. возстановленіе и поддержка старыхъ порядковъ и борьба противъ народныхъ стремленій къ внутреннимъ реформамъ. Основнымъ закономъ союза поставленъ принципъ неподвижности. Но такъ какъ реакціонеры чувствовали себя еще не совсѣмъ твердыми на ногахъ, то полное осуществленіе ихъ предначертаній было отложено до болѣе благопріятнаго случая. Въ союзномъ актѣ, поэтому, были снова *обѣщаны* свобода прессы и конституція. Но эти обѣщанія давались съ заднею мыслію никогда не исполнять ихъ, хотя въ южногерманскихъ государствахъ, въ Нассау, Баваріи, Баденѣ, Виртембергѣ, конституціонное устройство было введено немедленно, къ ужасу всѣхъ крайнихъ реакціонеровъ, особенно австрійскихъ и прусскихъ. Въ другихъ государствахъ конституціонное устройство замѣняли собою земскія собранія (Provinzialstände). Но эти собранія, не имѣли никакого самостоятельнаго государственнаго значенія и приносили выгоды только одному, заправлявшему ими

дворянству. Южногерманскія конституціи, вслѣдствіе преобладанія того же дворянства, вслѣдствіе раздора партій, неумѣренныхъ притязаній государей и бюрократіи, а особенно, вслѣдствіе ожесточенной борьбы противъ нихъ Австріи и Пруссіи, также оказались вскорѣ мыльными пузырями, неудовлетворявшими даже самымъ скромнымъ требованіямъ либеральныхъ патріотовъ. Это было совершенно въ порядкѣ вещей. Силы реакціонеровъ значительно превосходили силы прогрессистовъ. Во главѣ первыхъ стоялъ австрійско-прусскій военный произволъ, упоенный своими побѣдами надъ Наполеономъ. Для него невыносима была самая мысль о свободныхъ учрежденіяхъ. Даже въ конституціонныхъ государствахъ правительства не скрывали своей ненависти къ народному представительству и герцогъ веймарскій объявилъ членамъ палатъ, чтобъ народъ не смѣлъ ничего просить всею массою; „какъ бы ни былъ я склоненъ изъявить на то или другое дѣло свое согласіе, но никогда не исполню того, чего будутъ просить у меня многіе, а тѣмъ болѣе всѣ". Главною пособницею этого порядка вещей была бюрократія. Духовенство находилось также подъ его вліяніемъ. Возвративъ духовенству многія права и привилегіи, утраченныя имъ вслѣдствіе іосифовскихъ реформъ, австрійское правительство сдѣлало его своимъ сильнымъ союзникомъ въ борьбѣ противъ гражданской свободы и просвѣщенія. Духовенство протестантское отличалось еще большимъ сервилизмомъ, чѣмъ католическое, и вмѣстѣ съ послѣднимъ стремилось захватить въ свои руки умственное воспитаніе народа и положить предѣлъ свободному развитію разума. Такой же компромиссъ былъ заключенъ съ дворянствомъ, которое будучи вынуждено отказаться отъ своихъ притязаній на полную феодальную самостоятельность, обязалось поддерживать королевскую власть, но съ тѣмъ, чтобы быть самому верховнымъ, командирскимъ сословіемъ въ государствѣ. Дворянство хотѣло удержать или возвратить себѣ все, что можно было удержать или возвра-

тить изъ его средневѣковыхъ привилегій. Дворянство направляло ходомъ дѣлъ, вся реакціонная интрига была направлена въ его пользу, и даже гордый аристократъ Штейнъ жаловался, что на вѣнскомъ конгрессѣ слишкомъ много заботятся о дворянствѣ и нисколько о народѣ. Раздраженное освобожденіемъ крестьянъ въ Австріи, Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, дворянство хотѣло вознаградить себя за это лишеніе другими преимуществами, возстановить обязательный трудъ крестьянъ, управлять страной и въ своихъ помѣстьяхъ и на земскихъ собраніяхъ, занимать первыя мѣста и въ арміи и въ гражданскомъ управленіи, избавиться изъ-подъ власти законовъ, общихъ для всѣхъ другихъ сословій, имѣть свой отдѣльный судъ, не подлежать ни податямъ, ни повинностямъ, ни даже личному задержанію за долги и т. д. Въ тѣхъ же мѣстахъ Германіи, гдѣ крѣпостное право еще существовало, дворянство и государи устремляли всѣ свои усилія на поддержаніе этой „священной основы общества". Когда, напр., на мекленбургскомъ сеймѣ одинъ депутатъ, не дворянинъ, подалъ записку объ уничтоженіи крѣпостного права, то великій герцогъ Стрелицкій запретилъ ему „такія дерзкія глупости", а когда онъ повторилъ свое представленіе, въ сеймѣ было предложено исключить его изъ депутатовъ. И хотя въ Мекленбургѣ крѣпостное право было уничтожено только въ 1820 г., но крестьяне, какъ это было почти во всей Германіи, освобождены безъ земли, къ вящей выгодѣ благороднаго дворянства, которое, удержавъ за собою свои земли, пользовалось обстоятельствами, чтобы устроить ихъ на счетъ раззореннаго народа. Въ Пруссіи, напр., Фридрихъ Вильгельмъ III выдалъ дворянамъ болѣе 20,000,000 талеровъ „на устройство упавшихъ помѣстій". Словомъ, дворянство хотѣло попрежнему жить на счетъ народа. Стремленія эти хорошо выразилъ въ своихъ сочиненіяхъ продажный писака д-ръ Бенценбергъ, проповѣдывавшій, что „кто не придаетъ важности породѣ, тотъ санкюлотъ, что только землевладѣльцы

составляютъ государство, и что они, ни мало не медля, должны всѣхъ якобинцевъ и бездомовниковъ устранить отъ всякаго участія въ политическихъ правахъ, а если понадобится, то и *немножечко поубивать!..*“

На сторонѣ реакціоннаго направленія были и представители капитала. Банкиры и цари биржи, Ротшильды, Берингъ, Лабуше и др. начинаютъ играть въ дѣлахъ Европы роль державъ и оказывать на рѣшенія конгрессовъ и кабинетовъ столь же сильное вліяніе, какъ короли и министры.

Противъ этой лиги всѣ другія сословія были безсильны. Невѣжественное крестьянство играло, по обыкновенію, пассивную роль, по временамъ лишь заявляя свои страданія посредствомъ мѣстныхъ бунтовъ, которые навлекали на него только новыя несчастія, притѣсненія и лишенія. Городское сословіе было лишено всякаго духа свободы и политической предпріимчивости. Когда въ 1817 г. изъ Гессена и Дармштата была распространена петиція о германской конституціи, то люди, руководившіе этимъ дѣломъ, едва отваживались разсчитывать, что по всей Германіи можно будетъ собрать 1,000 подписей, но даже въ этой своей надеждѣ они обманулись до такой степени, что принуждены были вовсе бросить это дѣло.

За свободу и развитіе народа стояла одна только интеллигенція края,—люди, получившіе солидное образованіе, герои войны за независимость, члены Союза Добродѣтели и гимнастическихъ обществъ, многіе професора, ученые, литераторы, большинство университетской молодежи. Духъ общественной самодѣятельности, возбужденный въ войну за независимость и поддерживаемый либеральными движеніями заграницей, не умиралъ въ этихъ людяхъ. Они хотѣли получить то, что такъ торжественно обѣщали имъ всѣ правительства. Они желали единства Германіи, народнаго представительства, уничтоженія остатковъ крѣпостного права, свободы слова, равенства всѣхъ передъ закономъ, гласнаго суда, отвѣтственности

министровъ, отчетности въ государственныхъ финансахъ. Всѣ эти люди хотѣли того же, чего за нѣсколько лѣтъ хотѣли или показали, что хотѣли сами нѣмецкія правительства и что въ то самое время обѣщалъ, хотя въ крайне общихъ и двусмысленныхъ выраженіяхъ, нѣмецкій союзный актъ.

Въ этихъ либеральныхъ стремленіяхъ не было ничего крайняго и разрушительнаго, они были совершенно законны, такъ какъ инціатива ихъ принадлежала самимъ правительствамъ и союзный актъ обѣщалъ удовлетворить имъ. Реакціонеры, поэтому, не рѣшались прямо преслѣдовать прогрессистовъ, хотя и рады были, по совѣту д-ра Бенценберга, „немножечко поубивать“ либераловъ. Нужно было устроить такъ, чтобы выставить прогрессистовъ, какъ людей крайне опасныхъ для обществъ, а ихъ идеи—какъ вздорныя, утопическія, разрушительныя теоріи. Напугавъ общество красными призраками, нужно было выступить его спасителемъ противъ внутреннихъ враговъ: тогда уже можно было *„и немножечко поубивать“* и совершенно покончить съ либеральными идеями и со страстью къ ненавистнымъ конституціямъ, на которыхъ, по выраженію императора Франца, помѣшался весь міръ.

Интрига началась литературными доносами. Наемные писаки и полицейскіе литераторы въ родѣ Генца, вооружаясь клеветой и находясь подъ казенною защитою, начали указывать проявленія революціоннаго духа во всѣхъ прогрессивныхъ кружкахъ, въ каждой лекціи либеральнаго професора, въ каждой студенческой сходкѣ или университетской демонстраціи, даже въ бородахъ, толстыхъ палкахъ и платьѣ, которыя вошли тогда въ моду между университетскою молодежью. Студентъ, членъ Союза Добродѣтели или гимнастическаго общества у этихъ сикофантовъ значило то-же, что измѣнникъ, а благородныхъ героевъ войны за освобожденіе они не стѣсняясь называли „якобинцами“. Все, что было честнаго, живого, прогрессивнаго въ Германіи,—все это подвергалось самой возмутительной клеветѣ Генца, Ярке, Шмальца

и другихъ литературныхъ сыщиковъ, которые дѣйствовали тѣмъ болѣе безцеремонно, что нѣкоторыя правительства запрещали всякую литературную полемику противъ нихъ. Такая клевета, официальная поддержка ложныхъ доносовъ, строгости противъ университетовъ и очевидное для всѣхъ намѣренiе правительствъ водворить въ Германiи старый, феодальный порядокъ,—все это крайне раздражало и возмущало прогрессистовъ, особенно впечатлительную университетскую молодежь. Либералы громко высказывали свое негодованiе на вѣроломство разныхъ Меттерниховъ, просили обѣщаннаго, и хотя во всемъ этомъ не было ничего опаснаго и революцiоннаго, но полицейская литература пользовалась этимъ, какъ матерiаломъ для своихъ клеветъ и инсинуацiй. Съ особеннымъ успѣхомъ воспользовались реакцiонеры праздникомъ въ честь реформацiи и лейпцигской битвы, устроеннымъ iенскими студентами съ разрѣшенiя правительства въ Вартбургѣ 18 октября 1817 г. На этотъ праздникъ собралось со всей Германiи до 500 молодыхъ людей, профессоровъ, литераторовъ. Праздникъ начался и кончился духовными пѣснями, заключился мессою и конфирмацiей присутствовавшихъ. Пѣлись невинные гимны, говорились рѣчи, исполненныя „благочестивыхъ и боголюбивыхъ словъ“; ораторы вооружались противъ космополитизма, подражанiя французамъ, сластолюбiя и себялюбiя; хотя при этомъ нѣкоторые ораторствовали противъ нѣмецкихъ государей, нарушившихъ свои обѣщанiя, но и это было въ сущности совершенно мирною и ни для кого неопасною выходкою, какую тогда можно было встрѣтить въ каждомъ университетскомъ городѣ. Въ заключенiе праздника, подражая тому, какъ Лютеръ сжегъ буллу, въ знакъ своей „злобной ненависти ко всѣмъ злымъ и подлымъ людямъ въ отечествѣ“, студенты сожгли на кострѣ нѣсколько „позорныхъ сочиненiй“, писанныхъ противъ буршей, Союза Добродѣтели, гимнастическихъ обществъ, „Нѣмецкую исторiю“, Коцебу, „Кодексъ жандармерiи“ прусскаго полицейскаго сыщика Кампца,

доносы Шмальца и т. д. Вся эта исторія, бывшая невинною шуткою студентовъ, которые уже не одно столѣтіе устрояли и не такія еще демонстраціи, — вся эта исторія, благодаря интригѣ нѣмецкой полиціи и литературнымъ доносамъ, переполошила не только всю Германію, но даже всю Европу! Генцъ, Шмальцъ, Коцебу, Кампцъ даже самъ Штейнъ не жалѣли мрачныхъ красокъ, чтобы изобразить вартбургскій праздникъ въ самомъ ужасномъ видѣ, а участвовавшихъ на немъ юношей представить кровожадными революціонерами и свирѣпыми разрушителями алтарей и троновъ. Кампцъ написалъ по этому поводу цѣлую книгу, въ которой, жалуясь на „одичалыхъ профессоровъ и совращенныхъ ими студентовъ“, находилъ упомянутое ауто-да-фе преступнѣйшимъ дѣломъ и предлагалъ сожигать критическія книги вмѣстѣ съ ихъ авторами, подвергнувъ этому опыту прежде всего „публичныхъ учителей и комедіянтовъ“, напитывающихъ молодежь ядомъ своихъ демагогическихъ принциповъ. Громче и громче начали раздаваться голоса реакціонеровъ о необходимости строгой опеки надъ университетами, литературой и журналистикой, объ усиленіи охранительныхъ началахъ. Конституціонныя движенія въ южной Германіи давали новый матеріялъ для той системы запугиванья, которую приняли теперь австрійское, прусское и др. нѣмецкія правительства. Меттернихъ офиціально говорилъ уже о революціонной интригѣ, которая будто-бы раскидываетъ свои сѣти по всей Европѣ, проявляясь въ Германіи въ такихъ, напр., событіяхъ, какъ вартбургскій праздникъ и конституціонныя движенія въ южныхъ государствахъ. Раздраженіе прогрессистовъ росло, поддерживаемое стѣсненіемъ печати, литературными доносами, полицейскими преслѣдованіями. Особеннную ненависть ихъ навлекали на себя русскій публицистъ Стурдза, напоминающій собою Аскоченскаго, и Коцебу, слѣдившій по порученію русскаго правительства за умственнымъ и общественнымъ движеніемъ Германіи. Экзальтированный студентъ Зандъ убилъ Коцебу

въ мартѣ 1819 г. Вслѣдъ за этимъ въ Швальбахѣ молодой аптекарь Ленингъ сдѣлалъ неудачную попытку умертвить ненавистнаго административнаго президента фонъ-Ибелля. Около того-же времени въ Парижѣ сѣдельникъ Лувель закололъ герцога Беррійскаго. И хотя всѣ эти убійства были одиночными преступленіями политическихъ фанатиковъ, дѣйствовавшихъ совершенно самостоятельно, что доказано и производившимися надъ ними слѣдствіями, но напуганное общество видѣло въ нихъ только проявленія всеобщаго революціоннаго заговора, а полиція старалась еще болѣе нагнать страху на перепугавшихся обывателей. Этотъ страхъ поддерживался и усиливался народными волненіями въ Дармштадтѣ, революціоннымъ броженіемъ въ Испаніи и Италіи, и особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что вслѣдъ за убійствомъ Коцебу разныя лица начали получать письма, угрожавшія имъ смертью. Неизвѣстно, кто писалъ эти письма, но скоро было офиціально доказано, что въ составленіи и разсылкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ была виновна *полиція*, воспользовавшаяся ими для терроризаціи общественнаго мнѣнія. Такъ, напр., разослалъ государямъ нѣсколько такихъ угрожающихъ писемъ фонъ-Мангеръ, директоръ полиціи въ Касселѣ; но вслѣдствіе своего излишняго усердія и неосторожности, этотъ баринъ попался, былъ для виду присужденъ къ пожизненному тюремному заключенію и въ скорости помилованъ (Varnhagen, III, 120). Наказывать его было не за что, потому что то же самое дѣлали и вся нѣмецкая полиція, и всѣ наемные писаки, и всѣ реакціонеры. Поднялся страшный гвалтъ о какомъ-то всемірномъ заговорѣ, къ которому будто-бы принадлежали Зандъ, Ленингъ и Лувель; преступленія этихъ людей выставлялись, какъ неизбѣжные результаты принциповъ, вызвавшихъ къ жизни конституціонныя идеи, Союзъ Добродѣтели, общества буршей и гимнастовъ. „Всюду интрига, измѣна, кричали реакціонеры, — нужно спасать отечество посредствомъ охранительныхъ мѣръ“. Этимъ „спасителямъ

отечества“ много помогли въ ихъ дѣлѣ либеральныя движенія за-границей и въ особенности революціонныя волненія въ Италіи.

Грубая, тупая реакція всюду возбуждала революціонное броженіе, которое, при своей слабости, только содѣйствовало усиленію реакціонныхъ мѣръ и тираніи. Но нигдѣ реакціонный деспотизмъ не доходилъ да такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ Италіи, порабощенной австрійцами. Отданная въ руки нѣмецкихъ чиновниковъ, ненавидѣвшихъ и угнетавшихъ все итальянское, эта прекрасная страна скоро была доведена до нищенства, вслѣдствіе конскрипцій, тяжелыхъ податей и повинностей, административныхъ грабежей и паденія промышленности, задавленной австрійскою опекой. Надъ школой, наукой, литературой, надъ домашней жизнью гражданъ, — надо всѣмъ тяготѣла желѣзная рука нѣмецкой полиціи. Австрійцы хотѣли германизировать Италію и перевоспитать ее на свой ладъ; одно уже это намѣреніе вызывало негодованіе въ душѣ каждаго итальянца, которому народный учебникъ „Объ обязанностяхъ подданныхъ“ внушалъ съ малолѣтства, что австрійскаго императора слѣдуетъ чтить, какъ отца и мать, и относиться къ нему, какъ вѣрный слуга къ господину, потому что онъ господинъ своихъ подданныхъ, имѣющій, „*полное право располагать ихъ имуществомъ и жизнью*“. Горячка свободы волновала итальянцевъ. Въ Неаполѣ произошла революція. Въ Венеціи, Пьемонтѣ, въ Римѣ, Ломбардіи патріоты волновались; демонстраціи и прокламаціи нагоняли страхъ на австрійское правительство, которое еще болѣе тревожилось преувеличенными извѣстіями своихъ агентовъ о силѣ и распространенности тайныхъ обществъ карбонаріевъ. Система тайной полиціи была доведена до неслыханныхъ размѣровъ. Шпіонамъ дозволялись всякія беззаконія и неистовства, а главный начальникъ ихъ, кавалеръ Торрезани, вмѣшивался рѣшительно во всѣ дѣла администраціи и старался укрѣпиться на своемъ мѣстѣ посредствомъ преуве-

личенныхъ доносовъ. Для надзора за шпіонами была устроена особая полиція графомъ Паста, раззорившимся игрокомъ и воромъ. Въ Италіи происходило то же, что и въ остальныхъ частяхъ имперіи, гдѣ тайная полиція, со времени назначенія ея директоромъ ненавистнаго графа Сѣдльницкаго, по выраженію Меттерниха, „тѣсно соединилась съ политикой и даже въ нѣкоторомъ родѣ владычествовала надъ этой послѣдней". Итальянскими волненіями пользовались, какъ орудіемъ для австрійской и общенѣмецкой реакціи. Преслѣдуя, арестуя, казня и подвергая пожизненному тюремному заключенію карбонаріевъ и другихъ итальянскихъ патріотовъ, австрійское правительство завѣдомо лгало, ставя этихъ людей, желавшихъ только освобожденія Италіи отъ австрійцевъ, въ тѣсную связь съ революціонерами Франціи, Швейцаріи и др. странъ. Желая запугать европейское общество, оно всюду указывало на „итальянскую интригу" и происки карбонаріевъ. Въ нѣмецкихъ студенческихъ демонстраціяхъ, въ либеральныхъ лекціяхъ профессоровъ и сочиненіяхъ литераторовъ, въ сепаратизмѣ венгерскихъ дворянъ, въ крестьянскихъ бунтахъ противъ помѣщиковъ, даже въ вѣнскомъ ученомъ обществѣ, въ статутахъ котораго полиція нашла сходство съ принципами франкмасонства, — всюду, по офиціальнымъ и офиціознымъ завѣреніямъ, дѣйствовала коварная „итальянская интрига".

Созданные полиціей и разукрашенные наемною литературой призраки „всемірнаго заговора", „нѣмецкихъ демаговъ", и „итальянской интриги", терроризировавъ общественное мнѣніе, развязали руки реакціонерамъ, которые, подъ предлогомъ спасенія отечества, начали выдѣлывать тѣ ужасныя вещи, которыя неминуемо вели къ антиправительственнымъ движеніямъ 1830 и къ революціонному взрыву 1848 г.

IV.

Въ предыдущей главѣ мы уже видѣли, какъ вартбургскій праздникъ, убійство Коцебу и герцога Беррійскаго, покушеніе на жизнь фонъ-Ибелля и революціонныя движенія въ Италіи дали возможность полиціи и наемной литературѣ запугивать общество призраками какой-то всесвѣтной революціи, нѣмецкихъ „демагоговъ“ и „итальянской интриги“. Лишь только были пущены въ ходъ пріемы реакціонныхъ происковъ, какъ люди, понимающіе смыслъ обстоятельствъ, тотчасъ увидѣли, что реакціонеры побѣдятъ. При первомъ-же извѣстіи объ убійствѣ Коцебу, прусскій министръ Гарденбергъ воскликнулъ: „ну, теперь конституція невозможна!“ Начались аресты, обыски, преслѣдованія. Подъ предлогомъ отысканія нитей „демагогическаго заговора“ и „итальянской интриги“ въ Пруссіи обыскивали, арестовывали, подвергали слѣдствію всѣхъ друзей конституціи, членовъ Союза Добродѣтели и гимнастическихъ обществъ, всѣхъ лицъ, ненравившихся реакціонерамъ. Даже чиновники министра Гарденберга, хлопотавшаго о конституціи, даже такіе благонамѣреннѣйшіе изъ благонамѣренныхъ людей, какъ Эйхгорнъ и генералъ Гнейзенау подвергались полицейскимъ преслѣдованіямъ и терпѣли гоненіе. Съ такою-же ревностью дѣйствовала и австрійская полиція. Нѣмецкіе студенты, иностранцы, особенно швейцарцы и итальянцы, профессора, лучшіе австрійскіе писатели, Грилльпарцеръ, Кастелли, Цедлицъ, всѣ подвергались аресту или высылались за границу имперіи.

Но это была только увертюра реакціоннаго террора.

Тотчасъ-же послѣ убійства Коцебу, по иниціативѣ императора Франца, въ Карлсбадѣ собрались представители нѣмецкихъ государствъ для разсужденій о мѣрахъ, необходимыхъ для „водворенія порядка“. Карлсбадскія постановленія 1819 г., рѣшенія конгрессовъ—вѣнскаго 1820, троппаускаго,

лайбахскаго и веронскаго 1821—1822 годовъ были торжествомъ реакціи, и Генцъ приписывалъ имъ большее значеніе, чѣмъ побѣдѣ надъ Наполеономъ. Введена цензура, университеты и всѣ учебныя заведенія отданы подъ строжайшій надзоръ полиціи, приняты дѣятельныя мѣры къ предотвращенію конституціонныхъ реформъ, установлено право вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ съ цѣлью искорененія въ нихъ либеральнаго духа и т. д. Эти постановленія и ихъ результаты будутъ разсмотрѣны ниже, теперь же обратимся къ той системѣ, которую употребили упомянутые конгресы для успѣшнѣйшаго проведенія своихъ реакціонныхъ мѣръ. Для устрашенія общественнаго мнѣнія, для того, чтобы „немножечко поубивать“ прогрессистовъ, какъ выражался докторъ Бенценбергъ, и дать Австріи возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла государствъ, въ Карлсбадѣ было рѣшено учредить въ Майнцѣ центральную слѣдственную комиссію изъ семи членовъ, поручивъ ей „по возможности точное разслѣдованіе открытой во многихъ государствахъ злонамѣренной интриги, происхожденія и развитія направленныхъ противъ существующаго порядка вещей бунтовскихъ замысловъ и демагогическихъ союзовъ, на которые уже имѣются или впродолженіе изслѣдованія будутъ получены хоть какія-нибудь указанія“. Комиссіи дано право арестовывать по всей Германіи и привозить въ Майнцъ всѣхъ подозрительныхъ людей. Всякое вліяніе союзнаго сейма на работы комиссіи, всякій контроль надъ нею были устранены, и въ сущности она являлась австрійскимъ присутственнымъ мѣстомъ, посредствомъ котораго меттерниховцы давили на бундестагъ и на всѣ нѣмецкія правительства. Генцъ называлъ эту комиссію средствомъ для сохраненія единства Германіи, оплотомъ противъ мнѣнія, будто-бы Германія не имѣетъ общаго государственнаго существованія, словомъ, замѣною общенѣмецкой конституціи! Несмотря на негодованіе и протестъ всѣхъ порядочныхъ людей и нѣкоторыхъ южногерманскихъ правительствъ, въ 1819 г. ко-

миссія была уже составлена изъ членовъ отъ Австріи, Пруссіи, Баваріи, Ганновера, Бадена, Гессена и Нассау. Эти достопочтенные господа начали свою дѣятельность вопросомъ о прогонныхъ и суточныхъ деньгахъ и, получивъ ихъ въ желаемомъ количествѣ, приступили къ дѣлу. Но несмотря на все ихъ усердіе, они не могли найти подходящаго дѣла! Самъ Меттернихъ, предлагая въ Карлсбадѣ учредить слѣдственную комиссію, выражалъ сомнѣніе въ томъ, найдется ли „много такихъ виновныхъ которые достойны тяжелыхъ наказаній". Да и не одинъ Меттернихъ, а всѣ разсудительные люди, реакціонеры и прогрессисты, понимали, что въ Германіи нѣтъ никакой „демагогической интриги" и что комиссіи поручалось не *открыть*, а *сочинить* ее... Но комиссія болѣе года не могла ничего даже выдумать и сочинить, а впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ ея офиціальное заявленіе, что до учрежденія комиссіи и въ первый годъ ея существованія въ Германіи вовсе не было никакихъ революціонныхъ заговоровъ и демагогическихъ интригъ! (Ilse) А между тѣмъ, комиссію основали и держали подъ предлогомъ ужаснаго заговора, распространеннаго по всей Германіи. Не только прогрессисты, но даже честные люди изъ консерваторовъ понимали и говорили, что если и существуетъ ужасный заговоръ, то прежде всего онъ выражается въ существованіи майнцской комиссіи и клонится къ ниспроверженію всѣхъ священныхъ основъ цивилизованнаго общества въ пользу реакціонной лиги. Правительства Виртемберга, Бадена, Кургессена, Гессена, Люксембурга, обоихъ Мекленбурговъ энергически требовали, чтобы или упразднить комиссію, или представить сейму отчетъ объ ея открытіяхъ, которыя бы доказывали необходимость ея дальнѣйшаго существованія. Охота на прогрессистовъ, затѣянная реакціонерами, на первый разъ оказалась неудачною, и комиссію хотѣли было уже закрыть, когда начавшіяся съ января 1820 г. революціонныя потрясенія въ южной Европѣ дали новый матеріалъ для запугиванія нѣм-

цевъ краснымъ призракомъ „интриги“, и существованіе комиссіи было продолжено.

Между тѣмъ полиція и наемная литература продолжали терроризировать правительства и общества независимо отъ майнцской комиссіи, поддерживая тѣмъ самымъ существованіе послѣдней. Выше мы уже разсказывали, какъ директоръ кассельской полиціи, фонъ-Мангеръ, разсылалъ государямъ письма, будтобы писанныя революціонерами и угрожавшія имъ смертью. Той-же системы запугиванья держались и всѣ другія полиціи вмѣстѣ съ состоявшими на ихъ содержаніи литературными сикофантами. Пустивъ въ ходъ иностранное слово „демагогъ“, неимѣвшее въ Германіи никакого опредѣленнаго значенія, реакціонеры начали клеймить этимъ прозвищемъ всѣхъ, кто почему-нибудь не нравился имъ. Родился мифъ о „демагогахъ“ и ихъ „интригѣ“ (Umtriebe). Демагоги, по этому мифу, были распространены по всей Европѣ и соединенными силами работали для ниспроверженія существующаго порядка. Всѣ германскіе прогрессисты принадлежали къ той ужасной лигѣ, и полицейскіе сыщики всюду указывали признаки ея пагубной дѣятельности. Итальянскіе карбонаріи, испанскіе кортесы и революціонеры, французская оппозиція и Бенжаменъ Констанъ, англійскіе чартисты—все это валилось въ одну безобразную кучу вмѣстѣ съ инсинуаціями на нѣмецкихъ прогрессистовъ и окрещивалось названіемъ демагогической интриги. Къ этой „интригѣ“ приплетали всѣхъ, кого было нужно погубить вслѣдствіе разсчетовъ реакціонной партіи или даже просто по личной ненависти. Всѣ бурши, всѣ профессора, всѣ члены союза добродѣтели и гимнастическихъ обществъ, все благородное поколѣніе героевъ войны за освобожденіе поголовно обвинялись въ „демагогической интригѣ“ и назывались *якобинцами*. Австрійское правительство утверждало даже, что „всѣ прусскіе чиновники—революціонеры“. Министры Штейнъ, Гарденбергъ, Эйхгорнъ, Савиньи, Гумбольдтъ, Ансильонъ и др. были подъ тайнымъ

надзоромъ полиціи, какъ люди крайне опасные. Святоша Шлейермахеръ считался „злѣйшимъ демагогомъ“ и на его проповѣди посылались обыкновенно шпіоны. Прусскую армію считали наполненною демагогами и карбонарами, а введенный Штейномъ ландверъ—войскомъ мятежниковъ. Стараясь объ уничтоженіи ландвера, реакціонеры отводили ему для королевскихъ смотровъ такую неудобную мѣстность, на которой ландверцы не могли отличиться своимъ знаніемъ фронтовой службы и тѣмъ навлекали на себя неудовольствіе его величества. Даже принцы вносились въ списки неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи людей, а король виртембергскій считался главою карбонаровъ и нѣмецкихъ демагоговъ (Varnhagen)!.. Австрійская-же полиція, говоритъ Шпрингеръ „недовѣряла цѣлому народу, подозрѣвала собственныхъ чиновниковъ и считала армію небезопасною отъ революціонныхъ увлеченій. Цѣлый экспедиціонный корпусъ, посланный въ Неаполь въ 1821 г., былъ отданъ подъ надзоръ полиціи... Честолюбіе и корысть доводили полицію до безобразныхъ преувеличеній. Она не только обманывала и вводила въ заблужденіе правительство, но даже потѣшалась надъ нимъ“. Система тайныхъ доносовъ дошла до послѣдней крайности. По всей Германіи были учреждены особые агенты, слѣдившіе за „духомъ“ общества и даже нескрывавшіе своего ремесла. Существовалъ цѣлый отрядъ литературныхъ доносчиковъ. Всѣ начальники обязывались имѣть тайный надзоръ за своими офицерами. Страсть къ доносамъ развращала все общество и гибельные слѣды ея во многихъ мѣстахъ нисколько не изгладились даже въ настоящее время *). Ложные доносы остава-

* Вотъ, напр., прокламація генералъ-губернатора хорвато-славонской границы, изданная въ 1869 г. — «Гибельный обычай доносовъ такъ глубоко коренится во ввѣренномъ мнѣ округѣ, что остается только съ сокрушеніемъ сердца думать о состояніи народной нравственности. Потому я и обращаюсь къ гг. полковымъ командирамъ, городскимъ головамъ и прочимъ гражданскимъ властямъ

лись совершенно безнаказанными, и доносъ проникъ во всѣ слои общества. Газета доносила на газету, чиновникъ на чиновника, профессора на студентовъ, студенты на профессоровъ, офицеры на командировъ, командиры на офицеровъ, полиція же на всѣхъ. Доносъ сдѣлался орудіемъ личной мести. Бездарный, но протежируемый прусскимъ королемъ композиторъ Спонтини, напр., доносилъ, какъ на „якобинцевъ", на всѣхъ, кто не признавалъ въ немъ музыкальнаго таланта и осмѣливался критиковать его нелѣпыя оперы. Полицейскій надзоръ проникалъ до сокровенныхъ тайнъ домашней жизни. Узнаетъ, напр., полиція, что одинъ учитель гимназіи разсказывалъ своимъ сыновьямъ, какъ совершаются народные выборы въ конституціонныхъ государствахъ, и тотчасъ доноситъ на него, какъ на демагога, воспитывающаго такихъ-же демагоговъ и въ своихъ сыновьяхъ. Частная корреспонденція всюду распечатывалась и читалась полиціей, а въ Австріи даже самимъ императоромъ. Распечатывались письма министровъ, и самъ Генцъ признавался, что о важныхъ дѣлахъ невозможно писать по почтѣ. Извѣстный историкъ Нибуръ, бывшій посланникомъ въ Римѣ, жаловался прусскому правительству, что тайная полиція распечатываетъ и осматриваетъ его офиціальную дипломатическую переписку.

Полицейская система запугиванья возбуждала въ прогрессистахъ негодованіе, смущала людей наивныхъ страхомъ демагогической интриги и радовала крайнихъ реакціонеровъ, видѣвшихъ въ ней отличное средство для мести и поживы. Майнцская слѣдственная коммиссія продолжала существовать вплоть до 1827 г., по временамъ только удостоивая сеймъ и публику извѣстіями о ходѣ своихъ дѣяній. Тысячи людей обыскивались, арестовывались, подвергались слѣдствію по об-

---

съ просьбой противодѣйствовать всѣми средствами убѣжденія и поученія этому въ высшей степени печальному явленію, объясняя народу всю гнусность тайныхъ доносовъ, *и проч.*

виненіямъ ихъ въ „государственныхъ преступленіяхъ“, которыхъ они не совершали, и томились въ тюрьмахъ цѣлые годы. Берне говоритъ, что если бы въ современной ему Германіи было сдѣлано какое-нибудь очень серьезное преступленіе, „то преступника судили бы до конца его жизни изъ желанія выслѣдить „*нить заговора*“, и выслѣживали бы ее такъ долго, залѣзали бы такъ глубоко, отыскивая самые скрытые корни „*духа времени*“, что прежде, чѣмъ слѣдователи вернулись бы съ конца свѣта, отъ антиподовъ, куда совершалось путешествіе для отысканія соучастниковъ преступленія,—цѣлое поколѣніе людей успѣло бы совершенно вымереть. Милліоны нѣмцевъ приводились бы на очную ставку, весь народъ заносили бы въ судебные протоколы. Припомните Занда; онъ совершилъ свое преступленіе почти открыто, выбѣжалъ съ окровавленнымъ кинжаломъ на улицу и въ ту-же минуту во всемъ сознался, — а его, несмотря на страшную рану и болѣзнь, продержали въ тюрьмѣ цѣлый годъ! Въ то время желали впутать въ это дѣло всѣхъ патріотовъ и заклеймить именами убійцъ благороднѣйшихъ людей! Точно также поступала и майнцская комиссія. Она была обязана отнести къ „демагогическимъ проискатъ“ всѣ прогрессивно-патріотическія движенія нѣмцевъ и начала арестовывать встрѣчнаго и поперечнаго. Аресты производились часто по доносамъ, которые сама-же комиссія сплошь и рядомъ признавала „недостойными вниманія“, какъ, напр., доносы надворнаго совѣтника Янке; но чаще всего аресты совершались безъ всякихъ поводовъ для обвиненія, по одному только подозрѣнію или произволу полиціи. Набравши достаточное число арестованныхъ, комиссія иногда не подвергла ихъ допросамъ втеченіе цѣлаго года, а потомъ начинала вытягивать изъ нихъ „нити заговора“, доводя несчастныхъ до сознанія и „чистосердечнаго раскаянія“ посредствомъ утонченныхъ пытокъ, — одиночнаго заключенія, нескончаемыхъ мучительныхъ допросовъ, угрозъ и обѣщаній помилованія въ случаѣ „раскаянія“,—

обѣщаній, которыя почти никогда не исполнялись. И хотя по сознанію комиссіи, множество арестованныхъ представляло „печальное зрѣлище наглаго отпирательства, которое служитъ плодомъ ученій, проповѣдуемыхъ въ сочиненіяхъ и лекціяхъ“ (!), но немало подсудимыхъ доводилось и до „чистосердечнаго раскаянія“. Эти слабодушные люди доводились комиссіей до полнаго нравственнаго паденія, и чтобы избавиться отъ желѣзныхъ лапъ майнцскихъ инквизиторовъ, клеветали, доносили, плакали, каялись и давали комиссіи такія показанія, какія ей было угодно имѣть. Такъ, напр., арестованный по дѣлу студента Либера, студентъ Клеменъ доносилъ на Либера, какъ на своего искусителя и подстрекателя; Клеменъ заявлялъ, что главная причина революціонной „интриги“, „основное зло, лежитъ въ томъ политическомъ направленіи, которое со времени учрежденія буршествъ приняла жизнь учащейся молодежи“, которая вмѣсто спокойнаго занятія „наукою, особенно классической древностью, вмѣсто того, чтобы учиться и развиваться посредствомъ уваженія и любви къ существующему порядку, бросилась въ совершенно чужую для нея сферу.“ Признаніе Клемена—это довольно объемистый доносъ на професоровъ и студентовъ, на буршества и гимнастическія общества, на газеты и журналы... Заручившись подобными доносами, комиссія на основаніи ихъ обвиняла несознавшихся арестантовъ и дѣлала изъ нихъ государственныхъ преступниковъ „Коль скоро, говоритъ Берне—на голову нѣмецкаго юриста обрушивается вопросъ о государственномъ преступленіи, онъ поражается какъ-бы апоплексическимъ ударомъ, всѣ его умственныя способности ослабѣваютъ, и онъ впадаетъ въ состояніе несовершеннолѣтія и страннаго идіотизма“. Это вполнѣ приложимо къ инквизиторамъ, засѣдавшимъ въ Майнцѣ. Изъ дѣлъ комиссіи видно, что на основаніи доносовъ, *ничѣмъ недоказанныхъ и даже признанныхъ ложными самой комиссіей*, она обвиняла людей и цѣлыя общества въ „демагогическихъ происках“.

Комиссія эта привлекла къ дѣлу не только живыхъ, но и мертвыхъ. Розыскивая „нити демагогической интриги", она прослѣдила ихъ вплоть до 1806 г. и въ своемъ докладѣ, представленномъ нѣмецкимъ правительствамъ въ 1827 г., обвинила въ интригѣ все, что было съ 1806 г. живого, мыслящаго и прогрессивнаго въ Германіи. Фихте, Штейнъ, Арндтъ, гимнастическія общества, союзъ добродѣтели, университеты, герои войны 1813 г.—всѣ оказались или руководителями или участниками демагогической интриги, которая будтобы съ 1819 г. охватила собою Германію. Въ сущности же комиссія не открыла и не могла открыть никакой „интриги". Живыхъ, какъ и мертвыхъ, она обвиняла въ революціонныхъ происках за такія дѣйствія, *слова и мнѣнія*, которыя не содержали въ себѣ ничего революціоннаго и выражали только мирное желаніе нѣмцевъ имѣть тѣ реформы, которыя наканунѣ реакціи такъ торжественно обѣщали имъ всѣ правительства,—свободу печати, гласное судопроизводство, отвѣтственность министровъ, отчетность въ государственныхъ финансахъ, равенство передъ закономъ. Понадобилось отмѣнить обѣщаніе и не давать этихъ реформъ, и вотъ—даже разговоры о нихъ были отнесены къ разряду государственныхъ преступленій! Кружки добрыхъ и честныхъ гражданъ, мирно обмѣнивавшихся своими мыслями, „объ учрежденіяхъ общественной жизни, о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуумовъ, о государственномъ устройствѣ и политической жизни народовъ", выставлены тайными обществами злостныхъ демагоговъ. А между тѣмъ, тѣхъ-же самыхъ мыслей держалось множество лицъ, которыхъ комиссія не трогала, потому-что эти лица, не отказываясь отъ своихъ мнѣній, старались примѣняться къ существующему порядку и не высказывали своихъ мыслей и чувствъ съ такимъ увлеченіемъ и рѣзкостью, какъ люди болѣе пылкаго темперамента. Арестованные нерѣдко показывали, что они были знакомы или бесѣдовали съ такими-то и такими-то высокопоставленными ли-

цами, которыя вполнѣ раздѣляли ихъ убѣжденія, но этихъ показаній комиссія вовсе не помѣщала въ своихъ отчетахъ, въ которые только случайно попало показаніе студента Либера. Этотъ „государственный преступникъ“ былъ однажды въ гостяхъ у генерала Пфюля, излагалъ передъ нимъ свои „возмутительныя“ идеи и разстался съ нимъ, тронутый до глубины души, что „такой высокопоставленный чиновникъ“ раздѣляетъ всѣ его убѣжденія (Ilse). Чтобы показать читателю, подъ какими предлогами люди арестовывались и судились тогда за „государственныя преступленія“, мы приведемъ нѣсколько случаевъ изъ мемуаровъ Фарнгагена фонъ-Энзе. Нѣкто Микаэлисъ арестованъ за то, что въ одномъ *частномъ* письмѣ, посланномъ къ его знакомымъ, онъ назвалъ прусскаго канцлера *скотиной*. Студентъ Ульрихъ признанъ „опаснымъ въ государственномъ отношеніи потому, что его мысли стояли въ противорѣчіи съ откровенной религіей“. Одинъ полковой командиръ сказалъ своимъ солдатамъ: „вы солдаты не одного только короля, но и отечества“; офицеры донесли на него, и онъ былъ выгнанъ изъ службы. Тайный совѣтникъ Клюберъ былъ также выгнанъ изъ службы и отданъ подъ слѣдствіе за то, что въ своей книгѣ о государственномъ правѣ онъ высказывалъ мысль, что государство продолжаетъ существовать даже въ томъ случаѣ, если государь падетъ или погибнетъ. Между тѣмъ та-же самая мысль высказывалась и въ твореніяхъ Кампца, главнаго охотника на демагоговъ и т. д.

Такъ майнцская комиссія сочиняла и распространяла мифы о „демагогической интригѣ“ и старалась выставить революціонерами всѣхъ порядочныхъ людей. Но запугивая общество впродолженіе цѣлыхъ восьми лѣтъ красными призраками, комиссія пришла только къ тому, что сама опровергла свои выдумки объ „интригѣ“, доказывая тѣмъ, что преслѣдованіе „демагоговъ“ было ничто иное, какъ безчестныя продѣлки реакціонной клики. По сознанію комиссіи, въ пер-

вый годъ ея существованія въ Германіи не было никакихъ революціонныхъ „происковъ“ (Ilse). Изъ доклада комиссіи 1822 г. оказывается, что *всѣ* захваченныя ею лица послѣ допросовъ были освобождены и даже офицеръ, отданный подъ военный судъ за прокламаціи, оправданъ по суду. Наконецъ, въ общемъ докладѣ 1827 года, обозрѣвая всю свою дѣятельность, комиссія приходитъ къ заключенію, что „по результатамъ слѣдственныхъ розысковъ всѣ союзныя правительства могутъ вполнѣ убѣдится въ непоколѣбимой вѣрности своихъ подданныхъ. Честному и открытому характеру нѣмцевъ противно стремиться путемъ несправедливости и насилія къ мнимымъ правамъ и воображаемымъ благамъ, и это придаетъ намъ увѣренность, что ложь и обманъ долго еще не найдутъ себѣ мѣста въ Германіи“. Комиссія зарапортовалась даже до того, что начала утверждать, будтобы въ Германіи революціонныхъ попытокъ не только нѣтъ, но даже и не было „втеченіе многихъ столѣтій!“ Но для чего-же, въ такомъ случаѣ, существовала комиссія, для чего разбивалась жизнь сотенъ арестованныхъ, единственная вина которыхъ состояла въ томъ, что они горячо любили свое отечество? Ужели всѣ эти полицейскія неистовства клонились только къ тому, чтобы доказать, „непоколѣбимую благонамѣренность“ нѣмцевъ? Комиссія отвѣчаетъ, что она боролась не противъ существующей уже революціи, а противъ „извѣстныхъ идей“, которыя современемъ могутъ довести до революціи! Майнцская комиссія, а вмѣстѣ съ нею и полицейская литература, хотя и сознавались, что преслѣдуемые ими нѣмецкіе демагоги не что иное, какъ молодые мечтатели, неимѣющіе даже опредѣленныхъ тенденцій и сами по себѣ люди совершенно безвредные, особенно въ виду испытанной вѣками вѣрноподданности нѣмецкаго народа; но безвредные сами по себѣ, они вредны, какъ орудіе „интриги“, заправляющей ихъ дѣйствіями. Центромъ этой интриги майнцская комиссія считала какой-то Comité-Directeur европейскихъ революцій. Когда такимъ обра-

зомъ, охотники на „демагоговъ“ не могли уже поддерживать своей прежней лжи объ ихъ опасности и вынуждены были признаться, что между ними нѣтъ ни одного ужаснаго революціонера, то начали запугивать какими-то таинственными руководителями демагогической интриги, руководителями, приготовляющими изъ нѣмецкой молодежи поколѣніе Робеспьеровъ, Мара и Лувелей. Самую же молодежь наемная литература стала забрасывать грязью всевозможныхъ клеветъ и насмѣшекъ. Извѣстный историкъ Раумеръ, напр., описавъ свой визитъ О'Коннелю, тотчасъ начинаетъ издѣваться „надъ маленькими демагогами, сидящими въ Кепеникѣ и другихъ нѣмецкихъ крѣпостяхъ, и говоритъ, что всѣ они — карлики и жалкія творенья въ сравненіи съ великимъ агитаторомъ. „Какъ-будто, восклицаетъ по этому поводу Берне—какъ-будто въ Пруссіи защитнику народа позволятъ дорости до О'Коннеля! Какъ-будто, если бы въ Пруссіи какимъ-нибудь чудомъ О'Коннель вышелъ изъ подъ земли совсѣмъ готовый, его не привязали бы къ рогамъ мѣсяца! Да, г. фонъ-Раумеръ издѣвается надъ несчастными нѣмецкими юношами, проводящими лучшіе годы своей жизни въ тюрьмѣ за то, что они произнесли или написали слово *свобода!* Онъ издѣвается надъ ними за то, что они не сдѣлались О'Коннелями! Какимъ именемъ назвать такой гнусный поступокъ? Я могъ бы назвать его прусскимъ, но это было бы далеко недостаточно“.

Многихъ арестованныхъ освобождали безъ всякихъ наказаній, но за то томили подъ слѣдственнымъ арестомъ, продолжавшимся иногда на нѣсколько лѣтъ; другихъ ссылали „на время, какъ неудобныхъ“, административнымъ порядкомъ (Берне, II, 31); третьихъ подвергали уголовнымъ наказаніямъ, очень строгимъ сравнительно съ наказаніями за политическіе проступки въ передовыхъ государствахъ Европы и довольно легкимъ сравнительно съ наказаніями, употребительными въ государствахъ нецивилизованныхъ. Шварцъ, напр., „за участіе въ тайномъ обществѣ, имѣвшемъ цѣлію

ниспровержение существующихъ государственныхъ порядковъ Германіи", присужденъ къ строгому аресту на 3 мѣсяца; Фолленіусъ за покушеніе на государственную измѣну" приговоренъ къ тюремному заключенію на 10 лѣтъ; Асверусъ „за участіе въ тайномъ обществѣ, имѣвшемъ, *вѣроятно* (!!), измѣнническіе планы" — въ крѣпость на 6 лѣтъ; Баадеръ, „*вслѣдствіе навлеченнаго имъ на себя сильнаго подозрѣнія* (!!) въ основаніи тайнаго измѣнническаго общества" — къ заключенію въ крѣпости на 6 лѣтъ (Пse). Студенты, кричавшіе на берлинскихъ улицахъ *ура* въ честь испанскихъ революціонеровъ и конституціи, посажены на хлѣбъ и на воду на 4 мѣсяца. Вообще, прусскій король, за „революціонные происки" не наказывалъ тяжелѣе, какъ шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ (Varnhagen). За то усердствовали другія правительства Союза, особенно австрійское. „Оно томило государственныхъ преступниковъ строгимъ и долговременнымъ арестомъ во время слѣдствія, наслаждалось ихъ страданіями; мучило ихъ неизвѣстностью объ ожидающей ихъ участи; ихъ *изъ милости* присуждали къ строжайшему тюремному заключенію въ Шпильбергѣ, изъ котораго они выходили тѣнями, лишенными всѣхъ жизненныхъ соковъ" (Springer). Какъ содержали въ Австріи политическихъ преступниковъ, показываетъ слѣдующій разсказъ, заимствованный Берне изъ „Courrier Français": „Одинъ молодой итальянецъ, Маронелли, былъ обвиненъ за письмо, написанное имъ своему брату, молодому доктору, возвратившемуся изъ Греціи, гдѣ онъ помогалъ эллинамъ своими медицинскими познаніями и искуствомъ. Тайная полиція Милана увидѣла въ этомъ выраженіе скрытаго подъ символической формою желанія свободы. Молодого патріота арестовали, судили и, единственно на основаніи этого письма, приговорили къ смерти. Но противъ такого приговора возстали даже судьи; смертную казнь они замѣнили двадцатилѣтнимъ строгимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Маронелли и четырехъ его друзей отвозятъ въ крѣпость

Брюннъ, куда вскорѣ послѣ того сажаютъ еще двадцать итальянскихъ патріотовъ. Тюрьма битвомъ набита, и начальство рѣшаетъ, что самаго младшаго изъ преступниковъ надо препроводить въ подвалъ. Здѣсь, на сырой землѣ, въ совершенномъ одиночествѣ, не видя живово лица, Маронелли проводитъ цѣлый годъ. Онъ былъ уже близокъ къ смерти, когда одинъ изъ его несчастныхъ товарищей умеръ. Маронелли перевели на очистившееся мѣсто. Теперь онъ видитъ подлѣ себя людей, но физическія страданія его не прекратились. Ледяной холодъ пронизываетъ его насквозь; отвратительная пища совершенно разрушаетъ его здоровье; члены его деревенѣютъ; лѣвая нога, плотно сдавленная тяжелымъ кольцомъ, къ которому привѣшена двадцафунтовая цѣпь, страшно пухнетъ; скоро обнаруживается антоновъ огонь: приходится отрѣзать ногу! Но губернаторъ, небрежно взвѣшивая на рукѣ эту больную ногу, распухшее мясо которой совершенно закрыло желѣзное кольцо, говоритъ съ холоднымъ равнодушіемъ: „къ намъ прислали преступника съ двумя ногами, и мы не можемъ сдать его съ одной только ногой“. Приходится писать въ Вѣну и просить о милостивомъ разрѣшеніи операціи, которую всякое промедленіе можетъ сдѣлать смертельною. Отвѣтъ могъ бы получиться черезъ двадцать четыре часа, но онъ заставляетъ ждать себя ровно 14 дней. Наконецъ, операцію дѣлаютъ въ той тюрьмѣ, гдѣ несчастный провелъ страшныхъ 8 лѣтъ. Тюремный цирульникъ отрѣзываетъ сгнившую ногу выше колѣна, и черезъ нѣсколько времени послѣ этого Маронелли выпускаютъ на свободу. Онъ идетъ въ Римъ. Римъ не даетъ ему пріюта. Великій герцогъ флорентинскій позволяетъ ему жить въ своемъ государствѣ, но австрійскій посланникъ настаиваетъ на его изгнаніи. Маронелли нашелъ убѣжище во Франціи. Изъ 25 человѣкъ, раздѣлявшихъ тюремное заключеніе съ Маронелли, двое—виконты Орабони и Вилла *умерли отъ голода*. Мы не преувеличиваемъ: все это—сущая истина. Приготовленный изъ сала супъ, два крошеч-

ныхъ ломтика хлѣба и кусочекъ протухшаго мяса составляютъ единственную пищу заключенныхъ. Напрасно просили они, какъ милости, чтобы въ ихъ отвратительный супъ не клали, по крайней мѣрѣ, сала; имъ отвѣчали, что этимъ кормится отъ 200 до 300 каторжниковъ и что исключеній ни для кого нельзя дѣлать. Изъ денегъ, посылавшихся ихъ родственниками, они не получали ни гроша. Въ настоящее время (въ 1831 г.) въ Брюннѣ содержится еще девять итальянцевъ, въ томъ числѣ графъ Гонфалоньери, который, въ каждую годовщину произнесенія надъ нимъ судебнаго приговора, получаетъ двадцать пять палочныхъ ударовъ"... Подобными-то мѣрами думали привязать Италію къ Австріи и подавить всякое политическое развитіе нѣмецкаго народа!.. Доходили даже до того, что не находя виновныхъ, наказывали огуломъ встрѣчнаго и поперечнаго. Въ 1826 г. въ Прагѣ одно студенческое движеніе обнаружило, повидимому, присутствіе тамъ германскаго университетскаго духа; такъ-какъ нельзя было найти виновныхъ, то велѣно отдать въ солдаты безъ выслуги всѣхъ студентовъ, получившихъ за послѣднее время дурныя отмѣтки.

Такимъ образомъ сбывалось желаніе доктора Бенценберга „немножечко поубивать" прогрессистовъ.

V.

Подъ предлогомъ спасенія отечества отъ коварной демагогической интриги, реакціонеры не останавливались ни передъ какими мѣрами. Прежде всего они наложили свои гибельныя руки на университеты, на эту національную святыню, которую щадилъ даже Наполеонъ. Въ силу карлсбадскихъ постановленій каждый университетъ былъ отданъ подъ особый надзоръ правительственнаго комиссара, бывшаго чѣмъ-то въ родѣ надсмотрщика, судьи и слѣдователя. Професоръ,

нарушающій, такъ называемыя, общественное спокойствіе и порядокъ, увольнялся и не могъ быть принять ни въ какой другой университетъ. Въ 1822 г. въ Пруссіи министрамъ народнаго просвѣщенія и полиціи было предписано — безъ суда и слѣдствія удалять, какъ „недостойныхъ и негодныхъ людей“, тѣхъ професоровъ, „которые сочувствуютъ современнымъ заблужденіямъ или подвергались правительственнымъ мѣрамъ *за предполагаемое* или доказанное участіе въ демагогическихъ проискахъ“. Всякія студенческія тайныя общества и кружки запрещены; исключенный студентъ не можетъ быть принятъ ни въ какой другой университетъ; студентамъ запрещено носить староНѣмецкое платье, а въ нѣкоторыхъ университетахъ—даже бороды; въ Берлинѣ министерство цѣлую недѣлю занималось вопросомъ о студенческихъ сюртукахъ; студентовъ преслѣдовали за ношеніе сюртуковъ песочнаго цвѣта, подозрѣвая, что этотъ цвѣтъ служитъ выраженіемъ симпатіи къ убійцѣ Коцебу, Занду (Sand,—песокъ)!.. Немало находилось даже такихъ безумцевъ, которые, какъ это бывало и въ другихъ странахъ, требовали закрытія совсѣмъ университетовъ (Varnhagen)... Реакціонный походъ противъ университетовъ, погубившій столько нѣмецкой молодежи, былъ не менѣе гибеленъ и для професоровъ. Люденъ, Окенъ, Кизеръ, Фризъ, братья Велькеры и множество другихъ преподавателей выгонялись изъ службы, обыскивались, арестовывались, объявлялись государственными измѣнниками. Безсовѣстные слѣдователи долго мучили Арндта нелѣпыми допросами о сочиненіяхъ, писанныхъ имъ по порученію правительства, а государственная газета, приводя нѣкоторыя фразы изъ его бумагъ, на основаніи ихъ утверждала, что онъ измѣнникъ и злодѣй, готовый убивать даже духовныхъ; между тѣмъ эти фразы были написаны самимъ королемъ на поляхъ приказа о всенародномъ ополченіи, и Арндтъ только списалъ ихъ, какъ замѣчательныя слова короля! Основателя гимнастическихъ обществъ, Яна, преслѣдовали и мучили вплоть до 1840 г.,

публично оглашая его бандитомъ, содержа его подъ арестомъ въ кандалахъ, обвиняя даже въ попыткѣ убить Камница, на основаніи доноса одного старика *глухого и „экзальтированнаго почти до умопомѣшательства“*, который будто-бы подслушалъ разговоръ Яна объ упомянутомъ покушеніи!...

Не менѣе строгой опекѣ были подчинены средніе и низшія учебныя заведенія, въ которыхъ, по словамъ Гете, „старались только о томъ, чтобы какъ-можно раньше сдѣлать юношей смирными, изгнать изъ нихъ всякую естественность и оригинальность, и въ концѣ концовъ превратить ихъ въ чистѣйшихъ филистеровъ“. Дѣятельнѣе всѣхъ на этомъ поприще отличилось австрійское министерство „затменія умовъ“ (какъ справедливо всѣ честные люди называли тогдашнее австрійское министерство народнаго просвѣщенія), находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства и іезуитовъ. „Общій надзоръ за училищами былъ порученъ духовенству. Въ рукахъ законоучителей была школьная полиція: они имѣли открытое наблюденіе за нравственностью учениковъ и тайное—за нравственностью учителей. Заботливость государства о религіи, предписывавшая врачу напоминать больнымъ о принятіи св. тайнъ, чиновнику—посѣщать церковь, професору — бывать у исповѣди, вступающимъ въ бракъ — выдерживать религіозный экзаменъ, даже пастуху, поступающему въ услуженіе—представлять религіозное свидѣтельство,—эта заботливость естественно болѣе всего обнаруживалась въ учебныхъ заведеніяхъ“ (Гервинусъ). Придворная комиссія по дѣламъ народнаго просвѣщенія заправляла всей системой образованія и регулировала ее съ такой мелочною предупредительностью, какую можно встрѣтить развѣ только въ Китаѣ. Въ „новомъ постановленіи о школахъ“, напр., она предписывала дѣтямъ, какъ приготовляться дома къ отправленію въ училище, какъ идти по улицѣ, какъ держать себя до и во время уроковъ, какъ сидѣть, какъ держать руки, какъ обращаться съ цочкой, какъ ходить по

лѣстницамъ и въ отхожее мѣсто, и т. д. Изъ учебной программы естественныя науки были изгнаны, а исторія, географія и языки преподавались въ самомъ сокращенномъ и безтолковомъ видѣ. Въ университетахъ вовсе не было философскаго факультета, а внесшій 20 талеровъ студентъ освобождался отъ изученія естествознанія и исторіи. Поступленіе въ иностранные университеты было строжайше запрещено. Иностранцы не могли быть даже домашними учителями, а дѣти ихъ принимались въ австрійскія заведенія только моложе 10 лѣтъ да и то съ величайшими затрудненіями. Домашнимъ обученіемъ можно было заниматься только по выдержаніи особаго экзамена и съ дозволенія полиціи. При выборѣ казенныхъ учителей предписывалось обращать вниманіе прежде всего на ихъ политическія и религіозныя мнѣнія. Библіотекари обязаны были ежегодно доносить обо всѣхъ книгахъ, которыя брали учителя. Полное умственное затишье и тупой общественный индиферентизмъ были результатами такой системы народнаго образованія. „Благонамѣренность“ торжествовала.

Карлсбадскими постановленіями всѣ періодическія изданія и книги, имѣющія менѣе 20 листовъ, были подчинены цензурѣ, строгости которой поддерживались и постепенно усиливались полицейскими распоряженіями. Журналистика была совершенно подавлена и доведена до ничтожества. „Всякій осторожный журналистъ, писалъ Берне въ 1819 г.,—уже теперь старается запастись хорошими суррогатами, которыми онъ могъ бы подслащать чай и кофе своихъ читателей въ томъ случаѣ, если какимъ-нибудь новымъ тарифомъ на произведенія ума ввозъ обыкновеннаго сахара будетъ воспрещенъ. Осторожный журналистъ принимается теперь уже за солидныя науки. Онъ занимается астрономіей, за исключеніемъ кометъ, потому-что онѣ служатъ предвѣстниками войны и народныхъ бѣдствій,—географіей, пропуская мѣста, гдѣ находятся минеральныя воды, такъ-какъ въ этихъ мѣстахъ

собираются конгрессы,—алгеброй, но безъ включенія въ нее плюсовъ и минусовъ, ибо они подлежатъ вѣденію финансоваго управленія,—психологіей, не пускаясь только въ ученіе о душѣ знатныхъ людей,—богословіемъ, за исключеніемъ вопроса о священномъ союзѣ,—юриспруденціей, выключая уголовное судопроизводство, относящееся къ обязанностямъ чиновниковъ,—философіей безъ всякаго ограниченія,—полезнымъ ученіемъ о клинообразномъ письмѣ, коническомъ сѣченіи и коренныхъ словахъ нѣмецкаго языка,—затѣмъ механикой, оптикой, этикой, реторикой, математикой, макробіотикой, динамикой, статикой, всевозможными *иками*, за исключеніемъ лишь политики, такъ-какъ она принадлежитъ только правительству". Произволъ и невѣжество цензуры доходили до крайнихъ предѣловъ. Въ Вѣнѣ, напр., не было пропущено цензурою стихотвореніе Грилльпарцера на выздоровленіе австрійскаго наслѣднаго принца, потому-что въ немъ говорилось слишкомъ много о сердечной добротѣ принца и мало объ его умѣ. Въ переводахъ шекспировскаго Лира не пропускалось никакихъ „неприличныхъ шутокъ", чтобы не выводить передъ публикой смѣшного короля. Въ „Разбойникахъ" Шиллера отецъ Мооръ былъ превращенъ цензурою въ *дядю;* „Донъ Карлосъ" дозволялся только съ исключеніемъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ говорится объ его любви къ мачихѣ. Восклицаніе *„о, Боже"* допускалось только на придворномъ вѣнскомъ театрѣ, а на всѣхъ прочихъ его предписано замѣнять—*„о, небо"*. Если въ романѣ цензоръ встрѣчалъ выраженіе—„у нея была бѣлая, пышная грудь", то зачеркивалъ его и писалъ—„спереди она была весьма хорошо сложена". Однажды прусскій король былъ очень огорченъ тѣмъ, что въ газетахъ говорятъ о Гете гораздо больше, чѣмъ о какомъ-нибудь государѣ, и цензорамъ было предписано не пропускать впредь ни одной подобной статьи!.. Даже сочиненія извѣстнаго гуманиста Гуттена были запрещены въ Пруссіи, а въ Австріи запрещены почти всѣ произведенія

тогдашней французской литературы; даже сочиненія историка Тьерри, Гиббона, Макіавелли, Байрона, Бентама—словомъ, произведенія всѣхъ лучшихъ представителей европейской мысли или вовсе не допускались въ австрійской имперіи, или дозволялись, но въ крайне общерганномъ и обезображенномъ видѣ. Даже древніе греческіе и латинскіе классики печатались не иначе, какъ съ исключеніемъ всѣхъ мѣстъ, напоминавшихъ о республикѣ.

Реакція, по словамъ Берне, раздѣлившая нѣмецкій народъ на два класса—шпіоновъ и шпіонствуемыхъ, распространила это раздѣленіе и на литературу. Съ этого времени одна часть ея стала исправлять полицейскія обязанности, надзирала за другою частью и преслѣдовала ее своими доносами. Вся либеральная журналистика была совершенно безоружна передъ этими литературными сыщиками, которымъ дозволялись всякія безобразія, всякая ложь; ее же лишали возможности не только нападать на сикофантовъ, но даже защищаться отъ ихъ клеветъ и инсинуацій. Эта диктатура, поддерживаемая произволомъ полиціи, налагала печать молчанія на всю либеральную литературу, отклоняя ученыхъ и литераторовъ отъ насущныхъ вопросовъ жизни и заставляя ихъ возноситься въ заоблачныя сферы „науки для науки", въ сферы, которыхъ не касался надзоръ полиціи. Этого мало. Кастрируя однихъ, реакція въ конецъ развращала другихъ посредствомъ подкупа. Благодаря деньгамъ, мѣстамъ и разнымъ отличіямъ, величайшіе люди Германіи, какъ, напр., Гете и Гегель, превращались въ угодниковъ, льстившихъ своимъ милостивцамъ, а второстепенные таланты, какъ Арндтъ, братья Шлегели, Генцъ, Стеффенсъ мельчали до пошлости. „Они, говоритъ Берне,—упали изъ царства солнечнаго свѣта и истины въ царство тьмы и безумія, изъ орловъ сдѣлались совами; чтобы не оставаться узниками, они сдѣлались тюремщиками и начали такъ гордо побрякивать своими ключами, какъ будто ими они отворили дверь истины, а не за-

перли ее; и тутъ пришли къ нимъ всѣ лицемѣры и дураки, и стали цѣловать ключи истины, и чтить добродѣтельныхъ ключарей". Продажность писателей доходила тогда до подлѣйшаго цинизма; ею чуть не хвастались. Но кромѣ этой продажности и цензурныхъ стѣсненій реакціонному перевороту въ наукѣ и литературѣ содѣйствовало еще и то ужасное разочарованіе, которое послѣ революціи наступило съ реставраціей. Неутѣшительная дѣйствительность жизни заставляла людей отрываться отъ нея и уноситься фантазіей въ сферы всяческаго мистицизма и всевозможныхъ вымысловъ. Романтики увлекались средними вѣками и стремились къ возстановленію феодальной жизни. Іезуиты, въ родѣ Бональда и Де-Местра, проповѣдовали реставрацію средневѣковаго католицизма. Шеллингъ училъ, что человѣчество значительно ухудшилось послѣ первобытной эпохи, когда въ жизни его принимали дѣятельное участіе высшія существа „изъ природы духовъ"; онъ превратилъ науку въ сумбуръ мистицизма, самыхъ фантастическихъ выдумокъ и нелѣпѣйшихъ аналогій. Фридрихъ Шлегель считалъ высшимъ идеаломъ для человѣчества сидячую праздность индуса, а въ прозябаніи наподобіе растенія видѣлъ совершеннѣйшую жизнь. Возвращеніе нѣмцевъ къ среднимъ вѣкамъ, полная солидарность папства и имперіи, возстановленіе рыцарства и феодализма, дворянскій сенатъ, единый для всей Германіи,—вотъ политическіе идеалы ренегата Шлегеля. Беллетристика и поэзія со своими чертями, привидѣніями и другою средневѣковою чепухой расчищали дорогу нелѣпымъ теоріямъ и шарлатанскимъ фокусамъ сомнамбулизма, месмеризма, магнетизма, находившимъ множество приверженцевъ въ высшихъ слояхъ общества. Французское вліяніе въ XVIII в., наполеоновское иго и освобожденіе отъ него породили партію германофиловъ, которые съ дикою ненавистью нападали на все иностранное, особенно на французское, считая нѣмцевъ избраннымъ народомъ, который можетъ быть счастливымъ только внѣ всякаго влія-

нія иностранныхъ цивилизацій. Нелѣпымъ патріотизмомъ германофиловъ ловко воспользовалась реакція и наемная литература, которыя, по выраженію Шерра, „всякій разъ, когда надо было противодѣйствовать либеральнымъ теоріямъ, начинали толковать о „нѣмецкой вѣрности и благочестіи“, объ естественномъ, историческомъ развитіи государства“. „Властители, писалъ Берне, — которые направляютъ общественное мнѣніе, нравственность и воспитаніе только къ своей собственной выгодѣ, никогда не считали добродѣтелью ту любовь къ отечеству, которая обращается противъ внутреннихъ враговъ; напротивъ, они признавали ее величайшимъ изъ всѣхъ пороковъ и строго наказывали, какъ измѣну отечеству. Они объявляли лучшими патріотами тѣхъ гражданъ, которые заботились только о себѣ и о своихъ семействахъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на страданія своихъ согражданъ и своего отечества. Они награждали только тотъ патріотизмъ, который возставалъ противъ внѣшнихъ враговъ, считали только его добродѣтелью, потому что онъ былъ полезенъ имъ, потому что онъ обезпечивалъ за ними власть и давалъ имъ возможность представлять врагомъ ихъ народа всякое чужеземное правительство, которое они собирались покорить“. А тогдашняя Германія большею частію имѣла подобныхъ властителей. Что нѣмецкія правительства *предумышленно* пользовались упомянутымъ патріотизмомъ для достиженія реакціонныхъ цѣлей, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ одномъ дипломатическомъ прусскомъ документѣ того времени, напр., всѣмъ нѣмецкимъ правительствамъ совѣтуется „*притворятся ревностно содѣйствующими упроченію и развитію реформъ, которыя необходимо изъ-подъ руки подкапывать по возможности*, за исключеніемъ реформъ, относящихся къ военному устройству и къ положенію германскаго союза относительно иноземныхъ государствъ“. Прогрессивную-же партію, которая хлопочетъ о реформахъ, слѣдуетъ „подвергать въ ея принципахъ, образѣ дѣйствій и органахъ косвенному,

но энергическому гласному обсужденію; причемъ, *для водворенія доверія къ этимъ принципамъ и учрежденіямъ* было бы не трудно *задѣть въ разсудительныхъ и здравомыслящихъ нѣмцахъ національное тщеславіе, выставивъ это новое ученіе исходящимъ изъ враждебной націи и дѣйствующимъ въ иноземномъ духѣ*". Для этого слѣдуетъ принанять „талантливыхъ и благонамѣренныхъ писателей, предоставивъ имъ, — насколько личность каждаго изъ нихъ представляетъ вѣрную гарантію въ ихъ образѣ мыслей, — болѣе широкую свободу слова, не дѣлая однако вообще никакихъ существенныхъ измѣненій въ существующихъ цензурныхъ постановленіяхъ" (Берне, I, 79—81). И не одинъ прусскій дипломатъ, сочинившій эту записку, а весьма многіе правительства, государственные люди, наемные литераторы думали точно также и старались депопуляризировать конституціонное устройство, которое они выставляли иноземною выдумкою, неприложимою къ нѣмцамъ, и которое признавалъ кореннымъ нѣмецкимъ первый поклонникъ и проповѣдникъ его, Монтескье (Гервинусъ). Оказывалось, что всѣ нововведенія и реформы неприложимы къ Германіи, что для нея желательно и возможно только одно національное развитіе въ „чисто-нѣмецкомъ духѣ", т. е. въ духѣ застоя, столь любезномъ для реакціонной лиги! Вотъ образчикъ дѣятельности этихъ псевдо-патріотовъ. Однажды гессенскій сеймъ потребовалъ, чтобы произведено было на вѣчныя времена отдѣленіе имуществъ, принадлежащихъ курфирсту, отъ имуществъ, принадлежащихъ государству, и чтобы счеты по государственному хозяйству были представлены сейму. Гессенское правительство, совершенно сходясь въ этомъ случаѣ съ гановерскимъ, объявило такія понятія о государственныхъ имуществахъ: „чужеземными растеніями, которыя никогда не акклиматизуются на германской почвѣ" и присвоило всѣ казенныя имущества (Kammergut) въ полную, неотчуждаемую собственность курфирста.

Возстановленіе стараго католичества, вслѣдствіе конкорда-

товъ католическихъ государствъ съ папою, возобновленіе монастырей и привилегій духовенства, папская жандармерія іезуитовъ, фанатическая проповѣдь и шарлатанство патеровъ,— все это содѣйствовало развитію тѣхъ умственныхъ болѣзней, которыя въ началѣ настоящаго вѣка появились во всѣхъ странахъ Европы. Въ католической Германіи то и дѣло являлись чудеса и знаменія; умы волновались религіозными фантазіями; духовенство ловило рыбу въ мутной водѣ, поддерживая своею силою реакціонную лигу, преслѣдуя иновѣрцевъ, искореняя великія идеи, бывшія наслѣдіемъ XVIII вѣка, и, въ лицѣ бывшаго поклонника революціи, Герреса, защищая инквизицію и процессы вѣдьмъ. Въ то же время въ протестантской Германіи шла реакція піэтизма, съ ея фанатическою ненавистью ко всѣмъ иновѣрцамъ, съ ея порицаніемъ всякихъ удовольствій, съ ея мистицизмомъ, съ ея проповѣдью рабской покорности сильнымъ міра сего, съ ея отвращеніемъ отъ всякой науки, отъ всякаго свободнаго проявленія разума. Все это было на руку руководителямъ реакціи, и они умѣли пользоваться всѣмъ для достиженія своихъ цѣлей. Такъ, напр., въ Пруссіи Камппъ и Альтенштейнъ поручили перешедшему въ католичество професору и доносчику Ярке пересмотръ брачнаго законодательства. Ярке былъ выбранъ для этого дѣла потому, что онъ разыгрывалъ роль истаго австрійскаго реакціонера и фанатическаго религіанта. Прусскіе реакціонеры не удовольствовались своимъ протестантскимъ ретроградствомъ, а сочли за лучшее прихватить католическаго!.. Религіозные вопросы въ Пруссіи занимали въ особенности короля, который послѣ вѣнскаго конгресса совершенно уподобился византійскимъ императорамъ временъ паденія. Большую часть своего времени онъ посвящалъ церковнымъ дѣламъ; сочинялъ катехизисы, составлялъ новую литургію, хлопоталъ о введеніи ея, преслѣдовалъ непринимавшихъ ее пасторовъ. Высшее общество подражало своему властителю и ревностно заботилось о возвращеніи на путь истины за-

блудшихъ овецъ дома Израилева. Евреевъ нанимали креститься. Ихъ синагога въ Берлинѣ была закрыта по повелѣнію короля, котораго напугали тѣмъ, что если дать евреямъ свободу богослуженія, то они сдѣлаются деистами, и тогда ни одного изъ нихъ уже нельзя будетъ обратить въ протестантство! Въ то же время въ другихъ мѣстностяхъ Германіи, особенно во Франкфуртѣ, евреевъ преслѣдовали и угнетали съ фанатизмомъ, достойнымъ среднихъ вѣковъ.

Наука, литература, журналистика, религія, патріотическія чувства—все эксплуатировалось реакціонерами. Не забыли и драматическаго искуства, протежируя съ особеннымъ усердіемъ развитію оперы. „Изъ итальянскихъ донесеній кавалера Менца Меттерниху, говоритъ Гервинусъ,—видно, что развитіе сенсуализма намѣренно поддерживалось въ Австріи, какъ существеннѣйшее средство для развлеченія неспокойныхъ умовъ. Для осуществленія этого плана нельзя было придумать ничего лучше этой музыкальной шумихи, которой древніе придавали, на ряду съ танцами, сномъ и пиршествами, значеніе забавы, располагавшей людей къ замѣнѣ серьезныхъ жизненныхъ интересовъ игрою и удовольствіями; она была для взрослыхъ дѣтей чѣмъ-то въ родѣ хлопушекъ Архотоса, которыя въ древности давались маленькимъ дѣтямъ для того, чтобы они ничего не ломали въ домѣ. Въ Италіи, гдѣ политическое нетерпѣніе обнаруживалось въ большей степени, люди мыслящіе уже тогда понимали значеніе этого усыпляющаго искуства“. Въ Пруссіи король заботился объ оперѣ еще больше, чѣмъ австрійскіе правители, тратя на нее громадныя суммы, поддерживая бездарнаго композитора Спонтини и рачительно наблюдая за нравственностью пѣвицъ, которыхъ въ насмѣшку называли „духовнымъ гаремомъ“ его величества.

Реакціонеры, такимъ образомъ, побѣдили, и не въ одной Австріи, не въ одной Пруссіи, а даже „въ вольныхъ городахъ“ и государствахъ, имѣвшихъ конституцію. Застой въ дѣлахъ, преобладаніе феодальной партіи и клерикаловъ и про-

изволъ бюрократіи царили также и въ конституціонныхъ государствахъ. „Наши нѣмецкія конституціи, говорилъ Берне,— ничто иное, какъ тюрьмы свободы; чтобы она не бѣгала по всей странѣ, ее запираютъ въ палаты“. „Развѣ есть въ Германіи конституціонныя государства?“ восклицаетъ этотъ замѣчательный публицистъ. „Развѣ конституціонно то государство, въ которомъ представители народа *обязаны* утверждать бюджетъ, не смѣютъ разсуждать обо всемъ, о чемъ угодно, не смѣютъ обнародывать своихъ рѣчей, не смѣютъ печатать протоколовъ своихъ засѣданій? Развѣ конституціонно то государство, въ которомъ господствуетъ цензура и существуетъ закрытое судопроизводство? Развѣ конституціонно то государство, которое заточаетъ въ темницы тысячи цвѣтущихъ юношей только потому, что они любили свободу больше, чѣмъ это нужно было для ихъ правительствъ? Развѣ конституціонно то государство, въ которомъ отъ публики скрываютъ имена арестованныхъ, имена обвиненныхъ и свойство самыхъ преступленій,—въ которомъ сотнямъ людей, приговоренныхъ къ наказанію, составляется счетъ, словно на бойнѣ: убито столько-то быковъ, столько-то коровъ, столько-то барановъ, столько-то свиней,—такъ и здѣсь: приговорено къ наказанію столько-то теологовъ, столько-то юристовъ, столько-то медиковъ, столько-то офицеровъ! Развѣ конституціонно то государство, гдѣ женщину преслѣдуютъ судебнымъ порядкомъ *за высказанное ею участіе къ судьбѣ ея мужа, сидящаго въ тюрьмѣ?* Гдѣ мать принуждаютъ выдать полиціи письма, полученныя ею отъ ея бѣжавшаго сына? Гдѣ въ судъ приводятъ четырехлѣтняго ребенка съ цѣлью воспользоваться его невинностью и невѣденіемъ и выманить у него показаніе противъ его собственной матери? Развѣ конституціонно то государство, въ которомъ различныя правительства одной и той же страны заранѣе спорятъ между собою о правѣ завладѣнія и пользованія личностью бѣжавшихъ патріотовъ, которыхъ снова можно поймать,—спорятъ о томъ, которому изъ этихъ прави-

тельствъ первому будетъ предоставлено право мучить этихъ пойманныхъ бѣглецовъ,—заключаютъ между собою договоръ, по которому это право получитъ тотъ, кто успѣетъ поймать прежде другихъ,—и затѣмъ спѣшатъ абонироваться на бѣглецовъ заранѣе, точно на первое представленіе оперы!“ Въ Пруссіи и Австріи съ ихъ провинціальными сеймами дѣла шли еще хуже. Здѣсь все дѣлалось феодальной партіей и для феодаловъ, чиновниками и для чиновниковъ. Неоправившись еще отъ наполеоновскаго ига и отъ войны за освобожденіе, народъ былъ въ конецъ раззоряемъ барщиной, податями и повинностями; онъ голодалъ, питался травами и кореньями, умиралъ съ голода; число преступленій постепенно возростало (Varnhagen, Springer). Подати нерѣдко приходилось взыскивать съ крестьянъ посредствомъ военныхъ командъ; нерѣдко приходилось посредствомъ тѣхъ же командъ усмирять крестьянскіе бунты и заставлять поселянъ отбывать обязательныя работы въ пользу землевладѣльцевъ. Недоимки поглотили въ Нижней Австріи $^1/_5$ крестьянской поземельной собственности, въ Зальбургской низменности — половину, въ горныхъ странахъ—всю! Сельское хозяйство впродолженіе десятилѣтій находилось въ однихъ странахъ въ совершенномъ упадкѣ, въ другихъ на одной и той же, очень низкой степени развитія. Количество хлѣба, собиравшагося въ Богеміи, напр., только въ 1830 г. немного превысило то, какое собиралось прежде, начиная съ 1789 г., а скотоводство еще въ 1837 г. стояло на той же степени, какъ и въ 1805 г. Финансы болѣе и болѣе разстраивались и государства впадали въ неоплатные долги, но безумное расточеніе казны не прекращалось. Казнокрадство было въ полномъ ходу.

Всѣ эти неустройства и злоупотребленія крайне невыгодно отозвались и на самихъ правительствахъ, заставляя ихъ изыскивать средства къ поправленію дѣлъ. Устроялись разные комитеты и комиссіи съ цѣлью реформъ (Springer, Varnhagen). Но члены этихъ комитетовъ и комиссій только получали хо-

рошее жалованье и ничего путнаго не дѣлали, да и не могли дѣлать, потому что правительства желали не существенныхъ реформъ, не поправки испорченнаго государственнаго механизма, а только самыхъ незначительныхъ перемѣнъ, которыя большею частію не улучшали, а только ухудшали положеніе. Такъ какъ чиновниковъ выбирали не по ихъ способностямъ и степени развитія, а только по степени ихъ политической благонадежности, такъ какъ всѣ лучшіе, честнѣйшіе люди Германіи были ненавистны реакціонной лигѣ и терпѣли гоненіе, то управленіе государственными дѣлами находилось въ рукахъ людей не только безнравственныхъ, но и положительно бездарныхъ. Фарнгагенъ фонъ-Энзе, котораго невозможно заподозрить въ пристрастіи, сообщаетъ поразительныя свѣденія о тупости прусской бюрократіи. „Всѣ, пишетъ онъ,—жалуются на недостатокъ способныхъ и „благонамѣренныхъ“, т. е. крайне-реакціонныхъ (ultraistischen) чиновниковъ“... „Президентъ полиціи, Эзебекъ, ничего не понимаетъ и едва умѣетъ писать“... „Прусскій посланникъ въ Гамбургѣ, графъ Тротъ, человѣкъ скудоумный, дуракъ“... „Прусскій дворъ и прусское высшее общество вездѣ бранятъ ужасно. Александръ Гумбольдтъ говоритъ, что во всей Европѣ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы этотъ кругъ былъ такъ бездаренъ, грубъ и невѣжественъ, какъ здѣсь“. При этомъ, всѣ высшіе государственные дѣятели постоянно ссорились между собою, производя въ дѣлахъ невообразимую путаницу, картину которой оставилъ намъ одинъ современникъ, цитируемый у Гервинуса. „Основаніемъ борьбы въ министерствѣ была, конечно, разница политическихъ направленій, но противники столько лѣтъ боролись между собою изъ-за столькихъ мелочей и личностей, что вмѣсто партій вышли личныя котеріи, которыя грызлись между собою изъ-за чистыхъ пустяковъ. Одни притворялись сочувствующими духу времени, но только притворялись; другіе, хотѣвшіе сохранить или возвратить свои мѣста и привилегіи, прикрывали голый эгоизмъ пышными тряпками

которые называли „высшимъ взглядомъ“ и „глубокимъ соображеніемъ“. Нелѣпости и непослѣдовательности—единственныя дѣти, которыя могутъ рождаться отъ такого правительства,—и нельзя было порицать тѣхъ людей, которые ждали пользы только въ томъ случаѣ, если будетъ отброшенъ „весь существующій хламъ“, чтобы изъ хаоса родилось нѣчто новое“. Каждое министерство тянуло дѣла въ свою сторону; королевскіе указы сплошь и рядомъ противорѣчили министерскимъ предписаніямъ: путаница во всемъ была страшная. Въ государственномъ совѣтѣ дебаты нерѣдко переходили въ площадную брань. При этомъ дѣла шли чрезвычайно медленно, выполненіе самыхъ необходимыхъ мѣръ сплошь и рядомъ затягивалось на цѣлые годы. Въ Саксоніи, напр., пересмотръ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, начатый еще въ 1777 г., не былъ оконченъ вплоть до 1830 г. „Никто не знаетъ, что будетъ дѣлаться, пишетъ въ 1823 г. Фарнгагенъ,—всѣ только чего-то ожидаютъ; всякая дѣятельность остановилась; поговариваютъ даже, чтобы призвать какого-нибудь министра изъ-за границы“. Вотъ до какой степени тупа была реакціонная лига! Она могла выставить только сыщиковъ, въ родѣ Кампца и Сѣдльницкаго, литературныхъ доносчиковъ, въ родѣ Менцеля и Янке, пройдохъ въ родѣ Меттерниха, неспособныхъ судей и генераловъ, безжалостныхъ тюремщиковъ,—но ни одного талантливаго и честнаго человѣка. Она могла бороться со своими врагами не силою ума, а силою штыка, цѣпей, пули, не силою истины, а силою лжи и обмана. Она побѣдила, благодаря неразвитости и апатіи нѣмецкаго народа, среди котораго мало было гражданъ, и,—по выраженію одного писателя,—безчисленны были „лѣнивыя массы невѣждъ, управляемыя на манеръ животныхъ, которымъ даютъ извѣстное количество свѣта и воздуха, корма и питья, подстилки и покоя“.

VI.

Побѣда реакціи никогда не бываетъ полною, и рано или поздно истина снова выходитъ на свѣтъ. Прогрессивныя идеи не умираютъ; вслѣдствіе реакціонныхъ преслѣдованій, онѣ только усиливаются и, если можно такъ выразиться, дѣлаются взрывчатыми. Реакція—это незаконная мать заговоровъ, тайныхъ обществъ, политическихъ утопій, бунтовъ и революцій. Новѣйшая исторія Германіи доказываетъ это несомнѣннымъ образомъ.

Реакція все болѣе и болѣе возбуждала недовольства даже въ тѣхъ слояхъ общества, которые не очень-то заботились о реформахъ и которые она запугивала демагогическими призраками. Обманъ постепенно раскрывался, и наконецъ, дошло до того, что никто уже болѣе не вѣрилъ въ существованіе революціонной „интриги"! „Люди всѣхъ сословій, пишетъ Фарнгагенъ,—пасторы, медики, офицеры, камергеры, купцы, чиновники, бюргеры говорятъ о розыскахъ „интриги" съ насмѣшкою, даже съ досадою и злобою, считая мнимые демагогическіе происки чистыми фантазіями, глупостями, даже положительною ложью, которая выдумана и поддерживается, чтобы, запугивая монарховъ, подчинять ихъ своекорыстнымъ намѣреніямъ министровъ и царедворцевъ". Если реакціонная интрига такъ возмущала собою людей постороннихъ, то понятно, какую бурю злобы и негодованія она должна была поднимать въ средѣ тѣхъ партій и кружковъ, надъ которыми главнымъ образомъ разражались всѣ ея козни и жестокости! Она сѣяла и воспитывала въ кружкахъ прогрессистовъ чувства ненависти и желаніе мести. Преслѣдуя каждую свободную политическую мысль, каждое проявленіе здраваго патріотизма, реакціонная интрига заставляла гласные политическіе кружки превращаться въ тайныя общества. Угнетая и запрещая союзы, неимѣвшіе никакого политиче-

скаго характера, она вызывала съ ихъ стороны протестъ и сама толкала ихъ на дорогу политической оппозиціи. Еслибы нѣмецкія правительства сдержали свои обѣщанія, еслибы въ Германіи введены были конституціонное устройство, свобода прессы, гласный судъ, отвѣтственность министровъ, то это совершенно удовлетворило бы „демагоговъ“; ихъ силы пошли бы на мирную и вполнѣ легальную государственную дѣятельность, и жизнь великой націи потекла бы ровнымъ потокомъ. Но мало того, что законныя и признанныя самими правительствами желанія прогрессистовъ были обмануты, эти желанія были выставлены еще разрушительными „демагогическими происками“, а сами прогрессисты, эти мирные и благородные патріоты, даже немечтавшіе о революціи, выданы за кровожадныхъ революціонеровъ, за убійцъ, враговъ общества. Эти клеветы, конечно, произвели радикальный переворотъ въ направленіи прогрессистовъ. Реакція довела этихъ людей до горькаго сознанія, что путемъ мирной пропаганды, путемъ слова и мысли, невозможно добиться никакихъ существенныхъ реформъ. Оставался другой путь,—и дѣятельность прогрессистовъ приняла революціонное направленіе. При здоровомъ и свободномъ развитіи народа политическая мысль не покидаетъ практической почвы и не вырождается въ утопическія фантазіи; но если работа этой мысли стѣснена, если эта работа должна идти въ тайнѣ и не имѣть никакого практическаго характера, то естественно, что ея выводы во многомъ должны расходиться съ условіями, требованіями и средствами дѣйствительной жизни. Не свобода, а рабство, не прогрессъ, а реакція порождаютъ, такъ называемыя, политическія „утопіи“. Въ желаніяхъ нѣмецкихъ прогрессистовъ получить вышеупомянутыя реформы и въ обѣщаніяхъ правительствъ дать ихъ не было ничего утопичнаго. Не было ничего утопичнаго и въ тѣхъ средствахъ, которыя употреблялись прогрессистами для достиженія своихъ цѣлей,—въ распространеніи образованія, въ литературной пропагандѣ, въ основаніи

обществъ, имѣвшихъ цѣлью умственное, нравственное и политическое развитіе нѣмцевъ. Реакціонный терроръ заставилъ прогрессистовъ перемѣнить свои мнѣнія на такія, которыя дѣятели реакціи преслѣдовали, какъ „глупыя, несбыточныя утопіи“. Реакціонный терроръ довелъ прогрессистовъ до мысли, что отъ нѣмецкихъ правительствъ нельзя ожидать чего-нибудь путнаго, что даже конституція была бы только метаморфозою прежняго произвола. Тотъ же реакціонный терроръ отнялъ у дѣятельности прогрессистовъ ея практическій характеръ и заставилъ ихъ взяться за средства совершенно утопическія. Патріоты начали составлять мизерные заговоры и фантастическіе планы радикальныхъ переворотовъ. Въ своей экзальтаціи они думали достигнуть великихъ результатовъ посредствомъ ничтожной кучки своихъ единомышленниковъ, воображая, что для произведенія всеобщаго взрыва въ Германіи необходима только одна воспламеняющая искра. Революціи южной Европы, польское возстаніе 1830 г, и въ особенности іюльская революція во Франціи отозвались и въ Германіи. Но и теперь все дѣло ограничивалось мечтами, планами, разговорами, митингами, литературною пропагандою. Самые ярые изъ патріотовъ мечтали, напр., овладѣть какою-нибудь крѣпостью, которая служила бы базисомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій предполагавшейся революціи. Одинъ изъ виртембергскихъ демагоговъ хотѣлъ во что бы то ни стало взволновать крестьянъ въ пользу великой нѣмецкой революціи; но несмотря на всѣ его усилія, ему удалось завербовать только двухъ мужиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ піэтистъ, приставшій къ демагогу только вслѣдствіе увѣренности, что „передъ пришествіемъ антихриста должна произойти великая революція“, а послѣ антихриста—наступитъ тысячелѣтнее царство благодати. Народъ не понималъ демагоговъ и оставался глухъ къ ихъ воззваніямъ. Поэтому, они были совершенно безопасны, и многіе изъ нихъ очень скоро и сами собою приходили къ сознанію невыполнимости своихъ пла

новъ (Ilse). Случалось, что въ цѣломъ комплотѣ, мечтавшемъ о революціи, у одного только студента была пищаль и нѣсколько патроновъ! Питая совершенно неосновательныя надежды на сочувствіе народа, экзальтированные патріоты воображали также, что ихъ сторону будутъ держать войска, въ особенности артиллерія. Большинство ихъ было убѣждено, что во главѣ движенія стоятъ извѣстные люди, напр., професоръ Іорданъ, котораго и прочили въ президенты будущей республики. Разгоряченной фантазіи „демагоговъ“ представлялись революціонерами и республиканцами всѣ лица, желавшія реформъ, всѣ недовольные правительствами,—а такихъ было множество во всѣхъ классахъ общества. Реакціонеры поспѣшили воспользоваться этою ошибкою и постарались зачислить въ революціонеры всѣхъ, кто былъ недоволенъ ихъ системою, всѣхъ, кто расходился съ ними въ политическихъ мнѣніяхъ, всѣхъ, кто разсуждалъ и говорилъ о необходимости реформъ. Снова начали подготовлять огромную охоту на „демагоговъ“ и ждали только приличнаго повода, чтобы начать ее. Поводъ этотъ былъ данъ гамбахскимъ праздникомъ.

Въ то время, какъ въ Баваріи, несмотря на конституцію, злоупотребленія власти возбудили всеобщее недовольство, увеличиваемое еще вліяніемъ іюльской революціи, приверженцы правительственной системы вздумали отпраздновать 26 мая 1832 г. около развалинъ гамбахскаго замка годовщину баварской конституціи. Въ пику этой демонстраціи, прогрессисты устроили 27 мая въ Гамбахѣ-же митингъ, на который, несмотря на всѣ противодѣйствія полиціи, собралось отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ,—множество студентовъ, литераторовъ, чиновниковъ, адвокатовъ, бюргеровъ. Митингомъ руководили редакторы либеральныхъ газетъ, Зибенпфейферъ и Виртъ. Большинство посѣтителей было привлечено на этотъ праздникъ однимъ только любопытствомъ. Тутъ были люди всевозможныхъ политическихъ партій, существовавшихъ тогда

въ Германіи. Даже между главными ораторами митинга произошелъ разрывъ, потому что одни изъ нихъ увлекались германо-фильскою ненавистью ко всему французскому, между тѣмъ, какъ другіе держались идей, которыми Франція всегда осѣменяла европейскую почву. Весь либерализмъ митинга заключался въ общихъ фразахъ объ угнетеніи Германіи, въ рѣчахъ, нападавшихъ на злоупотребленія властей, но никогда недоходившихъ до революціонныхъ воззваній къ ниспроверженію существующихъ порядковъ. Поговорили нѣмцы и разошлись, и каждый мирно усѣлся подъ смоковницей своей.

Реакціонеры возликовали. „Гамбахскій праздникъ, глубокомысленно замѣтилъ князь Меттернихъ,—если только имъ хорошо воспользоваться, можетъ сдѣлаться праздникомъ благонамѣренныхъ!“ Въ виду будто бы приближающейся революціи, въ виду такихъ „революціонныхъ“ событій, какъ либеральная болтовня гамбахскихъ посѣтителей, союзный сеймъ, руководимый закоснѣлою въ реакціонныхъ козняхъ австропрусскою политикой, уже 28 іюня 1832 г. поспѣшилъ обнародовать свои новыя постановленія, приведшія въ негодованіе всѣхъ людей, непричастныхъ этой новой реакціонной интригѣ. Пресса, пользовавшаяся до сихъ поръ хотя нѣкоторой свободой, окончательно „обуздывалась“. Представительныя собранія низведены на степень совѣщательныхъ. Сеймъ присвоилъ себѣ право силою подавлять во всѣхъ государствахъ союза, даже противъ воли ихъ правительствъ, какое бы то ни было прогрессивное движеніе.

Въ то-же время въ Баваріи начался ожидаемый Меттернихомъ „праздникъ благонамѣренныхъ“ и снова пошли въ ходъ совѣты д-ра Бенценберга „немножечко поубивать либераловъ“. Баварское правительство объявило, что „если въ рейнскомъ округѣ недостаточно однихъ законовъ для обузданія безпокойной партіи, то оно пуститъ въ дѣло всю свою власть и всѣ средства, врученныя провидѣніемъ государю“. Виртъ, Зибенпфейферъ и многіе другіе тотчасъ были арестованы;

многіе бѣжали за границу; маршалъ Вреде и генералъ-маіоръ Горнъ заняли войсками рейнскій округъ. Съ мирными и безоружными жителями начали поступать, какъ съ бунтовщиками или непріятелемъ. Въ Цвейбрюкенѣ, напр., солдаты ни съ того, ни съ сего начали бросать каменьями въ публику, находившуюся въ садахъ и въ танцовальной залѣ. Одинъ купецъ, вышедшій къ солдатамъ, чтобы успокоить ихъ, былъ пораженъ сабельнымъ ударомъ въ голову. Напуганные этимъ убійствомъ бюргеры, похватали попавшіяся подъ руки палки, чтобы защищаться. Тогда солдаты сдѣлали полное нападеніе, и на мѣстѣ схватки осталось до 40 раненыхъ. По донесенію рейнскаго окружного ландрата, жители округа были доведены до отчаянія вслѣдствіе беззаконныхъ дѣйствій администраціи и солдатъ, постоянно нарушавшихъ личныя и имущественныя права гражданъ. Однакожъ этого было мало реакціонной лигѣ, и она выдумала еще новую штуку, все въ томъ же несчастномъ Гамбахѣ. Въ маѣ она распространила всюду объявленія о томъ, что администрація строжайше запрещаетъ повтореніе гамбахскаго праздника, хотя объ этомъ повтореніи никому и въ голову не приходило, тѣмъ болѣе, что всѣ главные участники праздника или сидѣли въ тюрьмѣ или бѣжали за границу. Этимъ объявленіемъ реакціонная партія какъ бы намекала жителямъ, что въ Гамбахѣ затѣвается новый праздникъ. Въ то-же время въ окрестностяхъ Гамбаха былъ расположенъ отрядъ войскъ изъ 48 эскадроновъ кавалеріи, нѣскольких батальоновъ пѣхоты, со многими артиллерійскими орудіями. Всѣ эти войска были размѣщены по домамъ гражданъ, извѣстныхъ своимъ либеральнымъ образомъ мыслей. Праздника въ Гамбахѣ, разумѣется, никакого не состоялось, и 27 мая 1833 года на гамбахской горѣ были замѣтны только хозяева замка, принадлежавшаго нѣсколькимъ владѣльцамъ, и толпы гуляющихъ, собравшихся вовсе не на митингъ. Все было мирно и тихо; не было ни рѣчей, ни пѣсенъ, никакихъ признаковъ политической сходки. Несмотря

на это, генералъ Горнъ и маршалъ князь Вреде приказали войскамъ немедленно очистить гору отъ посѣтителей. Солдаты и жандармы напали на безоружныхъ и непредвидѣвшихъ никакой опасности гражданъ. Штыками, прикладами, саблями били и рубили они мужчинъ, женщинъ, стариковъ, дѣтей, сталкивая и сгоняя ихъ съ горы и продолжая преслѣдовать ихъ даже подъ горою. Одинъ мальчикъ, продававшій на горѣ съѣстные припасы, былъ заколотъ штыкомъ; одинъ бюргеръ получилъ больше 20 ударовъ прикладомъ, 4 сабельныхъ раны на лицѣ и 2 раны штыкомъ; израненнаго его поволокли подъ гору, бросили въ тюрьму и только черезъ двои сутокъ дали ему постель и медицинскую помощь. Преслѣдованіе продолжалось на улицахъ Гамбаха и Нейштадта. По донесенію рейнскаго окружного ландрата, „солдаты съ опущенными штыками, съ обнаженными саблями рыскали по улицамъ, нападая на каждаго встрѣчнаго; женщины, дѣти, старики— всѣ падали подъ ихъ ударами. Одинъ восемнадцатилѣтній юноша былъ раненъ штыкомъ посреди улицы и тотчасъ умеръ. Другого бюргера застрѣлили сзади изъ ружья. Нѣсколько сотъ другихъ было ранено. Эта бойня продолжалась цѣлый день. Много было убитыхъ и нѣсколько сотъ раненыхъ бюргеровъ, но ни одинъ солдатъ не получилъ ни малѣйшаго поврежденія. И при этомъ, доноситъ упомянутый ландратъ,— „ни одинъ бюргеръ не дозволилъ себѣ ни малѣйшаго оскорбленія солдату, ни одинъ бюргеръ не былъ вооруженъ!“ Вся исторія, какъ писалъ королю одинъ общеуважаемый нейштатскій чиновникъ, была устроена реакціонною „враждебною партіей“, чтобы проучить либераловъ.

Но и этимъ дѣло не кончилось. Виртъ, Зибенпфейферъ, пасторъ Гохдерферъ и много другихъ лицъ цѣлый годъ томились въ крѣпости за участіе въ гамбахскомъ праздникѣ. Четверо изъ нихъ были приговорены къ смертной казни, девять—къ изгнанію. Для окончательнаго рѣшенія процесса были созваны ассизы въ крѣпости Ландау, гарнизонъ и пушки

которой, по заявленію правительства, вполнѣ обезпечивали „общественный покой и порядокъ, необходимые для правильнаго рѣшенія дѣла“. Но несмотря на всѣ усилія власти, процессъ принялъ самое благопріятное для подсудимыхъ направленіе; послѣ первыхъ же засѣданій ассизовъ, для всѣхъ стало ясно, что они будутъ оправданы. Реакціонная клика пустила тогда въ ходъ новую интригу, чтобы заставить присяжныхъ вынести обвинительный приговоръ. Солдаты, которымъ втеченіе нѣсколькихъ дней выдавались деньги на пьянство, старались вывести изъ себя жителей разными выходками, придирками и дебоширствами, чтобы выставить ихъ волненіе результатомъ пагубной дѣятельности Вирта и другихъ подсудимыхъ. Одинъ бюргеръ, проходившій по своимъ дѣламъ мимо тюрьмы, въ которой сидѣли подсудимые, былъ арестованъ солдатами; на шумъ сбѣжались жители; солдаты напали на нихъ съ криками: „ахъ, вы бюргерскія собаки“; „ужо, вотъ мы поотрубимъ головы проповѣдникамъ свободы!“ Снова началась такая же бойня, какъ въ Гамбахѣ и Нейштадтѣ. Ее объяснили тѣмъ, что будто бы солдаты вынуждены были защищать тюрьму отъ друзей подсудимыхъ, желавшихъ освободить ихъ!.. Въ то же время былъ пущенъ слухъ, что присяжныхъ убьютъ, если они произнесутъ оправдательный вердиктъ. Но присяжные, несмотря на эту угрозу, равно и на то обстоятельство, что они были назначены правительствомъ изъ его приверженцевъ, все-таки оправдали подсудимыхъ отъ обвиненія въ попыткѣ произвести бунтъ. Реакціонная партія, однакожъ, не захотѣла разстаться со своими жертвами, и оправданные подсудимые были снова преданы, по другимъ обвиненіямъ, суду исправительной полиціи, которая и покарала почти всѣхъ, приговаривая, напр., за оскорбленіе дорожнаго сторожа на основаніи той статьи уголовнаго кодекса, по которой осуждались виновные въ оскорбленіи величества! За порицаніе правительственныхъ распоряженій полиція налагала наказаніе, какъ за личное оскорбленіе министра

и т. д. Талантливаго, и поэтому ненавистнаго реакціонерамъ, редактора Вирта посадили на три года въ смирительный домъ „и заставили, какъ выражается Берне, носить мундиръ воровъ и вязать чулки“. Тюремное заключеніе такъ подѣйствовало на Вирта, что онъ превратился въ завзятаго филистера.

Въ то самое время, какъ въ Баваріи реацкіонеры вызывали бунтъ, но не съумѣли вызвать его, въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Германіи проявились хотя и вполнѣ революціонныя, но незначительныя движенія. Въ Виртембергѣ былъ открытъ военный заговоръ; во Франкфуртѣ 3 апрѣля 1833 г. совершилось неудачное возстаніе. Реакціонная лига, такимъ образомъ, довела положеніе дѣлъ до того, что призраки, которыми они запугивали государей и общество, начинали превращаться въ дѣйствительность. И хотя эта дѣйствительность далеко не была ужасною, хотя горсть экзальтированныхъ умовъ была совершенно безсильна, но реакціонеры не могли не воспользоваться упомянутыми случаями, чтобы подъ предлогомъ спасенія отечества отъ небольшой кучки экзальтированныхъ людей, устранить выполненіе тѣхъ реформъ, которыя были обѣщаны двадцать лѣтъ назадъ и которыхъ теперь снова требовалъ духъ времени. Начались новые аресты, обыски, новый терроръ, и вмѣсто закрытой въ 1827 г. майнцской комиссіи, въ іюнѣ 1833 г. открыта новая во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Хотя вся партія либераловъ еще осенью 1832 г. совершенно разошлась съ незначительной партіей демократовъ, отвергнувъ ихъ планы и отказавшись отъ всякаго участія въ тайныхъ обществахъ, но франкфуртская комиссія, повинуясь Меттерниху и другимъ руководителямъ реакціонной интриги, должна была смѣшать и отожествить съ фантазіями демократовъ не только стремленія либераловъ-практиковъ, но даже и такія совершенно одиночныя проявленія революціоннаго духа, какъ покушеніе на жизнь Луи-Филиппа въ 1835 г. (Фіеки). Съ 1833 по 1842 г. было подвергнуто судебному преслѣдо-

ванію за „политическія преступленія" болѣе 1,800 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились лучшіе представители нѣмецкаго ума и такія литературныя свѣтила, какъ Гейне, Берне, Гуцковъ и др. „Многіе томились въ тюремномъ заключеніи цѣлые годы, и вообще подслѣдственный арестъ былъ гораздо тяжелѣе и продолжительнѣе окончательнаго наказанія, опредѣленнаго судомъ. Большинство этихъ политическихъ арестантовъ состояло изъ неопытныхъ юношей; и эти-то молодыя растенія, слишкомъ быстрое развитіе которыхъ, ускоряемое напряженною силою того времени, проявлялось больше въ словахъ, чѣмъ въ поступкахъ,—эти-то молодыя растенія перемѣщали изъ ихъ теплицъ въ тюрьмы, чтобы засушить ихъ здѣсь и потомъ снова пересадить въ гражданское общество. Но не всѣ перенесли эту процедуру. Многіе увяли во цвѣтѣ юности; у многихъ надломились силы; многіе впали въ тяжкую болѣзнь или неизцѣлимое сумасшествіе, многіе прибѣгли къ самоубійству, какъ къ послѣднему средству спасенія" (Rott. und Welckers Staatlexikon, XI, 806).

Что же открыла комиссія?

Она открыла нѣсколько тайныхъ обществъ. Этого и слѣдовало ожидать. „Тайныя общества, говоритъ историкъ комиссіи Ильзе (мнѣніе котораго въ этомъ случаѣ имѣетъ особенный вѣсъ, такъ какъ, принадлежа къ консервативной партіи, онъ не сочувствуетъ ни тайнымъ обществамъ, ни тенденціямъ нѣмецкихъ революціонеровъ),—тайныя общества всегда возникаютъ и существуютъ тамъ, гдѣ или гнетъ власти подавляетъ всякое свободное движеніе въ народной жизни, всякую попытку свободной дѣятельности, или же, гдѣ вслѣдствіе прежнихъ политическихъ грѣховъ, (совершены ли они государями или революціей), подорваны нравственныя основы націи. Въ Китаѣ, какъ извѣстно, тайныхъ обществъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, хотя за участіе въ нихъ и положена смертная казнь... И сколько благородныхъ юношей и мужей, съ истиннымъ энтузіазмомъ любящихъ свое отечество и способныхъ съ поль-

зою служить ему, приносять себя въ жертву, присоединяясь къ тайнымъ обществамъ и обманываясь относительно ихъ силы, распространенности и конечной цѣли. Третируйте общественныя дѣла, какъ res publica, и тайныя общества исчезнутъ, какъ изчезаютъ тѣни ночи передъ солнечнымъ свѣтомъ!" Всѣ открытыя франкфуртской комиссiей тайныя общества—„Союзъ Юношей", „Нѣмецкiй Союзъ Справедливости", „Молодая Германiя" и др.—образовались подъ давленiемъ реакцiи изъ обществъ и кружковъ не только явныхъ, но даже признанныхъ правительствами, изъ буршествъ, гимнастическихъ обществъ, „Союза Добродѣтели". Мы уже говорили выше, какъ слабы и незначительны были самыя радикальныя изъ этихъ обществъ, имѣвшiя цѣлью сдѣлать революцiю и основать нѣмецкую федеральную республику; но даже тенденцiи и этихъ радикаловъ доходили до такой крайности вслѣдствiе гнета той же реакцiи, которая породила и самыя тайныя общества. Эти радикалы отказались бы и отъ революцiи, и отъ федеральной республики, еслибы въ Германiи совершены были тѣ реформы, которыя обѣщаны были еще въ 1813 г. Въ сущности, эти радикалы требовали только свободы печати, всеобщаго права петицiй, народнаго представительства, народной милицiи и объединенiя всѣхъ государствъ союза посредствомъ одинаковыхъ конституцiй и свободныхъ сообщенiй между ними (Ilse). Даже самъ Берне былъ конституцiонистъ и могъ бы удовлетвориться такими учрежденiями, которымъ онъ завидовалъ въ люифилипповской Францiи. Онъ съ негодованiемъ опровергалъ полицейскую клевету, будто бы всѣ нѣмецкiе либералы хотятъ перевернуть Германiю вверхъ дномъ и основать республику. „Какимъ жалкимъ, неискуснымъ защитникомъ нынѣшняго положенiя Германiи является Менцель, когда онъ утверждаетъ, что между этимъ положенiемъ и республикой нѣтъ ничего средняго, писалъ Берне.— Тѣмъ хуже, если нѣтъ; тѣмъ хуже, если нѣмцамъ только и остается на выборъ—или переносить этотъ порядокъ вещей,

или искать спасенія въ республикѣ!“ Дѣятельность большинства либераловъ, въ томъ числѣ и родоначальниковъ „Молодой Германіи“, Гейне и Берне, была чисто отрицательною дѣятельностью, направленною къ низпроверженію реакціонной тиранніи. Сама по себѣ это была мирная дѣятельность, это была литературная пропаганда гуманныхъ и демократическихъ идей. Правительство начало преслѣдовать ее, какъ „революціонную интригу“, и она по необходимости приняла революціонное направленіе. Болѣе и болѣе стало появляться прокламацій, брошюръ, книгъ и газетныхъ статей, призывавшихъ народъ къ возстанію и дававшихъ столько работы франкфуртской комиссіи; но всѣ эти прокламаціи, всѣ эти брошюры, всѣ эти запальчивыя воззванія были ни что иное, какъ та-же оппозиціонная литература, которая въ странахъ свободныхъ существуетъ въ формѣ мирной пропаганды, а подъ гнетомъ реакціи ожесточается, доходитъ до раздраженія, проповѣдуетъ не мирное развитіе, а насильственный переворотъ. Большая часть открытыхъ комиссіей государственныхъ преступленій состояла въ сочиненіи и распространеніи прокламацій, часто невиннаго свойства, и брошюръ. Даже многія тайныя общества республиканцевъ, какъ, напр., „Общество Человѣческихъ Правъ“, посвящали всю свою дѣятельность только такой пропагандѣ (Ilse). Преслѣдуя эти революціонныя сочиненія, нѣмецкія правительства и франкфуртская комиссія относили къ одному разряду съ ними и всѣ лучшія произведенія тогдашней германской литературы, почти все, что писали Гейне, Берне, Гуцковъ, которые и судились, какъ революціонеры, наравнѣ съ членами тайныхъ обществъ. Точно такія же натяжки и преувеличенія дѣлала комиссія при изслѣдованіи дѣятельности тайныхъ обществъ. Такъ, напр., она совершенно ложно доказывала, что во главѣ гессенскаго тайнаго общества, приготовлявшагося сдѣлать революцію и провозгласить республику, стояли професора Роттекъ, Велькеръ и Іорданъ; она причисляла къ тайнымъ обществамъ даже женщинъ, по-

могавшихъ политическимъ эмигрантамъ и т. д. Тайнымъ же обществамъ она приписывала такое значеніе, какого они вовсе не имѣли, хотя по ея же собственнымъ документамъ видно, что эти общества были слабы и несостоятельны до такой степени, что члены ихъ совершенно расходились между собою, какъ относительно цѣли своей дѣятельности, такъ и относительно средствъ. «Der deutsche Bund der Geächteten», напр., имѣлъ своею цѣлью основаніе германскаго единства, но члены его не имѣли никакого единаго, яснаго и опредѣленнаго плана относительно тѣхъ порядковъ, которые будутъ утверждены въ объединенной Германіи. Одни стремились къ республикѣ, другіе къ имперіи, причемъ императорскую корону предназначали то тому, то другому изъ нѣмецкихъ государей. Одни думали достигнуть всего этого путемъ мирной пропаганды, развивъ посредствомъ ея политическое самосознаніе нѣмцевъ до такой степени, что всякое сопротивленіе со стороны реакціонныхъ правительствъ окажется невозможнымъ; другіе рекомендовали предложить государямъ добровольно отречься отъ своихъ правъ! Такая же юность, шаткость, неопредѣленность политической мысли замѣтна и во всѣхъ другихъ тайныхъ обществахъ. И еслибы въ Германіи сдѣланы были либеральныя уступки духу времени, то, безъ сомнѣнія, всѣ эти общества изчезли бы сами собою. Реакціонный гнетъ не ослаблялъ, а только усиливалъ ихъ. До майнцской комиссіи не было, какъ мы ужѣ видѣли, никакихъ „демагогическихъ происковъ"; майнцская комиссія и современный ея реакціонный терроръ создали ихъ. До майнцской комиссіи и въ ея время въ рядахъ „демагоговъ" находилась почти исключительно молодежь; реакція продолжала съ прежнею силою и довела до того, что франкфуртская комиссія имѣла дѣло уже не съ одними юношами, но и съ людьми почтенныхъ лѣтъ всякихъ сословій,—съ пасторами, чиновниками, купцами, пивоварами, сапожниками, трактирными половыми и т. д. Реакція сама плодитъ и усиливаетъ враговъ своихъ. Она начинаетъ запу-

гиваніемъ общества красными призраками, потомъ своими регрессивными мѣрами заставляетъ эти призраки превращаться въ дѣйствительность, преувеличиваетъ размѣры и степень революціонности этой дѣйствительности и, наконецъ, до того запутывается въ своихъ собственныхъ козняхъ и сбивается съ толку, что теряетъ способность видѣть даже дѣйствительную опасность для себя, которая обыкновенно застигаетъ ее совершенно врасплохъ.

Духъ времени смягчаетъ нѣсколько даже и самую реакцію. Франкфуртская открытая судебная комиссія не дѣйствовала уже съ такимъ произволомъ и безцеремонностію, какъ тайная слѣдственная комиссія майнцская, въ приговорахъ которой могли встрѣчаться выраженія въ родѣ того, что „хотя такой-то и не сознается и противъ него нѣтъ доказанныхъ уликъ, но принимая во вниманіе его упорное запирательство“ и т. д. И хотя лица, привлеченные къ отвѣтственности франкфуртской комиссіей присуждались къ очень тяжелымъ наказаніямъ, но государи всегда значительно смягчали ихъ въ своихъ конфирмаціяхъ. Такъ изъ 204 буршей, судившихся въ Берлинѣ, 39 было приговорено къ смертной казни, которую король замѣнилъ тюремнымъ заключеніемъ отъ тридцатилѣтняго до пожизненнаго. Даже въ Вѣнѣ смертную казнь замѣняли иногда только двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Въ Дармштатѣ за распространеніе „возмутительныхъ сочиненій“ приговаривали въ тюрьму на два мѣсяца, а за участіе „въ измѣнническихъ тайныхъ обществахъ“ къ тюремному же заключенію отъ 6 мѣсяцевъ до 6 лѣтъ. Шестилѣтнее тюремное заключеніе было вообще высшею мѣрою наказанія. Въ добавокъ ко всему этому, правительства нерѣдко давали полныя амнистіи всѣмъ безъ исключенія лицамъ, осужденнымъ, судимымъ и даже находящимся подъ слѣдствіемъ за какія бы то ни было политическія преступленія. Такова была, напр., амнистія, данная прусскимъ королемъ 10 августа 1839 г. И хотя нѣмецкіе писатели глубоко него-

дуютъ на тогдашнюю реакціонную лигу, загубившую столько даровитыхъ и честныхъ людей, которыхъ она жестоко угнетала и преслѣдовала, хотя негодованіе нѣмцевъ и ихъ мнѣнія о жестокости реакціи справедливы, но, съ другой стороны, должно отдать нѣмецкимъ реакціонерамъ и ту справедливость, что они, при всей своей жестокости, никогда не доходили до такого звѣрства, до такого каннибальства, съ какими, такъ называемыя, „политическія преступленія“ преслѣдовались, напримѣръ, хотя въ бывшемъ неаполитанскомъ королевствѣ. Нужно отдать нѣмецкимъ реакціямъ справедливость и за амнистіи, хотя для сознанія необходимости послѣднихъ требовалось немного ума, такъ какъ для всѣхъ было очевидно, что число политическихъ преступниковъ, постепенно увеличиваясь, грозитъ дойти до такой громадной цифры, что образуется въ государствѣ благонамѣренныхъ особое государство „бунтовщиковъ“...

Въ періодъ франкфуртской комиссіи, открытой въ 1833 и закрытой въ 1842 г., въ Германіи продолжала дѣйствовать прежняя реакціонная система управленія, съ прежнимъ гнетомъ надъ печатью, университетами, надо всею общественной жизнью, съ прежними злоупотребленіями. При полиціи по прежнему состояла „по особымъ политическимъ порученіямъ“ наемная литература. Она обязана была прежде всего преслѣдовать и поражать нѣмецкихъ эмигрантовъ, которые, собираясь за границей, преимущественно въ Парижѣ, руководили отсюда мыслью передовой Германіи, будили и развивали ее, въ особенности Гейне и Берне. Наемная литература употребляла всѣ усилія, чтобы, очернивъ эмигрантовъ, подорвать ихъ авторитетъ въ Германіи; она изображала ихъ врагами отечества, пошляками, глупцами, людьми продажными. Такими же клеветами и пасквилями преслѣдовала она и всю нѣмецкую прогрессивную партію за ея политическія увлеченія, представляя людей этой партіи, съ одной стороны, слабоумными недорослями, съ другой злодѣями, опасными

для всего общественнаго порядка. По словамъ сикофантовъ, эти люди были образцами безнравственности и въ тоже время невинными ребятами, увлеченными какою-то коварною интригой; ихъ идеи выставлялись, какъ глупыя утопіи и ребяческія бредни и въ то же время, какъ ужасныя орудія переворота, болѣе страшныя, чѣмъ пули и бомбы; съ одной стороны эта литература потѣшалась надъ глупостью демагоговъ, которые, не замѣчая прирожденной благонамѣренности нѣмецкаго народа и желая революціонизировать его, уподоблялись глупцу, пробивающему своимъ лбомъ каменную стѣну; съ другой стороны она же била въ набатъ и кричала объ опасности для отечества опытовъ упомянутаго глупца! Кромѣ подобныхъ пасквилей и нелѣпыхъ доносовъ, наемная литература по прежнему продолжала поддерживать германофильское суемудріе, трактуя, что всѣ либеральныя реформы вовсе неприложимы къ нѣмецкому народу, который представляетъ собою „нѣчто особенное“ въ средѣ другихъ европейскихъ націй. „Да, отвѣчалъ на это Берне,—народъ, который несмотря на свою силу духа и на свободу духа, на свою здоровую натуру и чистоту нравовъ, никогда не могъ добиться того, что другіе народы съумѣли пріобрѣсть безъ силы духа, безъ свободы духа, безъ добродѣтели, наконецъ народъ, который не можетъ выйти изъ позорнѣйшаго несовершеннолѣтія и похожъ на идіота, боящагося привидѣній, или на ребенка, дрожащаго при видѣ розги,—такой народъ, дѣйствительно, *явленіе совершенно особенное!..*“ Сикофанты доходили даже до такой нелѣпости, что всѣ политическія либеральныя идеи, ходившія въ Германіи, всѣ требованія реформъ, всю пропаганду нѣмецкихъ прогрессистовъ выдавали за происки *жидовской интриги*, такъ какъ во главѣ этой пропаганды стояли еврей Берне и еврей Гейне! Вотъ что, напр., писалъ объ этой *жидовской интригѣ* извѣстный ренегатъ Ярке. „Эти принципы никогда не могутъ творчески войти въ дѣйствительную жизнь; Германія никогда не можетъ сдѣлаться республикой

по рисунку нынѣшнихъ соблазнителей народа; проповѣдуемыя ими свобода и равенство никогда не осуществятся даже при помощи силы террора. Мы склонны даже думать, что дерзновеннѣйшіе руководители пагубнаго направленія сами занимаются своимъ дѣломъ только какъ игрой въ высочайшія блага Германіи, что они лучше всякаго другого понимаютъ смертельную опасность этого образа дѣйствій и только для того продолжаютъ вести съ хитрымъ разсчетомъ дѣло совращенія другихъ съ пути истины, чтобы великимъ всемірно-историческимъ переворотомъ отомстить за гнетъ и позоръ, переносившіеся втеченіе нѣсколькихъ столѣтій народомъ, къ которому эти люди принадлежатъ по происхожденію, отъ нашего народа". Немногіе, впрочемъ, договаривались до такой ерунды, какъ гофратъ Ярке; большинство наемныхъ публицистовъ доказывало, что люди прогрессивной партіи совершенно оторвались отъ нѣмецкой почвы и совращаютъ Германію ненавистными идеями французскаго изобрѣтенія. „Напрасно, отвѣчалъ имъ Гейне,—напрасно стремитесь вы уронить въ общественномъ мнѣніи друзей отчизны и ихъ принципы, обзывая эти послѣдніе французскимъ революціоннымъ ученіемъ, а первыхъ—французскою партіей въ Германіи. Вы всегда спекулируете на самое худшее въ нѣмецкомъ народѣ, на національную ненависть, на религіозные и политическіе предразсудки, а особенно на глупость. Но вы не знаете, что даже и Германію не надуешь теперь старыми штуками, что даже и нѣмцы замѣтили, что національная ненависть есть только средство для порабощенія одного народа другимъ. Вы не знаете, что теперь въ Европѣ нѣтъ болѣе націй, а существуетъ только двѣ партіи, аристократія и демократія. По-настоящему вы бы должны называть насъ небесной партіей, а не французской, потому что это признаніе человѣческихъ правъ, на которомъ зиждется вся наша государственная наука, идетъ не изъ Франціи—(хотя оно тамъ громче и торжественнѣе, чѣмъ гдѣ-либо проповѣдуется), и не изъ Аме-

рики, откуда вывезъ его Лафайетъ: оно родилось въ небесахъ, въ этой вѣчной отчизнѣ Разума! Какъ ужасно должно быть для васъ это слово *Разумъ!* Вѣроятно, также ужасно, какъ и для вѣчныхъ враговъ его, клерикаловъ, царству которыхъ оно полагаетъ предѣлъ и которые въ минуту общей опасности вступаютъ съ вами въ союзъ!..“ Нѣкоторые изъ литературныхъ наемниковъ притворялись даже либералами, совершенно соглашались съ мнѣніями прогрессистовъ въ теоріи, но осуществленіе ихъ на практикѣ признавали „рановременнымъ“: нѣмцы, дескать, еще не доросли до свободныхъ учрежденій, достигать которыхъ нужно постепенно, а не такъ, какъ того желаютъ либералы, которые „способны только отрицать и разрушать“. „Эти господа, говорилъ Берне—постоянно уговариваютъ насъ, прежде чѣмъ разрушить ненавистное старое, возвести зданіе милаго новаго! А гдѣ намъ взять мѣста для постройки, когда прежній хламъ еще не вывезенъ, гдѣ взять строительнаго матерьяла, когда нельзя начать рубки лѣса,—этой тайны они намъ не открываютъ“.

Опираясь на свои штыки, на полицію и наемныхъ ученыхъ и публицистовъ, наслаждаясь настоящимъ и не заботясь о будущемъ, реакціонная лига продолжала благоденствовать, охотиться на демагоговъ и запугивать простоватыхъ бюргеровъ разными врагами общественнаго порядка. Твердо вѣруя въ прочность созданныхъ ими порядковъ, реакціонеры съ наглымъ безстыдствомъ проповѣдывали обывателямъ о спасительности своей опеки и о бдительности своихъ наемныхъ архистратиговъ, отгоняющихъ отъ народа всѣ дуновенія духа времени.

Мы будемъ горды, неприступны,
Къ вамъ не дойдетъ умовъ развратъ,—
Шпіоны наши неподкупны
И полицейскіе не спятъ!...

Въ дѣйствительности же, реакціонеры находились въ странномъ самообольщеніи, и вся ихъ система была гнилымъ зда-

ніемъ, готовымъ развалиться при первомъ мало-мальски значительномъ взрывѣ. Волненія 1846 г. въ Галиціи и открытые здѣсь слѣды обширнаго польскаго заговора до того потрясли эту систему и нагнали такого страха на правителей Австріи, что они прибѣгли къ средству, отъ котораго до сихъ поръ еще воздерживались, сознавая его опасность для самихъ себя. Австрійцы организовали восстаніе крестьянъ противъ неблагонамѣреннаго дворянства Галиціи. Достовѣрно извѣстно, что тарновскій окружной начальникъ выдавалъ крестьянамъ премію за каждаго плѣннаго дворянина; дозволялись подъ рукою даже самыя убійства. Со своими косами и вилами, съ топорами и дубинами крестьяне разграбили и выжгли тарновскій округъ, истребляя всѣ попавшіяся имъ дворянскія семейства.

Галицiйская рѣзня 1846 г. была послѣдней крупной интригой реакціи. Въ Германіи вѣялъ уже вѣтерокъ, предвѣщавшій грозу 1848 года. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ реакціонная система вызывала бунты даже среди крестьянъ. По поводу одного изъ такихъ волненій Берне писалъ: „Богъ покаралъ наше правительство слѣпотою, и оно само идетъ на гибель. Оно обнаруживало ненависть и презрѣніе къ спокойнѣйшимъ и благонамѣреннѣйшимъ писателямъ; оно не хотѣло допустить, чтобы жалобы и желанія народа были обсуждаемы въ мирной рѣчи; такъ вотъ, теперь пришли поселяне, теперь они начнутъ писать своими вилами, а мы посмотримъ, найдется ли цензоръ, который съумѣлъ бы не пропустить ихъ писанія!..“

Реакція принимала всевозможныя мѣры, пускала въ ходъ всякія интриги, хваталась за всякія средства, чтобы только остановить политическое развитіе Германіи, но результатомъ ея дѣятельности была революція...

Благодаря реакціи, нѣмецкая прогрессивная партія постепенно революціонизировалась и старалась революціонизировать общество. Благодаря той же реакціи заграницей, въ

Англіи, Швейцаріи, Парижѣ составлялись изъ нѣмецкихъ эмигрантовъ политическіе кружки, которые вели свою пропаганду въ Германіи и этимъ замѣняли въ ней отсутствіе свободной литературы. Запрещенныя сочиненія имѣли гораздо больше вліянія, чѣмъ имѣли бы они въ томъ случаѣ, еслибы ничто не препятствовало открытому появленію и распространенію ихъ на нѣмецкой почвѣ. Въ самой Германіи потребность въ свободной литературѣ возрастала больше и больше, и такому настроенію общества невольно подчинялась и цензура. Несмотря на ея строгости, все-таки велась дѣятельная пропаганда конституціонныхъ идей, причемъ важное вліяніе имѣлъ громадный, четырнадцатитомный Staatslexikon Роттека и Велькера. Политическія движенія заграницей и иностранная политическая литература имѣли еще болѣе сильное вліяніе. Духъ скептицизма и критики постепенно овладѣвалъ обществомъ. Тягостная опека, лежавшая на учебныхъ заведеніяхъ, воспитывала въ молодежи чувства недовольства и отрицанія, которыя вовсе не ладили съ тѣмъ благонамѣреннымъ направленіемъ, которое старались привить юношамъ. Молодежь стала презирать казенную науку и предпочитать ей свободное самообученіе, которое доводило ее до политическаго самосознанія, хотя и не создавало хорошихъ практическихъ дѣятелей. Независимо отъ крайнихъ тенденцій молодого поколѣнія, политическая мысль пробуждалась и въ буржуазіи и въ дворянствѣ. Дворянство Венгріи, Галиціи, Богеміи увидѣло, наконецъ, что возстановленіе крѣпостного права и другихъ феодальныхъ привилегій невозможно, и что оно можетъ вознаградить себя только конституціоннымъ путемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ странахъ и въ Италіи росло національное движеніе, ослабить которое были не въ силахъ ни Меттернихи, ни Сѣдльницкіе. Наконецъ, дѣла дошли до такого напряженнаго состоянія, что достаточно было одной вѣсти о февральской революціи въ Парижѣ, чтобы поставить вверхъ дномъ всю реакціонную систему и водворить въ Германіи

свободныя учрежденія. И что всего поучительнѣе, такъ это то, что нѣмецкія революціонныя движенія 1848 г. разразились нежданно-негаданно для реакціонной лиги и, при всей своей слабости, привели въ такое замѣшательство реакціонеровъ, что послѣдніе, будучи не въ силахъ задушить революцію, уступили ей почти на всѣхъ пунктахъ.

Вотъ до чего довела реакціонная интрига! Мирныхъ прогрессистовъ она превратила въ революціонеровъ, породила заговоры, бунты, „утопіи". Запугивая общество красными призраками, она создала красную дѣйствительность и совершенно спасовала передъ ней, погибая отъ собственной трусости и находя утѣшеніе въ одной только надеждѣ на свое воскресеніе.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ эта надежда оправдалась, и реакція воскресла, досадуя на себя, что совершенно напрасно испугалась революціи до смерти. Гейне былъ совершенно правъ, когда говорилъ реакціонерамъ: „не бойтесь вы этихъ маленькихъ дураковъ, смущающихъ васъ иногда своими подозрительными шутками. Большой дуракъ спасетъ васъ отъ маленькихъ. Этотъ большой дуракъ очень великъ, колоссально великъ,—имя ему Нѣмецкій Народъ. Да, это величайшій дуракъ! Его пестрый кафтанъ состоитъ изъ 36 лоскутковъ; вмѣсто колокольчиковъ, къ его шапкѣ привѣшены настоящіе тяжелые церковные колокола, а въ рукѣ его огромная желѣзная палка. Но грудь его полна скорби; онъ только не хочетъ думать объ этой скорби. Потому-то онъ и выкидываетъ такія веселыя штуки и смѣется подъ часъ, чтобы не плакать. Когда же страданія становятся слишкомъ жгучими и онъ не въ силахъ забыть ихъ,—онъ, какъ безумный потрясаетъ головой и оглушаетъ себя набожнымъ звономъ колоколовъ, висящихъ на его шапкѣ. Если зайдетъ къ нему вѣрный другъ сочувственно потолковать съ нимъ объ его горѣ и сообща придумать противъ него какое-нибудь домашнее средство, онъ тотчасъ же приходитъ въ ярость и бьетъ друга

своей желѣзной палкой. Онъ злѣйшій врагъ друзей своихъ и лучшій другъ своихъ враговъ. О, великій дуракъ всегда остается вамъ покорнымъ и вѣрнымъ! Онъ всегда будетъ развлекать вашихъ дворянчиковъ своими великанскими шуточками; каждый день будетъ въ угоду вамъ показывать свои старые фокусы: балансировать на носу невыносимыя тяжести и заставлять сотни тысячъ солдатъ топтать ему брюхо... Но не боитесь-ли вы, что дурака когда нибудь утомятъ эти тяжести, что онъ сброситъ съ себя всѣхъ вашихъ солдатъ, или, расшутившись не въ мѣру, такъ придавитъ ваши собственныя головы своимъ мизинцомъ, что мозгъ брызнетъ у васъ до звѣздъ... Не бойтесь, я только шучу. Великій дуракъ пребудетъ вамъ вѣрноподданнически послушенъ, и еслибъ маленькіе дураки захотѣли повредить вамъ, вамъ стоитъ только кивнуть головой—большой дуракъ тотчасъ убьетъ ихъ“ (Гейне, изд. П. Вейнберга, VII, 26).

Переполохъ 1848 г. скоро кончился; конституціи остались только на бумагѣ, и хотя ни въ пятидесятыхъ, ни въ шестидесятыхъ годахъ въ Германіи не было уже такого реакціоннаго террора, какъ въ эпоху франкфуртской и майнцской комиссій, хотя наука, университеты и литература, кромѣ политической, пользовались значительной свободой, хотя конституціонная *форма* утвердилась во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, но упомянутая реакція, нѣсколько смягченная, впрочемъ, продолжается и до сихъ поръ, и до сихъ поръ реакціонеры играютъ прежнюю комедію, благодаря наивности и невѣжеству „большого дурака“, о которомъ говоритъ Гейне.

III.

РАБСТВО ВЪ СИБИРИ.

РАБСТВО ВЪ СИБИРИ.

I.

При столкновеніи двухъ враждебныхъ расъ на извѣстномъ географическомъ пространствѣ, обыкновенно, происходитъ слѣдующее явленіе: раса высшая и болѣе сильная подчиняетъ своему господству болѣе слабую—или въ силу своего умственнаго и соціальнаго превосходства, или посредствомъ физическаго насилія и завоеванія. Въ первомъ случаѣ подчиненіе происходитъ безъ пролитія крови и опустошеній, неразлучныхъ съ войной; племя дикое и бѣдное мирно поддается вліянію цивилизованной расы, пользуясь благодѣяніями гуманнаго образа жизни, болѣе или менѣе свободныхъ учрежденій и высшаго умственнаго развитія. Въ этомъ случаѣ совершается постепенное сліяніе враждующихъ расъ, и чѣмъ выше цивилизація господствующаго племени, чѣмъ больше добра и счастія она можетъ дать племени слабому и бѣдному, тѣмъ вѣрнѣе обезпечивается мирное и безобидное подчиненіе ея чужеземному вліянію. Напротивъ, величайшимъ несчастіемъ и страданіями сопровождается тотъ фактъ, когда образованная и высшая раса подпадаетъ подъ господство варварскаго племени, не имѣющаго ничего дать своему покоренному народу, кромѣ рабства и насилія. Когда же приходятъ въ столкновеніе два племени, стоящія почти на одинаковой степени умственнаго и соціальнаго развитія, тогда господство одного надъ другимъ утверждается

только въ силу физической борьбы, и побѣда остается на сторонѣ болѣе многочисленной или воинственной расы. Это кровавый путь господства, усѣянный костями и пепломъ истребляемаго племени.

Въ Сибири, какъ въ странѣ, завоеванной такими людьми, которые не многимъ были выше ея туземныхъ полудикихъ племенъ, побѣда господствующей расы была результатомъ войны и всѣхъ ея послѣдствій. Война и рабство шли рядомъ повсюду, гдѣ только соприкасались враждебныя населенія въ этой обширной странѣ. Русскіе явились въ Сибирь, какъ завоеватели, и кромѣ оружія и эксплуатація не могли ничего принести съ собою въ среду туземнихъ населеній и потому рабство, существовавшее до нихъ, съ приходомъ ихъ еще болѣе усилилось. Обстоятельства временъ завоеванія, замиренія и колонизаціи этой страны вплоть до начала XIX в. заставляли сибиряка обращать инородца въ неволю, которая, наконецъ, должна была сдѣлаться однимъ изъ главныхъ орудій подчиненія враждебныхъ племенъ. Конечно, если бы вмѣсто русскихъ въ Сибирь пришли люди болѣе развитые въ соціальномъ отношеніи, то они обошлись бы и безъ невольничества. Но тогдашніе русскіе, вскормленные молокомъ крѣпостного права, съ молодыхъ ногтей привыкшіе ко всякаго рода безобразнымъ насиліямъ и смотрѣвшіе на всѣхъ инородцевъ, какъ на еретиковъ и людей отверженныхъ, были сами рабами и нисколько не возмущались этимъ положеніемъ. А уважать человѣческое достоинство и свободу другихъ можетъ только тотъ человѣкъ, который самъ никогда не носилъ цѣпей рабства. Понятно, что если у завоевателей и колонизаторовъ Сибири не было такой нравственной силы, то они необходимо должны были водворять рабство вездѣ, гдѣ только ступала нога ихъ.

Прежде всего русскимъ нужны были женщины, и вотъ они обращаютъ въ рабство инородокъ, дѣлаютъ ихъ своими наложницами женами и рабами-хозяйками. Еще патріархъ Филаретъ вооружался противъ того, что русскіе въ Сибири отни-

маютъ у инородцевъ ихъ женъ и дочерей и живутъ съ ними, съ некрещенными и невѣнчанными, какъ съ женами. Но несмотря на подобныя запрещенія, обычай брать въ жены и наложницы инородческихъ рабынь продолжалъ существовать вплоть до времени окончательнаго замиренія Сибири въ концѣ XVIII в. Покоряя не мирныхъ или усмиряя бунтовавшихъ инородцевъ, русскіе, обыкновенно, брали въ полонъ ихъ женщинъ и раздѣляли съ ними свое ложе или продавали для этого другимъ. Такъ, напр., въ приенисейскихъ странахъ казаки похищали красавицъ качинскихъ, тубинскихъ, киргизскихъ и другихъ. Галкинъ овладѣваетъ женою кетскаго князя Теленеха; жена киргизскаго князя Ижинея также достается побѣдителю; дружина воеводы Дубенскаго захватываетъ женъ и дочерей бурятскихъ и т. д. Эти захваты инородческихъ женщинъ совершались не въ одно только военное время, а также и въ мирное. Воеводы, ихъ чиновники, казаки, стрѣльцы,— всѣ, кто только имѣлъ въ своихъ рукахъ власть и значеніе, во время своихъ разъѣздовъ по стойбищамъ инородцевъ, не только „имали къ себѣ" ихъ женщинъ ради кратковременнаго блуднаго воровства, но часто завладѣвали ими вовсе, и, увозя съ собою, пользовались ими сами, или продавали ихъ другимъ. Сладострастное и развращенное населеніе старинной Сибири съ самаго своего появленія въ этой странѣ водворило здѣсь обычай многоженства [1]). Женщинъ требовалось много, а русскихъ женщинъ было чрезвычайно мало, и сибиряки по неволѣ должны были составлять свои гаремы изъ инородокъ, захваченныхъ на войнѣ или просто отнятыхъ въ мирное время. Наложницъ было по нѣскольку даже у каждаго простаго казака; они сплошь и рядомъ продавались и закладывались рублей въ 10—20 [2]). При покореніи и первомъ заселеніи Кам-

[1]) См. объ этомъ мои *Очерки нравовъ въ старинной Сибири*, Отечеств. Записки, 1867 г. Книжка 20—22.

[2]) Миллеръ, Исторія Сибири, ч. II. стр. 412, въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, 1764 г.

чатки, завоеватели пріобрѣли множество рабовъ, состоящихъ преимущественно изъ женщинъ, которыя были обязаны услаждать своихъ господъ въ качествѣ наложницъ [1]). Тоже самое дѣлали служилые люди всѣхъ другихъ мѣстностей Сибири. Доставать инородокъ было очень легко,—стоило только вооруженной партіи отправиться въ стойбище дикарей и, выбравъ тамъ молодыхъ женщинъ, увезти ихъ съ собою, а если бы этому вздумали сопротивляться ихъ мужья и родственники, то развѣ трудно было русскому человѣку усмирить ихъ пулей, саблей или просто кнутомъ! И вотъ, если русскому надоѣдала старая наложница, то онъ прогонялъ ее и добывалъ другую; если ему нужны были деньги, онъ часто продавалъ жену, а когда разживался средствами, то или покупалъ себѣ новую, или просто даромъ бралъ ее изъ инородческаго улуса; если онъ былъ человѣкъ практическій и если на мѣстѣ его жительства былъ сильный запросъ на женщинъ, то онъ набиралъ нѣсколько инородокъ и пускалъ ихъ въ торговый оборотъ. Такъ поступали даже простые, служилые и торговые люди, и само собою понятно, что воеводы и другіе значительные чиновники, самовластно царившіе въ трущобахъ отдаленной Сибири, могли имѣть гораздо больше наложницъ и вести болѣе обширную торговлю женщинами, чѣмъ подчиненные имъ люди. Дѣйствительно, историческіе акты полны свидѣтельствъ, что воеводы постоянно отнимали у инородцевъ ихъ женъ, дочерей, работниковъ, родственницъ, и дѣлали ихъ своими наложницами или на время „имали ихъ къ себѣ на постель для блуднаго воровства“. Эти женщины иногда дарились воеводамъ въ видѣ взятки торговыми и служилыми людьми; а чаще воеводы сами, или черезъ своихъ довѣренныхъ агентовъ, разнюхивали, гдѣ есть хорошенькая женщина, и воровали ее или отнимали открытою силою. Нѣкоторые изъ нихъ содержали цѣлые гаремы. Но воеводы не довольствовались захватомъ ино-

[1]) Крашенинниковъ «Описаніе Камчатки» т. II. стр. 244.

родокъ, для своей личной потребности, а набирали ихъ также и для продажи. Отнимая у инородцевъ женъ, дочерей и родственницъ, воеводы продавали ихъ для брака и наложничества русскимъ или инородцамъ же [1]), безсознательно подражая въ этомъ отношеніи королямъ Дагомеи, которые продаютъ своимъ подданнымъ въ жены—рабынь, добытыхъ путемъ войны или покупки. Продажа женщинъ, какъ воеводами, такъ и людьми другихъ состояній, какъ ихъ мужьями и родственниками, такъ и ихъ господами, не прекращалась въ Сибири вплоть до конца прошедшаго столѣтія [2]). Цѣны этихъ продажныхъ женъ и наложницъ видоизмѣнялись, сообразно съ обстоятельствами мѣста и времени, съ возрастомъ и достоинствомъ товара. Въ первое время русскаго владычества, инородческая взрослая женщина стоила вообще отъ 10 до 20 рублей. Впрочемъ, цѣну какъ рабовъ, такъ и другихъ товаровъ, ходившихъ въ старинной Сибири, часто довольно трудно опредѣлить въ точности, ибо въ большинствѣ случаевъ товары мѣнялись, а не продавались на деньги. Вотъ напр., въ Охотскѣ умеръ казакъ Алексѣй Константиновъ и оставилъ послѣ себя свою покупную наложницу; некрещенную дѣвку Лаврукъ. Ею завладѣлъ приказный Ярыжкинъ и продалъ ее тунгусу Кеванію за 10 соболей да 10 красныхъ лисицъ, а послѣдній перепродалъ ее другому тунгусу за 7 соболей, 4 пластины собольи и 10 красныхъ лисицъ [3]). Кромѣ взрослыхъ и способныхъ къ половому акту инородокъ, сибиряки покупали несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и воспитывали ихъ до возраста возмужалости и уже тогда дѣлали ихъ своими наложницами, или же тотчасъ послѣ покупки растлѣвали ихъ; какъ во всякомъ сильно развращенномъ обществѣ, такъ и въ старинно-сибирскомъ, растлѣніе малолѣтнихъ было зломъ самымъ обыкновеннымъ. Цѣна

[1]) Дополн. къ Акт. Истор. т. VIII, стр. 69.
[2]) См. мои Очерки нравовъ въ старинной Сибири, Отечеств. Записки, 1867 г. кн. XX стр. 684.
[3]) Доп. къ Акт. Ист., т. VII, стр. 286.

упомянутыхъ дѣвочекъ была очень незначительна; въ березовскомъ краѣ, напр., семилѣтняя остячка стоила не дороже 20 копѣекъ; и это не было minimum цѣны! [1]).

Вмѣстѣ съ продажей женщинъ для брака и наложничества, въ старинной Сибири существовалъ возмутительный обычай отдавать женщину на временное пользованіе, или въ кортомъ. Этотъ обычай былъ въ ходу и у русскихъ, и у инородцевъ; дикари, живущіе въ бывшихъ владѣніяхъ Россійско-Американской Компаніи, удержали его до сихъ поръ [2]). Если владѣлецъ инородки-наложницы уѣзжалъ куда-нибудь и не хотѣлъ или не могъ взять ее съ собою; если онъ нуждался въ деньгахъ, или просто она надоѣдала ему и онъ не хотѣлъ бросить ее даромъ, — то онъ предлагалъ ее желающему за извѣстную плату, на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго онъ могъ получить ее обратно [3]). Такія наложницы назывались тогда *кортомными дѣвками*. Отдача въ кортомъ была, конечно, очень выгодна для рабовладѣльцевъ, но промыселъ публичнаго разврата былъ еще выгоднѣе. И вотъ, рабовладѣльцы пускаютъ на этотъ промыселъ своихъ невольницъ, иногда даже формируютъ изъ нихъ цѣлые публичные притоны. Воеводы не разъ „отдавали помѣсячно безмужнихъ женъ на блудъ" и заводили дома терпимости [4]); невольницы-инородки составляли значительную часть населенія этихъ убѣжищъ разврата и, конечно, доставляли своимъ хозяевамъ не малые барыши.

Итакъ, закабаленіе инородокъ для наложничества и брака имѣло своею цѣлью не одно только удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ, а также и коммерческій барышъ. Не говоря уже о торговлѣ женщинами, объ отдачѣ ихъ въ кортомъ и на промыселъ разврата, самое содержаніе женщины для налож-

---

[1]) Словцовъ, т. II, стр. 91.
[2]) См. мою статью о Р. А. Комп. газета „Очерки", 1863 г., № 58—61.
[3]) Миллеръ, т. II, стр. 412.
[4]) Акты Историч., т. IV, стр. 183.

ничества также приносило существенныя выгоды рабовладѣльцу, доставляя ему разомъ и самку, и даровую работницу. Эти невольницы, вмѣстѣ съ другими рабами, составляли низшій, рабочій классъ старинной Сибири, — классъ, созданный экономической необходимостью. Проходя обширныя и пустынныя страны отъ Урала до водъ Тихаго океана, прочищая дороги, строя гати на вязкихъ, невысыхающихъ болотахъ, воздвигая крѣпости и острожки, доставляя изъ Россіи провіантъ и исполняя другія общественныя работы, русскіе пользовались въ обширныхъ размѣрахъ силами инородцевъ, сгоняя на работы цѣлыя улусы этихъ *государственныхъ рабовъ*, на которыхъ лежали невыносимыя государственныя повинности. Но эти общественныя работы не въ такой сильной степени привлекали къ себѣ силы инородцевъ, какъ работы частныя; первыя, кромѣ инородцевъ, отправлялись еще множествомъ лицъ другихъ состояній и русскаго происхожденія, каторжниками, гулящими людьми и т. д. Для казенныхъ нуждъ почти всегда находилось довольно русскихъ работниковъ; для частно-хозяйственнаго труда ихъ было мало. Народонаселеніе старинной Сибири вело бродячую жизнь, искрещивая эту страну по всѣмъ направленіямъ, покоряя и усмиряя инородцевъ, извѣдывая новыя страны, охотясь за дорогими звѣрями и т. д. Почти всѣ русскіе силы были отвлечены трудами завоеванія и звѣроловства. Люди, которые, при другихъ обстоятельствахъ, были бы домашними слугами и работниками, тогда ждали только перваго случая, чтобы присоединиться къ какой-нибудь завоевательной партіи, или, закинувъ за плечи винтовку, отправлялись въ далекую тайгу на добычу соболя и бѣлки. Прибавьте къ этому чрезвычайную малочисленность русскаго населенія Сибири, и вы поймете причину тѣхъ постоянныхъ жалобъ на недостатокъ прислуги и работниковъ, которыя слышатся во всѣ періоды сибирской исторіи. Между тѣмъ, въ старину рабочихъ рукъ требовалось сравнительно гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ, потому что, при чрезвычайной малочислен-

ности рабочаго скота, особенно лошадей, работы, отправляемыя нынѣ посредствомъ животныхъ, тогда совершались человѣческою силою. Купецъ, напр., объѣзжалъ инородческія стойбища, разсѣянныя по обширной тайгѣ, не на лошадяхъ, а *нартною тягою*, т. е. и самъ купецъ, и его товары возились на небольшихъ санкахъ, называемыхъ въ Сибири нартами, и, вмѣсто лошадей, эти нарты тянулись людьми. Посредствомъ нартной тяги передвигались иногда цѣлые обозы, и казенные и частные; иногда тѣмъ же способомъ отправлялась почтовая гоньба на цѣлыя сотни верстъ. Кромѣ того, большой, главный трактъ Сибири, по неустройству дорогъ и малочисленности лошадей, былъ водный, и для сплава судовъ вверхъ по рѣкамъ, употреблялись также люди тянувшіе суда бичевой. Къ этому нужно прибавить еще домашнія работы, для которыхъ русскихъ работниковъ также было чрезвычайно мало. Гдѣ же могъ найти сибирякъ рабочія руки, какъ не въ инородческихъ улусахъ, и неужели могъ онъ держаться вольно-наемнаго труда, когда силами и личностью инородца онъ могъ пользоваться совершенно даромъ, обративъ его въ рабство!

Экономическая необходимость рабства и расположенность къ нему русскаго населенія Сибири, были такъ сильны, что въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій, законъ, повидимому, ограждавшій инородца отъ насилія, былъ принужденъ уступить самой жизни, и рабство было признано и получило съ этого времени особенно сильное, сравнительно съ предъидущимъ вѣкомъ, развитіе. Оба эти періода я разсмотрю отдѣльно, тѣмъ болѣе, что о послѣднемъ изъ нихъ я имѣю довольно данныхъ, притомъ большею частью новыхъ, между тѣмъ, какъ историческія свидѣтельства о невольничествѣ до XVIII вѣка очень недостаточны. И неполнота моего очерка кладетъ вину отнюдь не на мою небрежность въ изслѣдованіи источниковъ, а лишь на скудость послѣднихъ.

Мы уже сказали выше, что рабство есть неизбѣжный спутникъ войны. Покоряя инородцевъ „*въ вѣчное великому госу-*

дарю холопство", обращая ихъ въ государственную кабалу, завоеватели захватывали обыкновенно много плѣнниковъ или *ясырей* и дѣлали ихъ своими личными рабами. Русскіе брали преимущественно женщинъ и дѣтей, такъ какъ мужчины или не давались живыми въ руки или обращались въ бѣгство, бросая свои семейства на произволъ судьбы; да и пріучить къ рабству и ко всѣмъ, сопряженнымъ съ нимъ лишеніямъ, было гораздо легче женщину и ребенка, чѣмъ взрослаго дикаря, привыкшаго къ извѣстной личной свободѣ, которая допускалась условіями его быта и которой онъ вовсе не могъ имѣть въ неволѣ у русскаго человѣка. Плѣнники забирались почти при каждомъ походѣ, и нерѣдко цѣлыми толпами. Такъ, въ 1596 г., во время похода на башкирцевъ, принадлежавшихъ къ уфимскому уѣзду, русскіе взяли много плѣнниковъ, нѣкоторые изъ нихъ были казнены, а большинство распродано въ рабство по сибирскимъ городамъ [1]). При походѣ енисейскаго воеводы Хрипунова въ бурятскую землю въ 1628 г., его команда вывела въ Енисейскъ нѣсколько бурятскихъ плѣнниковъ, женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, всего 21 челов. Въ то же время на бурятъ ходили красноярцы, и также вернулись домой съ бурятскими невольниками [2]). Томскіе и красноярскіе служилые, постоянно воевавшіе въ XVII вѣкѣ съ енисейскими киргизами, часто разоряли ихъ жилища, угоняли скотъ, а женъ и дѣтей уводили въ рабство [3]). Это продолжалось вплоть до XVIII столѣтія, когда калмыки выгнали киргизовъ съ верховьевъ Енисея. Въ 1704 г. на киргизовъ, кочевавшихъ на Божьихъ Озерахъ, ходилъ томскій казачій голова, Цицуринъ, съ командою въ 738 человѣкъ. Въ битвѣ съ казаками пало убитыми 113 киргизовъ и татаръ, а въ плѣнъ уведено 237 человѣкъ обоего пола [4]). Въ 1632 г. „Божіею милостью" то-

---

1) Миллеръ, т. II, стр. 6.
2) Фишеръ, стр. 247—249.
3) Ibid, стр. 294.
4) Древности и достопамятности Сибири, въ Сибирск. Вѣстникѣ 1822 г.

больскіе и тарскіе служилые люди ходили на калмыковъ, побили ихъ и вернулись въ Тару съ плѣнными невольниками [1]). Въ 1680 г. сынъ боярскій, Леонтій Трифоновъ, ходилъ на немирныхъ тунгусовъ „и на бою взялъ онъ 10 робятъ мужескаго пола, да 20 дѣвокъ, да 10 бабъ“ [2]). Даже на отдаленныхъ берегахъ Амура въ странѣ „свирѣпыхъ дауровъ“, болѣе воинственныхъ и болѣе имѣвшихъ счастія въ борьбѣ съ русскими, послѣдніе захватывали множество плѣнниковъ. Походъ Хабарова, напр., былъ рядомъ побѣдъ надъ даурами, и почти при каждой битвѣ, почти при каждомъ нападеніи на инородческіе улусы, русскіе хватали ясырей. Въ 1652 г. „2 іюня—пишетъ Хабаровъ—подѣлавъ суды большія и малыя, и прося у Бога милости, поплыли мы изъ Албасина“ и черезъ два дня доплыли до юртъ, изъ которыхъ „даурскіе люди всѣ уѣхали и мы лишь только схватили ясыря, даурскую бабу...“ Взявъ, послѣ ожесточеннаго штурма, три укрѣпленія князей Олгемзы и Латодія, русскіе дауровъ въ пень порубили 641 челов., большихъ и малыхъ, а ясырю взято бабья поголовно старыхъ и молодыхъ, и дѣвокъ 243, да мелкаго ясырю, ребенковъ 118 человѣкъ.“ Въ улусахъ Балдачана и Толги „ясырей переимано 170, окромѣ малыхъ робятъ...“ Плывя дальше, „проплыли 21 улусъ, а въ послѣднихъ улусахъ языковъ иныхъ имали, иныхъ рубили, и ясырь хватали. И на другой день плыли все улусами же до устья Шингала, и начали ясакъ прошать, и они намъ отказали и мы ясырь ихъ мужиковъ похватали и многихъ людей побили. И поплыли внизъ по Амуру, и плывя два дня да ночь, всѣ улусы громили и людей побивали, и ясырь имали. И плыли семь дней отъ Шингалу,—все улусы большіе, юртъ по 70 и 80, и мы ихъ въ пень рубили, а женъ и дѣтей ихъ имали и скотъ“ и т. д. Словомъ, хабаровцы нахватывали столько плѣнниковъ, что множество ихъ выпускали на волю

[1]) А. И. т. III, стр. 314.
[2]) Д. къ А. И., т. VII, стр. 391.

даже безъ всякаго выкупа [1]). Часто русскіе съ такой рѣшительностью охотились за инородцами во время своихъ походовъ противъ нихъ, что это доводило дикарей до открытаго бунта. Такъ захваты женъ и дѣтей енисейскихъ киргизовъ и обращеніе ихъ въ рабство были главною причиною того, что киргизы свергли принятое уже ими русское подданство и сдѣлались заклятыми врагами не только русскихъ, но даже и тѣхъ инородцевъ, которые мирно жили подъ ярмомъ воеводъ и казаковъ [2]). И нужно замѣтить, что военные походы и почти неразлучное съ ними захватыванье инородцевъ въ полонъ, совершались не только противъ непокорныхъ или бунтовскихъ, но часто и противъ совершенно мирныхъ дикарей. За сборомъ ясака и за ясырями на однихъ и тѣхъ же инородцевъ, сплошь и рядомъ, набѣгали нѣсколько разныхъ партій изъ совершенно разныхъ городовъ. Вотъ, напр., къ котовскому князьку, Темсенеку, приходитъ казакъ, Михайло Шоринъ, за покупкой соболей, но Темсенекъ не имѣлъ продажныхъ, и Шоринъ ушелъ ни съ чѣмъ. Черезъ два мѣсяца атаманъ Галкинъ, вмѣстѣ съ Шоринымъ и другими казаками, напалъ на стойбище Темсенека, разграбилъ юрты, убилъ двадцать человѣкъ и увелъ много захваченныхъ плѣнниковъ, въ особенности женщинъ и дѣтей [3]). Или вотъ, на покорившихся уже русскимъ бурятъ приходятъ одна за другой партіи изъ разныхъ городовъ, и каждая партія, въ свою очередь, разоряетъ улусы, отгоняетъ скотъ, уводитъ въ полонъ женщинъ и дѣтей. Буряты перестали платить ясакъ и начали долгую, кровавую борьбу противъ завоевателей. Они говорили русскимъ: „отъ одного-де государя приходятъ къ намъ двои люди, одни-де верхоленскіе служилые люди подъ государеву царскую высокую руку приводили и ясакъ на государя брали, а другіе люди

---

1) Д. къ А. И., т. III; стр. 359—364.

2) Фишеръ, стр. 294.

3) Миллеръ, II, стр. 306.

отъ государя-жь пришедши на насъ войною, насъ побиваютъ, а женъ и дѣтей въ полонъ имаютъ,—и намъ какъ подъ государевой высокою рукою быть!“ [1]) Открывая военныя дѣйствія противъ совершенно мирныхъ инородцевъ, русскіе тѣмъ съ большею беззастѣнчивостью и жестокостью дѣйствовали противъ возмутившихся или готовившихся къ бунту дикарей. Самый терминъ, которымъ обозначались эти дѣйствія, обрисовываютъ ихъ варварскій характеръ,—тогда говорили *не усмирять измѣнниковъ*, а большею частью—*искоренять измѣнниковъ*. Но искоренялись только мужчины, а женщины и дѣти уводились въ рабство. При многочисленности инородческихъ бунтовъ; при томъ обстоятельствѣ, что воеводы иногда сами сочиняли небывалые заговоры и бунты, съ цѣлью пріобрѣсть благовидный предлогъ для враждебныхъ дѣйствій противъ дикарей [2]), число инородцевъ, взятыхъ въ плѣнъ и обращенныхъ въ рабство, было очень значительно, особенно въ XVIII столѣтіи, какъ мы это увидимъ во второй и четвертой главахъ настоящей статьи.

Кромѣ обращенія въ рабство плѣнниковъ, взятыхъ или во время покоренія немирныхъ племенъ, или при усмиреніи бунтовщиковъ, сибиряки всѣхъ сословій и состояній, начиная отъ воеводъ и кончая послѣднимъ купчишкой, захватывали для той же цѣли дикарей совершенно мирныхъ и ни въ какихъ бунтовскихъ замыслахъ невиноватыхъ. Во время своихъ разъѣздовъ по инородческимъ стойбищамъ, или во время пріѣзда дикарей въ русскія поселенія, сибиряки отнимали у инородцевъ ихъ женщинъ, дѣтей и другихъ лицъ, которыхъ они желали обратить въ рабство. Въ актахъ того времени постоянно говорится, что въ Сибири разные служилые, торговые и промышленные люди „у инородцевъ насильствомъ женокъ, дѣвокъ

---

[1]) Д. къ А. И., т. III, стр. 22—23.
[2]) См. напр. Д. къ А. И., т. IV, стр. 297—313.

и ребятъ имали и у себя держали“ въ рабствѣ [1]). Въ березовскомъ краѣ, напр., ясачные сборщики захватывали инородцевъ и увозили ихъ съ собою подъ предлогомъ рекрутства или обученія въ школѣ, и обращали ихъ въ рабство [2]). Въ Камчаткѣ и другихъ мѣстахъ сѣверовосточной Сибири, у покоренныхъ инородцевъ казаки силою отбирали „довольное число женщинъ и малолѣтнихъ, которыхъ, раздѣляли между собою, владѣли ими, какъ холопами. Для присмотра за холопами употребляли они своихъ невольницъ, ихъ холопей же, на которыхъ они, по прижитіи дѣтей, большею частію и женивались“ [3]). Въ Томскѣ воеводы часто захватывали и держали въ неволѣ киргизовъ, пріѣзжавшихъ въ ихъ городъ съ торговыми цѣлями, для взноса ясака или для переговоровъ съ начальствомъ о своихъ дѣлахъ [4]). Якутскіе воеводы дѣлали то же самое съ якутами, забайкальскіе и иркутскія съ бурятами, енисейскіе, тобольскіе и березовскіе съ самоѣдами, остяками и татарами. Личность самыхъ мирныхъ дикарей никогда и ничѣмъ не была обезпечена отъ насильнаго захвата ихъ въ неволю. Мирно спятъ инородцы въ своихъ юртахъ около пылающихъ костровъ. Но вотъ начинается лай сторожевыхъ собакъ и слышны голоса подъѣзжающихъ людей. Одного русскаго звука достаточно, чтобы привести въ смятеніе и испугъ весь улусъ. Всѣ вскакиваютъ и торопливо готовятся къ пріему, хотя непрошенныхъ, но очень взыскательныхъ гостей; одни метутъ юрту, другіе готовятъ кушанье и постели, а дѣвушки, женщины и мальчики стараются куда нибудь скрыться отъ ненасытныхъ взоровъ казаковъ. Войдя въ юрту, гости ставятъ въ ней все вверхъ дномъ,—отнимаютъ у дикарей мѣха, оленей, платье и т. д. И если только имъ нужны наложницы или

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. III, стр. 353; А. И., т. II, стр. 273; т. IV, стр. 453; Д. къ А. И., т. III, стр. 315; т. VIII, № 69 и др.

[2]) Словцовъ т. II, стр. 93.

[3]) Крашенинниковъ, Описаніе земли Камчатки, т. II, стр. 244.

[4]) Фишеръ, стр. 294.

рабы, то они отбирають у инородцевъ ихъ женщинъ и дѣтей, и, связанныхъ, увозятъ ихъ съ собой. Еще большей опасности подвергались дикари во время своихъ пріѣздовъ въ города и остроги; захватить ихъ тутъ было гораздо легче, чѣмъ въ ихъ стойбищахъ, и не разъ случалось, что русскіе заманивали къ себѣ инородцевъ подъ предлогомъ мирныхъ цѣлей, грабили ихъ и захватывали въ неволю. На этихъ захваченныхъ рабовъ сибиряки составляли даже форменныя купчія, выставляя подложнаго продавца, будто бы уступившаго ихъ. Но большею частію такихъ фальшивыхъ формальностей вовсе не требовалось; въ тогдашней Сибири, въ силу круговой мошеннической поруки всѣхъ, сколько нибудь значительныхъ, обывателей, царило одно только право сильнаго, и захваченнаго въ рабство инородца русскій человѣкъ могъ держать до тѣхъ поръ, пока онъ имѣлъ средства удерживать его въ неволѣ.

Разные способы военнаго и мирнаго захвата инородцевъ всегда были главнымъ средствомъ, доставлявшимъ Сибири ея невольниковъ. И замѣчательно, что во второй половинѣ XVIII столѣтія русское законодательство положительно запрещало насильственное обращеніе инородцевъ въ рабство. Ясырей, которыхъ обращали въ неволю болѣе всего, законъ обыкновенно предписывалъ вносить въ росписи и предъявлять эти росписи вмѣстѣ съ самыми ясырями въ съѣзжей избѣ воеводъ [1]). Чтобы отъ выполненія этого правила сибиряки не могли уклониться, полагалось посылать особыхъ надсмотрщиковъ въ уѣзды и на дороги, ведущія изъ инородческихъ стойбищъ, чтобы у возвращавшихся отъ инородцевъ ясачныхъ сборщиковъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, переписывать всю рухлядь, „да у нихъ же переписывать ясыри мужского полу и женскаго, а переписавъ вмѣстѣ, имъ самимъ воеводѣ явиться и ясыри объявить“ [2]). Эти явленные ясыри оставались, по закону, у

---

[1]) Д. къ А. И., т. III, стр. 26.
[2]) А. И., т. IV, стр. 519.

захватившихъ ихъ лицъ только на время, а для законнаго закрѣпленія ихъ за собою, взявшіе ихъ въ плѣнъ должны были ходатайствовать передъ правительствомъ, подавъ просьбу на высочайшее имя. Но эти просьбы рѣдко подавались и еще рѣже исполнялись. Законъ прямо говорилъ, что если инородцы будутъ просить „полоняниковъ своихъ на выкупъ, и если полоняники не крещены, то тотъ полонъ велѣть сыскивать и на окупъ иноземцевъ отдавать, чтобъ сибирская земля не пустѣла и чтобъ ясачныхъ людей отъ государя не отгоняти и тѣмъ не ожесточати“ [1]). И обыкновенно бывало такъ, что плѣнниковъ разводили по разнымъ мѣстамъ, затѣмъ инородцы начинали хлопотать объ ихъ возвращеніи, и правительство предписало отобрать и возвратить плѣнниковъ, гдѣ бы и у кого бы они ни были. То же самое правило соблюдалось даже относительно полоняниковъ, взятыхъ у бунтовавшихъ, но потомъ принесшихъ повинную инородцевъ. Такъ напр., въ 1638 г. служилые люди, посланные изъ Тары и Тобольска противъ возмутившихся калмыковъ, нахватали ясырей и привели ихъ въ Тару, изъ которой тобольскіе и тарскіе служилые люди и татары „продавали тотъ ясырь сибирскимъ служилымъ людямъ, которые шли отъ соляныхъ озеръ“. Въ слѣдующемъ году калмыки принесли повинную и предложили обмѣнять находившійся въ Сибири ихъ ясырь на взятыхъ ими русскихъ плѣнниковъ. „И писано изъ Тобольска на Тару и въ иные сибирскіе города, а велѣно тотъ ясырь для размѣну сыскивать и учинити заказъ крѣпкой: у кого есть того погрому ясырь калмыцкій, и тѣ-бъ люди тотъ ясырь являли, а у себя-бъ того ясырю не таили и не крестили, и не продавали“ [2]). Но этихъ постановленій въ Сибири почти вовсе не исполнялось. Служилые люди распродавали ясырей, покупатели развозили ихъ

---

[1]) П. С. З., т. III, стр. 353; А. И., т. III, стр. 221; Д. къ А. И., т. II, стр. 273; т. IV, стр. 113 и др.

[2]) А. И., т. III, стр. 314.

по разнымъ мѣстамъ Сибири и даже Россіи; приходилъ указъ объ освобожденіи плѣнниковъ и возвращеніи ихъ родичамъ, власти начинали розыскивать ихъ, но иногда дѣйствительно никакъ не могли найти, а иногда, будучи подкуплены рабовладѣльцами, скрывали рабовъ и доносили, что ихъ не найдено. Такъ, напр., въ 1652 г. красноярскій воевода Бунаковъ посылалъ войною на бурятъ красноярскихъ служилыхъ, которые на р. Окѣ погромили юрты бурята Долона и взяли въ полонъ его дочь. Въ то же время другая красноярская партія, бывшая подъ предводительствомъ сына Бунакова и состоявшая, кромѣ русскихъ, изъ разныхъ татаръ красноярскаго уѣзда, погромила бурятскіе улусы, а женщинъ и дѣтей увезла въ рабство. Когда буряты смирились, то енисейскій воевода, Пашковъ, предписывалъ красноярскому возвратить бурятамъ всѣхъ плѣнниковъ, особенно же Долонову дочь. Но красноярскій воевода донесъ, что Долоновой дочери нигдѣ не отыскано, а всѣхъ другихъ плѣнниковъ татары развезли по разнымъ землямъ [1]). Иногда, сдѣлавъ походъ и нахватавъ плѣнниковъ, русскіе, когда указъ требовалъ отъ нихъ возвращенія плѣнниковъ, шли въ отпоръ и отвѣчали, что никогда никакихъ ясырей они не полоняли. Такъ, въ 1596 г., во время похода на уфимскихъ башкирцѣвъ, тюменцы привели съ собою много плѣнниковъ и распродали ихъ въ рабство по сибирскимъ городамъ. Уфимскій воевода Нагой донесъ объ этомъ въ Москву; изъ Москвы велѣли тюменцамъ выдать плѣнниковъ, но тюменцы отъ всего отперлись [2]). Таже самая судьба постигла и тѣ указы, которыми запрещался захватъ мирныхъ инородцевъ и обращеніе ихъ въ рабство. Въ наказахъ воеводамъ Сибири постоянно повторяется, чтобы русскіе сибиряки не осмѣливались ясачныхъ иноземцевъ *имати* къ себѣ [3]). Это запре-

---

[1]) Д. къ А. И., т. VI, стр. 387.
[2]) Миллеръ, т. II, стр. 9; Фишеръ, стр. 221.
[3]) П. С. З., т. III, стр. 353.

щеніе въ разныхъ варіаціяхъ повторяется въ теченіе всего XVII и даже въ началѣ XVIII в. А такъ какъ это зло продолжало существовать, несмотря на указы, то послѣдніе по временамъ нѣсколько измѣняли свою форму, предписывая не воздержаніе отъ захвата инородцевъ въ рабство, а освобожденіе захваченныхъ и закрѣпленныхъ уже невольниковъ. Такъ, въ высочайшемъ указѣ 31 мая 1733 года говорится: „въ отдаленныхъ нашихъ владѣніяхъ, въ Якутскомъ вѣдомствѣ и на Камчаткѣ, какъ отъ воеводъ, такъ и отъ ясачныхъ сборщиковъ чинится ясачнымъ подданнымъ нашимъ отъ взятковъ многое раззореніе, наипаче же приметками своими женъ и дѣтей отнимаютъ и развозя продаютъ... Которые изъ этихъ ясачныхъ неволею побраны и распроданы, изъ тѣхъ, кои не приняли вѣры христіанской и не крещены, отпустить въ прежнія мѣста“ [1]). Нужно замѣтить, что древне-русская ревность о православіи не позволяла и думать о возвращеніи въ родные улусы тѣхъ невольниковъ, которые во время плѣна приняли добровольно, или насильно русскую вѣру. Сначала вошло въ мѣстный обычай, а потомъ и въ законъ, возвращать инородцамъ только тѣхъ ясырей, которые не были крещены. По всей вѣроятности, въ созданіи этого правила участвовало не одно только благочестивое чувство христіанина, а также корыстный, совершенно оскорбительный для религіи, разсчетъ рабовладѣльца; во всякомъ случаѣ, въ старинной Сибири пользовались этимъ правиломъ для того, чтобы укрѣпить въ рабской зависимости извѣстныхъ инородцевъ. Плѣнниковъ русскіе обыкновенно крестили, чтобы сдѣлать невозможнымъ ихъ освобожденіе. *Крещеніе въ неволю* дикарей было чрезвычайно распространено въ Сибири, и долго считалось средствомъ, дающимъ крестителю полное право собственности на окрещеннаго имъ; креститель владѣлъ такимъ рабомъ, продавалъ его, оставлялъ въ наслѣдство по завѣщанію. Вотъ, напр., въ 1693 г. въ

1) П. С. З, т. IX, стр. 132.

Нерчинскѣ передъ воеводою билъ челомъ государямъ казакъ, Васька Хамунъ, а въ челобитной его написано: „въ прошломъ-де 200 (1692 г.) году нерчинскій пѣшій казакъ, Бориско Игнатьевъ, волею божею умре, а отходя сего свѣта, въ духовной своей написалъ *сына своего крестнаго мугальской породы*, Ваську Борисова, въ Троицкій монастырь на усть-Тунгуски рѣки“. Хамунъ просилъ воеводу дать монастырю актъ на владѣніе этимъ мальчикомъ, и воевода писалъ монастырю въ заключеніи своей *памяти*, „какъ къ вамъ ея память придетъ, и новокрещенный Васька Борисовъ въ монастырь къ вамъ пріѣдетъ, и вамъ тѣмъ парнемъ, Ваською, владѣть по духовной и по сей памяти владѣть вѣчно невозбранно“ [1]). И подобные акты совершались сплошь и рядомъ, въ то время, какъ изъ Москвы насылались законы, запрещавшіе „всякимъ людямъ“ крестить инородцевъ, „чтобъ сибирская земля пространѣлась, а не пустѣла“. Инородцевъ же, крестившихся въ неволѣ велѣно было устраивать въ службу, „а женокъ и дѣвокъ выдавать замужъ за служилыхъ людей, а у себя тѣхъ иноземцевъ крещеныхъ держать не велѣти“ [2]). Подобно всѣмъ другимъ ограниченіямъ и запрещеніямъ невольничества, эти законы были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и почти вплоть до окончательнаго уничтоженія рабства, сибирякъ водилъ инородца къ купели крещенія и налагалъ при ней цѣпи рабства на окрещенныхъ имъ дикарей.

Наконецъ, рабы пріобрѣтались путемъ закабаленія инородцевъ и путемъ торговли. Въ своихъ статьяхъ о нравахъ Сибири [3]), объ инородцахъ въ XIX вѣкѣ [4]) и о россійско-американской компаніи [5]), я, надѣюсь, съ достаточною ясностью

---

[1]) А. И., т. V, стр. 378.

[2]) П. С. З., т. III, стр. 356; А. И., т. III, стр. 221; т. IV, стр. 453; Д. къ А. И., т. II, стр. 273; т. IV, стр. 113.

[3]) Отеч. Записки 1867 г., кн. XX—XXII.

[4]) Дѣло 1867 г., № VIII—X.

[5]) Газ. Очерки 1863 г., № 58—61.

показалъ, что народонаселеніе Сибири, съ самаго завоеванія ея русскими и вплоть до нашихъ дней, раздѣлялось въ экономическомъ отношеніи на два главныхъ класса: на рабскій классъ, изъ невольниковъ и лицъ закабаленныхъ, классъ самый многочисленный и состоявшій преимущественно изъ инородцевъ, и на зажиточный классъ рабовладѣльцевъ-кабалителей. Большинство инородцевъ находится въ кабальной зависимости у русскаго народонаселенія; но въ настоящее время эта зависимость поддерживается только неумолимою экономическою необходимостью; прежде же, крѣпкія и безъ того, цѣпи экономической кабалы дополнялись еще юридическими актами, закрѣплявшими кабальниковъ въ неволѣ у ихъ кабалителей. Закабаленные такимъ образомъ инородцы встрѣчались въ старинной Сибири на каждомъ шагу и были еще многочисленнѣе, чѣмъ рабы въ тѣсномъ значеніи слова. Каждый голодъ, каждое раззореніе отъ казачьяго погрома, каждый неуловъ звѣрей, каждая эпидемія, опустошавшая улусы дикарей, повергали сотни и тысячи послѣднихъ въ жалкую нищету и заставляли ихъ идти въ неволю къ русскимъ, продавая имъ свою свободу за кусокъ хлѣба. Законодательство вооружалось нѣсколько разъ противъ этого возмутительнаго обычая, созданнаго сибирскою жизнью. Такъ, напр., Петръ Великій, по просьбѣ митрополита Филофея, указомъ 29 іюля 1726 г. велѣлъ объявить по березовскому уѣзду, что всѣ новокрещенные, находящіеся въ кабальной зависимости у разныхъ хозяевъ, освобождаются, несмотря ни на какія крѣпости, и имъ положено выдать паспорты; чтобъ никому ихъ не кабалить и въ неволѣ не держать; если закабаленные отосланы въ Тобольскъ или въ другіе города и проданы, то въ самомъ скоромъ времени отыскать и освободить ихъ. По изслѣдованію оказалось въ одномъ только Березовѣ 50 человѣкъ обоего пола закабаленныхъ остяковъ [1]. Когда въ Сибирь отправлялась извѣстная ясачная ко-

[1] Біографія Филофея, Лещинскаго, журналъ Странникъ, 1863 г., № 1, стр. 12.

миссія Вульфа, то указъ 1745 г., объявляя объ этомъ по всей Сибири, говорилъ, что упомянутой комиссіи предписано устроить инородческія дѣла такъ, чтобы „впредь никоимъ образомъ съ здѣшняго народа новокрещеныхъ и некрещеныхъ инородцевъ подъ образомъ долговъ, нападками, подлогами и другими какими вымыслами никакихъ кабалъ не брали, а кто имѣетъ на нихъ такія кабалы или своеручныя письменныя обязательства, то таковыхъ долговъ съ нихъ не взыскивать, кромѣ тѣхъ, коими они по ихъ обыкновенію въ купечествѣ обязывались и по подлинному свидѣтельству явятся правильными, которымъ и быть въ своей силѣ, а впредь таковыхъ неправильныхъ писемъ на нихъ не писать, а буде кто впредь начнетъ имать на нихъ кабалы или другія какія письменныя неправдивыя обязательства, съ таковыми поступлено будетъ, яко съ преслушниками указовъ“. Тоже самое повторялъ и манифестъ 1748 г., вторично объявлявшій о посылкѣ вульфовской комиссіи [1]). Само собою понятно, что эти мѣры освобождали лишь небольшое число кабальныхъ рабовъ, да и тѣ тотчасъ же принуждены были снова возвращаться въ кабальную зависимость. Наконецъ, какъ увидимъ ниже, законодательство отказалось отъ своихъ безплодныхъ усилій уничтожить превращеніе инородцевъ въ рабство путемъ кабалы.

Та же вопіющая бѣдность, которая всегда заставляла инородца продавать русскому человѣку свою свободу и свое тѣло, принуждала его продавать своихъ дѣтей. Когда голодъ совершалъ свое смертоносное шествіе по инородческимъ стойбищамъ, опустошая юрты, истребляя скотъ, доводя дикарей до людоѣдства; когда казакъдралъ съ инородца взятки и ясакъ, которыхъ ему заплатить было нечѣмъ; когда войско искореняло бунтующихъ инородцевъ, озаренное пламенемъ ихъ пылавшихъ улусовъ и обагренное ихъ измѣнническою кровью,—тогда инородцы запрягали своихъ послѣднихъ оле-

---

[1]) П. С. З., т. XII, стр. 452 и 881.

ней и везли своихъ малютокъ на продажу въ ближайшее русское поселеніе. Въ Березовскомъ краѣ семилѣтнихъ остяцкихъ мальчиковъ продавали по 25 к., а дѣвочекъ по 20 к. за штуку [1]). Но хотя за такую ничтожную цѣну довольно часто можно было покупать дѣтей почти во всѣхъ мѣстахъ Сибири, однакожъ болѣе обыкновенною цѣною рабовъ была гораздо высшая норма. Изъ одного архивнаго документа, котораго, къ сожалѣнію, я не могу процитировать, мнѣ извѣстно, что графъ Савва Владиславлевичъ Рагузинскій увезъ въ Россію двухъ якутенковъ, купленныхъ имъ за 9 рублей пара. Въ XVII же вѣкѣ въ восточной Сибири цѣна рабовъ-подростковъ была обыкновенно около 3 руб. за штуку. Вотъ, напримѣръ, 16-го октября 1680 г., передъ якутскаго воеводу Бибикова является казакъ Щербаковъ съ тремя тунгусенками, взятыми въ плѣнъ казакомъ Берсеневымъ, у котораго и купилъ ихъ Щербаковъ—восьмилѣтняго за 3 р., шестилѣтняго за 2 р. 50 к., а одинадцати-лѣтняго бывшіе въ походѣ казаки подарили Щербакову, какъ своему начальнику [2]). Понятно, что продаваемые самими инородцами рабы должны были стоить гораздо дешевле тѣхъ, которые продавались русскими работорговцами. Торговля рабами была очень развита въ Сибири и имѣла нѣсколько средоточныхъ пунктовъ. Для сѣверо-восточныхъ областей страны такимъ пунктомъ былъ Якутскъ, на рынокъ котораго часто вывозились рабы изъ Охотска, Камчатки, Анадыра, Гижиги, Зашиверска и колымскихъ зимовей. Иногда сюда водили такое множество рабовъ, что большинство ихъ принуждены были, за ненадобностью, отпускать на волю. Такъ, напримѣръ, послѣ экспедиціи Павлуцкаго въ Анадырскъ было выведено изъ чукотской земли множество невольницъ; многія изъ нихъ отпущены на волю, многія посланы въ Якутскъ, но всѣ они погибли дорогой [3]).

---

[1]) Словцовъ, т. II, стр. 91.

[2]) Д. къ А. И., т. VII, стр. 290.

[3]) Словцовъ, т. II, стр. 476.

Для областей забайкальской, иркутской и енисейской средоточнымъ пунктомъ работорговли въ XVII вѣкѣ былъ Енисейскъ. Служилые люди возили сюда „съ Байкала братскихъ людей-полонянниковъ, мужской полъ и женской, и въ Енисейскѣ ихъ продавали торговымъ и промышленнымъ людямъ, которые, купивъ ихъ и заплативъ въ таможню, вывозили на Русь [1]). Не менѣе значительные рынки рабовъ существовали въ Томскѣ, Тюмени и Тобольскѣ. На этихъ и на другихъ рынкахъ рабы покупались не только для Сибири, но даже и для вывоза въ Россію. Въ особенности чиновники, наѣзжавшіе въ Сибирь только на время, при своемъ возвращеніи за Уралъ, вывозили съ собою или высылали съ довѣренными набранныхъ ими въ Сибири рабовъ. Эта торговля, какъ и всѣ другія, относящіяся къ рабству, дѣла, совершались долго вопреки закону и указамъ высшаго правительства. „Воеводамъ и дьякамъ никакихъ ясачныхъ людей иноземцевъ никого не покупати и къ Москвѣ съ собою не возити и ни съ кѣмъ не посылати“ [2]), постоянно твердили указы и наказы. Въ грамотахъ Михаила Θедоровича, посланныхъ въ Верхотурье, Березовъ и Ижму предписывалось „таможеннымъ и заставнымъ головамъ на заставахъ того смотрѣти накрѣпко, какъ изъ сибирскихъ городовъ воеводы и дьяки и письменные головы и ихъ братья и дѣти и племянники и люди и дѣти боярскіе и сибирскіе служилые и торговые и всякихъ чиновъ люди поѣдутъ къ Руси, къ Москвѣ или въ иные которые города, и повезутъ съ собою сибирскихъ татаръ и остяковъ и ихъ женъ и дѣтей, и тѣхъ всякихъ чиновъ людей осматривать и обыскивать накрѣпко; а у кого объявится ясырь, татаровя и остяки, и ихъ жены и дѣти, ребята и дѣвки, и имъ тотъ ясырь, которые взяты будутъ на Верхотурье и на Березовѣ, на Собской и на Обдорской заставахъ

[1]) Д. къ А. И., т. III. стр. 223.
[2]) П. С. З., т. III, стр. 353.

отсылать въ Тобольскъ, а который ясырь возметъ на Ижемской заставѣ, и тотъ ясырь велѣно отсылать въ Пустоозеро, а оттуда отсылать въ Енисейскъ со служилыми людьми, съ кѣмъ пригоже; а крещеный ясырь мужской полъ велѣно верстать въ службу, кто въ какую статью пригодится, а некрещеныхъ татаръ и остяковъ строить въ ясакъ, а жонки и дѣвки отдавать отцамъ ихъ и матерямъ и мужьямъ и роду и племени, а крещеныхъ женокъ и дѣвокъ выдавать за служилыхъ людей, за кого пригоже; а который ясырь взяты въ немирныхъ землицахъ и тотъ ясырь держать въ Енисейскѣ на аманатскомъ дворѣ". Несмотря на эти указы, торговля рабами продолжала существовать, и воеводы, вмѣсто исполненія указовъ, въ которыхъ запрещалось торговать только татарами и остяками, начинали переписку о томъ, можно ли торговать рабами другихъ національностей? Енисейскій воевода, напримѣръ, выписавъ вышеупомянутый указъ, продолжаетъ: „и нынѣ привозятъ съ Байкала озера и съ Лены и изъ иныхъ землицъ полонянниковъ и продаютъ торговымъ и промышленнымъ людямъ, которые, записавъ ихъ, вывозятъ изъ Енисейска на Русь: и тотъ ясырь пропускать ли или тѣхъ полонянниковъ по прежнему указу велѣть верстать крещеныхъ мужескаго пола въ службу, а женокъ и дѣвокъ выдавать за служилыхъ людей, а некрещеныхъ строить въ ясакъ?" Воевода просилъ объ этомъ указъ, и указъ отвѣчалъ ему, „ты плутаешь, описываешься о томъ не дѣломъ, прежніе наши указы сказываешь, а вновь указу просишь" [1]. Но всѣ эти строгости не вели ни къ чему: рабовъ безпрепятственно возили окольными дорогами, а хорошая взятка поднимала таможенный шлагбаумъ, и запрещенный товаръ благополучно выбывалъ въ Россію. Рабовъ отбирали только у тѣхъ торговцевъ, которые имѣли личности съ таможеннымъ начальствомъ, или не давали хорошей взятки. Воеводы

---

[1]) Д. къ А. И., т. III, стр. 223.

же и другіе значительные чиновники, вывозившіе рабовъ, почти никогда не подвергались отбору невольниковъ, развѣ только въ томъ случаѣ, если они выѣзжали изъ Сибири опальниками. Такъ, напримѣръ, когда иркутскій вице-губернаторъ Жолобовъ, казненный потомъ за взятки и тиранію, подвергшись уже опалѣ, вздумалъ выслать въ Москву 30 рабовъ-инородцевъ, то 25 изъ нихъ были отобраны въ Тобольскѣ, а 5 въ Москвѣ [1]). Въ XVII же вѣкѣ законодательство сознало, наконецъ, безполезность своихъ запретительныхъ усилій, и работорговля была дозволена имъ. „Въ прошломъ во 132 (1624) году—говоритъ уложеніе царя Алексѣя—посланъ указъ въ Сибирь и въ Астрахань: татаръ и татарченковъ мужескаго и женскаго полу всякимъ людемъ покупати и даромъ ни у кого имати и на Русь ни съ кѣмъ высылати не велѣно. А нынѣ государь Алексѣй Михайловичь такихъ татаръ и татарченковъ въ Астрахани и въ Сибири покупати всякимъ людемъ по прежнему, опричь воеводъ и всякихъ приказныхъ людей, которые у государевыхъ дѣлъ будутъ въ Сибири и въ Астрахани. И буде такихъ купленныхъ татаръ кто приведетъ къ кабальной записи или по купчей и по данной, и тѣхъ купленныхъ татаръ записывати въ книги рожей и примѣтами“ [2]). Въ этой статьѣ уложенія уже чуется вѣяніе XVIII вѣка—эпохи гуманной мысли и свободы для Запада и знаменательной эры развитія крѣпостничества и рабства для Россіи.

Отсутствіе въ старинной Сибири фабричной дѣятельности и неразвитость сельскаго хозяйства были причиною, что всѣ силы рабовъ были устремлены на хозяйственно-домашнія работы, на звѣрованье и передвиженіе товаровъ, припасовъ и людей. Рабы смотрѣли за хозяйствомъ, рубили дрова, косили сѣно, строили дома, ходили за скотомъ, промышляли въ

---

[1]) П. С. З., т. IX, стр. 878.
[2]) Уложеніе, XX, § 117.

тайгѣ звѣрей, собирали ягоды и кедровые орѣхи, тянули по рѣкамъ суда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, за неимѣніемъ скота, рабовъ запрягали въ соху и пахали на нихъ землю. У богачей и знатныхъ чиновниковъ рабы служили еще для удовлетворенія ихъ азіятскаго чванства, составляя шайки домашней, ничего недѣлающей, челяди. Понятно, что положеніе рабовъ въ тогдашнемъ грубомъ, невѣжественномъ и глупомъ обществѣ было самое несчастное. Случалось, напримѣръ, что сибирякъ распарывалъ брюхо своей невольницѣ для того только, чтобы убѣдиться, съѣла ли она безъ его позволенія кусокъ рыбы! И рабамъ негдѣ было искать защиты отъ своихъ господъ. Имъ предстояло только два способа избавиться отъ господскаго деспотизма—или повѣситься, или бѣжать; но послѣднее было опасно,—пойманнаго бѣглеца ожидали жестокія наказанія.

II.

Если законодательная власть не имѣетъ силъ преодолѣть враждебныхъ ей элементовъ общественной жизни, то послѣдніе, рано или поздно, возьмутъ перевѣсъ надъ законодательствомъ и заставятъ его плясать подъ свою дудку. Это же самое мы видимъ въ исторіи сибирскаго рабства. Существуя долго вопреки законамъ, оно, наконецъ, вынудило у государственной власти полную санкцію себѣ. Первый шагъ къ этому былъ сдѣланъ еще Уложеніемъ Алексѣя; хотя въ XVIII столѣтіи противъ рабства вооружался Петръ Великій и Анна, въ своемъ указѣ, 31 мая 1733 года, но не больше какъ черезъ четыре года, та же императрица, въ своемъ указѣ, 16 ноября 1737 года, въ § 7-мъ постановила: „калмыкъ и другихъ націй, которые, какъ извѣстно, крещены бываютъ и хозяевамъ достаются больше малолѣтніе, дозволяется всякому покупать, крестить и у себя держать, безъ всякаго платежа

подушныхъ денегъ, одною запискою въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ". Въ 1756 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ исходатайствовалъ право купцамъ и юрточнымъ бухарцамъ крестить въ неволю покупныхъ инородцевъ [1]). То же право присвоило себѣ и государство. Въ 1742 г., по ходатайству оренбургскаго губернатора Неплюева, дозволено „у башкирцевъ дѣтей покупать не только партикулярнымъ людямъ, но и на казенный провіантъ мѣнять" [2]). Окрещенные на счетъ государства, инородцы становились его рабами и отдавались въ работу частнымъ людямъ, которые и платили за то въ казну. Но въ 1763 г. предписывалось „присылаемыхъ изъ Оренбурга и Сибири крещеныхъ азіятцевъ отсылать для водвореній въ дворцовыя волости казанской, астраханской и оренбургской губерній, а партикулярнымъ людямъ въ услуженіе за деньги болѣе ихъ не отдавать,, а издерживаемыя на нихъ на провозъ и воспитаніе ихъ до Москвы казенныя деньги числить казеннымъ расходомъ безъ возврата" [3]). Когда ясачная комиссія Щербачева спрашивала у правительства, не слѣдуетъ ли отобрать у владѣльцевъ найденныхъ ею рабовъ-инородцевъ, то сенатъ отвѣчалъ, что они должны быть крѣпкими своимъ господамъ [4]). Главнымъ же основаніемъ сибирскаго рабства послужилъ законъ 9 января 1757 г., утвердившій слѣдующее представленіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ: „Привозимыхъ киргизами разныхъ націй плѣнниковъ, всякаго званія людямъ по недостатку въ Сибири такихъ людей, которымъ по указамъ крѣпостныхъ людей имѣть велѣно, покупать и на товары вымѣнивать, а потомъ и крестить не только воспрещать не подлежитъ, но еще пріохочивать къ тому надобно, для того, дабы лучшее стараніе

---

[1]) Словцовъ, т. II, стр. 18.

[2]) Архивъ главн. управл. западн. Сибири, дѣло № 54 I.

[3]) П. С. З., т. XVI, стр. 587 и 329.

[4]) Ibid., стр. 534.

было изъ магометанъ и идолопоклонниковъ приводить въ православный христіанскій законъ. Таковыхъ покупаемыхъ плѣнниковъ объявлять немедленно въ кр. Ямышевской и Семипалатинской командирамъ, описывая притомъ ихъ лѣта, ростъ и примѣты. А потомъ, какъ оные пообучатся россійскому языку, объявлять ихъ въ губернскихъ или воеводскихъ канцеляріяхъ и брать на нихъ владѣнныя записи. Всѣмъ у киргизъ-кайсаковъ покупаемымъ плѣнникамъ у такихъ людей, которымъ по указамъ крѣпостныхъ людей имѣть не велѣно, быть крѣпкими по смерть оныхъ покупателей". Что же касается сибирскихъ магометанъ, то имъ дозволялось имѣть рабовъ только своей вѣры.

Такимъ образомъ въ половинѣ XVIII вѣка сибирское рабство было совершенно утверждено правительствомъ. Это вполнѣ гармонировало съ экономическими условіями и событіями тогдашней Сибири. Очищеніе южныхъ мѣстностей отъ енисейскихъ киргизовъ и джунгаровъ вело за собой сильное стремленіе народа на югъ изъ безпахотныхъ странъ холоднаго сѣвера; вмѣстѣ съ умноженіемъ сибирскихъ военныхъ силъ и народонаселенія, это обстоятельство содѣйствовало усиленію хлѣбопашества, и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывало потребность въ большемъ, сравнительно съ предъидущимъ временемъ, количествѣ невольниковъ. А умноженіе чиновниковъ и вообще лицъ достаточныхъ и нѣсколько знакомыхъ съ лоскомъ европейской цивилизаціи, усиливало ложную потребность въ многочисленной прислугѣ: ходъ событій вполнѣ содѣйствовалъ удовлетворенію этихъ потребностей. Инородческіе бунты въ сѣверовосточной Сибири, бунты башкирцевъ, паденіе Джунгаріи и киргизскія дѣла — доставляли въ это время сибирякамъ такое множество невольниковъ, что они даже съ излишкомъ удовлетворяли ихъ потребности. Мы не будемъ повторять здѣсь о другихъ способахъ пріобрѣтенія рабовъ, которые въ XVIII столѣтіи были тѣ же самые и носили тотъ же самый характеръ, что и въ XVII вѣкѣ; но мы

разскажемъ нѣсколько эпизодовъ о военныхъ походахъ, доставлявшихъ, взятыми во время ихъ плѣнниками, самое большое количество рабовъ.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія всѣ инородцы сѣверовосточной Сибири, доведенные до бѣшенаго неистовства злоупотребленіями тамошней администраціи, постоянно бунтовали и при малѣйшей возможности рѣзали русскихъ. Иркутская провинціальная канцелярія не разъ предписывала начальникамъ анадырскихъ, гижигинскихъ и другихъ военныхъ командъ—инородцевъ „за ихъ непостоянство и замерзѣлыя издревле злодѣйства *всѣхъ побить и въ конецъ раззорить, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей ихъ*" [1]). И хотя команды сѣверовосточной Сибири тогда страдали отъ голода, цынги, безодежности, хотя они нерѣдко ходили въ походы нагишомъ, и поэтому не могли истребить всѣхъ инородцевъ, однакожъ они успѣли истребить весьма значительную часть ихъ. Нагіе казаки поджигали ихъ улусы, захватывали все имущество, а дѣтей, оставляя въ живыхъ, уводили въ рабство. Часто этихъ юныхъ невольниковъ накоплялось такъ много, что казаки ихъ отдавали даромъ участвовавшимъ съ ними въ походахъ служилымъ инородцамъ.

Вотъ, напримѣръ, въ 1751 г., капитанъ Шатиловъ съ командою идетъ въ Тайгуносъ „для призыву измѣнниковъ корякъ въ подданство и въ ясачный платежъ. И апрѣля 9-го, за противность ихъ, какъ они вѣрноподданныхъ ея и. в. народовъ непріятельски смертно побивали и въ конецъ раззоряли, такими же мѣрами и они, измѣнники, сами побиты и вовсе искоренены, числомъ однихъ лучниковъ до 120 чел., кромѣ подростковъ и малыхъ ребятъ, а всѣхъ поголовно, большихъ и малыхъ, ста съ два и больше, и притомъ взято въ плѣнъ мужеска и женска полу 12 человѣкъ" [2])

---

[1]) Промеморія иркутской провинц. канцеляріи, 9-го іюля 1752 г.

[2]) Чтенія въ общ. ист. и древн., 1864 г., кн. III, отд. V, стр. 65.

Или вотъ рапортъ [1]) сержантовъ Игнатьева и Бѣлобородова, ходившихъ съ командой для искорененія бунтующихъ коряковъ и другихъ инородцевъ сѣверовосточной Сибири.

„4 августа Игнатьевъ погнался за коряками, пишутъ они, плывшими по морю на 21 байдарѣ въ Тайгуносу; коряки, видя, что ихъ нагоняютъ, поворотили къ *отпрядущы* [2]); недопуская ихъ до него, Игнатьевъ, призывая Всемогущаго Бога въ помощь, началъ ихъ на водѣ штурмовать, а которые выбѣгали на берегъ, тѣхъ побивалъ сержантъ Бѣлобородовъ съ оленьими тунгусами. Сколько было побито, знать невозможно, потому что баталія происходила на водѣ, но напримѣръ, по ихъ обращенію въ каждой байдарѣ бываетъ кромѣ женскаго пола и малолѣтнихъ дѣтей, ихъ человѣкъ по 15 и по 20, а менѣе того мало бываетъ, и ежели въ показанныхъ 21 байдарѣ исчислять по примѣру хоша по 15, и того съ помощію Божіей побито съ 350 человѣкъ, а 21 байдара въ добычу получена, сухого рыбного корму около взято вязокъ близко до 1000, а въ каждой вязкѣ исчислить вѣсу по пуду, то имѣетъ быть 1000; а китовыхъ жировъ получено многое число“, и т. д. Дальнѣйшія подробности рапорта выписывать не станемъ, они всѣ похожи на приведенный отрывокъ. Сержанты убивали, брали въ плѣнъ, угоняли скотъ, жгли и раззоряли жилища несчастныхъ коряковъ, рѣзали даже стариковъ и младенцевъ. Такимъ образомъ, кромѣ ноименованныхъ выше, храбрыми сержантами убито 152 человѣка, взято въ плѣнъ и продано въ неволю 141 человѣкъ. Въ заключеніе своего рапорта, ревностные исполнители приказаній начальства пишутъ: „И за таковую ихъ противъ непріятелей, бунтовщиковъ и измѣнниковъ корякъ благополучность и поискъ, служилые люди обѣщаніе положили на этой р. Гижигѣ построить церковь во имя архангела Михаила, и

---

[1]) См. «Нар. Бог.». 1863 г. № 219, моя ст. «Сибирскіе инородцы».

[2]) Скала, отдѣленная отъ берега небольшимъ проливомъ.

просятъ, чтобы истребовать, откуда надлежитъ, благословеніе, также и *антимосу* и церковной утвари".

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія Сибирь волновали три башкирскихъ бунта. Пользуясь этими смутами, сосѣдніе съ башкирцами киргизы много захватывали ихъ въ плѣнъ, обращали въ рабство и сбывали часть ихъ въ Сибирь. Напримѣръ, послѣ усмиренія бунта 1755 г., 50,000 башкирцевъ перебѣжали въ киргизскую степь. Губернаторъ Неплюевъ объявилъ киргизамъ, что перебѣжчики съ своими женами и дѣтьми отдаются въ ихъ власть. Киргизы начали травить ихъ какъ звѣрей, чтобы завладѣть ихъ семействами. Немногіе несчастные возвратились въ свои кочевья и разсказами объ этомъ взволновали всю Башкирію. Месть сдѣлалась священною обязанностію каждаго башкирца. Тысячами бросались они на киргизовъ и долго лилась кровь этихъ народовъ, долго башкирцы уводились киргизами въ ихъ степи и держались тамъ въ жестокомъ рабствѣ [1]). Военные походы для усмиренія башкирцевъ также доставляли Сибири много рабовъ. Вотъ, напр., полковникъ Павлуцкій пишетъ, что онъ „бывалъ во многихъ партіяхъ и на бояхъ противъ непріятелей, тогда оказуемыхъ киргизъ кайсаковъ и воровъ башкирцевъ; въ 1736 г. былъ въ зимнемъ походѣ для искорененія бунтующихъ тогда воровъ-башкирцевъ, и въ томъ походѣ ихъ воровскихъ жилищъ раззорили и пожгли деревень больше 100, въ полонъ взяли мужеска и женска полу съ 200, побили больше 300 человѣкъ".

„Въ 1740 г. былъ онъ Павлуцкій, съ 1,519 человѣкъ командированъ для прекращенія вновь начавшагося тогда башкирскаго бунта. И ходили за Уралъ въ горы легкими партіями и чинили надъ оными бунтующими не малые поиски, и были въ той партіи марта съ 10 апрѣля по 21. Да вторично отъ Верхояицкой ходилъ онъ мая съ 22 въ легкую

---

[1]) Мейеръ, киргизская степь. Спб. 1865 г., стр. 14.

партію для поиску и искорененія вора Карасакала и его сообщниковъ. И во оной партіи имѣли съ ворами три сильныя сраженія, первое у озера Чебаркуля, гдѣ было больше 1000 кибитокъ, мая 25; второе 28 мая при р. Яикѣ и третье іюня 4 за Тоболомъ, на степи, близь киргизскихъ кочевныхъ улусовъ. Онъ же, Павлуцкій, оставя при Тоболѣ съ секундъ-маіоромъ Беклемишевымъ команды на усталыхъ лошадяхъ съ 900 человѣкъ, а самъ, по ревности своей, отважа себя, выбралъ людей на лучшихъ лошадяхъ до 800 чел., и ходилъ за ворами самымъ скорымъ ходомъ за Тоболъ больше 100 верстъ, и чинили надъ ворами сильные поиски и имѣли сраженіе и побили ихъ больше 300, а въ полонъ взяли болѣе 200.

„А сверхъ того побито командою Павлуцкаго въ помянутыхъ трехъ мѣстахъ, также и въ другихъ легкихъ партіяхъ 1630 человѣкъ, да въ полонъ взято 1455 человѣкъ, изъ того числа на страхъ прочимъ ворамъ повѣшено 183 человѣка, отбито лошадей, коровъ и овецъ довольное число и не малое число деревень сожжено, воровскихъ разныхъ волостей 82, въ нихъ 689 дворовъ“ [1]).

Другія партіи дѣйствовали противъ башкирцевъ также опустошительно. Башкирцевъ, обращенныхъ въ рабство, выводилось въ Сибирь такое множество, что ихъ покупали и закрѣпляли за собой даже простые крестьяне [2]).

Особенно же сильное развитіе сибирское рабство получило, благодаря паденію Джунгаріи и набѣгамъ русскихъ на киргизскую степь. Мы остановимся на этомъ подольше.

[1]) Вѣдомость о полковникѣ Іовѣ Павлуцкомъ, коя сочинена сего 748 г. декабря 25 дня.

[2]) Словцовъ, II, 39.

III.

Калмыки, составлявшіе часть сброднаго царства, извѣстнаго подъ именемъ Джунгаріи, были опасными и безпокойными сосѣдями Сибири въ теченіи XVII и XVIII столѣтія. Съ самаго начала XVII вѣка они не переставали тревожить сибирское населеніе, поднимая бунты между инородцами, осаждая города, сожигая деревни, вытаптывая засѣянныя пашни, отгоняя скотъ, истребляя и уводя въ плѣнъ беззащитныхъ жителей. Въ XVIII в. эти набѣги ослабли,—у калмыковъ было много дѣла въ средней Азіи, а Сибирь значительно окрѣпла, возвела сплошную линію пограничныхъ пикетовъ и укрѣпленій, усилила свою милицію, а въ 1745 г. получила изъ Россіи пять регулярныхъ полковъ для обороны южной границы. Джунгары не рѣшались и не могли по прежнему воевать съ сибирявами, хотя и не оставляли своихъ притязаній на земли и инородцевъ южной Сибири, на пріиртышскія мѣстности, на Алтай съ его двоеданцами, на Барабинскую степь съ жившими по ней татарскими племенами. Они постоянно твердили петербургскому правительству и сибирскому начальству, что упомянутыя земли съ своими обитателями составляютъ исконную собственность ихъ хановъ и несправедливо заняты русскими. Каждый шагъ впередъ со стороны русскихъ, каждый приходъ новаго полка или привозъ новой пушки, каждое основаніе новой крѣпости производили въ Джунгаріи шумъ и подавали поводъ къ возобновленію ихъ пограничныхъ притязаній. Хотя до открытой войны между русскими и джунгарами никогда не доходило, но постоянныя хищническія нападенія съ той и другой стороны поддерживали пламенную вражду, и сопровождались всѣми послѣдствіями грабежа и убійства. И трудно сказать, кто—калмыки или русскіе проявляли болѣе разбойничьихъ наклонностей и болѣе наносили вреда против-

ной сторонѣ; кажется, что въ этомъ отношеніи, сибиряки превосходили своихъ полудикихъ сосѣдей. Русскіе казаки, солдаты, драгуны, офицеры, мужики сдѣлали изъ грабежа калмыковъ родъ постояннаго промысла; подъ предлогомъ погони за джунгарскими ворами и разбойниками, они очень часто вторгались въ калмыцкія земли, грабили улусы, убивали жителей, сожигали жилища, отгоняли скотъ, перехватывали переписку калмыцкихъ родоначальниковъ, „у бабъ обрѣзывали титьки, а малыхъ ребятъ на огнѣ жгли."

Калмыки удивлялись хищническимъ наклонностямъ сибиряковъ и тому, что они грабятъ не только богатыхъ, но и нищихъ. „Вы и нищихъ обижаете"—говорили они русскимъ—„какъ поѣдутъ наши люди на соболиный промыселъ, то ихъ всегда около Колыванскихъ заводовъ грабятъ и обижаютъ". [1]). И не смотря на всѣ старанія, калмыки никогда не могли вернуть изъ Сибири ни одной угнанной отъ нихъ овцы, ни одного уведеннаго въ неволю джунгара.

Набѣги русскихъ на калмыковъ не прекращались вплоть до самаго паденія Джунгаріи; въ Сибири тогда было уже довольно рабовъ частію купленныхъ, а больше полоненныхъ отъ калмыковъ. Но самымъ цвѣтущимъ періодомъ сибирскаго невольничества было время паденія Джунгаріи,—этого событія, наполнившаго шумомъ большую половину Азіи.

Въ сентябрѣ 1745 г. умеръ Галданъ-Церенъ,—послѣдній изъ сильныхъ и воинственныхъ представителей Джунгаріи. Зная неспособность своего преемника и честолюбивые замыслы Россіи и Китая, онъ передъ смертью завѣщалъ хранить миръ съ этими двумя государствами, опасаясь, что его слабые преемники погубятъ еще неокрѣпшее царство. Но его дни были уже сочтены. Наслѣдникомъ Галдана былъ глупенькій и несовершеннолѣтній младшій сынъ его, Цебенъ Доржи, болѣе

1) Рапортъ Волкова, май 1748 г.

способный старшій братъ котораго не могъ быть ханомъ, какъ незаконнорожденный. Однакожь многіе джунгары составили заговоръ съ цѣлью недопускать до престола глуповатаго и уже привыкшаго къ звѣрскому деспотизму мальчика; во главѣ этого заговора стоялъ одинъ изъ сильнѣйшихъ родоначальниковъ, Септень, предлагавшій власть старшему сыну Церена. Но заговоръ открыли, Септеня арестовали, „отняли отъ него честь, кормили съ собаками" и казнили бы жестокою смертью, если бы только онъ не отравился. Послѣ его смерти принялись за его дѣтей; „имъ выжгли глаза каленымъ желѣзомъ, чтобы свѣту не видѣли, и вмѣстѣ съ женою и дочерьми сослали въ городъ Аксу" [1]). Такое начало царствованія не предвѣщало ничего добраго. Окруживъ себя сильной стражей, Цебень Доржи началъ такъ самодурствовать, что этимъ возмутились даже привыкшіе къ деспотизму джунгары. „Зюнгарскій владѣлецъ, доносилъ сибирскому начальству одинъ бухарецъ,— молодъ, 16-ти лѣтъ и къ правленію дѣлъ непонятенъ и неохотенъ и нравомъ весьма самобыченъ и дальняго разсужденія въ распорядкахъ ничего не имѣетъ, а болѣе въ охотахъ обращается съ молодыми людьми въ гуляньѣ" [2]). Одною изъ любимѣйшихъ его забавъ была охота на людей. Съ шайкою своихъ собутыльниковъ верхомъ на лошадяхъ и съ стаей собакъ рыскалъ онъ по улусамъ и травилъ собаками скотъ и людей. По ночамъ онъ врывался въ юрты своихъ подданныхъ, отнималъ у нихъ дочерей и родственницъ и, уводя домой, насиловалъ ихъ [3]). Всѣхъ лицъ, которыя были подозрительны или

---

[1]) Донесеніе Зорина, 14 августа и 2 ноября 1746 г.

[2]) Рапортъ Павлуцкаго.

[3]) Путевой журналъ Мясникина 1754 г. Когда Ханъ захотѣлъ жениться, то «приказалъ сбирать отъ всѣхъ отоковъ ноенскихъ, зайсанскихъ и подлыхъ, дочерей на смотръ, для женитьбы, и выбралъ себѣ ноенскую дочь дѣвицу лѣтъ 15-ти. (*Рапортъ Зорина, 26 августа 1746 г.*) Упоминаемъ объ этомъ обычаѣ, какъ о близкомъ подобіи выбора жены старинными русскими царями, также собиравшими отовсюду дѣвицъ въ свой дворецъ, для выбора изъ нихъ невѣсты. Смотр. напр., у Соловьева описаніе женитьбы Алексѣя Михайловича.

по чему нибудь не нравилось ему, онъ арестовывалъ, рубилъ имъ головы, ссылалъ или морилъ голодною смертью въ душной земляной тюрьмѣ. Родоначальники рѣшились отравить его и передать власть его сестрѣ. Но заговоръ открытъ, 300 человѣкъ казнены, а сестра хана съ обрѣзанными косами сослана въ г. Аксу [1]). Наконецъ въ 1750 г. Цебень Доржи былъ свергнутъ и ослѣпленъ, а правленіе принялъ старшій, незаконнорожденный братъ его, Лама Доржи, имѣвшій сильнаго врага въ своемъ троюродномъ братѣ и одномъ изъ главныхъ родоначальниковъ Давацзи, который имѣлъ подъ своимъ непосредственнымъ управленіемъ до 1000 семей. Давацзи имѣлъ притязанія на престолъ, но встрѣтивъ въ этомъ сильнаго соперника въ даровитомъ и воинственномъ родоначальникѣ Амурсанѣ, онъ уговорился съ послѣднимъ свергнуть хана и раздѣлить Джунгарію между собой. Оба возмутились, но были разбиты и бѣжали въ киргизамъ. Давацзи упалъ духомъ. Но Амурсана, составившій планъ овладѣть посредствомъ его всѣмъ царствомъ, собралъ 1500 отборныхъ воиновъ, снабдилъ ихъ сушенымъ мясомъ, ночью перешелъ горы и, достигнувъ береговъ Или, умертвилъ хана посреди его лагеря. Но ханомъ былъ выбранъ Давацзи, и начался длинный рядъ кровавыхъ междоусобій между нимъ и Амурсаной, кончившійся сверженіемъ перваго и возшествіемъ на тронъ второго, при помощи китайской арміи. Амурсана, желая освободиться отъ китайскаго вліянія, поднялъ противъ китайцевъ разныя орды монголовъ и элютовъ, которые начали враждебныя дѣйствія противъ китайскихъ войскъ, занимавшихъ Джунгарію. Началась опустошительная война 1756—1757 г. [2]). Монголо-китайцы истребляли все, что имъ ни встрѣчалось живого,—убивали мужчинъ, насиловали и замучивали женщинъ, а дѣтямъ разбивали головы о камень или стѣну, сожигали жилища, рѣзали

---

[1]) Рапортъ Павлуцкаго, 22 апрѣля 1748 г.

[2]) Риттеръ, II, 155—159.

скотъ; они перебили до 1,000,000 калмыковъ. Къ этой рѣзнѣ присоединились еще внутреннія междоусобицы Джунгаріи. Амурсана, часто разбиваемый и преслѣдуемый китайцами, рыскалъ по странѣ съ шайкой своихъ приверженцевъ, нападалъ на улусы, уводилъ изъ нихъ на войну все мужское населеніе, а оставшіяся дома женщины и дѣти или умирали съ голоду или погибали отъ непріятельскаго меча или уводились въ неволю. Многочисленныя толпы раззоренныхъ и голодныхъ калмыковъ, составляя разбойничьи банды, причиняли опустошенія не меньше китайцевъ. Киргизы, на своихъ быстрыхъ лошадяхъ, съ своими воинственными криками, какъ стаи хищныхъ птицъ, носились надъ этимъ необозримымъ побоищемъ, и уводили въ неволю цѣлыя тысячи беззащитныхъ джунгаровъ. Вскорѣ въ странѣ воцарился голодъ, одни начали умирать голодною смертью, а другіе рѣзали людей и питались человѣческимъ мясомъ. За голодомъ шла оспа. Джунгарія была буквально усѣяна трупами, ея воды покраснѣли отъ пролитой человѣческой крови, а воздухъ былъ полонъ дыма отъ горѣвшихъ улусовъ, лѣсовъ и травъ. Все разрушено, все погибло, кромѣ одной только Галдановой кумирни, развалины которой до сихъ поръ можно видѣть при минеральныхъ водахъ, къ востоку отъ озера Алакуля.

Еще при самомъ началѣ описанныхъ дѣйствій множество калмыковъ увидѣло, что имъ предстоитъ только одно средство для спасенія — отдаться въ подданство Россіи. Самъ Амурсана думалъ объ этомъ, а инородцы Алтая хлопотали о томъ очень настоятельно. Еще осенью 1755 г. одинадцать зайсановъ съ своими родами просили принять ихъ въ „подданство ея им-го в-ва и пропустить внутрь имперіи“ [1]) Весною 1756 г., зайсанъ Омба съ 1000 семей просилъ принять его въ скорѣйшемъ времени или, по крайней мѣрѣ, дозволить ему кочевать на русской границѣ. [2]) Черезъ нѣсколько

[1]) Рапортъ де-Гаррига, 4 октября 1755 г.

[2]) Рапортъ его же, 3 февраля 1756 г.

дней явился на границу зайсанъ Номкы депутатомъ отъ двѣнадцати другихъ зайсановъ, просившихъ о подданствѣ, и обѣщавшихъ кромѣ платежа ясака, выставлять по требованію правительства до 2000 войска. [1]) Черезъ нѣсколько дней полковнику де-Гарригѣ привозятъ еще письмо отъ тѣхъ же зайсановъ: „дай намъ людей на обереженіе; береги отъ злого времени въ нашей землѣ; гдѣ вамъ поглянется, стройте городъ. Нынѣ у насъ—бѣлый государь. Нашего бѣлаго государя полковникъ, пожалуйста поскорѣе, — со всѣми домами хотятъ увезти“ [2]).

Когда же описанныя бѣдствія достигли своей высшей степени, тогда все, что имѣло ноги и могло двигаться, бросилось изъ Джунгаріи въ Сибирь.

Въ Сибирь стремились и большіе коши, состоявшіе изъ нѣсколькихъ тысячь человѣкъ и гнавшіе съ собой громадные табуны скота. Впереди и по сторонамъ этихъ скопищъ ѣхало вооруженное мужское населеніе, а средину занимали стада, домашній скарбъ, женщины и дѣти, сидѣвшія на верблюдахъ и на скрыпучихъ двухколесныхъ телѣгахъ. Эти величественные караваны двигались очень медленно по выгорѣвшимъ и усѣяннымъ трупами мѣстностямъ. Ихъ тревожили китайскія войска и киргизы, которые постоянно разбивали ихъ и принуждали идти обратно. Къ этимъ врагамъ присоединялись еще шайки джунгаровъ, которые, по разнымъ обстоятельствамъ, питали заклятую вражду къ Россіи и не могли равнодушно видѣть бѣгство въ Сибирь своихъ соотечественниковъ. Эти шайки грабили и убивали изъ бѣжавшихъ къ русской границѣ всѣхъ, кого только онѣ могли ограбить или убить. Къ довершенію всего, оспа гналась по пятамъ этихъ каравановъ и заставляла ихъ бросать по дорогѣ похищенныя ею жертвы. Нѣкоторые коши даже поварачивали назадъ, по-

---

[1]) Рапортъ де-Гаррига, 18 февраля 1756 г.

[2]) Рапортъ его же, 22 февраля 1756 г.

лагая причину эпидеміи въ наносимомъ „съ россійской стороны“ и нездоровомъ для нихъ воздухѣ.

Въ Сибирь стремились и небольшія партіи и одинокіе бѣглецы, питаясь травами, падалью и человѣческими трупами, днемъ скрываясь въ тайныхъ мѣстахъ отъ непріятеля, а ночью продолжая свой утомительный путь. Нѣкоторые изъ нихъ выходили на Иртышъ, дѣлали плоты и спускались на нихъ до русскихъ крѣпостей. Множество этихъ бѣглецовъ погибало отъ китайцевъ и увозилось въ плѣнъ киргизами. А разбойничьи калмыцкія шайки убивали ихъ для пищи и ѣли ихъ вареное мясо.

Въ Сибирь стремился и самъ ханъ павшаго царства — Амурсана.

Выбѣгавшихъ въ Сибирь было очень много, хотя мы не имѣемъ данныхъ опредѣлить ихъ цифру даже приблизительно. Цѣлые коши, выходившіе на границу, состояли, какъ уже сказано, изъ нѣсколькихъ сотъ, даже тысячъ человѣкъ и пригоняли съ собой огромныя стада. Въ кошѣ Шерина было 1156 кибитокъ, 5223 человѣка, 12,310 головъ разнаго скота, 1059 ружей и т. д. [1]) Съ Доржи Унжиномъ вышло заразъ въ Устькаменогорскъ 427 человѣкъ въ томъ числѣ 11 рабовъ [2]). 17 іюня 1757 г. въ Шульбинскій заводъ вышла партія въ 250 человѣкъ. [3]) 20 мая 1758 года вышелъ лама, Лозанъ Дакши, и при немъ 270 калмыковъ, въ томъ числѣ 39 человѣкъ ламайскаго духовенства [4]). Много выбѣгало подобныхъ большихъ каравановъ, но еще болѣе выбѣгало немногочисленныхъ партій и одинокихъ эмигрантовъ. Почти въ теченіи трехъ лѣтъ по всему протяженію сибирско-джунгарской границы выходили въ русскія поселенія эти несчастные, пережившіе погромъ своего отечества. Хотя петербургское

---

[1]) Пограничныя Дѣла Омск. Архива, т. II, стр. 107.

[2]) Погр. Дѣла, т. XXXI, стр. 402.

[3]) Ibid, стр. 440.

[4]) Погр. Дѣла, т. XXXVII стр. 670.

правительство предписывало „съ выходящими азіятами поступать съ ласковостью и ни малѣйшаго имъ озлобленія не чинить“, [1] но это не имѣло никакой дѣйствительной силы. Сначало велѣно было принимать всѣхъ; но въ октябрѣ 1758 г. ордеромъ генерала Фрауендорфа приказано выбѣгающихъ джунгаровъ въ форпосты и крѣпости не впускать до спросу, что они за люди, и если не пожелаютъ креститься, то отсылать отъ крѣпостей прочь, а если пожелаютъ, то принимать „какой бы націи кто ни былъ“ [2]). Упомянутымъ допросамъ о происхожденіи и о джунгарскихъ дѣлахъ подвергались рѣшительно всѣ выходцы; эти допросы, для вынужденія правдивыхъ отвѣтовъ, часто сопровождались пыткою, состоявшею въ битьѣ несчастныхъ эмигрантовъ плетьми. Но это было запрещено, и пограничные командиры очень были опечалены такимъ запрещеніемъ, полагая, что „объ истинномъ намѣреніи выбѣгшихъ вывѣдать можно бы было“, еслибы не ордеръ Фрауендорфа, запрещавшій „распросъ таковыхъ съ пристрастіемъ“ [3]).

Не трудно сказать, чего хотѣли джунгары, выбѣгая въ Сибирь и трудно понять, какъ этого не знало сибирское начальство, настаивавшее на допросѣ бѣглецовъ съ пристрастіемъ! Джунгары искали спасенія отъ голодной смерти, киргизовъ и китайцевъ и могли найти это спасеніе только въ Сибири.

Большинство выбѣгавшихъ были наги, босы и едва таскали ноги отъ голоднаго истощенія. Даже самъ повелитель Джунгаріи выбѣжалъ на русскую границу безъ штановъ, которые были сшиты ему только въ Омскѣ на казенный счетъ. [4]) Его

---

[1]) Потр. Дѣла, т. XXX, стр. 440.

[2]) Потр. Дѣла, т. XL. стр. 459.

[3]) Ibid. стр. 163.

[4]) Когда Амурсана увидѣлъ, что ему не удержать за собой власти, то отправилъ въ Россію двухъ зайсановъ съ просьбою о подданствѣ. Ихъ арестовали въ Барнаулѣ; одного увезли въ Петербургъ на допросы въ коллегію иностран-

придворные были также почти нагишемъ и „при наступившихъ холодныхъ росахъ безъ одежды терпѣли нужду и положеннымъ имъ отъ казны провіантомъ довольствовались съ нуждою". [1]) Многіе изъ выбѣгавшихъ отъ ранъ, холоду и голоду были такъ слабы, что не могли дойти до пограничныхъ поселеній нѣсколькихъ верстъ и оставались въ пустынѣ, дожидаясь смерти. За нѣкоторыми изъ нихъ изъ крѣпостей посылались люди и ихъ вывозили въ пограничныя поселенія. Они были наги и такъ истощены голодомъ, что „даже доброю пищею ихъ возстановить было сумнительно". [2]) Выбѣгшимъ полагалось казённаго содержанія некрещеннымъ большимъ по 1 коп., а малымъ по 1 денежкѣ въ день, а крещеннымъ большимъ и малымъ по 3 деньги; ноенамъ по 10—20 коп.,

ныхъ дѣлъ, а другого вѣлено уговаривать къ переселенію въ улусы волжскихъ торгоутовъ. Началась переписка (*Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 693*) Но Амурсана не могъ дождаться отвѣта, и 30 іюня 1757 г. вышелъ къ Семипалатинску почти нагишомъ съ 8 калмыками и одной лошадью. Его отправили въ Омскъ. Въ Ямышевѣ онъ объявилъ, что «имѣетъ великую болѣзнь», а какъ по указамъ значилось, «что онъ человѣкъ надобный,» то «дабы не умеръ», полковникъ Девиленевъ оставилъ его въ Ямышевѣ. 31 іюля привезена жена его. Въ Омскѣ хану стало лучше, и въ новыхъ, сшитыхъ на казенный счетъ штанахъ, подъ именемъ «самосекретнѣйшаго азіанина», онъ отправленъ 9 августа въ Тару, куда прибылъ 12 числа. Здѣсь ему пожаловали по 50 к. въ сутки кормовыхъ и отвели «приличную его чести квартиру». Амурсана просилъ свиданія у полковника Лориха, и послѣдній согласился, но почему-то не иначе, какъ въ 3 часа ночи. И хотя при этой аудіенціи ханъ просилъ только о томъ, чтобы его соединили съ его племянникомъ, однакожъ съ переводчика Дулѣпова, толмачившаго его слова Лориху, послѣдній взялъ подписку не разглашать этого разговора «*подъ страхомъ смертной казни*». 12 числа Амурсана отправленъ въ Тобольскъ въ вѣдѣніе тамошней *секретной комиссіи о заграничныхъ обращеніяхъ*. Въ инструкціи конвою предписывалось везти Амурсану такъ секретно, чтобы его никто и онъ никого не видалъ, и пріѣздъ въ Тобольскъ пригнать къ ночному времени. (*Погр. Д., т. XXXI, стр. 8, 15, 24, 34.*) Вскорѣ Амурсана умеръ отъ оспы. Китайцы, проявлявшіе въ этихъ дѣлахъ подозрительность не меньше русскихъ, три раза требовали трупа Амурсаны, чтобы удостовѣриться въ его смерти. Такъ они боялись этого предпріимчиваго и честолюбиваго дикаря.

[1]) Погр. Дѣла, т. XXXI, стр. 49.

[2]) Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 287.

ламамъ по 5—10 коп. въ день. [1]) Нежелавшимъ же креститься ничего не давалось. Но и тѣ, которымъ полагалось содержаніе терпѣли жестокую нужду, потому что этого содержанія было недостаточно, да и оно доходило не все до калмыковъ, а часть его воровалась русскими распорядителями. Калмыки жаловались, что имъ „хотя и выдается ячмень, но за неимѣніемъ мяса и молока, а особенно соли, они претерпѣваютъ нужду, и оттого опухли и впали въ болѣзни, а купить и вымѣнять не на что, да и ячменю не достаетъ, и оттого приходитъ слабость здоровья и отъ претерпѣннаго глада поправиться не могутъ". [2]) Пропитываться же работою у русскихъ они не могли,—„по природности ихъ и необычайности россійской работы" [3]). Многіе занимались воровствомъ и получали за то плети. Многіе задумывали бѣжать обратно, но зоркіе стражи ловили ихъ, угощали плетьми и бросали въ душныя тюрьмы, чтобы „они, по малоразсудному своему азіятскому обыкновенію, утечки не сдѣлали". И вѣроятно если бы калмыки имѣли припасы на дорогу, то большинство ихъ бѣжало бы во свояси. Русскіе понимали это и потому, между прочимъ, не допускали калмыковъ имѣть достаточное для прокормленія количество провіанта. Однажды одна калмычка донесла начальству, что калмыки провіантъ копятъ. Вслѣдствіе этого велѣно по всѣмъ крѣпостямъ колыванской и иртышской линіи произвесть въ калмыцкихъ кошахъ обыскъ *и отобрать провіантъ!* Но только въ кутанской отобряно у восемнадцати человѣкъ, у кого 1, у кого 4 четверика, во всѣхъ же другихъ крѣпостяхъ у калмыковъ излишняго хлѣба не оказалось, и обыскивавшіе ихъ офицеры доносили, что „тутъ не только лишку нѣтъ, но и до термину достать не уповательно" [4]). Были между этими эмигрантами

---

[1]) Погр. Дѣла, т. XL, стр. 139.
[2]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 605.
[3]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 29.
[4]) Ibid., стр. 555.

люди достаточные, богатые скотомъ и разными цѣнными пожитками, имѣвшіе рабовъ; но по выходѣ на русскую границу они принуждены были постепенно разставаться съ своимъ имуществомъ и быстро шли къ тому жалкому состоянію, въ которомъ страдало большинство ихъ земляковъ. За удовлетвореніе каждой ихъ просьбы, за выполненіе каждой обязанности относительно ихъ, пограничныя власти вымогали съ нихъ взятки и, не задумываясь, отнимали у несчастнаго калмыка даже его рабовъ, жену и дѣтей [1]). Подобные поборы носили подчасъ характеръ чистыхъ грабежей. Такъ, напр., въ 1757 г. бійскій регистраторъ Девятіяровскій, разъѣзжая по стойбищамъ вышедшихъ съ Бохоломъ калмыковъ, своими вымогательными побоями и угрозами, навелъ на послѣднихъ такой страхъ, что они разбѣжались въ горы. Девятіяровскій обиралъ всѣхъ попадавшихся ему калмыковъ, у кого отнималъ скотъ, у кого мѣха, платье, парней и дѣвушекъ; всего награблено имъ, по словамъ старшины Бохола, на 761 рубль [2]).

Выше мы уже говорили, что казна выдавала содержаніе только однимъ желавшимъ креститься, а напослѣдокъ нежелавшихъ принять русскую вѣру велѣно было даже вовсе не пускать въ Сибирь, отсылая ихъ обратно. Однакожъ до изданія послѣдняго распоряженія въ Сибирь было принято множество джунгаровъ, нехотѣвшихъ и слышать о перемѣнѣ религіи. Пограничные командиры, большею частію нѣмцы, съумѣли однакожъ окрестить множество калмыковъ, принуждая ихъ къ тому иногда подарками, а больше голодомъ, тюремнымъ заключеніемъ и другими, еще болѣе грубыми средствами. Нѣкоторые изъ приведенныхъ такимъ образомъ въ православіе пытались заявлять, что они „крещены усильно“. Но послѣ сдѣланныхъ имъ приличныхъ вразумленій, они отказывались отъ упомянутаго заявленія, и давали подписку, что

---

[1]) Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 267.

[2] Ibid., стр. 393.

сдѣлали его, „желая избыть христіанства, по замерзѣлому предъ симъ азіятскому закону“ [1]. Впрочемъ нѣкоторые самые упорные изъ нежелавшихъ креститься устояли на своемъ и не перемѣнили вѣры; а кромѣ того нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ пограничные командиры не смѣли принуждать къ переходу въ православіе. Такъ относительно семейства Амурсаны полковникъ Девиленевъ доносилъ, что „по знатности ихъ крестить онъ смѣлости взять не имѣлъ“ [2]. Крестившихся вѣнчали съ ихъ женами и заставляли ограничиваться одной женой. Нѣкоторыя изъ обратившихся калмычекъ выходили замужъ за русскихъ.

Всѣхъ принятыхъ въ подданство калмыковъ было положено переселить на Волгу, къ тамошнимъ калмыцкимъ родамъ изъ племени торгоутовъ, которыхъ калмыки искони ненавидѣли. Это было для калмыковъ еще хуже крещенія: отъ соединенія съ торгоутами они упирались руками и ногами. Вышедшіе въ Россію двоеданцы (калмыки) разбѣгались отъ одного слуха о томъ, что ихъ поведутъ на соединеніе съ торгоутами. Потомъ этотъ планъ отмѣнили, какъ совершенно разорительный для двоеданцевъ, и рѣшили ихъ переселить во внутрь Сибири. И ихъ переселили бы, если бы компетентные въ этомъ дѣлѣ пограничные начальники не доказывали, что „ежели ихъ переселить, то какъ уже дѣйствительно видимо было, что многіе приходящіе въ россійское подданство зенгорцы померли, и онымъ послѣдовать можетъ таковый же случай“ [3]. Но джунгары не могли, подобно двоеданцамъ, отдѣлаться отъ переселенія на Волгу. Сотнями и тысячами отправляли ихъ туда черезъ Оренбургъ. Во время пути крещенымъ калмыкамъ выдавалось по 3 коп. въ день. Ихъ сопровождалъ сильный конвой, которому предписывалось „смотрѣть, чтобъ кал-

[1]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 200.
[2]) Погр. Дѣла, т. XXXI, стр. 14.
[3]) Погр. Дѣла, т. XXXII, стр. 412.

мыки утечки не сдѣлали; на верховыхъ лошадей не сажать, оружія и лошадей въ руки не давать, встрѣчи съ киргизами избѣгать, а если встрѣтятся, то говорить, что то не плѣнные, а тобольскіе старожилы и ѣдутъ по желанію своему въ Оренбургъ на поселеніе вмѣстѣ съ своими родственниками“ [1]). При ихъ встрѣчахъ телѣги велѣно было закрывать рогожами, чтобъ „киргизы азіанъ не видѣли“ [2]). Какъ не многочисленны были нѣкоторыя изъ этихъ партій, но дорогою постепенно они еще болѣе увеличивались, принимая калмыковъ изо всѣхъ попутныхъ мѣстъ. Такъ, въ партіи маіора фонъ-Эндена, вышедшей изъ Бійска 28 іюня 1757 г., подъ конвоемъ 305 человѣкъ съ 2 пушками, было калмыковъ 2,284 человѣка. Отъ Бійска до Семипалатинска фонъ-Энденъ набралъ новыхъ джунгаръ и вышелъ изъ послѣдняго города съ 3,179 человѣками [3]). Впрочемъ большая часть партій не была такъ многочисленна; а ограничивалась нѣсколькими сотнями человѣкъ. На дорогѣ калмыки терпѣли тотъ же голодъ и тѣже стѣсненія, какъ и во время жительства въ крѣпостяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ успѣвали бѣжать, но большую часть рѣшившихся на побѣгъ ловили и жестоко наказывали. Отъ голода и болѣзней множество умирало. Такъ, напр., въ упомянутой партіи фонъ-Эндена во время слѣдованія отъ Бійска до Ямышева умерло калмыковъ 274 челов., и отъ Ямышева до Омска умерло 214. Хорошо, значитъ, содержали и обращались съ ними! Впрочемъ Щетневъ, провожавшій партію послѣ фонъ-Эндена, рапортуетъ, что такая смертность зависѣла не отъ начальства, а „отъ воли Божіей“; что калмыки мерли не отъ голоду, а отъ лихорадки и поносу, и что объ ихъ здоровьѣ начальство заботилось, ибо къ партіи былъ приставленъ „*въ должности лекарской подпрапорщикъ*“ [4]).

---

[1]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 24.
[2]) Ibid. стр. 215.
[3]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 180, 228.
[4]) Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 35.

Но оставимъ этихъ несчастныхъ и обратимся къ ихъ не менѣе несчастнымъ землякамъ, попадавшимъ въ неволю къ русскимъ.

Паденіе Джунгаріи имѣло самое сильное вліяніе на усиленіе сибирскаго рабства, тѣмъ болѣе, что незадолго до этого паденія, вышелъ въ 1737 г. уже упомянутый нами указъ императрицы Анны, 6 § котораго узаконилъ существованіе сибирскаго невольничества. Конечно, и безъ этого указа сибиряки съумѣли бы захватывать выбѣгавшихъ джунгаровъ въ рабство и удерживать ихъ за собою, несмотря на запрещеніе законовъ, но упомянутый указъ все-таки далъ сильный толчекъ усиленію сибирскаго невольничества. Со времени паденія Джунгаріи главнымъ мѣстомъ процвѣтанія рабства становится югозападная Сибирь, по всей джунгарской и киргизской границѣ развивается обширная работорговля, главнымъ внутреннимъ рынкомъ которой дѣлается ирбитская ярмарка.

Выше мы видѣли, что большинство выбѣгавшихъ калмыковъ были жалкими нищими, умиравшими съ голода и немогшими пропитывать не только свое семейство, но даже и самихъ себя. И эти несчастные продавали русскимъ или даже отдавали даромъ своихъ родственниковъ, рабовъ, даже самихъ себя. Такъ въ Устькаменогорскѣ въ 1756 г. „вступившіе въ протекцію Ея Им-го Вел-ва урунхайскіе старшины Янканъ и Дархуръ вѣдомства своего мальчика и дѣвку, именуемыхъ Онгономъ и Жиргалъ Ебаковыхъ, по неимѣнію отца и матери и родственниковъ и по невозможности пропитать, подарили луцкаго полку капитану фонъ-Траубенбергу въ вѣчное услуженіе“. По этой же самой причинѣ старшины подарили капитану Долгову мальчика, сержанту Ердыкееву бабу раненую съ сыномъ, а регистратору Девятіяровскому бабу съ двумя ранеными сыновьями; телецкій зайсанъ Менко подарилъ калмыченка поручику Степанову, также „по сиротству и по неимѣнію пропитанія“ [1]). Однажды выѣхавшіе на гра-

[1]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 188.

ницу калмыки объявили начальству, что недалеко въ горахъ остались отъ нихъ нѣсколько человѣкъ раненыхъ и малолѣтнихъ, „которые-де по тогдашнему зимнему воздуху и по неимѣнію у нихъ одежды могутъ какъ гладомъ, такъ и отъ морозовъ безвременно помереть, изъ которыхъ нѣкоторые и померли, а они взять ихъ къ себѣ не желаютъ, потому что и своими людьми какъ пропитаться — знать не могутъ". Въ горы были посланы люди съ санями и привезли 20 изнемогшихъ отъ голода и ранъ калмыковъ. Изъ нихъ десять человѣкъ калмыцкіе старшины взяли себѣ, а десять раздарили русскимъ [1]). Большею частью эти подарки дѣлались лицамъ чиновнымъ и поэтому были взятками; такъ, напр., когда въ декабрѣ 1756 г. полковникъ де-Гаррига объѣзжалъ калмыцкіе коши, то старшины дали ему въ подарокъ дѣвку, чтобы онъ оставилъ ихъ при Шульбинскомъ заводѣ и не посылалъ бы на Волгу [2]). Часто чиновники, не дожидаясь добровольныхъ приношеній или недовольствуясь ими, силою отнимали у калмыковъ ихъ дѣтей и родственниковъ и обращали въ рабство. Такъ, напр., регистраторъ Девятіяровскій во время своего, уже упомянутаго нами грабежа въ калмыцкихъ кошахъ, отнялъ между прочимъ мальчика и дѣвушку. Впрочемъ, когда на него калмыки пожаловались, то онъ отперся отъ насильнаго захвата этихъ ребятъ, говоря, что калмыки, по неимѣнію пищи, сами продали ему ихъ за 2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверикъ крупъ [3]). Такъ по доносу выборнаго при таможнѣ Сары-ханова, капитанъ Траубенбергъ и другіе чины получали отъ калмыковъ „въ братейство" золото, серебро и жемчугъ и силой вымѣнивали себѣ въ холопство калмыковъ и калмычекъ [4]). Эти грабежи и поборы людьми были такъ обыкновенны, что каждый офицеръ, каждый чинов-

---

[1]) Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 267.
[2]) Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 197.
[3]) Ibid.
[4]) Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 267.

никъ, даже множество простыхъ солдатъ и казаковъ обзавелись въ это время многочисленною калмыцкою челядью.

Еще болѣе пріобрѣталось невольниковъ посредствомъ покупки. Число джунгаровъ, желавшихъ продать своихъ людей русскимъ или продаться самимъ въ неволю постепенно возрастало, по мѣрѣ усиленія бѣдствій, положившихъ конецъ джунгарскому ханству. Вмѣстѣ съ умноженіемъ продавцевъ возрасло и число законныхъ рабо-покупателей. Въ 1756 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ исходатайствовалъ право купцамъ и юрточнымъ бухарцамъ вымѣнивать и покупать калмыковъ, съ тѣмъ, чтобы обращать ихъ въ христіанство или перепродавать въ руки христіанъ, а „во мзду за окрещеніе оставлять крещеныхъ въ вѣчномъ услуженіи у покупателей христіанъ". Тогда дворни чиновныхъ лицъ, купцовъ и посадскихъ наполнились „масками то калмыцкими, то киргизскими", по заковыристому выраженію историка Сибири [1]). Нищіе родители продавали своихъ дѣтей, чтобы предохранить ихъ и себя отъ голодной смерти; мужья продавали женъ; родовые старшины продавали приставшихъ къ нимъ бездомныхъ скитальцевъ и сиротъ. Цѣны рабовъ разнообразились сообразно обстоятельствамъ продавцевъ и качествами продаваемыхъ. Хорошенькая и молоденькая калмычка, покупаемая для наложничества какому нибудь сладострастному офицеру, стоила, конечно, дороже дряхлой старухи или слабаго ребенка. Такъ, напримѣръ, полковникъ фонъ-Энденъ купилъ подобную калмычку за 1 корову, 2 суконныхъ кафтана, желтаго сукна, 1 портище и 2 конца китайки [2]). Высшими цѣнами за рабовъ можно принять цѣны, платившіяся калмыкамъ за рабовъ, *выкупавшихся* изъ ихъ неволи русскими или бухарцами. Такъ, напримѣръ, бухарецъ Шиховъ платилъ за такихъ рабовъ:

---

[1]) Словцовъ, т. II, 17—18.
[2]) Погр. Дѣла, т. XXVII, стр. 232.

за бабу 40 лѣтъ	12 руб.
„ бухарца 30 лѣтъ съ бабою тѣхъ же лѣтъ	1 мерина, 1 жеребца, да деньгами 16 руб.
„ бурутку 7 лѣтъ . . .	6 руб.
„ бухарца 34 „	12 „
„ бухарца 12 „	1 мерина, да денегъ 1 руб.
„ бухарку 12 „	1 мерина, да 2 желтыхъ зендени.
„ киргизку 40 „ . . .	1 мерина и денегъ 6 р.
„ бухарца 40 „	12 руб.
„ бухарца 15 „	12 „
„ бурутку 16 „	12 „
„ бухарку 17 „	12 „
„ бухарца	1 кобылу, да 10 копѣекъ.
„ дѣвку 25 лѣтъ. . . .	1 сѣрый сермяжный зипунъ.
„ бухарца 13 лѣтъ . . .	8 руб. [1]).

Это цѣны—чрезвычайно высокія по тогдашнему. Большинство покупаемыхъ рабовъ стоило гораздо дешевле; многіе калмыки продавались сами и продавали въ вѣчное холопство дѣтей только за одежду и пищу, которые хозяинъ долженъ былъ доставлять имъ во время ихъ неволи. Но и это была еще не самая низкая цѣна; и въ то время и послѣ калмыцкихъ ребятъ можно было купить копѣекъ по 10—15 за штуку или просто вымѣнять на незначительное количество пищи. Въ одномъ изъ городовъ западной Сибири до сихъ поръ живетъ одинъ купецъ калмыцкаго происхожденія, купленный въ дѣтствѣ за *лукошко ржаной муки*. И такая цѣна была не рѣдкою!

Кромѣ мирныхъ способовъ пріобрѣтенія рабовъ, и во время паденія Джунгаріи и послѣ него, русскіе добывали ихъ посредствомъ военныхъ и разбойничьихъ дѣйствій противъ ко-

[1]) Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 46.

чевавшихъ за сибирскою границею калмыковъ. Эти набѣги носили тотъ же варварскій характеръ, какъ и прежде. Оффиціальною цѣлью ихъ были развѣдки „о джунгарскихъ обращеніяхъ“ или поимки калмыцкихъ воровъ и мошенниковъ, тревожившихъ русскую границу; средствомъ для этихъ развѣдокъ была по прежнему пытка всѣхъ встрѣчныхъ калмыковъ. Вотъ, напр., въ 1757 г. отправляется за границу для развѣдокъ полковникъ де-Гаррига съ довольно сильнымъ военнымъ отрядомъ. Поймали одного калмыцкаго мальчика и начались допросы. Но на показаніяхъ калмыченка де-Гаррига „утвердиться не могъ“ и началъ его пытать „со всякими смертельными пристрастками“, отъ которыхъ калмыченокъ, „по малолѣтству“, долженъ былъ сказать правду [1]). Возвращаясь изъ подобныхъ походовъ, русскіе приводили въ Сибирь не мало калмыцкихъ плѣнниковъ, обращавшихся въ рабство. Вотъ, напр., въ 1760 г. прапорщикъ Ширяевъ выступилъ изъ Чарышской крѣпости вверхъ по Чарышу „для искорененія калмыковъ, яко сущихъ непріятелей“. На устьѣ р. Карганъ онъ захватилъ двѣ кибитки, въ которыхъ было девять калмыковъ. Подъ плетьми начали допрашивать ихъ о другихъ калмыкахъ; они объявили, что 16 человѣкъ осталось сзади ихъ, но команда захватила тамъ только 3 ребятъ, остальные ушли на лыжахъ. Погнавшись за ними, команда нашла ихъ на высокой сопкѣ, но они отстрѣлялись. Самъ Ширяевъ съ 24 человѣками погнался за бѣжавшими въ Канъ калмыками, но калмыки, завидя его команду, взобрались на высокую сопку, на которой у нихъ еще прежде были складены каменныя защиты и бойницы для защиты отъ монголовъ и китайцевъ. Ширяевъ выбилъ ихъ оттуда, убивъ 4 челов. и полонивъ 8. Черезъ три дня онъ взялъ въ плѣнъ еще 14 человѣкъ [2]).

---

[1]) Погр. Дѣла, т. XXXII, стр. 482.
[2]) Погр. Дѣла, т. LII, стр. 60.

Такимъ образомъ, начиная съ половины XVIII столѣтія, Джунгарія сдѣлалась главнымъ источникомъ, доставлявшимъ Сибири рабовъ. И сибиряки получали изъ этой страны невольниковъ не только путемъ вышеописанныхъ непосредственныхъ сношеній съ джунгарами, но также и посредствомъ киргизовъ, которые вплоть до указа 1828 году были самыми дѣятельными поставщиками невольниковъ Сибири.

IV.

Киргизскій народъ, который составился изъ обломковъ чингисова царства и въ физіономіяхъ котораго можно найти всѣ переходы и оттѣнки изъ чистѣйшаго кавказскаго типа до типа совершенно монгольскаго, — киргизскій народъ былъ всегда тревожнымъ и опаснымъ сосѣдомъ Сибири. Но въ XVIII столѣтіи внутренніе раздоры киргизскихъ ордъ ослабили ихъ могущество и породили мысль о переходѣ въ русское подданство. Этотъ переходъ совершился въ 1730 г.; но русская власть въ киргизскихъ степяхъ около столѣтія оставалась только номинальною и была родомъ протектората надъ союзною націей. Тотъ же характеръ носили и пограничныя отношенія русскихъ къ киргизамъ. Опоясанная линіей укрѣпленій, Сибирь смотрѣла, и смотрѣла справедливо, на киргизовъ, какъ на орды разбойниковъ, ежеминутно готовыхъ двинуть воинственныя шайки своихъ наѣздниковъ на грабежъ русскихъ поселеній, на отгонъ скота и на уводъ сибиряковъ въ неволю. Киргизскіе набѣги и бунты не прекращались вплоть до половины XIX столѣтія. Киргизы отгоняли скотъ, жгли сѣно и деревни, вытаптывали пашни, уводили въ плѣнъ жителей. Они удачно пользовались для своихъ набѣговъ вьюгами, которыя заносятъ слѣды верховой ѣзды. Такъ, напр., въ 1743 г. они напали въ страдное время на деревню Без-

рукову и увели въ плѣнъ 26 человѣкъ[1]). Въ томъ же году изъ ишимскихъ слободъ они полонили 20 человѣкъ и 80 лошадей [2]). Въ 1755 г. киргизами разбитъ одинъ изъ ишимскихъ форпостовъ, при чемъ погибло нѣсколько драгунъ. Нападая на русскія поселенія, эти дикари не пропускали случая убить, ограбить или полонить русскихъ, ходившихъ за границу для разныхъ промысловъ, напр., для раскопки могильныхъ курганов[3]). Такъ дворовые люди дворянина Полстовалова, сбѣжавшіе въ понизовые сибирскіе города, дорогой взяты были въ плѣнъ киргизами [4]). Такъ въ 1748 и 1749 г.г. уведены киргизами въ неволю капралъ съ двумя женщинами, ѣхавшіе изъ Шульбинска въ Убинскъ. Изъ Подпускнаго станца киргизами былъ „украденъ" тобольскій служилый татаринъ Талаковъ и двѣ лошади [5]). Подобные набѣги повторялись постоянно. Въ 1783 — 1791 г. по линіи отъ Звѣриноголовска до Гурьева увезено въ плѣнъ киргизами 506 русскихъ [6]). Кромѣ русскихъ киргизы зорили и полоняли разныхъ инородцевъ; въ ихъ улусахъ имѣлось „живущихъ башкирцевъ немалое число, также чувашъ и другихъ подданныхъ Ея Им—го Вел—ва, и имъ житье отъ кайсаковъ (было) весьма плохое" [7]). На киргизовъ, поэтому, смотрѣли въ Сибири также подозрительно и враждебно, какъ и на джунгаровъ. Выѣзжать въ киргизскую степь русскимъ запрещалось, иногда подъ страхомъ смертной казни. Въ Сибири киргизовъ встрѣчали всегда съ такою же недовѣрчивостью, какъ и джунгаровъ. Когда, напр., въ 1754 г., киргизы, преслѣдуемые джунгарами, умоляли сибирское начальство пустить въ Сибирь, по крайней

---

[1]) Промем. Сибирск. Губернск. канц., январь 1748 г.
[2]) Рапортъ вахмистра Черныхъ, 1745.
[3]) Словцовъ, т. II, стр. 423.
[4]) Рапортъ Павлуцкаго, октябрь 1747 г.
[5]) Письмо Киндермана къ Аблаю, май 1749 г.
[6]) Мейеръ, стр. 19.
[7]) Показанія казака Бордюгина, 11 мая 1745 г.

мѣрѣ, ихъ женъ и дѣтей, то эта просьба была совсѣмъ отвергнута и беззащитныя семейства оставлены въ добычу калмыкамъ [1]). Таже самая система развѣдовъ и шпіонства, которая употреблялась относительно Джунгаріи, была пускаема въ ходъ и противъ киргизовъ. Русскіе лазутчики постоянно посѣщали киргизскіе улусы и доносили начальству „о тамошнихъ обращеніяхъ“. Наблюдать и доносить дѣйствительно было о чемъ. Джунгары зорко слѣдили за отношеніями киргизовъ къ Россіи и старались, привлекши ихъ на свою сторону, пріобрѣсть въ нихъ сильныхъ союзниковъ противъ русскихъ. Намѣреніе киргизовъ вступить въ русское подданство иногда жестоко наказывалось калмыцкими ханами. Войска Галдана Церена прошли, однажды, съ огнемъ и мечемъ всю степь вплоть до Оренбурга. И русскіе основательно опасались, что джунгары могутъ поднять киргизовъ къ бунту и покорить ихъ своей власти. Очень частыя возмущенія и раздоры киргизскихъ ордъ поддерживали такое опасеніе. Киргизы принимали дѣятельное участіе въ башкирскомъ бунтѣ и ихъ роды постоянно грабили и раззоряли другъ друга. Всѣ эти обстоятельства и жажда добычи вели за собою военные походы русскихъ, которые совершались подъ предлогомъ возвращенія воровскихъ вещей и плѣнныхъ, наказанія разбойниковъ и бунтовщиковъ. Эти походы позорятъ собою всѣ сношенія сибиряковъ съ киргизами вплоть до половины настоящаго столѣтія. Эти походы, кромѣ поживы имуществами киргизовъ, доставляли Сибири довольно рабовъ-плѣнниковъ, а раззоряя киргизовъ и доводя ихъ до безысходной нищеты, они заставляли ихъ страшно усиливать продажу людей въ русскую неволю.

Вотъ напр., въ первыхъ числахъ ноября 1743 года, около Шульбинскаго завода, Семипалатинска и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ были замѣчены разъѣзжающіе киргизы. 5 ноября изъ

---

[1]) Словцовъ, т. II стр. 423.

Желѣзинской крѣпости былъ командированъ капралъ Вершининъ съ командою изъ 24 человѣкъ для присмотру непріятельскихъ людей и ихъ воровскихъ трактовъ. И отъ крѣпости въ 5 верстахъ напала на нихъ казачья орда, и сказывали тѣ непріятельскіе люди: „мы-де мирные люди и ѣдемъ торговать въ Желѣзинскую крѣпость“. И послѣ того они учинили съ нимъ, Вершининымъ, бой; и того бою было до ночи“. Киргизы начали одолѣвать и казаки просили изъ крѣпости сикурсу. На выручку ихъ посланъ былъ капралъ Пузинъ съ 42 челов. и 1 пушкой, но Пузинъ киргизовъ уже не засталъ и выслѣдить ихъ не могъ. Ноября 6 подъѣхали къ Желѣзинску два киргиза и захвачены въ крѣпость. Ноября 3 въ Семипалатинскѣ одинъ солдатъ объявилъ, что видѣлъ онъ за Иртышемъ „невѣдомо какихъ людей“. Послана въ погоню команда изъ 30 человѣкъ, но она никого не нашла и только захватила въ плѣнъ одного киргиза. 8 ноября изъ Черлаковскаго форпоста сотникъ Дороховъ ѣздилъ съ казаками по степной сторонѣ для присмотра непріятельскихъ людей, и наѣхалъ онъ на 30 киргизовъ, „изъ оныхъ непріятельскихъ людей 2 человѣкъ поймали, а за остальными погнались“. Въ помощь имъ изъ форпоста послано еще 31 человѣкъ. Дороховъ съ командою набѣжалъ на киргизскіе улусы „и оныхъ мужеска полу бойцовъ человѣкъ 50 и отъ улусу верстахъ въ двухъ еще человѣкъ 20, и оныхъ улусахъ баталія была во второмъ часу ночи, и съ оной баталіи привезъ онъ, Дороховъ, 20 человѣкъ плѣнниковъ и скота многое число“. По требованію Дорохова командировано ему въ помощь для вторичнаго набѣга изъ Омска 117 человѣкъ, да изъ Черлакова 31 человѣкъ, „и соединясь всѣ вообще, они 13 ноября въ степь отправились“. Черезъ пять дней похода нашли они на киргизскіе улусы, „и изъ тѣхъ улусовъ черезъ огненное оружіе взято въ полонъ мужескаго и женскаго пола 42 человѣка, 790 лошадей и 22 верблюда. И тотъ полонъ за помощію Божіею выведенъ въ Омскую крѣпость, во всякомъ благополу-

чіи и въ добромъ здравіи. И требуетъ онъ, Дорохов̂ъ, рапортомъ, дабы повелѣно было вышеписанную взятую имъ добычу *людей, лошадей и верблюдовъ отдать ему съ командою въ раздѣлъ, дабы впредь многіе вѣрноподданные охоту и не малую ревность имѣли*. А по справкѣ съ присланнымъ въ 1735 г. ея и—го в—ва указомъ, въ которомъ велѣно взятыхъ въ полонъ непріятельскихъ людей вырослыхъ въ сибирскую губернскую канцелярію подъ крѣпкимъ карауломъ препровождать, а малолѣтнихъ мужеска и женска пола и ихъ багажъ и скотъ дѣлить, кто ихъ въ полонъ взялъ, чтобъ служилые люди къ поиску непріятельскихъ людей и впредь охоту имѣли. И по силѣ онаго указа предписанные завоеванные мужескъ полъ молодые, а женскъ старые и молодые, такожъ верблюды и кони раздѣлены по тѣмъ, которые при взятьѣ той добычи были“ [1]). Эти набѣги производились сибиряками такъ ревностно и безсовѣстно, что, по предложенію оренбургскаго начальства, въ главномъ вѣденіи котораго находились тогда киргизскія дѣла, правительство „повелѣло накрѣпко наблюдать, чтобъ прежде, пока объ ихъ киргизскихъ противныхъ и злыхъ противъ Россіи намѣреніяхъ подлинно не увѣдомлено будетъ, съ россійской стороны дѣйствъ не оказывать и войскамъ оныхъ не чинить“. Оренбургская губернская канцелярія находила, что часто изъ захваченныхъ въ полонъ „измѣнниковъ киргизцевъ“ за многими „не токмо винности, но и сомнѣнія никакого не видно и ихъ задерживали безъ всякой причины“; военныя сибирскія партіи, по мнѣнію той же канцеляріи, ходили подъ киргизскіе улусы безъ нужды и дѣлали свои разбойничьи набѣги совершенно противозаконно. Но эти набѣги продолжались вплоть *до половины настоящаго вѣка*.

Такъ, напр., въ 1807 г., оренбургскіе киргизы ограбили Вали-Хана и онъ просилъ защиты у сибирскаго начальства,

---

[1]) Экстрактъ, 31 марта 1745 г., объ обидахъ учиненныхъ киргизамъ.

которое и выслало въ степь 100 казаковъ. Они начали грабить встрѣчнаго и поперечнаго, и самъ Вали просилъ избавить его поскорѣе отъ такихъ защитниковъ. Такъ въ 1842 г., знаменитый бунтовщикъ султанъ Кенисара въ своемъ рапортѣ, присланномъ оренбургскому начальству, подробно исчисляетъ обиды, нанесенныя ему сибирскимъ начальствомъ. Походы сибиряковъ въ степь онъ называетъ грабежами. Меня грабили—пишетъ онъ—по наговору султана Ямантая въ 1825, 1827, 1830, 1831, 1832, 1836 годахъ; потомъ опять грабили въ 1837 г. два раза, въ 1838 г. четыре раза, въ 1840 г. три раза [1]). Около того же времени ходилъ въ степь полковникъ Ѳедоръ Набоковъ; онъ прошелъ съ огнемъ и мечемъ и навелъ на киргизовъ такой страхъ, что даже до сихъ поръ они боятся проѣзжать мимо могилы этого *Чадыръ-Батыря* (богатыря Ѳедора). Для возвращенія захваченныхъ сибиряками скота и киргизовъ, ихъ родичи и султаны употребляли всѣ усилія; но ихъ старанія почти никогда не имѣли успѣха. Большею частію русскіе отвѣчали, что полонъ можетъ быть возвращенъ киргизамъ только въ томъ случаѣ, если они, съ своей стороны, отдадутъ всѣхъ захваченныхъ ими русскихъ подданныхъ. Когда же сибирякамъ предписывалось возвратить пограбленный у киргизовъ военными командами скотъ, то командиры рапортовали, что „нѣкоторые лошади и верблюды пали, другіе убѣжали въ степь, иные проданы“ [2]). Что же касается плѣнныхъ людей, то ихъ не возвращали обыкновенно подъ тѣмъ предлогомъ, что они окрещены. Вотъ что писалъ, напр., оренбургскій губернаторъ Неплюевъ начальнику сибирскихъ войскъ Киндерману: „что касается тѣхъ киргизъ-кайсаковъ, кои по поимкѣ въ разныя руки достались и въ православную вѣру приведены, слѣдственно, *какъ бы то сдѣлано ни было*, отпущать ихъ въ орду, яко крещеныхъ, не-

---

[1]) Мейръ, стр. 29 и 59.

[2]) Рап. Павлуцкаго, мартъ 1745.

возможно, и такъ въ отговорку киргизъ-кайсакамъ другого резону нѣтъ, какъ только сей, что *по ихъ собственному желанію оное восприняли* и по закону православному возвратить ихъ уже не можно, *да они и сами того не желаютъ* [1]. Дѣйствительною же причиною невозвращенія изъ Сибири киргизскихъ плѣнниковъ было то, что они обращались въ рабство, развозились по разнымъ мѣстамъ и часто поступали въ неволю къ тѣмъ самымъ чиновникамъ, у которыхъ киргизы хлопотали о возвращеніи плѣнниковъ. Такъ, напр., Аблай-султанъ особенно хлопоталъ о возвращеніи родственниковъ Алимбетъ-Батыря; но по справкѣ оказалось, что они были въ рабствѣ: „женка Хурумза у превосходительнаго генералъ-маіора и губернатора Сухарева, женка Аимъ и дочь ея дѣвка у полковника Вендейга, женка Сулуча у секретаря Карташева, и оныя уже окрещены“ [2].

Кромѣ полону, русскіе пріобрѣтали отъ киргизовъ рабовъ посредствомъ покупки. Эти невольники состояли главнымъ образомъ изъ калмыковъ, тысячи которыхъ томились въ киргизской неволѣ, особенно послѣ паденія Джунгаріи. Бѣжавшіе въ 1777 г. съ Волги калмыки доставили киргизамъ отличный случай увеличить число ихъ калмыцкихъ рабовъ. Бѣжавшіе калмыки „ошибкою трафили на великіе пески, отчего много оныхъ побросано; за упадкомъ лошадей и по нападенію киргизскаго Аблая-султана многіе разграблены ими (киргизами) и взяты въ плѣнъ; весьма много вымѣняно оныхъ отъ киргизъ купечеству въ Россію“ [3]. Продажа калмыковъ и другихъ націй киргизскихъ плѣнниковъ въ сибирскую неволю совершалась вплоть до конца двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, и часто эти рабы стоили покупателю копѣекъ 10—20 штука или даже просто вымѣнивались за лу-

---

1) Письмо Неплюева, 26 сентября 1745 г.

2) Рапортъ Павлуцкаго, сентябрь 1745 г.

3) Лѣтопись Андреева, рукопись 1789—1800 г., листъ 24.

вошко ржаной муки. Впрочемъ, эти рабы вывозились на сибирскую линію для продажи только въ голодные годы, „въ прочее время владѣльцы ихъ, имѣя способы удобно сбывать ихъ между собою и за цѣну высшую, чѣмъ россіянамъ, не продавали ихъ на линіи“... Положеніе этихъ рабовъ у киргизовъ было самое жалкое. „Находясь у киргизъ, они не знаютъ собственности и передаются отъ одного владѣльца къ другому, какъ обыкновенная въ частной жизни вещь, покупкою, мѣною и разными сдѣлками пріобрѣтаемая; часто они выводятся и ставятся *на байги* (конскіе бѣги) вмѣстѣ съ лошадьми и поступаютъ въ призъ отличившимися въ скачкѣ. Въ дѣлахъ судныхъ закономъ введено взыскивать съ обвиненныхъ штрафъ калмыками и скотомъ“. Число этихъ невольниковъ въ началѣ XIX вѣка значительно уменьшилось у киргизовъ. „Причина тому очевидна. Киргизы, имѣя надъ калмыками неограниченную власть, весьма часто разлучаютъ мужа съ женой, по своему произволу, отдавая ихъ въ разныя руки, или какъ выгоднѣе, оставляя у себя одного, продаютъ другую постороннему владѣльцу или же удерживаютъ при себѣ въ наложницахъ, отчего мужчины большею частію холосты. Бракъ съ киргизскою не дозволенъ калмыкамъ, но если владѣлецъ по снисходительности, и женитъ на ней невольника, то сей вступаетъ уже въ права, равныя киргизамъ, и освобождается отъ рабства“ [1]). Въ голодные годы вмѣстѣ съ рабами киргизы продавали въ рабство своихъ дѣтей. Постоянныя междоусобія, деспотизмъ султановъ и хановъ, набѣги русскихъ командъ, частыя эпидеміи—все это разоряло киргизскій народъ и навлекало на него ужасныя бѣдствія. Тому же содѣйствовали и многія административныя мѣры. Напр., употреблялись всѣ средства, чтобы не дать киргизамъ сдѣлаться осѣдлыми земледѣльцами. Графъ Сухтеленъ сочинилъ теорію, что киргизы полезны Россіи, какъ кочевой на-

[1]) Журналъ омскаго областного совѣта, 20 іюля 1826 г.

родъ, какъ потребители нашего хлѣба и мануфактуръ, какъ производители кожъ и другого сырья; поэтому ихъ должно удерживать въ полудикомъ состоянiи. Даже въ 1854 г. Перовскiй сдѣлалъ Пограничной комиссiи строгое замѣчанiе за то, что она не препятствовала киргизамъ строить за Ураломъ землянки [1]). Поэтому при каждомъ неурожаѣ хлѣба въ русскихъ пограничныхъ мѣстахъ, киргизы умирали съ голода и для спасенiя своей жизни продавали въ рабство своихъ дѣтей. „Въ началѣ XIX столѣтiя—говоритъ Мейеръ—торгъ дѣтьми дошелъ до обширнѣйшихъ размѣровъ" [2]). Въ особенно бѣдственномъ положенiи киргизы находились съ 1811 по 1814 г., „когда они выѣзжали со своими дѣтьми на линiю и тамъ мѣняли ихъ низкою цѣною на деньги, муку и скотъ. Къ открывшейся тогда въ степи заразѣ на скотъ присоединились глубокiе снѣга и гололедица, двѣ зимы сряду продолжавшiеся. Въ семъ состоянiи тѣ изъ нихъ, кои не имѣли другого имущества, кромѣ скота, лишившись его, прибѣгли къ крайнему средству пропитанiя своего, къ продажѣ дѣтей" [3]). Сперанскiй въ своей запискѣ, поданной имъ въ государственный совѣтъ, замѣчаетъ объ этой работорговлѣ, что „дѣти калмыцкiе, и киргизскiе, на сибирскую и оренбургскую линiи киргизами привозимыя, обыкновенно привозятся на мѣновые дворы и тамъ скупаются оптомъ или вымѣниваются на товаръ мѣщанами, кои симъ промысломъ занимаются. Цѣна ихъ на мѣстѣ обыкновенно отъ 10 до 25 р., рѣдко бываетъ выше. Промышленники содержатъ ихъ въ неволѣ и изнуренiи отъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда обыкновенно производится вымѣнъ до зимы. Въ декабрѣ и январѣ, нагрузивъ ими фуры, отвозятъ ихъ обыкновенно на ирбитскую ярмарку, въ февралѣ мѣсяцѣ бывающую, и тамъ

---

1) Мейеръ, стр. 47 и 72.
2) Ibid, стр. 27.
3) Журн. омск. обл. совѣта, 30 iюля 1826 г.

продаютъ или обмѣниваютъ въ розницу купцамъ и мѣщанамъ, кои потомъ распродаютъ ихъ или обращаютъ въ подарокъ. Излишне описывать всѣ жестокости и страданія съ симъ торгомъ сопряженныя“ [1]).

V.

Мы говорили, что до половины XVIII в. рабство не могло развиться въ Сибири до очень обширныхъ размѣровъ, потому, что рабы требовались только для домашнихъ работъ и служили орудіями передвиженія, подмогою лошадей. Съ этого же времени рабство значительно усиливается, и въ Сибири начинаетъ образовываться сословіе дворянъ-рабовладѣльцевъ. До этого времени дворянство сибирское было только призракомъ дворянства. Авторъ „Домовой Лѣтописи“ справедливо замѣчаетъ, что приходившіе изъ Россіи дворяне поселялись въ разныхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ онымъ выгоднѣе быть казалось, почему и привилегіи дворянства своего разстратили, такъ, что наблюдая свой покой, многіе уклонялись въ хлѣбопашество и разные звѣриные промыслы, а черезъ то наложили на себя иго крестьянства, перешли въ подушный окладъ и въ духовенство и разныя степени жизни, перемѣняли и свою фамилію“ [2]). Впрочемъ нѣкоторые изъ россійскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, послѣ переселенія въ Сибирь, сохраняли свое званіе и назывались *сибирскими*. Потомъ многіе верстаны въ это званіе въ Сибири по царскимъ указамъ или властью воеводъ и позднѣе губернаторовъ, „за многотрудныя службы, осадное сидѣнье, голодное терпѣнье“, а иногда за службу отца. Дѣти боярскіе и сибирскіе дворяне получали особое жалованье, рублей по 5 — 25 въ годъ, по

---

[1]) Указъ Сената Кацевичу, января 30, 1826 г.

[2]) Лѣтопись Андреева, листъ 7.

нѣсколько четвертей хлѣба и крупъ, но нѣсколько пудовъ соли и сѣнокосныя земли, бывшія наслѣдственными. Указомъ сената 1727 г. „съ дворянъ, и дѣтей боярскихъ сибирской губерніи и съ дѣтей ихъ, кои будутъ комплектованы, на мѣсто умершихъ—податей подушныхъ брать невѣлено". Но въ 1737 г. дѣти боярскіе всѣ обращены военной коллегіей на службу и поставлены наравнѣ съ казаками [1]). Еще до этого времени нѣкоторые изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ пріобрѣтали себѣ вотчины, и въ Сибири появилось сословіе помѣщиковъ-вотчинниковъ. Въ числѣ ихъ было много казаковъ, купцовъ, приказныхъ, духовныхъ. Они селили на этихъ земляхъ рабовъ-инородцевъ, ссыльныхъ и бродягъ, которыхъ имъ удавалось записывать за собою. Противъ этого вооружался еще царь Θеодоръ Алексѣевичъ [2]). Но въ XVIII в. усиленіе запроса на хлѣбъ, вело за собой усиленіе хлѣбопашества, особенно въ южныхъ пограничныхъ мѣстахъ Сибири. Рабы, такимъ образомъ, начинали пріобрѣтать небывалую до тѣхъ поръ въ Сибири цѣну, какъ производители хлѣба. Люди, умѣющіе понимать смыслъ обстоятельствъ и извлекать изъ нихъ барыши, люди, имѣвшіе при томъ возможность владѣть рабами, — обзаводились землей и начали воздѣлывать ее невольничьимъ трудомъ [3]). Мы имѣемъ въ рукахъ интересный дневникъ одного изъ этихъ рабовладѣльческихъ сельскихъ хозяевъ. Одинъ изъ предковъ Андреева; умершій въ 1739 г., купилъ въ 12 верстахъ отъ Тобольска деревню Этыкерову, „накупя людей и содержавъ оную, жизнь свою препровождалъ въ изобиліи". Сынъ его увеличилъ это рабовладѣльческое имущество, тѣмъ, что будучи израненъ въ башкирскую войну, онъ получилъ „башкирцевъ шесть человѣкъ въ вѣчное владѣніе, которые и поселены были въ деревнѣ, которую

---

[1]) Этнографич. Сборникъ, выпускъ V, Словцовъ, т. II, прилож. 11—13.

[2]) Д. къ А. И., т. III, стр. 228.

[3]) Гагемейстеръ, Статистическое Обозрѣніе Сибири т. II, стр. 77.

отецъ ему по духовной отказалъ". Упомянутая деревня вмѣстѣ съ рабами досталась автору лѣтописи. Живя безъ господскаго надзора, „не имѣвъ надъ собою смотрѣнія и не видя господъ", эти рабы, при ревизіи 1783 г., „взбунтовавъ, подавали челобитныя, называя себя вольными людьми... Съ великимъ трудомъ приведя ихъ въ страхъ и показавъ, что есть господа, я отправилъ ихъ въ крѣпость Семипалатинскую съ капраломъ Кочевымъ"... Купивъ землю и мельницу, Андреевъ построилъ домъ руками своихъ рабовъ и снабдилъ ихъ лошадьми, скотомъ рогатымъ, баранами, свиньями, курами, дешевою посудою, хлѣбомъ. „Великаго стоило мнѣ труда приводить распутныхъ сихъ людей въ порядокъ"... „Накупилъ я лошадей, завелъ рогатаго скота, птицы, употребляя людей и лошадей къ ломкѣ и возки соли и къ прочимъ случающимся подѣлкамъ, и весьма жизнь свою поправлять всякимъ заведеніемъ началъ, а сверхъ того, какъ для себя, такъ и для коменданта многія вещи вранивалъ, золочивалъ и разныя полезныя показывая услуги, и жизнь свою препровождалъ съ удовольствіемъ" [1]. Другіе рабовладѣльцы вели свои дѣла подобнымъ же образомъ. Понятно, что положеніе рабовъ было вообще чрезвычайно тяжкое. Задавленные работой, они постоянно страдали отъ палокъ, плетей и розогъ, раздававшихся щедро господами, „препровождавшими жизнь свою съ удовольствіемъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго замѣчанія Сперанскаго, цѣна рабовъ, съ обращеніемъ ихъ силъ на производительный сельско-хозяйственный трудъ, поднялась до 25 рублей за мальчика. Развитіе сельскаго хозяйства придавало сибирскому рабству новыя силы. И по всей вѣроятности если-бы правительство не уничтожило рабства, если бы послѣднее просуществовало до развитія въ Сибири фабричной и золотой промышленности, то его размѣры значительно бы увеличились.

---

[1]) Лѣтопись Андреева, листъ 9, 22, 28 и 29.

Но въ то время, какъ сибирскіе рабовладѣльцы „препровождали жизнь свою съ удовольствіемъ“, въ отдаленномъ Петербургѣ замышлялось уже освобожденіе невольниковъ. Первый ударъ невольничеству былъ нанесенъ высочайшимъ указомъ 23 мая 1808 г. Въ немъ говорилось:

а) Всѣмъ россійскимъ подданнымъ свободныхъ состояній покупать и вымѣнивать на линіи киргизскихъ дѣтей дозволяется, съ тѣмъ, чтобъ:

б) Таковые обоего пола, по достиженіи 25-лѣтняго возраста, всѣ безъ изъятія должны быть свободными;

в) Всѣ, покупающіе или вымѣнивающіе ихъ, должны предъявлять о сей покупкѣ оренбургской пограничной комиссіи;

г) Каждый купленный или вымѣненный невольникъ, по истеченіи 25-ти-лѣтняго возраста, какъ свободный, долженъ избрать состояніе по способности и произволенію;

д) Право на владѣніе каждому покупателю дозволяется передавать кому онъ пожелаетъ. Но по достиженіи 25-ти-лѣтняго возраста эти киргизы свободны и отъ новыхъ хозяевъ;

е) Невольникъ, женившійся, по достиженіи имъ 25-ти-лѣтняго возраста, свободенъ съ женою и дѣтьми, хотя бы женился и на крѣпостной своего хозяина;

ж) Правила сіи распространяются но всю сибирскую линію.

Рабовладѣльцы были ошеломлены этимъ указомъ, но не на долго. Тогдашняя Сибирь нисколько не была лучше Сибири XVII в., когда ставили ни во что царскіе указы, запрещавшіе невольничество. Той же судьбѣ подвергся сначала и указъ 1808 г. Его исполненіе зависѣло отъ чиновниковъ, которые были сами рабовладѣльцами и поэтому были заинтересованы въ поддержаніи невольничества. Рабовладѣльцы же, не бывшіе чиновниками, избавлялись отъ дѣйствія этого указа посредствомъ взятокъ. Между тѣмъ рабы, узнавъ о выходѣ упомянутаго указа, заволновались: покупали гербовую бумагу, нанимали сочинителей и переписчиковъ прошеній, и подавали просьбы о своемъ освобожденіи. Но рабовладѣльцы

не дремали, и старались выводить изъ своихъ невольниковъ мысль о свободѣ посредствомъ палокъ и розогъ. Стоило только отослать такого раба при запискѣ въ полицію, или просто отвести его на свою конюшню,—и ему задавали такую баню, что, пожалуй, и дѣйствительно выбивали всякую мысль объ освобожденіи. Такъ, напримѣръ, въ Омскѣ, коллежскій совѣтникъ Камаевъ, своего раба, киргиза, Александрова, „наказалъ при полиціи 200-ми лозъ, а послѣ сего ввергнулъ его въ тюремное заключеніе, гдѣ онъ находился больше мѣсяца, съ употребленіемъ на городовую работу". Вина Александрова состояла въ томъ, что онъ написалъ одному своему родственнику просьбу объ освобожденіи отъ рабства [1]).

Ищущимъ свободы невольникамъ доводилось часто получать за это двойное наказаніе—и отъ своихъ господъ, и по приговору того судебнаго мѣста, въ которомъ они ходатайствовали о своемъ освобожденіи. Высочайшимъ указомъ 23 апрѣля 1744 г. было постановлено, что „ежели кто изъ врещеныхъ калмыковъ и другихъ націй людей, безъ позволенія помѣщиковъ своихъ, у коихъ они, по силѣ указа 1737 г., живутъ, будутъ къ ревизіи приходить и проситься, неимѣя никакого письменнаго вида отъ тѣхъ своихъ помѣщиковъ, на волю, таковыхъ, за таковое своевольство, наказывая батогами, отсылать къ тѣмъ же помѣщикамъ и къ прочимъ". Основываясь на этомъ постановленіи, нѣкоторые суды, наприм., тобольскій магистратъ и уѣздный судъ, приговаривали къ наказанію батогами и къ отдачѣ рабовладѣльцамъ тѣхъ невольниковъ, которые, по указу 1908 г., имѣли полное право на освобожденіе [2]). Нѣкоторымъ отказывали въ освобожденіи на томъ основаніи, что указъ 1808 г. относится только къ купленнымъ

---

[1]) Дѣло объ освобожденіи невольниковъ, Арх. Главн. Управл. Западн. Спб., № 2301.

[2]) Дѣло объ ищущихъ вольности отъ рабства, Архивъ Главн. Управл. Зап. Сибири, № 54.

и вымѣненнымъ невольникамъ, а просители, дескать, были сначала „завоеваны“, а потомъ уже проданы! [1]). Часто суды или вовсе не принимали невольничьихъ просьбъ, или откладывали ихъ въ долгій ящикъ. Но скоро эти несправедливости сдѣлались извѣстными въ Петербургѣ, и сенатъ, своимъ указомъ о прекращеніи ихъ и своими угрозами о жестокомъ наказаніи виновныхъ чиновниковъ, навелъ на нѣкоторыя присутственныя мѣста такой страхъ, что они начали освобождать рабовъ чрезвычайно скоро и безъ всякихъ формальностей. Омскіе дворяне жаловались, наприм., что „омское областное правленіе, на основаніи указа 1808 г., только по собственнымъ своимъ резолюціямъ, безъ судебнаго производства и приговора, даетъ свободу находящимся у дворянъ въ услуженіи людямъ, достигшимъ двадцатипятилѣтняго возраста“... Такія дѣйствія омскаго областнаго правленія, по освобожденію достигшихъ 25-ти лѣтъ невольниковъ, и поселили въ умахъ легковѣрныхъ и склонныхъ къ праздности калмыковъ вольность; они всѣ уже готовы были искать оной и ходатайствуя о томъ съ надеждою, выходили изъ повиновенія господъ своихъ и тѣмъ наносили общее неудовольствіе и невозвратный убытокъ“ [2]). Между тѣмъ петербургское правительство показывало, что оно желаетъ идти въ этомъ дѣлѣ даже далѣе указа 1808 г. Такъ, наприм., 8 февраля 1822 г. было высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о выдачѣ 150 р. за каждаго освобождаемаго невольника его хозяину. 6 октября 1825 г. постановлено, что если невольникъ самъ не захочетъ уходить отъ своего господина, то можетъ оставаться у него не иначе, какъ только на правахъ вольнонаемнаго. Рабовладѣльцы пуще прежняго начали вопіять о попраніи своихъ „священныхъ правъ собственности“. Въ Омскѣ, гдѣ однихъ только рабовладѣльцевъ-чиновниковъ было 31 человѣкъ, они

---

[1]) Архивъ Главн. Управы. Западн. Сибири, дѣло № 2801.
[2]) Ibidem.

замыслили ходатайствовать объ оставленіи невольниковъ за ними. Долго толковали объ этомъ по домамъ, за чайкомъ и водочкой, наконецъ, въ іюнѣ 1825 г. рабовладѣльцы составили общее собраніе и избрали повѣреннаго, чиновника Яковлева, для подачи просьбы на высочайшее имя. Упомянувъ о произвольныхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствіяхъ присутственныхъ мѣстъ по отбору невольниковъ, они въ упомянутомъ своемъ прошеніи продолжаютъ: „дѣйствіями сими омское дворянское сословіе, будучи озабоченнымъ даже до разстройства въ хозяйственности, опасается, чтобы напослѣдокъ не лишиться каждому всѣхъ рода сего людей и, съ тѣмъ вмѣстѣ, употребленной на пріобрѣтеніе, воспитаніе и обученіе ихъ собственности своей безъ возврата и не остаться вдругъ безъ всякой услуги, необходимой въ особенности для служащаго чиновника,—имѣло о томъ свое разсужденіе и изложивъ оное за надлежащимъ подписаніемъ въ особомъ мнѣніи, поручило титулярному совѣтнику Яковлеву ходатайствовать у верховнаго правительства защиты и снисхожденія пребывающему въ Сибири дворянскому сословію, по уваженію нуждъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, въ отношеніи спокойнаго владѣнія калмыками съ происходящимъ отъ нихъ потомствомъ, на основаніи коренныхъ законовъ, утверждавшихъ права сибирскихъ рабовладѣльцевъ“ [1]). Указывая на юридическія основанія своихъ правъ, рабовладѣльцы стараются разжалобить правительство, разрисовывая передъ нимъ свое бѣдственное положеніе, до котораго необходимо должно довести ихъ освобожденіе рабовъ. „Чиновники, въ Сибири служащіе,—пишутъ они,—большею частію неимѣя возможности купить русскихъ крѣпостныхъ людей и надѣясь на допущенное указомъ 1757 г. право пріобрѣтать калмыковъ и владѣть ими вѣчно, только сихъ людей и имѣютъ, вымѣ-

[1]) Т. е. Соборное Уложеніе, гл. IX, § 117; указы 1737 г. ноября 16, § 6; 1744 г. апрѣля 23; 1745 г. іюля 5; 1754 г. мая 13, § 5; 1757 г. января 9; 1781 г. сентября 7: 1815 г. августа 11; Уставъ о сибирскихъ киргизахъ, § 277.

нивая на товаръ съ платежемъ пошлины и за владѣнную запись денегъ; воспитывая ихъ подобно дѣтямъ, обучали разнымъ ремесламъ съ большими издержками, и нѣкоторыхъ изъ нихъ женили на крѣпостныхъ дѣвкахъ, доставляя имъ все нужное къ содержанію, приготовляли ихъ быть для себя и самихъ ихъ полезными. Но они, по природной ихъ азіатской склонности, забывъ отеческое объ нихъ попеченіе, прилагаемое при воспитаніи, и заботы, по внушеніямъ неблагонамѣренныхъ людей, стараются избыть отъ услугъ... Съ распубликованія послѣдняго о семъ узаконенія (ук. 1808 г.), вымѣнъ ихъ отъ киргизъ по сибирской линіи почти прекратился, ибо издержки, долженствующія употребляться на вымѣнъ калмычёнка, обученіе его правиламъ христіанской вѣры, образу жизни и какому нибудь ремеслу; на воспитаніе его и на одежду, наприм., съ 7 до 25-ти-лѣтняго возраста, никакъ не могутъ вознаградиться отъ услуги лучшаго изъ калмыченковъ; а очень много и такихъ, кои почти ни къ чему не имѣютъ способности; найдутся еще и такіе, которые бываютъ покупаемы 24 лѣтъ отъ роду и не дешевле, какъ за 400 р. (?!), кромѣ пошлинъ и прочихъ расходовъ. И ежели бы зналъ владѣлецъ, что таковой пріобрѣтаемый имъ человѣкъ будетъ свободенъ, то, безъ сомнѣнія, не рѣшился бы на вымѣнъ его, сопряженный съ напрасной тратой денегъ. При законѣ 1808 г., не далѣе какъ черезъ пятнадцать лѣтъ всѣ уже до одного калмыка будутъ свободны, и чиновники въ Сибири, въ особенности же въ гражданской службѣ находящіеся, неминуемо потерпятъ въ услугѣ нужду, ибо въ здѣшнемъ краѣ сколько невозможно достать русскихъ крѣпостныхъ людей, столько же трудно имѣть и вольнонаемныхъ“ [1]). Понятно, что ходатайство омскихъ рабовладѣльцевъ осталось безъ успѣха. Указы 8 октября 1825 г. и 30 января 1826 г. назначили срокъ для освобожденія всѣхъ не-

---

[1]) Арх. Г. У. З. Сиб. № 2301.

вольниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ запретили впредь пріобрѣтать ихъ. Но, вѣроятно, сибирскіе рабовладѣльцы имѣли въ Петербургѣ сильную руку, по крайней мѣрѣ, сибирскій генералъ-губернаторъ Капцевичъ держалъ ихъ сторону. И вмѣстѣ съ выходомъ упомянутаго закона объ эманципаціи невольниковъ было отдано два указа, которые вдохнули въ рабовладѣльцевъ надежду, что дѣло ихъ не совсѣмъ еще потеряно. Сенатъ, подтверждая указъ 13 февраля 1819 г., объявилъ, что „киргизы и калмыки доселѣ купленные состоятъ въ двухъ разныхъ положеніяхъ: одни суть, кои куплены до указа 1808 г., а другіе послѣ онаго; первые крѣпки пріобрѣтателямъ ихъ по жизнь, вторые до 25-ти лѣтняго возраста“ [1]. Государственный же совѣтъ, соболѣзнуя о безпомощномъ состояніи дѣтей, продаваемыхъ киргизами изъ-за нищеты и голода, предписалъ сибирскому и оренбургскому начальству, „сообразивъ мѣстныя обстоятельства, положить способъ къ призрѣнію сихъ дѣтей, назначить на сіе потребную сумму, которая по дешевизнѣ пріобрѣтенія, не можетъ быть значительною, размѣщать сихъ дѣтей по селеніямъ къ добрымъ и зажиточнымъ хозяевамъ, опредѣливъ за воспитаніе работные годы, по истеченіи коихъ оні должны быть свободными“ [2]. Омскій областной совѣтъ, понявъ какую выгоду можно извлечь изъ этихъ указовъ, сообразилъ, что если азіятцы останутся въ кабалѣ у крестьянъ, то отъ нихъ ихъ можно будетъ брать для работы лицамъ другихъ сословій; совѣтъ положилъ между прочимъ: „къ покупкѣ и вымѣну дѣвочекъ, изъ рода киргизовъ или калмыковъ, пригласить всѣхъ безъ изъятія жителей линіи на собственные ихъ товары или деньги“; мѣстами вымѣна назначены Омскъ, Петропавловскъ, Семипалатинскъ и Устькаменогорскъ; покупщикъ долженъ представлять купленныхъ имъ дѣтей мѣстному начальству, которое сверхъ объ-

[1] Высочайше утвержд. мнѣніе госуд. совѣта, 8 октября 1825 г.
[2] Ук. сената Капцевичу, 30 января 1826 г.

явленной имъ покупной цѣны, будетъ выдавать покупщику награды 10 р. за каждаго представленнаго ребенка; „по вступленіи сихъ дѣтей въ казенное вѣдомство, размѣщать ихъ въ благонадежныя семейства, кои взять пожелаютъ на воспитаніе до замужества; сообразно примѣрамъ прежняго времени, совѣтъ полагаетъ, что каждую дѣвочку можно пріобрѣсть въ казенное вѣдомство отъ 2 до 7 лѣтъ за 40—80 р., отъ 7 до 12 лѣтъ за 80—120, а свыше 12 лѣтъ за 120—160 р.“!! Поэтому совѣтъ положилъ назначить слѣдующую плату за дѣтей.

	Мужск. пола.	Женск. пола.
менѣе 1 года . .	15 руб.	15 руб.
1 „ . .	20 „	20 „
2 лѣтъ . .	25 „	25 „
3 „ . .	35 „	30 „
4 „ . .	50 „	35 „
5— 7 „ . .	70 „	55 „
7— 9 „ . .	90 „	70 „
9—12 „ . .	100 „	90 „

Свыше этого возраста дѣти не принимаются, ибо тогда они могутъ сами снискивать пропитаніе. За воспитаніе опредѣлить заработные годы, полагая оные съ пятнадцати-лѣтняго возраста по слѣдующему расчисленію:

Возрастъ дѣтей.	Число заработныхъ годовъ.
1 года и менѣе	9 лѣтъ.
2 „ „	8 1/2 „
3 „ „	8 „
4 „ „	7 1/2 „
5 „ „	7 „
6 „ „	6 1/2 „
7 „ „	6 „
8 „ „	5 1/2 „
9 „ „	5 „

10	„	„	4½	„
11	„	„	4	„
12	„	„	3½	„

По отысканіи желающихъ взять себѣ на пропитаніе этихъ дѣтей, отправлять ихъ для размѣщенія по линіи по селеніямъ, подъ присмотромъ наемныхъ отъ казны служителей, на обывательскихъ подводахъ безъ прогонъ" [1]). Совѣтъ главнаго управленія прибавилъ къ этому, что желающимъ принять на воспитаніе этихъ дѣтей должно внушать, что „сверхъ той пользы, какую непремѣнно получать они, имѣя ихъ у себя столь долгое время въ работахъ, сдѣлаютъ еще богоугодное дѣло, потому что приведя ихъ въ христіанскую вѣру и воспитавъ въ страхѣ божіемъ, они присоединятъ ихъ къ христіанской церкви, а сіе доброе дѣло, какъ въ сей жизни обратитъ на ихъ домъ благословеніе Божіе, такъ и въ будущей не оставитъ ихъ безъ достодолжнаго вознагражденія. Эти дѣти обязаны служить хозяевамъ до 25 лѣтъ жизни; по достиженіи ими 18 лѣтъ, а дѣвочки 15 лѣтъ, имѣютъ право вступить въ бракъ. До приведенія же этихъ мѣръ въ исполненіе, положено собрать свѣденія о числѣ лицъ, желающихъ взять упомянутыхъ дѣтей на воспитаніе [2]). Оказалось, что принять на воспитаніе азіятскихъ дѣтей обоего пола заявили свое желаніе крестьяне по тобольской губерніи 237 человѣкъ, по томской губерніи 3 человѣка въ каинскомъ округѣ, да еще и въ кузнецкомъ округѣ нѣсколько человѣкъ, по омской области 338 человѣкъ [3]). Но множество крестьянъ, пользуясь трудомъ своихъ кабальниковъ, вовсе не имѣло нужды въ азіятскихъ дѣтяхъ. Вотъ, напр., приговоръ крестьянъ теплодубровской волости. „Взять киргизскихъ дѣтей себѣ на воспитаніе изъ нашего селенія желающихъ не имѣется, потому

---

[1]) Журналъ омск. областн. сов., 30 іюня 1826 г.

[2]) Приказъ Главн. Упр. Зап. Сиб., 14 февр. 1826 г.

[3]) Рапортъ въ сенатъ генералъ-губернатора, 20 апрѣля 1829 г.

что по теплодубровской волости имѣется русскихъ довольное число у бѣдственныхъ отцевъ семействъ мужескаго пола малолѣтнихъ дѣтей довольное число, отъ которыхъ имѣютъ заживочные крестьяне дѣтей въ срочныхъ работахъ и тѣмъ тѣ семейства бѣдственныя отъ прожиточныхъ пропитываются и уплатою податей облегчаются". Точно такіе же приговоры дали деревни: Шатаєинская, Гузкина, Лакушная, Жартинская, Арлагунская, Курсинская, Степная, Сухменская, Батырева, Яровая, Чулашная, Глубокая и др. [1]).

Такимъ образомъ рабство пало. Даже проектъ закабаленія киргизскихъ дѣтей крестьянамъ не былъ осуществленъ, потому что дѣла киргизовъ поправились и они перестали продавать дѣтей. Рабство осталось только въ преданіи, и отъ сибирскихъ стариковъ еще и теперь можно слышать сожалѣніе о тѣхъ блаженныхъ дняхъ, когда ребенка можно было купить въ вѣчное владѣніе за какихъ нибудь 14—20 коп.

Рабство пало, но не совсѣмъ; въ сущности уничтожилась только его особенная форма, а въ формѣ кабалы оно существуетъ въ Сибири до сегодня. Ходитъ душегубка-кабала по этой обширной землѣ, налагая свои цѣпи на каждаго встрѣчнаго инородца. Лишь только появится она въ извѣстной мѣстности, какъ всѣ эти многочисленные табуны и стада, эти воды съ ихъ рыбами и бобрами, эти лѣса—съ ихъ соболемъ и бѣлкою, даже самые инородцы, населяющіе эти улусы,— все это переходитъ въ наслѣдственную собственность кабалителя. Но объ это мы будемъ говорить въ слѣдующемъ этюдѣ.

---

[1]) Арх. Главн. Упр. Зап. Сиб., № 2801.

IV.

СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ

ВЪ XIX СТОЛѢТІИ.

СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ

ВЪ XIX СТОЛѢТІИ *).

I.

Положеніе инородцевъ до пріѣзда Сперанскаго.

Къ концу XVIII в. вся Сибирь была окончательно покорена и замирена. Періодъ броженія и попытокъ свергнуть русское владычество кончился, и одинъ сибирскій піита XVIII в. могъ уже, не противорѣча истинѣ, восклицать:

---

*) Главными источниками при составленіи этого очерка мнѣ служили слѣдующіе архивные документы:

a) Дѣло о сибирской язвѣ и горячкѣ въ Туруханскомъ краѣ, 1813 г.
b) „ о голодѣ и людоѣдствѣ въ Туруханскомъ краѣ, 1816 г.
c) „ о злоупотребленіяхъ туруханскаго причта, 1820 г.
d) „ Высочайше учрежденной Ясачной комиссіи 1820—1835 г., въ XIII томахъ.
e) Дѣло о продовольствіи березовскихъ инородцевъ, 1828 г.
f) „ о намѣреніи остяковъ истребить русскихъ во время ярмарки въ Обдорскѣ, 1827 г,
g) „ о злоупотребленіяхъ разныхъ лицъ Березовскаго округа, 1830 г.
h) „ объ уступкѣ инородцами земель купцамъ, 1831—3 г.
i) „ объ уничтоженіи сифилиса въ Сибири, 1831—1840 г.
k) „ объ учрежденіи инородческихъ управъ, 1836—1865 г.
l) „ о введеніи образованія между инородцами, 1853—1865 г.
m) Записки о нарымскомъ краѣ, *рукопись* г. О—ва (1865 г.).

Хоть населяють разны орды
Хребтовъ и горъ сибирскихъ скаты горды,
Но отъ Туры до острова Ильи
Живутъ они, какъ дѣти мирныя семьи!..

Но этотъ миръ требовалъ еще многихъ условій для благоденствія завоеванной страны.

Такимъ образомъ XIX столѣтіе принесло для Сибири миръ, но только миръ внѣшній; прекратились инородческія возстанія; сибирскія колоніи перестали уже опасаться нападеній со стороны покоренныхъ племенъ, но за то не было еще мира внутренняго, и Сибирь была гнѣздомъ тѣхъ безпорядковъ и злоупотребленій, которыя вели за собою ревизію и реформу Сперанскаго.

Двадцать лѣтъ, предшествовавшіе реформѣ Сперанскаго, пріобрѣли полное право на печальную историческую извѣстность. Время управленія Селифонтова, Пестеля и Трескина было тяжелымъ временемъ для Сибири. Эти лица дѣлали что хотѣли. Даже самые значительные обыватели не были избавлены отъ произвола упомянутыхъ администраторовъ. Откупщикъ Обходчиковъ былъ совершенно раззоренъ и сосланъ въ каторгу. Генералъ Куткинъ за то только, что поспорилъ съ Пестелемъ, былъ лишенъ всего имущества, посаженъ подъ арестъ и умеръ въ заключеніи. Иркутскій архіерей Веніаминъ подвергался также притѣсненіямъ Трескина; онъ умеръ также подъ слѣдствіемъ, которымъ руководилъ самъ губернаторъ. Иркутскій вице-губернаторъ былъ обязанъ подавать Трескину калоши и шинель, и за малѣйшую неловкость губернаторъ осыпалъ его бранью. Совѣтникъ Корсаковъ былъ высланъ изъ Иркутска; всѣмъ властямъ Сибири было предписано не дозволять жить ему на одномъ мѣстѣ больше нѣсколькихъ дней и не выпускать за предѣлы Сибири. Въ Енисейскѣ городничій Куколевскій катался по улицамъ города въ экипажѣ, запряженномъ чиновниками, вина которыхъ состояла въ томъ, что они хотѣли хлопотать объ его смѣнѣ.

Одинъ изъ начальниковъ Камчатки такъ управлялъ своею областью, что о немъ составилась поговорка: „на небѣ Богъ, въ Камчаткѣ Кохъ!“.

Если такъ поступали съ русскими, даже съ значительными чиновниками, то можно себѣ представить, каково было положеніе инородцевъ, къ которымъ относились, какъ къ покоренному и слѣдовательно подневольному племени.

По окладу 1763 г. инородцы были обязаны платить умѣренную подать; но количество ея увеличивалось въ нѣсколько разъ, такъ называемыми, *поминками* и другими поборами въ пользу чиновныхъ лицъ. Земская полиція хозяйничала въ инородческихъ улусахъ какъ дома, и не одна только земская полиція! На этомъ поприщѣ ревностно подвизались и собственные родовые начальники инородцевъ. При Трескинѣ, напримѣръ, одно инородческое бурятское вѣдомство имѣло 100,000 р. въ годъ темныхъ доходовъ съ своихъ подчиненныхъ. Когда это злоупотребленіе открылось, изъ Иркутска былъ посланъ въ бурятскіе улусы слѣдователь, которому приказали взять съ бурятъ не менѣе 50,000 р.; онъ конечно не ослушался такого приказанія. Словомъ, „начальство того края, какъ писалъ въ 1810 г. Головнинъ, въ поступкахъ своихъ съ непросвѣщенными народами, приведенными въ подданство Россіи, не сообразовалось совершенно съ волею правительства. Голодные чиновники хотѣли быть не только сытыми, но и богатыми. И чего должно было ожидать отъ подобныхъ имъ людей въ странахъ отдаленныхъ отъ высшаго правительства на многія тысячи верстъ, гдѣ они управляли народами, не имѣющими почти никакого понятія о законахъ и даже не знающими грамоты!“

Инородцы особенно сильно страдали отъ лежавшихъ на нихъ натуральныхъ повинностей. Они прокладывали дороги, строили мосты, гати, перевозы и т. д. Отвлекаемые часто на эти работы въ самое драгоцѣнное для нихъ время, многіе инородцы разорялись въ корень. Нѣкоторые изъ нихъ

были вовсе непривычны и неспособны къ упомянутымъ работамъ, и начальство исполняло ихъ посредствомъ русскихъ работниковъ на счетъ инородцевъ. Такъ кругобайкальскую дорогу Трескинъ прокладывалъ посредствомъ каторжниковъ, содержать которыхъ были обязаны буряты. Не имѣя для этого денегъ, они выгоняли на дорогу цѣлыя стада скота и продавали его за безцѣнокъ. Слѣдственными комиссіями, учрежденными въ 1819 г., раскрыто, что деньги, вырученныя отъ этой продажи, расходились по карманамъ чиновниковъ, а не на продовольствіе ссыльныхъ, что буряты входили въ страшные долги, что проценты съ этихъ долговъ простирались до *200 на 100!* Не менѣе страдали инородцы и отъ подводной гоньбы. Исправники, засѣдатели, сборщики податей, ученыя экспедиціи, миссіонеры, оспоприviватели, проѣзжіе посторонніе чиновники—всѣ требовали подводъ! А не забудьте, что многіе инородцы живутъ въ холодныхъ и мрачныхъ тундрахъ, гдѣ часто одна станція стоитъ отъ другой на 200 верстъ, гдѣ нѣтъ дорогъ, а нужно ѣхать или по страшнымъ сугробамъ снѣга, или по необозримому болоту; гдѣ царитъ зима и снѣжные ураганы, ежечасно грозятъ погубить путника; гдѣ дороги такъ плохи, что ихъ проклинаетъ всякій, кто только разъ проѣхалъ по нимъ. Въ Камчаткѣ, напримѣръ, можно ѣздить на собакахъ, запряженныхъ въ небольшія санки (*нарты*), такъ какъ тропинки, слывущія тамъ подъ именемъ дорогъ, чрезвычайно узки. Между тѣмъ начальникъ Камчатки Козловъ-Угреинъ разъѣзжалъ постоянно въ возкѣ со стеклами. Подъ возокъ запрягали не менѣе 50 собакъ, а камчадалы по всей дорогѣ вырубали лѣсъ, чтобы возокъ не завязъ. Эти разъѣзды были до того пагубны для собакъ, что все управленіе Козлова-Угреина народъ окрестилъ именемъ *собачей оспы*. Всѣ мало-мальски значительные люди въ Сибири любили путешествовать. Это было чрезвычайно выгодно—инородцы даромъ давали подводы, инородцы даромъ кормили проѣзжающихъ; инородцы непремѣнно дарили каждаго ран-

гованнаго человѣка, инородцевъ можно было спаивать виномъ и отнимать у нихъ соболей; съ инородцами можно было *сердцевать*, т. е. притворившись сердечнымъ ихъ доброжелателемъ, выманивать у нихъ цѣнныя вещи!.. Да, тогда русскіе сибиряки любили путешествовать! Когда напр., въ Камчаткѣ учредили областное управленіе и ввели туда батальонъ, то тамъ поселилось множество чиновниковъ и офицеровъ. Батальонъ размѣстили по разнымъ частямъ полуострова. И вотъ тутъ-то разные чины начали разъѣзжать по Камчаткѣ подъ предлогомъ разныхъ смотровъ, свидѣтельствъ и проч., а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы вымѣнивать у камчадаловъ на водку соболей и лисицъ. „Мода путешествовать, пишетъ Головнинъ, отъ чиновниковъ распространилась даже на простыхъ подъячихъ и солдатъ, которые просились въ отпускъ, съ тѣмъ чтобы промыслить для себя и для собакъ корму, но купивъ вина, ѣздили по острожкамъ и обманывали камчадаловъ. Я зналъ одного офицера, который отпускалъ изъ своей команды солдатъ въ отпускъ и давалъ имъ денегъ на покупку вина, за которыя бралъ проценты по два соболя съ 25 р.; очень вѣроятно, что и многіе такъ дѣлали“. Да, многіе такъ дѣлали и не въ одной Камчаткѣ, а по всей Сибири. Вино лилось огненнымъ потокомъ по инородческимъ поселеніямъ, сожигая и инородческое богатство и ихъ здоровую патріархальную нравственность. Инородецъ все отдаетъ за водку, онъ отдаетъ за нее даже свою свободу. И безсовѣстные торгаши пользовались этимъ; инородцы пропивались до нага и за кратковременное удовольствіе платили продолжительными голодовками, питаясь падалью и толченою древесною корой. До этого ихъ доводила, впрочемъ, не одна виноторговля, но и всякая торговля. Доставляя инородцамъ постоянный кредитъ, спасая ихъ часто отъ голодной смерти, торговцы вовлекали ихъ въ неоплатные долги и для нескончаемой уплаты ихъ отбирали у инородца все, что онъ могъ добыть, оставляя ему лишь столько, сколько необходимо для

того, чтобы онъ не умеръ отъ голода, отъ холода и могъ на будущее время работать въ пользу своего эксплуататора. Головнинъ наглядно описываетъ, какъ производилась тогда торговля въ Камчаткѣ, и мы имѣемъ полное основаніе приложить его слова ко всей Сибири. „Всякій камчадалъ имѣетъ между купцами своего кредитора, у котораго во всякое время беретъ въ долгъ разныя бездѣлицы, не спрашивая о цѣнѣ ихъ; купецъ записываетъ въ свою книгу за всякую вещь десятерную цѣну, такъ что по книгамъ купца камчадалъ долженъ ему рублей 1,000 и болѣе, на самомъ же дѣлѣ и на 100 не будетъ. Когда купцы ѣздятъ по Камчаткѣ, то и спрашиваютъ камчадаловъ — помнятъ ли они долги свои?—Помнимъ, отвѣчаетъ камчадалъ.—А сколько ты мнѣ долженъ?—Почемъ мнѣ знать,—ты грамотикй, посмотри въ книгу, она скажетъ!—Купецъ сказываетъ ему долгъ его въ сотняхъ или тысячахъ; „знать, такъ, отвѣчаетъ камчадалъ, книга не солжетъ!“ Но когда купецъ потребуетъ платы, то камчадалъ, жалуясь на худой промыселъ, предлагаетъ ему въ уплату соболей десятокъ и увѣряетъ божбою, что у него только и есть. Десять соболей купецъ цѣнитъ рублей въ 50—60, тогда какъ настоящая цѣна имъ на мѣстѣ рублей 150. Послѣ уплаты должникъ еще въ долгъ проситъ что нибудь и получаетъ бездѣлицъ рублей на 10, которые въ книгу вносятся рублей на 100 и болѣе. Такимъ образомъ купецъ обманываетъ камчадаловъ, а камчадалы воображаютъ, что купца обманули... Въ нашу бытность (1809—1811) камчадалы должны были Россійско-американской компаніи 150,000 рублей: Долги эти ревизоры компанейскіе желали продать за 16,000 рублей. Но купецъ Мясниковъ, прежде самъ бывшій ревизоромъ, весьма хорошо зналъ, чего они стоятъ, и по совѣсти объявилъ, „что товары, розданные камчадаламъ на вышеупомянутую сумму, не стоятъ болѣе 11,000 рублей“. Тотъ же путешественникъ приводитъ характеристическій примѣръ встрѣченнаго имъ кулака-промышленника. Это былъ зажиточный мѣщанинъ Смо-

мышниковъ, жившій на р. Воровской. „Онъ нажилъ порядочный домикъ, который хорошо убранъ и снабженъ хорошею мебелью, посудою и всѣмъ нужнымъ въ домашнемъ быту. Пользуясь слабостью камчадаловъ, онъ продаетъ имъ крѣпкіе напитки за соболей и другихъ дорогихъ звѣрей по неумѣреннымъ цѣнамъ и тѣмъ приводитъ ихъ въ бѣдность. Сверхъ того, когда они имѣютъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ для себя и въ корму для собакъ, то онъ снабжаетъ ихъ тѣмъ и другимъ на весьма тягостныхъ условіяхъ, а именно, чтобы они лѣтомъ работали на него извѣстное время, и тѣмъ получаетъ десятерный барышъ. Такимъ образомъ онъ получаетъ нужное ему количество сѣна для скота и множество рыбы, которую, выждавъ время голода, опять отдаетъ камчадаламъ на тѣхъ же условіяхъ". И это также можно было встрѣтить во всѣхъ уголкахъ Сибири. Такими-то способами всѣ инородческія богатства, — ихъ мѣха, олени, рыболовныя и лѣсныя дачи переходятъ въ руки торгашей и промышленниковъ; инородцы превращались въ нищихъ, въ рабовъ, въ кабальниковъ. И счастливы еще были инородцы, если ихъ раззоряли и закабаляли купцы и промышленники; инородцы, по крайней мѣрѣ, могли разсчитывать, что кабалители не дадутъ умереть имъ съ голода, поддержатъ ихъ существованіе. Но въ описываемое нами время большая часть торговли съ дикарями перешла въ руки чиновниковъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что купцы спаиваютъ инородцевъ водкой и выкупаютъ соболей, слѣдующихъ въ ясакъ, въѣздъ купцовъ въ инородческія стойбища былъ стѣсненъ необходимостью брать билетъ на этотъ въѣздъ. Многихъ купцовъ вовсе не пускали къ дикарямъ, а торговлю съ ними вели чиновники. Соединеніе въ одномъ лицѣ власти административной и торговой эксплуатаціи быстро раззоряло инородца. Нажившись, чиновникъ уѣзжалъ, а до пріѣзда новаго такого же кредитора инородецъ могъ умереть голодною смертью. Продажа инородцамъ хлѣба частными торговцами въ это время почти

вовсе пала и цѣны на муку стояли ужасныя. Губернаторъ Трескинъ забилъ себѣ въ голову какъ можно возвысить цифру капитала, состоявшаго изъ 200,000 р. и назначеннаго для закупки хлѣба въ казенные магазины. Посредствомъ довѣренныхъ чиновниковъ, преимущественно исправниковъ онъ скупалъ у крестьянъ огромное количество хлѣба, по возможно дешевымъ цѣнамъ и до начала другихъ казенныхъ закуповъ. Съ наступленіемъ ихъ, цѣны на хлѣбъ необыкновенно возвышались; часто и по высокимъ цѣнамъ невозможно было достать хлѣба. Тогда Трескинъ продавалъ закупленный имъ хлѣбъ въ казенныя мѣста по возвышенной цѣнѣ. Запасы хлѣба у крестьянъ были истощены; какъ купцы, такъ и потребители принуждены были покупать хлѣбъ изъ казны по неимовѣрно высокимъ цѣнамъ. Трескинъ достигъ своей цѣли; въ нѣсколько лѣтъ капиталъ удвоился; запасные магазины были биткомъ набиты хлѣбомъ, а частная торговля совершенно подавлена. Эту торговлю убивала, кромѣ того, и самая система закупа хлѣба въ казну. Обязанные купить опредѣленное количество хлѣба, по опредѣленной цѣнѣ, чиновники-закупатели принуждены были всевозможными мѣрами стѣснять частную хлѣботорговлю, и тѣмъ быстро прокладывали въ инородческія стойбища путь опустошительному голоду.

Путемъ торговли и другими способами инородческое имущество переходило къ русскимъ. Инородцы бѣднѣли до того, что часто не имѣли возможности добыть себѣ другой пищи, кромѣ падали или толченой древесной коры. Иногда русскіе обыватели силой отнимали у нихъ все ихъ имущество, всѣ ихъ съѣстные припасы и тѣмъ подвергали ихъ всѣмъ ужасамъ голодовки въ пустынной тундрѣ. Такъ въ началѣ настоящаго столѣтія часто голодовали русскіе жители безхлѣбной Гижиги. Начальство распорядилось продовольствовать ихъ посредствомъ оттона скота у окрестныхъ инородцевъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣли по 10,000 оленей. По стопамъ на-

чальства пошлин и гижигинскіе обыватели; сотнями и тысячами въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ отгонялись олени; наконецъ инородцы совершенно раззорились и разбрелись въ разныя стороны,—кто въ другіе округи—искать пропитанія, а кто въ пустыню—умирать голодною смертью. И подобныя раззорительныя потери главнаго инородческаго богатства — скота постоянно поражали инородцевъ. Скотъ погибалъ отъ изнурительныхъ работъ, отъ подводной гоньбы, отъ безкормицы; скотъ погибалъ въ то же время отъ сибирской язвы и другихъ опустошительныхъ эпидемій. А потерялъ инородецъ свой скотъ—значитъ, онъ потерялъ все. Ему не на чемъ выѣхать на отдаленную охоту или рыбную ловлю, не на чемъ привести дровъ для отопленія своей юрты, нечего, въ случаѣ крайней необходимости, зарѣзать на пищу. И счастливъ онъ, если эта потеря не доведетъ его до голодной смерти! На Колымѣ, въ концѣ описываемаго нами періода, подохли всѣ собаки; вслѣдствіе этого охота и рыбная ловля сдѣлались вовсе безуспѣшными; жители голодовали и страдали отъ изнурительныхъ работъ, исправлявшихся прежде посредствомъ собакъ. Погибель этихъ несчастныхъ была бы неизбѣжною, если бы не остались въ живыхъ два щенка, которыхъ одна женщина вскормила своею грудью и отъ которыхъ пошло новое племя собакъ. Вмѣстѣ съ потерею скота, инородцевъ часто поражала неудача рыбной ловли и охоты, неурожай ягодъ и кедровыхъ орѣховъ. Если бы они не были нищими, то конечно переносили бы какъ нибудь эти трудныя времена; но при теперешнемъ ихъ положеніи весьма многимъ изъ нихъ предстояло одно — голодная смерть. Инородцы разсыпались по тайгѣ одинокими семействами; у большинства ихъ не было ни скота, ни пороху, ни свинцу; питаясь падалью, кореньями и древесною корой, многіе изъ нихъ доходили до совершеннаго изнеможенія, умирали въ пустыни голодною смертію, и ихъ трупы дѣлались добычею голодныхъ волковъ. Конечно не всѣ инородцы не были обезопасены отъ подобнаго

положенія; голодная смерть не грозила напр. торгующимъ инородцамъ западной Сибири, полуосѣдлымъ якутамъ, съ ихъ значительнымъ скотоводствомъ и въ особенности нѣкоторымъ родамъ бурятъ, занимавшимся земледѣліемъ. Кочующіе въ окрестностяхъ значительныхъ русскихъ городовъ и поселеній, требовавшихъ много хлѣба, буряты еще въ XVIII в. начали понимать выгоды земледѣлія. Въ описываемый нами періодъ правительство старалось поощрять это стремленіе бурятъ, а Трескинъ даже силою заставлялъ ихъ браться за соху. И крутыя мѣры Трескина имѣли благотворный результатъ; даже въ то время многіе буряты не только сами были обезопасены отъ голодной смерти, но даже продовольствовали своимъ хлѣбомъ русскихъ. Но если не всѣмъ инородцамъ грозилъ голодъ, то всѣхъ ихъ равно поражали болѣзни—тифъ, оспа, сифилисъ, цынга. Вымирали, какъ мы увидимъ въ концѣ этой статьи, цѣлыя племена; другія племена, до корня волосъ зараженныя сифилисомъ, навсегда теряли способность къ размноженію.

Въ подобныя времена, во времена эпидемій, голода и голодной смерти между инородцами время отъ времени появлялось *людоѣдство.*

Г. Кривошапкинъ, въ своемъ „Описаніи Енисейскаго Округа“, ссылаясь на медика Яроцкаго, говоритъ, что на сѣверѣ енисейской губерніи, въ холодной и безпріютной тундрѣ, существуетъ между инородцами особый родъ маніи — *жажда человѣческой крови.* И это говоритъ медикъ, и это говоритъ компетентный знатокъ Енисейскаго округа!..

По словамъ извѣстнаго знатока культуры Клемма, на нисшихъ ступеняхъ культуры, человѣкъ пожираетъ своего собрата только въ томъ случаѣ, если его побуждаетъ къ тому какая нибудь сильная, необузданная страсть. Суевѣріе заставляетъ дикарей приносить въ умилостивительную жертву разгнѣванному божеству людей и съѣдать ихъ мясо, какъ и мясо другихъ жертвенныхъ животныхъ. Тоже заставляютъ ихъ

дѣлать пламенная ненависть, кровавая родовая месть и желаніе всецѣло истреблять своего врага съ кожею и съ мясомъ его. Чаще же всего причиною людоѣдства бываетъ голодъ и весьма естественное стремленіе избѣжать голодной смерти; на крайнемъ сѣверѣ это почти единственная причина людоѣдства. Сѣверное людоѣдство отлично характеризуется старинной гренландской сагой. Одно семейство, говоритъ эта сага, въ своихъ странствованіяхъ по отдаленнымъ землямъ встрѣтило людей, которые въ случаѣ голода убивали дряхлыхъ стариковъ и питались ихъ трупами. Они съ большею охотою убивали этихъ безполезныхъ людей, чѣмъ своихъ полезныхъ собакъ. Подобные же факты можно встрѣтить и между инородцами Сибири. Не разъ умиравшіе съ голоду дикари убивали своихъ собратьевъ и съѣдали даже свои семейства. Извѣстія о людоѣдствѣ у инородцевъ, напр., у тунгусовъ, сообщались иногда даже въ русскихъ газетахъ (*Сѣверная Пчела, 18 января 1847 года*). Въ началѣ настоящаго столѣтія факты эти были очень нерѣдки. Мы хотимъ здѣсь разсказать о голодѣ и людоѣдствѣ въ Туруханскомъ краѣ въ 1815—1816 г. Изъ нашего разсказа читатель увидитъ ясно, насколько справедливъ г. Кривошапкинъ, указывая какъ на причину сибирскаго людоѣдства, на какую-то, таинственную „жажду человѣческой крови“.

Кромѣ многочисленныхъ злоупотребленій, туруханскіе инородцы въ это время много страдали еще отъ безпорядочности податной системы. Переписанные въ 1763 г., они вплоть до ревизіи Сперанскаго принуждены были платить ясакъ по этой переписи. А между тѣмъ число ихъ съ 1763 г. значительно уменьшилось; въ нѣкоторыхъ волостяхъ отъ голода и болѣзней умерло цѣлыхъ $^3/_4$ инородческаго населенія и оставшаяся $^1/_4$, при всей своей бѣднѣ, была принуждена платить ясакъ и за себя и за всѣхъ умершихъ, но числившихся еще по окладнымъ книгамъ, своихъ родичей. Это окончательно подрѣзало инородцевъ. Къ тому же, они часто въ это время

имѣли неудачу въ своихъ звѣриныхъ промыслахъ, вслѣдствіе чего были принуждены питаться только пихтовою корою, воронами да падалью. Такая пища, не столько поддерживала, сколько разрушала ихъ организмъ.

Стеченіе подобныхъ несчастій вело за собою частое повтореніе эпидемій и большую смертность. Такъ въ 1813 г. въ Туруханскѣ начала свирѣпствовать эпидимическая горячка, отъ которой страдало цѣлыхъ двѣ трети городского населенія. Остяки, отправлявшіеся на звѣриныя ловли, имѣли нѣсколько хлѣба; но въ надеждѣ на счастливый уловъ дикихъ оленей, преимущественно употребляемыхъ ими въ пищу, и по крайней бѣдности, они за безцѣнокъ распродали всю эту муку тунгузамъ. Уловъ оленей не удался вовсе. Оборванные, истомленные, умиравшіе отъ голода остяки въ тоже время были поражены горячкой. Эпидемія, по обыкновенію, навела на нихъ паническій страхъ, и несмотря на слабость ихъ изнуренныхъ силъ, заставила ихъ бѣжать въ село Монастырское. Но многіе не успѣли достигнуть этого селенія и умерли на дорогѣ, одни отъ голода, другіе отъ горячки. Пришедшіе же въ село Монастырское, были спасены отъ голодной смерти частными людьми и начальствомъ.

Русское населеніе туруханскаго края въ это время нисколько не было счастливѣе инородцевъ и не могло посредствомъ продажи хлѣба доставлять имъ пропитаніе. Хлѣбопашество въ енисейскомъ и туруханскомъ округахъ падало. Тягостная повинность исправленія дорогъ и мостовъ, обязательная безплатная поставка дровъ на винокуренный заводъ, поборы, отдача въ заработки лицъ, на которыхъ числились хотя малѣйшія недоимки,—все это раззоряло поселянъ и заставляло ихъ бросать и земледѣліе и свои дома. Лица, сосланныя въ эти мѣста за маловажныя преступленія, вмѣсто занятія земледѣліемъ или другими промыслами, были водворены по тракту отъ Енисейска до Туруханска и обязаны содержать здѣсь почтовую гоньбу. На каждой станціи было велѣно поселить по

десяти семей, но вмѣсто того, при многихъ станціяхъ жило только по пяти и даже по два человѣка. Для проѣзда казаковъ и чиновниковъ, оленей и собакъ вовсе не было, а на лошадяхъ по тамошнимъ льдамъ и глубокимъ снѣгамъ ѣздить невозможно. Между тѣмъ проѣзжающіе требуютъ подводъ, и жившіе на станціяхъ люди были принуждены сами запрягаться вмѣсто оленей и тащить проѣзжающихъ лямкою верстъ по 80 и по 100. Голодъ, морозъ, изнуреніе преслѣдовали ихъ въ этомъ утомительномъ пути, изъ котораго они возвращались домой не ранѣе, какъ недѣли черезъ двѣ.

Упадокъ земледѣлія велъ за собою упадокъ хлѣбной торговли и чрезвычайную дороговизну муки. Такъ священникъ села Тазовскаго продавалъ муку по 10 р. пудъ; въ деревнѣ Лебедской пудъ стоилъ 12—15 р., на Подкаменной Тунгузкѣ—8 р. въ Енисейскѣ же въ это время пудъ стоилъ отъ 30 до 50 коп. При такихъ цѣнахъ хлѣбъ могли покупать одни богачи; бѣдные же только могли разсчитывать на покупку его изъ казенныхъ магазиновъ. Но и въ нихъ муки было очень мало. Въ мѣстностяхъ, которые должны были продовольствоваться изъ казенныхъ магазиновъ с. Тазовскаго и Часовни, въ это время жило 400 инородцевъ муж. пола, кромѣ ихъ семей и русскихъ жителей, также не имѣвшихъ хлѣба. Между тѣмъ казеннаго хлѣба въ эти мѣста доставлялось только по 150, даже по 80 пудовъ въ годъ; на каждаго человѣка приходилось по 3 или по 4 фунта въ годъ! Въ другихъ казенныхъ магазинахъ, кромѣ инбатскаго, количество муки было также незначительно. Всѣ эти магазины были разбросаны на огромномъ пространствѣ, часто верстъ на 300, даже на 800. Эта дальность разстоянія, особенно въ зимнее время, чрезвычайно затрудняла инородцевъ и русскихъ въ полученіи хлѣба изъ упомянутыхъ магазиновъ. За хлѣбомъ нужно было ходить за сотни верстъ на лыжахъ въ сильныя вьюги и жестокіе морозы, затѣмъ тащить на себѣ нарту съ 4—5 п. муки и дорогою ее же употреблять въ пищу. Не только инородцы,

даже казаки, жившіе въ этомъ краѣ для надзора за поселенцами, принуждены были ходить за провіантомъ пѣшкомъ отъ 75 до 225 верстъ. Часто эти странники умирали на дорогѣ отъ изнуренія, голода или мороза. Мука въ казенныхъ магазинахъ стоила очень дорого; въ это время сибирское начальство всѣми мѣрами старалось объ умноженіи казеннаго запаснаго капитала и при продажѣ муки брало огромные проценты. Въ туруханскомъ краѣ на пудъ муки бралось барыша отъ 1 р. 50 к. до 4 р. 90 к. Къ тому же мука эта продавалась на фальшивый безмѣнъ, съ примѣсью льду и песку. Смотрители хлѣбныхъ магазиновъ увеличивали и безъ того огромныя казенныя цѣны надбавкою въ свою пользу; продавали хлѣбъ только людямъ достаточнымъ и всячески старались о своемъ личномъ обогащеніи. На долю бѣдныхъ инородцевъ весьма мало выпадало хлѣба. Два енисейскихъ купца старались помочь имъ своею благотворительностью и одинъ изъ нихъ пожертвовалъ для безплатной раздачи инородцамъ 500 пуд. муки; но почти вся эта мука была обращена въ собственность вахтеровъ. Инородцы получали ее, но получали по страшно дорогой цѣнѣ и съ неизбѣжными въ этомъ случаѣ злоупотребленіями.

Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ присоединился еще трехлѣтній неуловъ звѣрей (1814—1816 г.). Инородцы и русскіе питались падалью и пихтовой корой. Умирало съ голоду много дикарей и русскихъ, жившихъ по берегамъ Енисея. Трупы умершихъ голодною смертью валялись по тундрѣ, особенно около селеній. Около самаго Туруханска валялось безъ погребенія много труповъ, оторванные члены которыхъ растаскивались собаками по улицамъ города; туруханскій стряпчій, обращавшій на это вниманіе городничаго, приложилъ при своемъ отношеніи къ нему руку и человѣческую голову, найденныя имъ на улицѣ. Но не одни собаки питались мясомъ этихъ мертвецовъ,—имъ кормились также и инородцы, а русскіе коекакъ продовольствовались кореньями, пихтовою корою, кониною.

Наконецъ, голодъ въ Тундрѣ достигъ въ высшей степени; люди начали убивать и пожирать людей.

Такъ два крещеныхъ остяка съ матерью, сестрою и двумя братьями въ началѣ 1816 г. откочевали въ глубь тундры. Мать их отправилась вмѣстѣ съ дочерью въ село Тазовское за хлѣбомъ и рыбою, но вернулась съ пустыми руками и безъ дочери, объявивъ своему семейству, что она дорогой умерла; по всей вѣроятности, мать съѣла свою дочь. Вскорѣ умеръ съ голоду одинъ изъ ея сыновей; семья нѣсколько дней питалась его мясомъ. Вышло это мясо, и снова голодная смерть начинаетъ угрожать несчастнымъ. Мать велѣла убить другого своего сына, съѣли и этого. И снова мучительный голодъ, и снова голодная смерть угрожаютъ несчастнымъ. Мать снова приказываетъ одному изъ оставшихся сыновей убить другого, и раздраженная его отказомъ, бросается на него съ ножемъ; но братья зарубили ее топоромъ и тѣломъ матери нѣсколько дней поддерживали свои слабыя силы. Они таскались по тундрѣ, отыскивая труповъ или живыхъ людей. Дорогою они наткнулись на тѣло остяка; съѣли его и придя въ с. Тазовское, сами объявили обо всемъ, что сдѣлали, и отдались въ руки власти.

Въ это же время на р. Часолкѣ, въ 800 верстахъ отъ Тазовской церкви, кочевалъ остякъ съ женою, однимъ сыномъ и двумя дочерьми. Голодъ заставилъ родителей зарѣзать и съѣсть всѣхъ своихъ дѣтей и еще одного, встрѣтившагося имъ на дорогѣ остяка.

Подобныхъ случаевъ было много и въ другихъ мѣстахъ сѣверной украйны Енисейской губерніи, но въ руки власти попались только немногіе людоѣды. Закованные въ тяжелые кандалы, они были отосланы въ туруханскую тюрьму, въ которой они всѣ, кромѣ одного и умерли, отъ дурнаго содержанія и обращенія съ ними, какъ доносилъ слѣдователь, аудиторъ Камаевъ.

Томскій губернаторъ, въ вѣденіи котораго состоялъ тогда туруханскій край и который не обращалъ вниманія на поло-

женіе его,—донесъ по начальству „объ этомъ неслыханномъ злодѣяніи.“ Губернаторъ увѣрялъ, что причиною „злодѣянія“ былъ вовсе не недостатокъ въ хлѣбѣ, что казеннаго хлѣба достаточно для продовольствія инородцевъ, но что они, удалясь чрезмѣрно отъ запасовъ сихъ и не имѣя удачи въ промыслѣ звѣрей и рыбы, рѣшились *по жестокости нрава и неистовію* на злодѣяніе, убѣждаясь при томъ своенравіемъ, что дѣти есть ихъ собственность, которою они могутъ располагать по своей волѣ.“

Въ указѣ командиру сибирскаго корпуса Глазенапу, Александръ I предписалъ произвести объ этомъ дѣлѣ точное слѣдствіе и „донести въ собственныя руки—не были ли доведены туруханскіе остяки до необходимости истреблять другъ друга упущеніемъ мѣстнаго начальства въ доставленіи имъ хлѣба?“

Глазенапъ послалъ на слѣдствіе аудитора Камаева, бумаги котораго служили намъ главнымъ источникомъ при изложеніи этого эпизода.

II.

РЕФОРМА СПЕРАНСКАГО И ЯСАЧНАЯ КОМИССІЯ 1828—1835 Г.

До Сперанскаго всѣ сибирскіе инородцы стояли въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ юридическаго быта. Нося общее названіе *инородцевъ* или *ясачныхъ*, они платили небольшую подать по окладнымъ книгамъ 1763 года, давали большія взятки и отбывали столько земскихъ повинностей, сколько требовалось съ нихъ по обстоятельствамъ. Количество законныхъ и незаконныхъ поборовъ съ инородцевъ было громадное. Большинство ихъ давно уже раззорилось, и мы видѣли выше, какими ужасными послѣдствіями сопровождалось раззореніе ихъ. Но не всѣ инородцы были брошены въ такое горестное положеніе; многіе изъ нихъ, благодаря осѣдлой жизни, хлѣбопашеству

или торговымъ оборотамъ, пользовались выгодами гораздо лучшаго положенія. Такимъ образомъ, находясь на различныхъ степеняхъ благосостоянія, инородцы несли совершенно одинаковыя тягости, по крайней мѣрѣ de jure, потому что de facto количество податей, повинностей и другихъ поборовъ измѣнялось сообразно съ различными обстоятельствами. По закону, умиравшіе съ голода остяки и тунгусы должны были платить столько же податей и отбывать столько же повинностей, какъ и зажиточные тобольскіе татары или земледѣльцы-буряты. Это обратило на себя вниманіе Сперанскаго и Батенькова, служившаго тогда въ Восточной Сибири и составившаго для сибирскаго уложенія инородческій уставъ. Батеньковъ и Сперанскій сочли необходимымъ раздѣлить туземцовъ, которыхъ съ ихъ легкой руки стали называть *инородцами*, на три разряда—*осѣдлыхъ*, *кочующихъ* и *бродячихъ*.

Къ осѣдлымъ, по сибирскому уложенію, принадлежать всѣ тѣ, которые ведутъ осѣдлый образъ жизни, т. е. живутъ въ городахъ и селеніяхъ. Это, во первыхъ, торговые бухарцы и ташкентцы, во вторыхъ, осѣдлые земледѣльцы, какъ напр. бухтарминскіе татары и нѣкоторые бійскіе и кузнецкіе инородцы; втретьихъ, малочисленные роды, живущіе смѣшано съ русскими и вчетвертыхъ, инородцы, съиздавна живущіе въ русскихъ деревняхъ, въ качествѣ крестьянскихъ работниковъ (*Инород. уст.* § 1, 2).

Сюда не причисляются тѣ инородцы, которые хотя и живутъ въ постоянныхъ шалашахъ и землянкахъ, но по образу своей жизни и по роду своихъ промысловъ относятся къ разряду кочевыхъ (§ 9). Всѣ осѣдлые инородцы, какъ занимающіеся свойственными земледѣльцамъ промыслами, въ своихъ правахъ и обязанностяхъ *вполнѣ сравнены съ государственными крестьянами*, кромѣ одной рекрутчины (§ 17—23). Они дѣлятся на волости и на общихъ основаніяхъ выбираютъ своихъ волостныхъ властей (88, 89). Если же инородческія поселенія, по своей незначительности, не могутъ составить осо-

бой волости, то причисляются къ ближайшей русской, равнымъ образомъ и живущіе разсѣянно по русскимъ деревнямъ (§ 91—92).—Уложеніе предписывало, чтобы устройство инородческаго быта на новыхъ основаніяхъ было окончено втеченіе одного года.

Переводъ инородцевъ въ разрядъ осѣдлыхъ и окончательное уравненіе ихъ въ правахъ и обязанностяхъ съ государственными крестьянами былъ оконченъ къ 1 январю 1824 г. Все было сдѣлано чрезвычайно поспѣшно и тягостями осѣдлаго состоянія было обложено множество такихъ инородцевъ, которымъ эти тягости были совершенно не подъ силу. Когда въ 1828 г. ясачная комиссія спросила тобольскую казенную палату—какими соображеніями руководилось мѣстное начальство, переводя инородцевъ въ осѣдлые, то палата отвѣчала, что „этихъ свѣденій у нея нѣтъ“. Комиссія обратилась съ этимъ вопросомъ къ губернатору и онъ объяснилъ, что „при раздѣленіи инородцевъ на разряды, *не было собираемо объ образѣ ихъ жизни никакихъ особенныхъ свѣденій*, ибо въ самомъ уставѣ объ инородцахъ сказано, кто изъ нихъ въ какой разрядъ поступить долженъ, да и распредѣленіе ихъ по разрядамъ и обложеніе податьми зависѣло не отъ благосостоянія ихъ, *а отъ образа жизни* и промышленности“. Уже одно это странное противорѣчіе, заключающееся въ словахъ губернатора, показываетъ, что переводя инородцевъ въ разрядъ осѣдлыхъ, мѣстное начальство руководилось самыми поверхностными соображеніями, вовсе не задаваясь вопросомъ, въ состояніи-ли эти инородцы уплачивать подати и отбывать повинности, сопряженныя съ переходомъ въ осѣдлое состояніе? Между тѣмъ, это былъ вопросъ первой важности, и если бы имъ занялись тогда какъ слѣдуетъ и рѣшили справедливо, то множество инородцевъ было бы спасено отъ раззоренія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что главный упрекъ за поверхность соображеній, служившихъ основаніями для раздѣленія инородцевъ на разряды, долженъ пасть на головы Батенькова и Сперанскаго.

Они должны были самымъ точнымъ образомъ обозначить тѣхъ инородцевъ, которыхъ надлежало перевесть въ разрядъ осѣдлыхъ, а главнымъ образомъ указать общія начала, которыми мѣстное начальство должно было руководствоваться при этомъ переводѣ. Ни того, ни другого уложеніе не указываетъ въ точности. Намъ даже кажется, что Батеньковъ и Сперанскій сами не имѣли яснаго и отчетливаго представленія о томъ, какихъ именно инородцевъ слѣдуетъ перевесть въ осѣдлые. Подробно перечисляя тѣхъ, которыхъ слѣдуетъ оставить въ кочевыхъ и бродячихъ, относительно осѣдлыхъ уложеніе ограничивается, какъ мы видѣли, самыми общими указаніями и при этомъ впадаетъ даже въ забавную ошибку, относя къ осѣдлымъ какихъ-то *бухтармицскихъ татаръ*, племя вовсе не существующее! Вѣроятно, уложеніе разумѣло подъ ними русскихъ колонистовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *каменьщиковъ*. Далѣе уложеніе относитъ къ осѣдлымъ всѣхъ инородцевъ, живущихъ издавна въ работѣ у крестьянъ, т. е. тѣхъ несчастныхъ пролетаріевъ, которые, разсорившись, попали въ кабалу къ крестьянамъ и для которыхъ даже прежнія подати и повинности были чрезвычайно тягостны. Наконецъ уложеніе, при переводѣ инородцевъ въ осѣдлые, предписывало обращать вниманіе не на степень благосостоянія туземцевъ, а на образъ жизни, приближающій ихъ къ образу жизни руськихъ земледѣльцевъ. Это была самая крупная ошибка. Инородцы тобольской губерніи, предназначенные къ переводу въ осѣдлые, по словамъ ясачной комиссіи, не могли удовлетворять требованіямъ осѣдлаго быта. „Въ разное время они продали и заложили русскимъ крестьянамъ и торгующимъ бухарцамъ многіе участки своихъ земель. Весьма рѣдкіе изъ нихъ занимались хлѣбопашествомъ; они мало предпринимали мѣръ и къ увеличенію скотоводства. Главное продовольствіе ихъ была рыба, а промыселъ—звѣрованье. Но съ нѣкотораго времени и рыбные и звѣриные промыслы ихъ оскудѣли и изъ постоянныхъ сдѣлались только случайными“. Ескалбинская волость, сдѣланная осѣдлою, хотя и

вела осѣдлую жизнь, но вовсе не могла заниматься хлѣбопашествомъ, по причинѣ своей болотистой почвы неспособной къ земледѣлію. Ескалбинцы питались рыболовствомъ, но и этотъ источникъ продовольствія прекратился, вслѣдствіе отбора въ казну четырехъ озеръ. И этихъ нищихъ ескалбинцевъ перевели въ осѣдлые! Точно также были переведены въ осѣдлые тарскіе татары. „Уплачивая подати и повинности,“ писали они въ своемъ прошеніи, „мы не имѣемъ успѣха въ хлѣбопашествѣ, да и къ нему не сродны, а занимаемся рыбною ловлею около своего мѣста да и то мало, для своего пропитанія, а скотоводство отъ большихъ нынѣ упадковъ никакъ развести не можно, почему и приходимъ въ немалое раззореніе“. Тобольскіе захребетные татары также считали себя „крайне обиженными и стѣсненными, вслѣдствіе обращенія ихъ въ государственные крестьяне“. Въ такомъ же положеніи находились осѣдлые инородцы всѣхъ остальныхъ волостей. Такъ инородцы томскаго округа, обращенные въ 1824 г. въ осѣдлые, найдены ясачной комиссіей „въ совершенной бѣдности“, въ худшемъ еще положеніи, чѣмъ инородцы тобольской губерніи. Они были также бѣдны, какъ и кочевые инородцы и сдѣланы осѣдлыми только потому, что мѣстное начальство, не входя въ серьозныя соображенія, строго держалось буквы 2-го § инородческаго устава. Въ особенности страшно ошиблись и составители уложенія и мѣстные начальники, переводя въ разрядъ осѣдлыхъ тѣхъ инородцевъ, которые издавна поселились въ деревняхъ для работы у крестьянъ или „живутъ смѣшанно съ россіянами“. Большинство этихъ инородцевъ состояло буквально изъ нищихъ, которые закабалили себя крестьянамъ и получая отъ нихъ скудное пропитаніе да дрянную одежду, работали на нихъ совершенно даромъ. Прежде крестьяне охотно уплачивали за нихъ подати, по ихъ незначительности; теперь же, съ увеличеніемъ податей, крестьяне или не хотѣли или не могли платить двойные крестьянскіе оклады, и за себя и за своего работника инородца. Между тѣмъ земская полиція

требовала съ этихъ пролетаріевъ податныхъ и повинностныхъ взносовъ, заставляя ихъ лишаться остальнаго своего имущества для уплаты части этихъ сборовъ, а за оставшуюся недоимку отдавали ихъ въ заработки. Съ какою непростительною небрежностью производился тогда переводъ въ осѣдлые инородцевъ этого разряда, показываютъ просьбы инородцевъ тринадцати волостей тогурскаго отдѣленія. Изъ этихъ просьбъ видно, что нѣкоторые изъ инородцевъ „хотя и проживали издавна въ русскихъ селеніяхъ, но не по особеннымъ какимъ-либо видамъ, а единственно по бѣдности, изъ скудной заработной платы и даже часто изъ одного продовольствія хлѣбомъ, или войдя случайно въ задолженіе у крестьянъ, по необходимости оставались въ домахъ ихъ работниками". Другіе „только въ лѣтнее время занимались работами въ русскихъ селеніяхъ, а съ наступленіемъ осени и въ продолженіе зимы занимались постоянно звѣриными промыслами, въ дачахъ своихъ кочевыхъ волостей". Инородцы же васюганской волости „никогда не проживали въ русскихъ селеніяхъ, но во время переписи 1823 г. кочевали въ отдаленныхъ мѣстахъ, на границахъ округовъ тарскаго и каинскаго". Остальные же инородцы, желая дѣлать опыты въ земледѣліи и не имѣя въ своихъ дачахъ способныхъ къ тому мѣстъ, переходили на крестьянскія земли и дѣйствительно занимались земледѣліемъ; одни, для этого, проживали въ одниxъ и тѣхъ же селеніяхъ многіе годы, другіе, напротивъ, переходили изъ однихъ въ другія. Всѣ эти инородцы объясняли, что если они и оставили кочевья свои, то „единственно въ увѣренности, что чрезъ сіе не будутъ они отторгнуты отъ волостей своихъ", и что „они никогда бы себѣ не дозволили отдѣляться отъ прочихъ родовъ, если бы могли предвидѣть, что за вышесказанное бродяжество, по смыслу устава 1822 г., будутъ они лишены правъ тѣхъ кочевыхъ волостей, къ коимъ они принадлежали".

Вообще, выражаясь словами комиссіи, при обращеніи ино-

родцевъ въ осѣдлые, „не были приняты въ соображеніе съ одной стороны бѣдность и нищета ихъ, съ другой стороны, важность налоговъ съ новымъ званіемъ на нихъ падавшихъ".

Число инородцевъ, переведенныхъ въ 1824 г. въ осѣдлые такъ распредѣлялось по сибирскимъ губерніямъ:

Въ тобольской губ.		
торгующихъ	1,129 м. п.	1,116 ж. п.
земледѣльцевъ	14,818 м. п.	13,556 ж. п.
Всего:	15,947 м. п.	14,672 ж. п.
Въ томской:		
торгующихъ	168 м. п.	151 ж. п.
земледѣльцевъ	5,767 м. п.	5,209 ж. п.
Всего:	5,935 м. п.	5,360 ж. п.
Въ енисейской:		
земледѣльцевъ	580 м. п.	610 ж. п.
Въ иркутской (съ забайкальемъ):		
земледѣльцевъ	8,191 м. п.	7,653 ж. п.
Въ якутской области:	11 м. п.	6 ж. п.
Всего въ Сибири:	30,664 м. п.	28,301 ж. п.

Каково же было положеніе этихъ инородцевъ, зачисленныхъ въ государственные крестьяне.

До 1824 г. они уплачивали въ сложности около 1 р. 50 к. съ души ясачной подати. Въ этомъ же году, съ переводомъ ихъ въ разрядъ осѣдлыхъ, количество подати разомъ было возвышено до 11 р. съ души да постольку же за умершихъ съ ревизіи 1816 г., престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Къ этому еще присоединились денежные сборы на земскія повинности, достигавшіе также значительныхъ размѣровъ. По росписанію 1824—1825 г. на земскія повинности взималось по округамъ тюменскому, ялуторовскому и тобольскому по 6 р. 8 к. съ души, по тарскому 4 р. 87 к., по волостямъ есраибинской и бабаянской по 3 р. 65 к. Всего же круглымъ числомъ

осѣдлые инородцы тобольской губерніи, по исчисленію ясачной комиссіи, вмѣсто прежнихъ *1 р. 50 к.* должны были съ 1824 г., платить податей и земскихъ повинностей по *20 р.* съ души. Въ другихъ губерніяхъ количество сборовъ увеличивалось въ такой же степени. Такъ напр., инородцы томскаго округа обязаны были уплачивать около *18 р.* съ души. Въ первый же годъ можно было бы понять, что инородцы не въ состояніи взносить такого количества налоговъ: недоимка равнялась цѣлой половинѣ сборовъ. Съ осѣдлыхъ инородцевъ тобольской губ. по старому окладу слѣдовало въ годъ 15,977 р. 45 к. Если бы они остались на этомъ окладѣ, то съ 1824 по 1832 г. должны были бы уплатить *127,819 р.* По новому же окладу съ нихъ причиталось за эти восемь лѣтъ податей и денежной повинности 1.359,845 р. Инородцы смогли уплатить въ счетъ этой громадной суммы только 735,397 р. Слѣдовательно, въ 1832 г. въ недоимкѣ за ними состояло *624,648 р.* Въ такой же степени росли недоимки осѣдлыхъ инородцевъ другихъ округовъ. На осѣдлыхъ томскаго округа къ 1831 г., недоимки было 121,181 р. На инородцахъ орской волости къ 1833 г., состояло 2,042 р. Въ бійскомъ округѣ къ 1832 г., недоимки было 9,985 р.—По изслѣдованіямъ ясачной комиссіи главною причиною накопленія недоимки была крайняя несоразмѣрность налоговъ со степенью инородческаго благосостоянія; но были по мѣстамъ и другія причины. Въ бійскомъ напр., округѣ счеты по уплатѣ податей и повинностей велись крайне неисправно и вслѣдствіе этого, на нѣкоторыхъ волостяхъ числилось много лишней недоимки. Такъ на инородцахъ кокшинскаго улуса, причисленныхъ къ русской смоленской волости, числилось 3,648 р. между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности состояло только 494 р., остальные же были записаны на нихъ волостными властями, желавшими свалить на нихъ недоимку, состоявшую на русскихъ обывателяхъ. На инородцахъ бухтарминской в. было записано 1,540 р., слѣдовавшихъ со смоленской же волости.

Въ 1831 г., къ смоленской волости приписано 34 новыхъ души и открыто незаписанныхъ въ ревизію 9 ч.; вслѣдствіе этого, записано заразъ недоимки на всю волость 3,311 р., слѣдовавшихъ съ упомянутыхъ сорока трехъ человѣкъ. —На нѣкоторыхъ волостяхъ другихъ округовъ также иногда записывалась недоимка, принадлежавшая вовсе не имъ. Причину этого комиссія видитъ въ спутанности дѣлъ, небрежности земской полиціи и наивной довѣрчивости инородцевъ.

Кромѣ упомянутыхъ денежныхъ сборовъ, инородцы должны были отбывать еще много натуральныхъ повинностей,—содержать обывательскую подводную гоньбу, исправлять дороги, строить мосты, гати и т. д. Въ тобольской губ. въ 1824 г., велѣно было еще взимать земскія повинности за два года разомъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ къ этому присоединился неурожай и падежъ скота. Инородцы очутились въ самомъ горестномъ положеніи. Самый способъ взиманія податей и отбыванія натуральной повинности былъ сопряженъ съ пагубными строгостями и большими злоупотребленіями. Ясачная комиссія замѣчаетъ, что „земскіе чиновники бійскаго и другихъ округовъ являлись къ инородцамъ не защитниками, но утѣснителями, такъ что одинъ уже слухъ о пріѣздѣ земскаго чиновника наводилъ на всѣхъ преждевременный страхъ.“ Вотъ напр., осѣдлые инородцы бѣдной ескалбинской волости издержали съ 1824 г. по 1831 г., 600 р., на одни только подарки казакамъ, ѣздившимъ за сборомъ податей и повинностей; „сверхъ того, они исправляли подъ деревней Сорокиной мостъ, стоющій 1,800 р., земскую подводную гоньбу наймомъ за 320 р., и находились въ 1825 г. въ страдное время, всѣ рабочіе дни, при исправленіи трактовой дороги, отчего лишились и послѣдняго достоянія своего.“ Отлично рисуется разсматриваемый нами предметъ въ просьбѣ Государю тобольскихъ инородцевъ. „При введеніи въ исполненіе устава о сибирскихъ губерніяхъ, народъ ясачный неожиданно увидѣлъ себя обложеннымъ податьми, денежными и натураль-

ными повинностями, наравнѣ съ государственными крестьянами. Строгія мѣры, принимаемыя мѣстными начальствами при взысканіи податей, довели цѣлыя волости до бѣдственнаго положенія. Народъ ясачный, побуждаемый такими мѣрами къ исполненію новыхъ обязанностей и желая избѣгнуть истязаній, продавалъ свой скотъ и имущество и впалъ въ совершенную нищету, которую довершило тобольское начальство. На содержаніе большихъ трактовыхъ дорогъ, устройство гатей, мостовъ и рѣчныхъ переправъ съ насъ было собрано въ 1824—1826 г., деньгами по 13 р., съ каждой души. И сверхъ оныхъ благоугодно было тобольскому губернскому начальству употребить ясачный народъ *почти поголовно* на работы для улучшенія дорогъ, мостовъ и переправъ, съ приготовленіемъ лѣсу, который, гдѣ онаго нѣтъ, покупался на счетъ волостей и селеній. Сверхъ того народъ ясачный натурою наряжается къ исправленію земской и этапной подводной гоньбы, стоющей по найму значительныхъ суммъ.“ Нѣкоторыя волости отбывали даже *двойныя* земскія повинности, въ двухъ различныхъ округахъ. Такъ инородцы ачирской волости, жившіе въ тюменскомъ округѣ отбывали здѣсь натуральныя повинности; но они были причислены къ эскалбинской волости тобольскаго округа, ихъ заставляли отбывать повинности и по этой волости; они участвовали здѣсь въ подводной гоньбѣ, въ исправленіи дорогъ и мостовъ, въ содержаніи волостного правленія. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ, гдѣ осѣдлые инородцы жили смѣшанно съ русскими, послѣдніе сильно эксплуатировали ихъ, взваливая на нихъ большую половину слѣдующихъ съ волости податей и повинностей. Это было замѣчено въ особенности въ бійскомъ округѣ. Такъ причисленные къ смоленской волости инородцы жаловались, что отъ вмѣшательства во внутреннее ихъ управленіе русскихъ головъ и старостъ, терпятъ они всегдашнія притѣсненія. Смоленское волостное правленіе раскладываетъ на нихъ подати и повинности за та-

кихъ инородцевъ, коихъ они, просители, нетолько незнаютъ, но даже никогда о нихъ и не слыхали.“ Многіе инородцы, приписанные къ русскимъ волостямъ, жили отъ нихъ въ отдаленіи, а это чрезвычайно затрудняло ихъ въ отбываніи натуральной повинности. Такъ инородцы, разсѣянные по восточной и западной сторонамъ Катуни, исправляли на станціи Иконниковой подводную гоньбу; „но такъ какъ селенія ихъ отстоятъ отъ Иконниковой на 100—150 в. и при томъ раздѣлены рѣками Катуней и Біей, затрудняющими отправленіе сей повинности, то въ народѣ ихъ, разсѣянномъ повсемѣстно, произошли такія недоимки и неисправности, которыхъ никакъ невозможно поправить“. Во всѣхъ другихъ инородческихъ волостяхъ бійскаго округа, по словамъ ясачной комиссіи, „бѣдность осѣдлыхъ болѣе и болѣе увеличивается отъ усиленныхъ земскою полиціей сборовъ.“ Сами инородцы въ своихъ многочисленныхъ просьбахъ говорили, тоже самое и просили о дарованіи имъ льготъ въ податяхъ и повинностяхъ. И замѣчанія комиссіи и инородческія просьбы равнымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что взиманіе податей и отбываніе повинностей и во всѣхъ другихъ округахъ сопровождалось тѣми же результатами и носило тотъ же характеръ, какъ и въ округахъ тобольской губерніи. Только о земской полиціи томскаго округа ясачная комиссія замѣчаетъ, что она не отличалась дѣятельностью во взысканіи налоговъ. Земскіе чиновники, по увѣренію инородцевъ, нѣкоторыхъ волостей вовсе не посѣщали. Томской исправникъ на требованіе ясачной комиссіи доставить ей маршрутъ для поѣздки въ малокорховскую волость чистосердечно признался, что „мѣстопребываніе оной волости *ему неизвѣстно*, и только черезъ повтореніе требованія путь къ ней имъ указанъ.“ Но если не дѣйствовали исправники, то дѣйствовали казаки, посылаемые за сборомъ податей и повинностей; не даромъ же положеніе томскихъ инородцевъ комиссія нашла гораздо худшимъ, чѣмъ положеніе тобольскихъ. Здѣсь иногда заставляли осѣдлыхъ инородцевъ

отбывать даже рекрутскую повинность, вопреки прямому закону Сибирскаго Уложенія.

Еще раззорительнѣе податей и повинностей дѣйствовало на инородцевъ взысканіе недоимокъ, производившееся часто при помощи такихъ средствъ, которыя не только что не дозволялись, но прямо запрещались уложеніемъ. По словамъ отчета комиссіи, это взысканіе производилось только двумя способами: 1) публичной продажей домашняго скота и прочаго имущества и 2) принужденіемъ рубить дрова и строевой лѣсъ для продажи, а въ тобольской губерніи этихъ должниковъ посылали еще на судахъ въ Коряковъ для перевоза соли. „Но сіи средства", замѣчаетъ комиссія, „не могли быть вѣрными; ибо цѣны на дрова и по наймамъ на судахъ до того упали что не могли уже вознаграждать труда, а ежегодное повтореніе публичной продажи имущества служило къ конечному раззоренію инородцевъ. Между тѣмъ, успѣхи земледѣлія втеченіе шести лѣтъ почти не примѣтны, тогда какъ единственно черезъ усиліе сей промышленности имъ возможно было привести себя въ состояніе быть полезными себѣ и правительству".

При самомъ началѣ введенія инородческаго устава инородцы, сдѣланные осѣдлыми, начали хлопотать объ отмѣнѣ этого устава. Они заваливали своими просьбами и присутственныя мѣста и генералъ-губернаторовъ и сибирскій комитетъ и ревизававшихъ Сибирь сенаторовъ; нѣсколько просьбъ было подано даже Государю. Въ большинствѣ этихъ просьбъ объясняется тяжесть новаго положенія и непригодность его для инородческаго быта. Вотъ напр., тобольскіе инородцы пишутъ что уложеніемъ Сперанскаго „народъ ясачный отличенъ отъ таковаго же въ Сибири обитающаго кочеваго и бродячаго наименованіемъ осѣдлыхъ инородцевъ и сопричисленъ къ крестьянамъ. Хотя сей ясачный народъ, кромѣ постоянныхъ жилищъ своихъ, весьма незначительнымъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ отъ кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ отли-

чается, но ни въ образѣ жизни, ни въ промышленности звѣриной и рыбной, природою и воспитаніемъ внушенной, ни въ чемъ не разнствуетъ и пребываетъ въ неизмѣнномъ и первобытномъ состояніи... Народъ ясачный, доведенный до нищеты, повергается къ священнымъ стопамъ вашего величества съ умоленіемъ воззрѣть на страданія его милосерднымъ окомъ и всѣмилостивѣйше утвердить манифестъ, состоявшійся въ 15 день февраля 1763 г". Инородцы Колыванскаго округа также объясняли въ своемъ прошеніи, что „новое положеніе не сообразно съ родомъ ихъ жизни и совершенно несвойственно самобѣднѣйшему ихъ положенію, которое до того простирается, что они не только не могутъ отбывать этихъ налоговъ, но съ великою нуждою и большимъ трудомъ снискиваютъ для себя дневное пропитаніе и самобѣднѣйшую одежду".—Многіе инородцы, кромѣ того, ссылались въ своихъ просьбахъ на льготы, высочайше дарованные ихъ предкамъ и заявляли, что Уложеніе Сперанскаго нарушаетъ эти льготы и уничтожаетъ дарованныя имъ привелегіи. На этой юридической почвѣ стояли въ особенности тарскіе татары, торговые бухарцы, ташкентцы и другіе выходцы изъ Средней Азіи, принявшіе въ разное время русское подданство и за то награжденные привилегіями. Ходатайство объ отмѣнѣ новаго положенія, не достигая желанныхъ инородцами результатовъ, только содѣйствовало ихъ раззоренію. На отправку въ губернскіе города или въ Петербургъ своихъ довѣренныхъ ходатаевъ, на ихъ содержаніе, на разные подарки лицамъ, могшимъ имѣть вліяніе на это дѣло,—инородцы тратили много денегъ, продавая для этого свои пожитки и входя въ долги. Говорятъ, что причина обѣднѣнія барабинцевъ была не столько во введеніи ихъ въ разрядъ осѣдлыхъ, сколько въ хлопотахъ о переводѣ ихъ обратно въ кочевые. Злоупотребители пользовались этими хлопотами инородцевъ и ихъ готовностью не жалѣть на это денегъ. Иногда сами довѣренные инородцевъ употребляли въ свою пользу значительныя суммы, данныя имъ

на ходатайство по дѣлу. Иногда пользовались этими хлопотами для грубыхъ вымогательствъ. Такъ въ 1835 г. инородцы ашкиштымской волости жаловались на засѣдателя земскаго суда Запинщикова, который угрозами и побоями вымогалъ у нихъ въ подарокъ для себя 1,000 руб., и получивъ въ число ихъ 400 р., объявилъ всему обществу, „чтобы они никакихъ податей никому не платили, съ обѣщаніемъ ходатайствовать объ избавленіи ихъ отъ оныхъ.„—Вся настойчивость инородческихъ хлопотъ, всѣ сопряженныя съ ними пожертвованія не привели ни къ чему. Сибирскій комитетъ въ своемъ журналѣ 20 декабря 1826 г. постановилъ слѣдующее „1) Выгоды, коими, нынѣ пользуются просители равны выгодамъ крестьянскаго и другихъ сословій, и по этому нѣтъ никакой справедливости оставлять ихъ долѣе при платежѣ подати 1763 г. не имѣющей никакого равенства съ платимою русскими, находящимися въ сихъ же самыхъ условіяхъ. 2) Тѣми грамотами и указами, на кои ссылаются просители, не было имъ присвояемо никакихъ особенныхъ правъ, кромѣ свободы отъ рекрутства, которая подтверждена и указомъ 1822 г... Просьбы сіи сибирскій комитетъ *отвергаетъ* а льготныя грамоты *уничтожаетъ*."

Перейдемъ теперь къ положенію инородцевъ кочевыхъ и бродячихъ.

Къ *кочующимъ* уложеніе отнесло кочевыхъ земледѣльцевъ, скотоводовъ и промышленниковъ, т. е. бурятъ качинцевъ; часть инородцевъ бійскихъ и кузнецкихъ; сагайцевъ, нижнеудинскихъ, енисейскихъ, баргузинскихъ и киренскихъ тунгузовъ; якутовъ; нарымскихъ, березовскихъ и обскихъ остяковъ (§ 3.). Къ *бродячимъ* отнесены инородцы охотскіе, гижигинскіе, камчатскіе, коряки, юкагиры, алеуты, карагасы, обдорскіе самоѣды, туруханскіе инородцы (§ 4.) Каждое *кочевое* стойбище, состоящее изъ 15 семей, имѣетъ свое родовое управленіе, стойбища же меньшаго объема причисляются къ ближайшимъ управленіямъ, родовое управленіе состоитъ изъ

старосты и одного или двухъ помощниковъ (§ 94—96), выбираемыхъ изъ лучшихъ родовичей. Всѣ дѣла въ родовыхъ управленіяхъ производятся словесно. Нѣсколько стойбищъ со своими родовыми управленіями подчиняются инородной управѣ, которая состоитъ изъ головы, двухъ выборныхъ и письмоводителя, если только есть средства для его содержанія (§ 101, 103—105). Инородныя управы относятся къ мѣстамъ земской полиціи и получаютъ ея предписанія. Многіе роды, соединяемые въ общую зависимость имѣютъ свою степную думу. Она составляется изъ главнаго родоначальника, нѣсколькихъ выборныхъ засѣдателей и письмоводителя. Обязанности думы въ народоисчисленіи, въ раскладкѣ сборовъ, въ правильномъ учетѣ всѣхъ общественныхъ суммъ и имуществъ, въ распространеніи земледѣлія и народной промышленности и въ ходатайствѣ у высшаго начальства о пользѣ родовичей (§ 114,—117,—119). Инородныя управы, а гдѣ нѣтъ ихъ, то родовыя управленія непосредственно подчиняются земскимъ судамъ или отдѣльнымъ засѣдателямъ, а степныя думы—общимъ окружнымъ управленіямъ (§ 157—160). Старосты, помощники ихъ, головы выборные, засѣдатели степныхъ думъ, старосты на ярмаркахъ и главные родоначальники не получаютъ отъ своихъ родовичей никакого вознагражденія за свою общественную службу. Жалованье же письмоводителю составляется раскладкою съ родовичей. Тою же раскладкою составляются суммы на постройку или ремонтъ общественныхъ зданій, на содержаніе школъ, и покупку канцелярскихъ припасовъ для управъ и степныхъ думъ. При смѣнѣ главнаго родоначальника новый утверждается въ своей должности генералъ-губернаторомъ, а старосты, выборныя головы и засѣдатели въ думахъ утверждаются губернаторомъ. Препятствіями къ утвержденію выбраннаго или наслѣдовавшаго извѣстную должность по родовому обычаю лица, считаются собственный отказъ его, несогласіе на выборъ его большинства родовичей или доказанное судомъ худое его поведеніе. Право

удалять отъ должности лицъ, составляющихъ степное управленіе, принадлежитъ губернаторамъ, а главныхъ родоначальниковъ удаляетъ генералъ-губернаторъ. Причиною удаленія служитъ уголовное преступленіе, злоупотребленія по должности, просьба инородцевъ (§ 142, 144, 145—148, 150, 154, 157, 160). Кочующіе инородцы имѣютъ назначенныя каждому роду во владѣніе земли, которыя раздѣляются ими между собою совершенно самостоятельно по ихъ обычаямъ. Они могутъ совершенно свободно заниматься на своихъ земляхъ земледѣліемъ, скотоводствомъ или другими промыслами. Русскимъ весьма строго запрещается селиться на инородческихъ земляхъ; они, впрочемъ, могутъ снимать ихъ въ аренду у инородческихъ обществъ (§ 26—31). За кражу и другія менѣе важныя преступленія инородцы судятся по своимъ степнымъ законамъ и обычаямъ, каждому племени свойственнымъ, и только за возмущеніе, намѣренное убійство, грабежъ, насиліе, фабрикацію фальшивой монеты и кражу казеннаго или общественнаго имущества они судятся русскимъ судомъ, по уголовнымъ законамъ. Кочевыя инородцы платятъ подати по особому положенію съ числа душъ, которое опредѣляется общей ревизіей. Губернаторы въ сентябрѣ мѣсяцѣ составляютъ для слѣдующаго года подробныя смѣты всѣхъ сборовъ, слѣдующихъ съ инородцевъ. Утвержденныя главнымъ управленіемъ эти смѣты черезъ казенныя палаты разсылаются по степнымъ думамъ или родовымъ управленіямъ, которыя опредѣляютъ для каждой семьи степень участія въ этомъ сборѣ деньгами или звѣриными шкурами (§ 32—39, 306—310). Такъ составляются только смѣты податей и земскихъ повинностей, раскладка же внутреннихъ повинностей опредѣляется степною думою или общественнымъ приговоромъ инородцевъ. Родовое управленіе обязано озаботиться, чтобы къ опредѣленному въ законѣ сроку имѣть полное количество сбора деньгами или звѣриными шкурами. Земское начальство сбираетъ подати не непосредственно съ инород-

цевъ, а только посредствомъ родового управленія. Для облегченія живущихъ въ отдаленіи инородцевъ, сборы съ нихъ принимаются на ярмаркахъ или сугланахъ земскими чиновниками, посылаемыми туда, или благонадежными козаками. При взиманіи подати звѣриныя шкуры должны быть переводимы на денежный счетъ, по установленной таксѣ. Эта такса составляется на каждое трехлѣтіе губернскимъ начальствомъ и утверждается Главнымъ управленіемъ. Рухлядь же особенно дорогая оцѣнивается въ общихъ окружныхъ управленіяхъ. Инородцы, кочующіе въ отдаленіи, могутъ вносить повинности и не тому начальству, какъ означено въ росписаніи, а ближайшему. Это въ особенности касается *бродячихъ* инородцевъ, которые могутъ сдавать свои подати въ другихъ уѣздахъ, даже и въ другихъ губерніяхъ, чѣмъ назначено въ росписаніи. Количество сборовъ можетъ быть различно для каждаго племени инородцевъ, по роду и размѣрамъ ихъ промысловъ (§ 331 — 338, 339, 366, 302). *Кочующіе* инородцы участвуютъ въ общихъ по губерніи повинностяхъ, кромѣ штемпельныхъ и гербовыхъ пошлинъ и рекрутчины; впрочемъ инородческіе казачьи полки, учрежденные для содержанія пограничныхъ карауловъ, комплектуются по прежнему. Бродячіе инородцы освобождаются отъ всѣхъ денежныхъ земскихъ повинностей, равно какъ и инородцы, *не совершенно зависящіе* (напр. чаукчи); но послѣдніе, гдѣ есть такой обычай, обязаны несть особую старинную повинность, — давать аманатовъ (§ 40—44, 62, 167). Относительно подводной повинности, всегда имѣвшей огромное вліяніе на судьбу сибирскихъ инородцевъ, уложеніе дало слѣдующее правило: Надлежитъ вообще стараться, чтобы разъѣзды русскихъ властей по стойбищамъ инородцевъ были какъ можно рѣже и никогда не требовать большого числа подводъ. Разъѣзды земскихъ чиновниковъ и козаковъ допускаются только для ревизіи управленія, для слѣдствія по сбору податей, для надзора за порядкомъ на ярмаркахъ. Впрочемъ, все-таки нужно

замѣтить, что уложеніе допускаетъ довольно много разъѣздовъ; такъ оно полагаетъ, что для одной только ревизіи управленія земское начальство можетъ посѣщать стойбища кочующихъ инородцевъ *шесть* разъ въ годъ, а бродячихъ однажды въ годъ. Кромѣ того, на кочующихъ инородцевъ ложится также содержаніе и исправленіе дорогъ, мостовъ и перевозовъ, въ мѣстахъ же мало —или вовсе не населенныхъ русскими напр., въ Охотскомъ краѣ, кочевые инородцы обязаны содержать и почтовыя станціи, получая пособія изъ общихъ земскихъ сборовъ (§ 236—238).

Предшествующее изложеніе устава о кочевыхъ и бродячихъ инородцахъ показываетъ, что реформа Сперанскаго коснулась ихъ довольно поверхностно и во всякомъ случаѣ не въ такой степени, какъ тѣхъ инородцевъ, которыхъ реформаторъ счелъ нужнымъ перевести въ разрядъ осѣдлыхъ. Кочевые и бродячіе инородцы были оставлены при тѣхъ же податяхъ, при тѣхъ же вообще обязанностяхъ, какія были опредѣлены еще въ 1763 г. Щербачевымъ. Со времени Щербачева окладныя инородческія книги не пересматривались, и отъ этого въ сборѣ податей царили страшные и вредные для инородцевъ безпорядки. Роды, чрезвычайно увеличившіеся съ 1763 г., платили подать съ прежняго числа душъ, напротивъ роды почти вовсе вымершіе платили и за всѣхъ своихъ умершихъ родовичей. Такъ ясачная комиссія нашла въ якутской области почти совершенно вымершимъ барагатскій родъ, который прежде былъ однимъ изъ многолюдныхъ и отъ котораго осталось въ живыхъ только *два человѣка*, и эти-то двое несчастныхъ обязаны были уплачивать полное количество податей, слѣдовавшихъ съ ихъ рода по окладной книгѣ 1763 г. Въ туруханскомъ краѣ, по свидѣтельству аудитора Камаева, съ 1763 по 1816 г. вымерло $^{3}/_{4}$ ясачныхъ плательщиковъ и остальная четверть должна была вносить ясакъ также по ревизіи 1763 г. Подобные же факты повторялись и въ другихъ мѣстахъ какъ увидимъ ниже. Хотя послѣ ревизіи Щербачева инородцы были переписываемы

еще въ 1816—1817 г., но эта послѣдняя перепись не принесла пользы въ разсматриваемомъ нами случаѣ, потому что при этой переписи новыхъ накладныхъ книгъ не составлялось, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и переписи вовсе не производилось: по словамъ ясачной комиссіи, нѣкоторые чиновники просто за просто выписывали въ эту перепись цифры численности инородцевъ изъ ревизскихъ книгъ 1763 г., неизмѣняя даже показанныхъ тамъ лѣтъ инородцевъ! Неравномѣрность въ распредѣленіи ясака между инородцами доходила до того, что одни платили двойной ясакъ, а другіе ничего не платили. Многіе инородцы сѣвера уклонились отъ взноса ясака, скрываясь отъ встрѣчи съ земской полиціей во глубинѣ своихъ тундръ. Отъ этого и выходило, что слѣдуетъ собрать напр., съ 1,000 человѣкъ, но земской полиціи попадаются только 500 человѣкъ и съ нихъ взимается ясакъ за полныя 1,000 душъ. Во многихъ инородческихъ волостяхъ кромѣ того, въ счетъ обязательной платы ясака, вносились совершенно посторонніе поборы, не говоря уже о взяткахъ. Такъ напр., 7-я колмыцкая дючина бійскаго округа сверхъ ясака была обязана взносить еще надбавленныхъ на нее въ разное время подарочныхъ поборовъ на 376 р. На первую дючину надбавлено было такимъ же образомъ 85 р.; на вторую 132 р.; на третью 71 р.; на четвертую 135 р. и т. д. Тяжесть ясачной повинности увеличивалась по мѣстамъ еще отдаленностью мѣстъ, назначенныхъ для взноса ясака. Такъ инородцы волостей мраско-шушерской, штиберско-шарагашевской, казановой, мрасско-елейской и мрасской жили на Сагайской степи минусинскаго округа, а числились въ кузнецкомъ вѣдомствѣ, куда и должны были приносить свои подати, не смотря на то, что ихъ степь отдѣлена отъ кузнецкаго округа множествомъ горъ, лѣсовъ и озеръ, дѣлающихъ сообщеніе чрезвычайно труднымъ. Такая запутанность произошла при открытіи Енисейской губерніи въ 1823 г. и продолжалась до окончанія дѣйствій ясачной комиссіи. Такъ сургутскіе инородцы, жившіе около г. Сур-

гута, числились въ Туруханскомъ вѣдомствѣ и были обязаны носить свой ясакъ на сборное около Туруханска мѣсто, по р. Тазу, употребляя на передній и обратный путь *не меньше четырехъ мѣсяцевъ*. Чрезъ таковую отлучку, писали они въ своемъ прошеніи „мы лишаемся звѣриной и рыбной ловли, а семейства наши остаются безъ всякаго призрѣнія. А иногда во время распутицы и разлитія водъ, возвращаемся домой чрезъ полгода. И не запасаясь въ удобное время рыбою, съ семействами своими претерпѣваемъ голодъ.“ Поверхностное разграниченіе осѣдлыхъ отъ кочевыхъ и относительно послѣднихъ имѣло столь же вредныя послѣдствія, какъ и относительно первыхъ. Кочевыя платятъ ясакъ, т. е. подать звѣремъ, и переводятся на денежный окладъ коль скоро обратятся къ земледѣлію. Но такой переходъ совершается медленно. Остякъ напр., бросивъ звѣрованье, долго еще не берется за соху, а живетъ рыбною ловлею или промысломъ такихъ звѣрей, которые нейдутъ въ ясакъ. Между тѣмъ какъ не осѣдлый онъ обязанъ взносить подать звѣремъ, покупая его дорогою цѣной у купцовъ или русскихъ звѣропромышленниковъ; такимъ образомъ онъ платитъ двойной даже тройной ясакъ, ибо цѣна соболя въ частной продажѣ гораздо выше цѣны, по которой онъ принимается въ ясакъ. Такіе безпорядки во взиманіи податей очень вредно дѣйствовали на благосостояніе инородцевъ, которое подрывалось еще тяжестью земскихъ повинностей. Разсмотрѣніе процентнаго отношенія налоговъ къ степени инородческаго богатства лучше всего покажетъ намъ, какъ тяжелы были для инородцевъ эти налоги. Такъ инородцы отборской волости березовскаго округа сбывали своихъ произведеній [1]) въ хорошій годъ на *46,000 р.*, а въ плохой *28,000 р.* Въ выручкѣ этого сбыта у нихъ, какъ и у большинства инород-

---

[1]) Нужно замѣтить, что инородцы сбываютъ почти все добытое ими; т. е., эта цифра сбыта = цифрѣ имущества. Цифры взяты нами изъ таблицъ ясачной коммиссіи и относятся къ 1828—1832 г.

цевъ, заключается *все* ихъ богатство, всѣ источники ихъ существованія. Подати же эти инородцы платили на 3,549 р., да отбывали подводной гоньбы на 2,500 р., всего значитъ платили *6,049 р.*, т. е. 13—21% ихъ годового дохода. Волость подгорно-юганская сбывала въ хорошій годъ на 1,800р., а въ плохой на 1,000 р., а платила податей на 274 р., и отбывала подводной гоньбы на 300 р., всего на *574 р.*, т. е. 31—57% своего годового дохода. Волость Котскіе-городки сбывала въ годъ 23,000—15,000 р., а уплачивала податей и повинностей на *6,409 р.*, т. е. 27—42%. Всѣ же вообще девятнадцать волостей Березовскаго округа сбывали въ годъ на 134,000—84,000 р., а уплачивали податей на 11,599 р. и земскихъ повинностей 12,723 р., всего на *24,322 р.*, т. е. 18—28% ихъ годового дохода.

Волость верхне-кондинская, пелымскаго округа, сбывала въ годъ на 4,000—2,500 р., а уплачивала на подати и повинности 564 р. да отбывала натуральной повинности на 320 р., всего 884 р., т. е. 22—35% сбыта. Волость листвиничная сбывала на 300—200 р., а уплачивала всѣхъ податей и повинностей на 117 р., т. е. 39—58% сбыта. Волость больше-кондинская сбывала на 5,500—4,000 р., а уплачивала налоговъ на 1,165 р. т. е. 21—29% сбыта. Всѣ же одинадцать волостей туринскаго округа вмѣстѣ сбывали въ годъ на 30—20,000 р., а уплачивали податей и земскихъ повинностей на 6,564 р., т. е. 21—32% сбыта. Первая дючина бійскаго округа сбывала въ хорошій годъ, обыкновенно приходившійся на три плохихъ года, на 15,000 и въ плохой годъ на 8,000 р., а уплачивала податей и повинностей на 356 р., т. е. 2—4% сбыта. Волость нижне-кумандинская сбывала на 8—4,000 р., а уплачивала на 976 р., т. е. 12—24% сбыта. Всѣ же вмѣстѣ четырнадцать волостей бійскаго округа сбывали въ хорошій годъ на 125,000 р., въ худой 62,000 р., а уплачивали на 5,926 р., т. е. 4—9% сбыта. Кортульская волость, томскаго округа, сбывала въ годъ на 5,000—2,500 р., а уплачивала

податей и повинностей на 915 р., т. е. 9—18% сбыта. Малочурубаровская волость сбывала на 2,500—1,500 р., а уплачивала на 438 р., т. е. 17—35% сбыта. Больше-байгульская-чулымская—остяцкая сбывали на 1,500—800 р., а уплачивали на 496 р., т. е. 33—62% сбыта. Больше-чурубаровская сбывала на 4—2,000 р., а уплачивала на 736 р., т. е. 9—18%. Итоговъ за томской округъ мы не приводимъ, потому, что въ таблицахъ комиссіи, которыми мы руководствуемся, не во всѣхъ волостяхъ кочевые отдѣлены отъ осѣдлыхъ.

При такомъ процентномъ отношеніи податей и повинностей къ степени инородческаго богатства, или правильнѣе сказать, инородческой бѣдности, взиманіе этихъ налоговъ не могло быть успѣшнымъ. Накоплялись недоимки. Такъ на четырехъ самыхъ бѣдныхъ и малочисленныхъ якутскихъ родахъ (мамяльскомъ, годниковскомъ, темирскомъ и барагатскомъ) состояло къ 1831 г. недоимки 5,406 р. За кочевыми инородцами томскаго округа къ 1831 г. недоимокъ числилось 42,345 р. На кочевыхъ инородцахъ каинскаго округа (2,477 ч. м. п.) недоимки къ 1833 г. было 25,021 р. Въ бійскомъ округѣ на 1,452 кочевыхъ инородцахъ къ 1832 г. недоимки было 8,701 р. и такъ далѣе.

Тяжесть и неравномѣрность инородческихъ податей и повинностей, объ уменьшеніи которыхъ инородцы не переставали хлопотать, вели за собой уменьшеніе и инородческаго благосостоянія и количества уплачиваемаго ясака. По словамъ всеподданнѣйшаго доклада министровъ двора и финансовъ (1835 г.), уменьшенію ясака содѣйствовали также безпорядки, накопившіеся въ теченіи времени съ 1763 г. „Въ первые годы по обложеніи 1763 г. сборъ ясака рухлядью производился весьма успѣшно и въ кабинетъ былъ доставленъ въ знатномъ количествѣ и превосходной доброты. Но по мѣрѣ того, какъ торговыя цѣны на звѣря возвышались, сборъ ясака изъ года въ годъ уменьшался. Инородцы подъ предлогомъ не улова звѣря платили за оный деньгами по ничтожнымъ

(опредѣленнымъ въ 1763 г.) цѣнамъ, а добытыя шкуры продавали торговцамъ, по цѣнамъ несравненно высшимъ. Вотъ причины, по которымъ платежъ ясака шкурами пришелъ въ совершенный упадокъ. Независимо отъ сего, платежъ ясака отъ убыли инородцевъ въ однихъ родахъ, отъ умноженія въ другихъ и отъ перемѣны образа жизни и промысловъ, сдѣлался крайне не уравнительнымъ и для нѣкоторыхъ родовъ совершенно раззорительнымъ". Когда это было доведено до Высочайшаго свѣденія, то Николай I велѣлъ сибирскому комитету учредить двѣ ясачныхъ комиссіи и послать одну изъ нихъ въ Восточную, а другую въ Западную Сибирь, для переписи инородцевъ и составленія для нихъ новыхъ окладныхъ книгъ. Дѣйствія ясачной комиссіи должны были касаться только инородцевъ внутреннихъ округовъ и не распространялись на чаукчей и киргизовъ. Главною цѣлью комиссіи было обложеніе туземцевъ новою податью, а такъ какъ съ этимъ былъ связанъ вопросъ о принадлежности инородцевъ къ тому или другому разряду, то комиссія должна была еще разсмотрѣть: 1) чѣмъ руководилось мѣстное начальство при переводѣ инородцевъ въ разрядъ осѣдлыхъ; 2) разобрать просьбы инородцевъ на неправильность такого перевода и 3) предоставить окончательное рѣшеніе комиссіи относительно разрядовъ.

Западная комиссія открыла свои дѣйствія въ мартѣ, а восточная въ іюнѣ 1828 г. Занятія ихъ окончены совсѣмъ къ 1835 г.

Восточная комиссія обложила новою податью всѣхъ кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ якутской области, Иркутской и Енисейской губерній. По счету комиссіи инородцевъ оказалось 192,012 душъ. По прежнему обложенію они платили соболей 5,232, лисицъ 12,200, песцовъ 25, горностаевъ 604, бѣлокъ 16,997 на 52,100 р. 22½ к., да деньгами 69,975 р. 39 к.; *всего на 122,075 р. 62 к.*

Комиссія же наложила на нихъ подати — соболей 2,165, лисицъ 451, песцовъ 2,496, горностаевъ 4,348, бѣлокъ

54,734—на 65.407 р. 32 к., да деньгами 385,721 р. 24 к., *всего на 451,128 р. 56 к.*

По переписи западной комиссіи въ западной Сибири оказалось инородцевъ 29,095 душъ. Комиссія наложила на нихъ подати: соболей 1,294, лисицъ 1,034, выдру 1, колонковъ 1,840, песцовъ 2,394, горностаевъ 3,655, бѣлокъ 18,037, лосиныхъ кожъ 7,—на 41,106 р. 8 к., да деньгами 18,288 р. 52 к., *всего на 59,394 р. 60 к.*

По старому же обложенію они платили разными шкурами на 16,093 р. 99 к., да деньгами 3,075 р. 21 к., *всего на 19,169 р. 20 к.*

Независимо отъ ясачныхъ комиссій обложены:

а) начальникомъ Камчатки, Голенищевымъ, камчадалы и оленные коряки 1778 г., по старому обложенію они платили: соболей 611, лисицъ 940, бобровъ 18, *на 2,365 р.* По новому окладу: соболей 390, лисицъ 287, пыжиковъ 409, на *7,281 р. 25 к.*

b) Охотскимъ и гижигинскимъ исправникомъ инородцы охотскаго края, 1,934 души. Они платили по старому окладу: соболей 412 1/2, лисицъ 457 1/2, бѣлокъ 622, пыжиковъ 7, парокъ 2, маутовъ 13, оленьихъ кожъ 6, денегъ 81 р. 33 к., *всего на 2,000 р. 50 к.* По новому же окладу: лисицъ 150, бѣлокъ 2,735, денегъ 640 р. 8 к.; *всего на 4,566 р. 58 к.* Тѣмъ же чиновникомъ переобложены инородцы гижигинскаго края, 1,533 души. По старому окладу они платили: соболей 41 3/4, лисицъ 647, бѣлокъ 481, парокъ 25, маутовъ 9, оленью кожу 1, денегъ 4 р. 49 к., *всего на 850 р. 19 1/2 к.* По новому окладу; соболей 11, лисицъ 142, бѣлокъ 462, волковъ 2, песцовъ 33, пыжиковъ 4, оленьихъ кожъ 403, *всего на 2,792 р.*

Всего же въ Сибири найдено *кочевыхъ* и *бродячихъ* инородцевъ 226,452 души. По старому обложенію они платили всѣхъ податей на *146,460 р. 55. к.* По новому же окладу они были обязаны взносить на *525,162 р. 99 к.*

Изложивъ эти результаты дѣятельности ясачныхъ комиссій мы перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ дѣйствій въ частности.

Мы уже видѣли выше, что инородцы, сдѣланные осѣдлыми настойчиво хлопотали о переводѣ ихъ на прежнее положеніе кочевыхъ. Ясачная комиссія западной Сибири была завалена инородческими просьбами объ этомъ предметѣ. Но комиссія не была уполномочена отмѣнять самый законъ Сперанскаго о разрядѣ осѣдлыхъ инородцевъ; она должна была только изслѣдовать—къ какому разряду должно отнести извѣстныхъ инородцевъ „по разуму устава 1822 г.“; она должна была только исправить ошибки, допущенныя мѣстнымъ начальствомъ при введеніи устава объ инородческихъ разрядахъ. Поэтому, комиссія нисколько не могла содѣйствовать исполненію завѣтныхъ желаній осѣдлыхъ инородцевъ—уничтоженію разряда осѣдлыхъ. Только нѣкоторыя волости, переведенныя въ осѣдлое состояніе не „по разуму устава“, обращены комиссіей въ разрядъ кочевыхъ, но за то и нѣсколько кочевыхъ сдѣлано ею осѣдлыми. Такъ томскому округу изъ 47 кочевыхъ волостей 43 оставлены въ разрядѣ кочевыхъ, а 3—малокарюковская, малошегарская, курчиковская, курчиковская 1-я переведены изъ кочеваго разряда въ *осѣдлый*. Девять осѣдлыхъ волостей оставлены въ разрядѣ осѣдлыхъ. 389 инородцевъ, зачисленныхъ въ *осѣдлые* и разсѣянныхъ по 29 волостямъ, переведены въ *кочевые*. По кузнецкому округу семнадцать кочевыхъ волостей оставлены въ томъ же разрядѣ; пять осѣдлыхъ волостей оставлены осѣдлыми. Семь кочевыхъ волостей каинскаго округа также переведены въ разрядъ осѣдлыхъ. При этомъ распредѣленіи на разряды, комиссія „имѣла въ виду главнѣйше географическое положеніе земель занимаемыхъ инородцами; ибо разсматривая осѣдлыхъ и кочевыхъ инородцевъ въ отношеніи къ ихъ промышленности было бы трудно допустить какое либо между ними различіе, такъ какъ они равно бѣдны; но мѣстное положеніе волостей, не смотря на общую нищету инородцевъ,

даетъ явное преимущество однимъ передъ другими. Одни изъ нихъ расположены въ климатѣ умѣренномъ, въ мѣстахъ возвышенныхъ, способныхъ къ земледѣлію и окружены русскими селеніями, другіе хотя и не имѣютъ во владѣніи своемъ хлѣбопашныхъ полей, но будучи расположены подъ самымъ губернскимъ городомъ, удобно могутъ замѣнить обработываніе полей другими способами промышленности въ губернскомъ городѣ; остальные же, будучи многочисленнѣе первыхъ, находятся или въ удаленіи отъ русскихъ селеній или примыкая къ нимъ съ одной стороны,—расположены въ климатахъ суровыхъ, на мѣстахъ низкихъ, водопоемныхъ и даже болотныхъ. Руководствуясь симъ взглядомъ, не трудно будетъ опредѣлить предполагаемые разряды, ибо ясно, что въ однихъ изъ тѣхъ волостей инородцы, обладая лучшими мѣстными способами жизни, хотя бы въ настоящее время и оказались по сродной имъ безпечности, не въ желаемомъ благосостояніи, но отъ нихъ самихъ и отъ попеченій мѣстнаго правительства будетъ зависѣть улучшеніе состоянія ихъ. Въ другихъ же мѣстахъ, напротивъ, по невыгодному положенію, нѣкоторыя еще волости долго не будутъ въ состояніи приближаться къ состоянію крестьянскому, и есть такія, кои по физическому положенію земель, кажется, никогда этого и не достигнуть.

Впрочемъ, окончательно ужъ нищихъ инородцевъ комиссія непереводила въ осѣдлые, не смотря на выгодное мѣстоположеніе ихъ волостей. Такъ комиссія нашла, что „хотя инородцы волостей верхнетабаринской, нижнетабаринской и комутской по образу ихъ жизни и по качеству ихъ промысловъ близки уже къ крестьянскому состоянію, но по скудости тѣхъ промысловъ въ настоящее время, они не были въ состояніи взносить всѣхъ податей и повинностей, съ тѣмъ званіемъ сопряженныхъ“. Поэтому комиссія рѣшила „оставить въ разрядѣ кочевыхъ до времени, когда способы ихъ будутъ усилены до возможности уплачивать крестьянскіе оклады“.

Мы уже упоминали выше, что внутреннее волостное управленіе осѣдлыхъ инородцевъ находилось въ большемъ безпорядкѣ. Денежные счеты велись неисправно, недоимки одной волости записывались на другой, инородцы, приписанные къ русскимъ волостямъ, терпѣли различныя притѣсненія со стороны волостнаго начальства, хозяйство нѣкоторыхъ инородцевъ страдало отъ того, что ихъ селенія далеко отстояли отъ той волости, къ которой они были приписаны и т. д. Комиссія старалась по возможности исправить эти безпорядки.

Поэтому она старалась по возможности концентрировать инородческія волости, а тѣхъ изъ инородцевъ, которыхъ неудобно было присоединить къ другимъ, у тѣхъ составляла отдѣльныя управленія, такъ какъ вся спутанность волостныхъ счетовъ происходила отъ разбросанности и передвиженій инородцевъ. Впрочемъ, на переводъ инородцевъ изъ одной волости въ другую комиссія рѣшалась только въ томъ случаѣ, если эти инородцы не имѣли на своемъ мѣстѣ жительства прочнаго, хозяйскаго обзаводства; въ противномъ случаѣ она считала такой переводъ „не согласнымъ съ справедливостью". Кромѣ того, комиссія старалась наблюдать, чтобы инородцы одной и той же волости не были разбиваемы на разные разряды, ибо 1) „сія такъ называемая волость у нихъ не иное что, какъ родъ или улусъ, составляющій, такъ сказать, одно семейство, управляемое собственными старшинами, съ нѣкоторыми правами, основанными на коренныхъ обычаяхъ инородцевъ; и посему инородцы всего болѣе страшатся отдѣляться отъ своего рода и подпадать управленію русскихъ волостей, столь несогласному съ ихъ природными обычаями; 2) если во всей волости одно, два, три и рѣдко пять семействъ не столь бѣдны, какъ другія, то сіе еще не можетъ служить поводомъ къ отторженію ихъ отъ кочевыхъ волостей и лишенію правъ тѣмъ волостямъ присвоенныхъ, за то только, что они были трудолюбивѣе другихъ".

Громадныя недоимки, числившіеся на осѣдлыхъ инородцахъ,

необходимо должны были обратить на себя вниманіе комиссіи. Комиссія держалась вообще того мнѣнія, что недоимокъ прощать не слѣдуетъ, „такъ какъ разъ допущенное сложеніе недоимокъ укореняетъ въ плательщикахъ вредную надежду о возможныхъ повтореніяхъ сихъ случаевъ.“ Но въ тоже время комиссія была убѣждена въ положительной невозможности взыскать эти недоимки; все что можно было взыскать, уже было взыскано мѣстнымъ начальствомъ съ примѣрною строгостью. „Недоимки по волостямъ различны, замѣчаетъ комиссія, а такъ какъ способы жизни всѣхъ осѣдлыхъ инородцевъ почти одинаковы, то безошибочно можно заключить, что гдѣ больше взыскано недоимокъ, тамъ сильнѣе дѣйствовала полиція и болѣе потерпѣли инородцы.“ Поэтому комиссія ходатайствовала о сложеніи недоимокъ, „такъ какъ взыскать ихъ было невозможно, не доведя инородцевъ до совершеннаго раззоренія.“ Недоимки, накопившіеся по 1 января 1832 г., были прощены, „по уваженію разстроеннаго состоянія инородцевъ отъ обременительной экзекуціи и другихъ, допущенныхъ мѣстнымъ начальствомъ злоупотребленій“, какъ сказано въ указѣ сената генералъ-губернатору западной Сибири. Но и за такимъ важнымъ облегченіемъ, какъ сложеніе громадныхъ недоимокъ, осѣдлые инородцы все-таки были не въ состояніи платить всѣ подати и повинности по полному крестьянскому окладу. Комиссія поэтому признала необходимымъ переводить на полный крестьянскій окладъ не вдругъ, а постепенно, замѣчая, что только при этомъ условіи возможно оставить ихъ въ разрядѣ осѣдлыхъ. Поэтому осѣдлые инородцы тобольской губерніи, по предположенію комиссіи, должны были впродолженіи десяти лѣтъ (1840—1850) платить $^2/_3$ крестьянскаго оклада, съ 1 января 1850 г. полный окладъ. По земскимъ же повинностямъ комиссія записала этихъ туземцевъ въ четвертый разрядъ на 10 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы по истеченіи этого срока мѣстное начальство сообразило—возможно ли перевесть ихъ въ высшій разрядъ? Для осѣдлыхъ инородцевъ томской

14*

губерніи была опредѣлена $1/4$ подушныхъ и оброчныхъ податей, съ 1844 по 1854 г. велѣно взимать съ нихъ половинныя крестьянскія подати, а 1 января 1854 г. они переведены на полный окладъ.

Вотъ все, что сдѣлала комиссія для осѣдлыхъ инородцевъ.

Главною цѣлью дѣятельности комиссіи было составленіе окладныхъ книгъ для инородцевъ кочевыхъ и бродячихъ.— Мы уже видѣли выше, что всѣ кочевые и бродячіе инородцы платили до комиссіи 146,460 р., а комиссіей эта подать увеличена до 525,163 руб. Для показанія процентнаго отношенія налоговъ къ степени инородческаго благосостоянія, мы предлагаемъ здѣсь читателю слѣдующія цифры:

Волость обдорская при 1,991 ясачномъ плательщикѣ (мужчины 18—50 л.) обязана платить податей на 8,267 р., да отбывать натуральныхъ повинностей на 2,500 р.; *всего на 10,767 р.* До комиссіи эта волость уплачивала 13—20%, а послѣ комиссіи 23—38% своего ежегоднаго дохода (56—28 тыс. руб.)

Волость котскіе-городки, при 832 плательщикахъ, по окладу комиссіи платитъ на 2,080 р. и отбываетъ натуральныхъ повинностей на 4,500 р.; *всего на 6,580 р.*; т. е. 28—43% своего сбыта (13—15,000 р.)

Волость подгорно-юганская, при 82 ясачныхъ плательщикахъ, платитъ по окладу комиссіи податей 229 р., да отбываетъ натуральныхъ повинностей на 300 р., *всего на 529 р.* т. е. 28—52% сбыта (1,800—1000 р.)

Всѣ 19 волостей березовскаго округа при 5,811 ясачныхъ плательщикахъ по окладу комиссіи должны платить податей на 20,212 р. и отбывать натуральныхъ повинностей на 12,723 р. *всего на 32,935 р.* т. е. 24—39% ихъ сбыта (134,000—84,000 р.).

Волость верхне-кондинская, туринскаго округа, при 100 ясачныхъ плательщикахъ обязана платить податей на 425 р., на земскія повинности 1,404 р., да отбывать натуральной

повинности на 320 р.; *всего на 414 р.* т. е. 28—45% сбыта (4,000—2,500 р.).

Волость лиственичная при 11 ясачных плательщиках платит податей на 35 р., на земскія повинности 63 р., да отбывает натурою на 20 р.; *всего на 118 р.*, т. е. 39—59% сбыта (5,500—4 т.).

Всѣ 11 волостей туринскаго округа платят податей на 5,007 р., на земскія повинности 3,413 р., да отбывают натурою на 1,480 р.; *всего на 9,900 р.*, т. е. 33—49% сбыта (30,000—20,000 р.).

Первая дючина бійскаго округа обязана платить податей 1,330 р. и земских повинностей 356 р.; *всего 1,656 р.*, т. е. 11—20% сбыта (1,500—8,000 р.).

Волость нижнекумандинская платит податей 657 р., земских повинностей на 975 р.; *всего на 1,632 р.*, т. е. 20—40% сбыта (8,000—4,000 р.).

Всѣ же области бійскаго округа платят податей на 10,660 р., на земскія повинности 5,926 р.; *всего на 16,586 р.*, т. е. 13—26% сбыта (125,000—62,500 р.).

Кортульская волость, томскаго округа, платит податей на 400 р., земских повинностей на 395 р., натуральной повинности на 520 р., *всего на 1,315 р.*, т. е. 26—52% годового сбыта (5,000—2,500 р.).

Малочурубаровская волость платит податей 189 р., земских денежных повинностей 208 р., натуральных 430 р.; *всего на 862 р.*, т. е. 33—55% сбыта (2,500—1,500 р.).

Волость большебайгульская-чулымская-остяцкая платит податей 136 р., денежных повинностей 184 р., натуральных на 310 р.; *всего на 632 р.*, т. е. 42—79% сбыта (150 р.—800 р.).

Читатель потрудится сам сравнить сейчас приведенныя нами цифры налогов, положенных комиссіей, с выше данными нами цифрами налогов, платившихся до этой комиссіи. Читатель увидит, что при одном и том же числѣ платель-

щиковъ, и при одной и той же степени ихъ благосостоянія, количество налоговъ значительно увеличилось. Нужно еще замѣтить, что выставленныя нами цифры цѣнности ясака далеко ниже настоящихъ цѣнъ. Мѣха принимаются въ ясакъ не по той цѣнѣ, по которой они обращаются въ частной торговлѣ. Въ Березовскомъ краѣ, напр., соболь въ частной продажѣ стоитъ, смотря по его достоинству, отъ 12 до 20 р., а въ ясакъ тотъ же самый соболь принимается за 4 р. 50 к.—7 р. Въ нарымскомъ краѣ лисица — бѣлодушка стоитъ отъ 7 до 9 р., а въ казну поступаетъ только за 2 р. 85 к., а соболь за 2 р. Кромѣ того количество ясака много увеличивается еще разными побочными обстоятельствами. Для пріема ясака существуютъ извѣстныя правила; мѣха, неподходящіе подъ эти правила, бракуются. Пріемщики, пользуясь этимъ, притѣсняютъ инородцевъ. Вотъ какъ описываетъ сборъ ясака г. О—въ въ своей рукописи о нарымскомъ краѣ. „Въ началѣ мая всѣ инородцы съѣзжаются къ церквямъ для уплаты повинностей и хлѣбныхъ долговъ. Здѣсь происходитъ раскладка ясака; затѣмъ старшины, собравъ ясачнаго звѣря, отправляются въ Нарымъ сдавать ясакъ мѣстному засѣдателю. Старшины пріѣзжаютъ съ своими кандидатами, десятниками и расходчикомъ, который завѣдываетъ общественными деньгами и выдаетъ ихъ, куда слѣдуетъ, по приказанію старшины. — Сдача ясака очень затруднительна для инородцевъ, особенно если взять во вниманіе, что ясачнаго звѣря принимаетъ не самъ засѣдатель, а знакомый съ этимъ дѣломъ пріемщикъ изъ казаковъ... Избѣжать всѣхъ недостатковъ мѣха, въ которымъ можно придраться при пріемѣ ясака, весьма трудно. Поэтому остяку необходимо пріобрѣсть благоволеніе пріемщика, безъ чего послѣдній можетъ не найти ни одного звѣря годнаго въ ясакъ. Дается взятка. Общественныя суммы, привезенныя инородцами, также не лежатъ спокойно. Старшины живутъ въ Нарымѣ съ ясакомъ по мѣсяцу и по два, или за отсутствіемъ засѣдателя или за его недосугомъ. Часто

случается, что старшина искушается зеленымъ-виномъ, и во время его пьянства, у него съ квартиры обыватели воруютъ всѣ общественныя суммы. Въ такомъ случаѣ старшины обыкновенно прибѣгаютъ къ займамъ у нарымскихъ купцовъ. Обязательства составляются на цѣлую волость и купцы берутъ огромные проценты, за 100 получаютъ 150".—Выставленныя нами цифры стоимости земскихъ повинностей также, какъ и цифры ясака, далеко ниже настоящихъ. Эти цифры не заключаютъ въ себѣ оцѣнки слѣдующихъ обстоятельствъ. Для отбыванія подводной повинности кочевые инородцы должны выходить на трактъ изъ своихъ отдаленныхъ кочевьевъ и потомъ снова возвращаться домой. Такимъ образомъ переднiй и обратный нуть простирается иногда до 2,000 верстъ. Сколько стоятъ инородцу эти разъѣзды и потраченное на нихъ время?! Далѣе, отъ усиленной подводной гоньбы ломаются экипажи и падаетъ много скота. Сколько стоитъ это инородцу? Во время отсутствiя его для отбыванiя повинности, голодаетъ его семья, разстраивается его хозяйство, онъ пропускаетъ иногда удобное время охоты. Сколько стоитъ это инородцу? Наконецъ, правомъ безплатно разъѣзжать на инородцахъ, кромѣ чиновниковъ, лекарей, фельдшеровъ, вахтеровъ, миссiонеровъ—пользовались совершенно постороннiя лица, напр., купцы, священники, дьячки, получившiе по кумовству бланки для разъѣздовъ.—Да, и послѣ комиссiи подводная повинность осталась такою же отяготительною, какою была и до нея. Она бываетъ иногда такъ тяжела, что выводитъ изъ себя даже смирнаго и робкаго березовскаго остяка. Случалось въ березовской тундрѣ, что везущiе чиновника инородцы останавливаются, обрѣзываютъ постромки у оленей и уѣзжаютъ на нихъ, оставивъ чиновника одного въ снѣжной пустынѣ, въ добычу волкамъ и жгучему морозу.

Большинство же сибирскихъ дикарей покорно несетъ раззорительныя повинности и въ конецъ раззоряется подъ ихъ нестерпимою тяжестью. Для обрисовки этого дѣла укажемъ

на нѣкоторые факты. Такъ, напр., въ сороковыхъ годахъ тунгусы, кочевавшіе у залива Аянъ въ числѣ 600 человѣкъ, были причислены къ Амгинской церкви, отстоящей отъ ихъ кочевья на 850 верстъ. Для исполненія христіанскихъ обязанностей они должны были отправляться на назначаемое выѣзжавшимъ изъ Якутска священникомъ мѣсто. Этотъ выѣздъ часто бывалъ во время рыбной ловли, когда тунгусы запасаются пищею на цѣлую зиму. Выѣзжая въ это время на назначаемое попомъ мѣсто, они не успѣвали заготовлять припасовъ на зиму и принуждены были терпѣть голодъ. Для священника тунгусы должны были приготовлять на Хахарскомъ урочищѣ два плота, на 15 лошадей каждый, а на Чумаканѣ десять лодокъ съ гребцами. То же было при разъѣздахъ лекаря съ фельдшеромъ для прививки оспы. Для пріобрѣтенія свинца и пороха тунгусы должны были выходить, на встрѣчу ѣздившаго по округу исправника, къ Нелькану, за 250 в. Если исправникъ выѣзжалъ лѣтомъ, то тунгусы, выѣзжая къ Нелькану, принуждены были бросать рыбную ловлю; если же выѣздъ исправника случался зимой, то не имѣя ни оленей, ни собакъ, многіе не могли выѣзжать къ нему. Для сбора ясака исправникъ ѣздилъ по стойбищамъ, имѣя съ собою по пяти и болѣе нартъ, слѣдовательно по 36 — 56 собакъ, которыхъ тунгусы должны были кормить собственными оленями. Въ сборѣ ясака не было ни системы, ни справедливости. Исправники брали ясакъ только съ тѣхъ тунгусовъ, которыхъ встрѣчали и брали съ нихъ все количество, слѣдуемое съ рода. Кромѣ того, на тунгусовъ падала особенная повинность продовольствія осѣдлыхъ русскихъ жителей. При каждомъ не уловѣ рыбы, а слѣдовательно, при каждой голодовкѣ, обыватели Гижиги отгоняли у инородцевъ цѣлые табуны оленей. Начальство покровительствовало этому и отгоняло оленей и на свою долю. Дѣйствительность этихъ отгоновъ подтверждается офиціальными актами. Вотъ, напр., одинъ изъ многихъ случаевъ. Въ 1839 г. корякъ Кегылтыевъ

кочевалъ на р. Таловкѣ. Пріѣхалъ лекарь Ивановъ и объявилъ ему, что по случаю голодовки въ Гижигѣ, онъ долженъ прикочевать со своими оленями къ городу. Только по усиленымъ просьбамъ Кегылтыева ему дозволено вмѣсто Гижиги идти къ Паренгѣ, гдѣ взяли у него и тотчасъ угнали въ Гижигу всѣхъ оленей. Число оленей, отнятыхъ у инородцевъ русскими было: въ 1816—1818 г. на 9,194 р., въ 1826—1828 г. на 5,707 р.; въ 1832 г. на 2,435 р.; въ 1840 г. на 2,060 р.; въ 1841—1843 г. на 2,990 ꙩ. и т. д. Все это было записано, какъ доброхотныя пожертвованія инородцевъ. Тунгусы-„жертвователи“ окончательно раззорились и многіе изъ нихъ умерли съ голода.

Комиссія понимала, что новые налоги очень велики: а такъ какъ она собственнымъ опытомъ убѣдилась во всеобщей бѣдности кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ, то для успѣшнаго взиманія съ нихъ налоговъ на будущее время, она признала необходимымъ сложить съ нихъ недоимки, накопившіеся по 1 января 1834 г. Такъ какъ до комиссіи, вслѣдствіе небрежности и злоупотребленій земской полиціи, къ платежу податей были привлеваемы иногда люди неспособные ни къ какой работѣ, то комиссія положила включить въ число плательщиковъ только мужчинъ 18—50 лѣтъ. Увѣчныхъ же комиссія положила не исключать изъ числа податныхъ плательщиковъ, по невозможности дѣлать имъ во всякое время освидѣтельствованіе. — Комиссія старалась кромѣ того устроить родовое управленіе кочевыхъ инородцевъ по точному смыслу уложенія, ибо—„могутъ-ли съ успѣхомъ ими управлять родоначальники кочевыхъ волостей, сіи дикари, начальники только по имени!“

Устройство родовыхъ управъ у кочевыхъ и волостныхъ правленій у осѣдлыхъ инородцевъ было, впрочемъ, передано на долю мѣстныхъ начальствъ, такъ какъ это дѣло требовало не мало предварительной работы. Нужно было назначить мѣста, гдѣ быть управамъ, составить карту инородческихъ

поселеній, приписать къ этимъ управамъ стойбища, убѣдить инородцевъ въ необходимости содержанія этихъ управленій и т. д. Но съ самаго начала эти планы начали разбиваться о вопіющую бѣдность инородцевъ и ихъ упорные отказы — содержать эти управленія. Такъ инородцы орской волости колыванскаго округа въ своемъ волостномъ приговорѣ (1831 г.) положили просить начальство объ оставленіи у нихъ прежняго старшинскаго управленія. Въ 1835 г. бійскій исправникъ доносилъ, что инородцы кокшинскаго улуса и смоленской волости „по малочисленности своей и разсѣянности по разнымъ губернскимъ, заводскимъ и инородческимъ деревнямъ и форпостамъ, равно и по бѣдному ихъ состоянію, не могутъ ни желать, ни предпринять учрежденія волостнаго управленія, требующаго на содержаніе его издержекъ, превышающихъ ихъ состояніе. Большая часть изъ нихъ такъ бѣдны, что не въ силахъ почти снискивать пропитанія, сколько отъ тѣсноты и неудобства земель, ими занимаемыхъ, столько и отъ непривычки нѣкоторыхъ къ полному крестьянскому хозяйству“. Кузнецкій исправникъ писалъ, что „нѣкоторые изъ инородцевъ не желаютъ учреждать у себя волостныхъ управленій по совершенной бѣдности, другіе по бѣдности, происшедшей отъ не урожая въ прошлыхъ годахъ хлѣба и уплачиванья болѣе восьми лѣтъ податей и повинностей за умершія и престарѣлыя души“. Подобные же приговоры составлялись и кочевыми инородцами. Томскій исправникъ доносилъ, что они „просятъ избавить ихъ отъ учрежденія у нихъ инородческихъ управъ, по ихъ бѣдности и малочисленности“. О томъ же просили инородцы каинскаго и другихъ округовъ. Само собою понятно, что мѣстное начальство должно было отказывать просителямъ и продолжать свое дѣло по устройству волостнаго и родового управленія инородцевъ. Но успѣха не было! Вотъ что говорится въ журналѣ томскаго губернскаго совѣта, 13 сентября *1865 г.*: „дѣло это по прошествіи *сорока лѣтъ* не приведено въ положительную ясность; оно не

заключаетъ въ себѣ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать заключеніе о томъ — что и какъ слѣдуетъ учредить между инородцами. И это весьма естественно. Мѣстное начальство, дѣлая распоряженія, не указывало способовъ, не давало средствъ исполнителямъ своихъ распоряженій… Всѣ сорокъ лѣтъ прошли въ одной сухой и совершенно безплодной перепискѣ. Собиратели статистическихъ данныхъ и составители картъ дѣйствовали крайне небрежно и эти матерьялы ни куда не годятся. Землемѣръ Маньковъ, напр., при описаніи инородцевъ нарымскаго края говоритъ, что все народонаселеніе его состоитъ изъ „бѣлыхъ и черныхъ калмыковъ, татаръ, телеутовъ и киргизъ!..“ Губернскій совѣтъ рѣшилъ поэтому, „настоящую переписку, безрезультатно тянувшуюся сорокъ лѣтъ, обременительную для должностныхъ лицъ и совершенно безполезную для инородцевъ, прекратить и… начать дѣло снова!“

Нашъ очеркъ не былъ бы полнымъ, если бы мы не упомянули, что инородцы дѣйствовали не однимъ только легальнымъ путемъ для избавленія себя отъ подчиненія уставу Сперанскаго о разрядахъ. Нѣкоторые старались избавиться отъ этого устава посредствомъ бѣгства. Такъ во время переобложенія инородцевъ восточной Сибири ясакомъ, остались необложенными 128 человѣкъ тунгусовъ, якутовъ и коряковъ, бѣжавшихъ отъ этой переписи. Такъ въ 1827, многіе инородцы шуйской волости кузнецкаго округа, желая избавиться отъ обязанностей осѣдлаго состоянія, удалились въ Алтайскія горы. Бывали даже случаи бунтовскихъ замысловъ и покушеній. Въ 1827 г. тобольскій прокуроръ донесъ министру юстиціи, что остяки Березовскаго края составили заговоръ напасть на Обдорскъ во время ярмарки и перебить всѣхъ русскихъ. Это развѣдали управляющій обдорскимъ отдѣленіемъ и бывшій въ Березовѣ при ученой экспедиціи штурманъ Ивановъ. Губернаторъ, Бантышъ-Каменскій, самъ отправился въ Березовскій край для разслѣдованія этого дѣла. Хотя это разслѣ-

дованіе и не доказало упомянутаго замысла, однако несомнѣнно, что онъ существовалъ. Нѣкоторые остяки высказывались русскимъ, что „если ихъ будутъ принуждать къ принятію христіанства, то они всѣхъ русскихъ перебьютъ во время ярмарки въ Обдорскѣ“. Самоѣдскій старшина Пайголъ говорилъ губернатору: „всѣ самоѣды находятся въ страхѣ отъ слуховъ, будто хотятъ ихъ насильно крестить, чего они никакъ не желаютъ“. О штурманѣ Ивановѣ, присланномъ для описанія острова Бѣлаго, самоѣды думали, что онъ присланъ для размежеванія ихъ земель и что эти земли хотятъ отнять у нихъ. Самоѣды рѣшительно отказались давать Иванову подводы, говоря губернатору: „пускай снимутъ лучше съ насъ головы, а подводъ мы не дадимъ“. — Обдорскіе остяки убѣдительно просили губернатора избавить ихъ отъ платежа повинностей; они говорили, что „имѣютъ одинаковую жизнь и одинакіе промыслы съ самоѣдами, но сіи послѣдніе, пользуясь тѣми же землями и рѣками, какъ и остяки, избавлены отъ повинностей, а съ остяковъ оныхъ требуютъ“. Хотя губернаторъ съумѣлъ на этотъ разъ успокоить дикарей, но ихъ бунтовскіе замыслы не прекратились и черезъ нѣсколько лѣтъ созрѣли уже до открытаго бунта. Это былъ бунтъ самоѣдовъ подъ предводительствомъ Ваули Піеттомина. Сначала Піеттоминъ съ своею шайкою долго бродилъ около Урала, занимаясь разбоями и отгономъ оленей. Въ 1839 г. онъ былъ схваченъ березовскою земскою полиціей, наказанъ плетьми и сосланъ въ самую отдаленную волость Сургутскаго поселенія. Но пробывъ здѣсь не болѣе двухъ мѣсяцевъ, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Майри Ходакымъ. Занявшись снова разбоями, онъ въ то же время запасался разнымъ оружіемъ—луками, копьями, винтовками и большими ножами. Склонивъ на свою сторону самоѣдовъ, онъ обѣщалъ имъ, что *понизитъ цѣны на всѣ продаваемые купцами припасы, что вмѣсто взимаемаго въ казну ясака въ 2 песца, онъ установитъ по одному* и будетъ повелителемъ всей сѣверной стороны

Урала. Вскорѣ около него собралось 400 вооруженныхъ инородцевъ. Съ ними онъ отправился въ январѣ 1841 г. на оленяхъ къ Обдорску. За сутки ѣзды до города, бунтовщики остановились и задерживали всѣхъ самоѣдовъ, ѣхавшихъ въ Обдорскъ на ярмарку и для взноса ясака. Піеттоминъ смѣнилъ въ тоже время обдорскаго князька, назначивъ на его мѣсто остяка Муржана. Всѣ жители Обдорска были въ страхѣ. Исправникъ Скорняковъ, для разузнанія о числѣ и вооруженіи бунтовщиковъ, отправилъ къ нимъ мѣщанина Нечаевскаго, хорошо знакомаго и съ мѣстностью и съ инородцами. Нечаевскій встрѣтилъ бунтовщиковъ за 150 в. отъ Обдорска и былъ ласково принятъ ими. Онъ сказалъ Піеттомину, что въ городѣ ничего не знаютъ объ его замыслахъ и звалъ его къ себѣ въ гости. Шайка отправилась вмѣстѣ съ Нечаевскимъ на восьмидесяти нартахъ. На 25 верстъ до Обдорска имъ встрѣтился обдорскій князекъ, Піеттоминъ началъ его ругать и хотѣлъ бить бывшимъ при немъ оленьимъ рогомъ, но былъ удержанъ отъ этого Нечаевскимъ. Князекъ кланялся въ ноги Піеттомину, цѣловалъ у него руки и обѣщалъ ему дань. 14-го января вся шайка прибыла въ Обдорскъ и Піеттоминъ остановился въ домѣ князька. Въ то время, какъ его угощали здѣсь, исправникъ съ казаками и торговцами напалъ на шайку и разогналъ ее. Потомъ схватили и самого Піеттомина. Шесть главныхъ виновниковъ были тотчасъ закованы въ кандалы и отправлены въ Березовъ. На слѣдственныхъ допросахъ открылось, что они были намѣрены ночью напасть на Обдорскъ, зажечь церковь и идти по домамъ колоть русскихъ, и разграбивъ всѣ дома, уйти за рр. Тазъ и Енисей. Піеттоминъ и главные его соучастники сосланы въ В. Сибирь на каторгу.

Такимъ образомъ, уставъ Сперанскаго не привелъ сибирскихъ инородцевъ къ тому благосостоянію, которое, конечно, имѣлъ въ виду составитель этого устава. Впрочемъ, нѣкоторые изъ самыхъ многочисленныхъ инородческихъ племенъ

въ описываемый нами періодъ достигли значительной степени благосостоянія, и поэтому неудобства устава оказали на нихъ гораздо менѣе вліянія, чѣмъ на другихъ инородцевъ. Мы разумѣемъ здѣсь бурятъ и якутовъ. Буряты, живущіе въ окрестностяхъ Иркутска и другихъ значительныхъ русскихъ поселеній, еще въ XVIII в. начали обращаться къ земледѣлію. Уже во время путешествія Георги (1772 г.) буряты начали заниматься земледѣліемъ. Вскорѣ послѣ Георги они сдѣлали въ этомъ отношеніи значительные успѣхи. Главный тайша хоринскаго рода въ концѣ XVIII в. въ особенности старался содѣйствовать перехода своего народца въ осѣдлое земледѣльческое состояніе. При немъ 1,200 бурятъ сдѣлались осѣдлыми земледѣльцами и въ 1802 г. уже привезли въ Иркутскъ 15,000 пудовъ своей муки. Въ 1803 г. родоначальники двѣнадцати бурятскихъ колѣнъ верхнеудинскаго округа также изъявили желаніе заняться земледѣліемъ, прося у правительства сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій. По повелѣнію Александра I, имъ было выдано то и другое. Имъ также помогли въ этомъ дѣлѣ и ихъ соотечественники, хоринскіе земледѣльцы, снабдивъ ихъ скотомъ и сѣмянами. Въ инструкціи Селифантову, данной при назначеніи его сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, предписывалось поощрять и поддерживать бурятское земледѣліе. И этотъ пунктъ инструкціи дѣятельно приводился въ исполненіе. Иркутскій губернаторъ Трескинъ даже силою заставлялъ бурятъ взяться за соху,—и это едва ли не самое разумное изъ дѣйствій Трескина, такъ заклеймившаго свое имя передъ современниками и потомствомъ. Въ 1839 году буряты уже засѣвали хлѣбомъ 84,479 десятинъ, въ томъ числѣ хоринцы 21,400 дес. Въ настоящее время бурятское земледѣліе находится въ цвѣтущемъ состояніи. Буряты доставляютъ гораздо лучшій хлѣбъ, чѣмъ русскіе, благодаря тому, что они несравненно лучше русскихъ обработываютъ свои поля, орошая ихъ посредствомъ канавъ и удобряя, чего русскіе въ Сибири не дѣлаютъ. Къ

сожалѣнію мы не имѣемъ численныхъ данныхъ о современномъ состояніи бурятскаго земледѣлія; рукописныхъ офиціальныхъ свѣденій объ этомъ у насъ нѣтъ, а въ печатныхъ источникахъ этого не найдти: даже въ такомъ изданіи, какъ географическій словарь Семенова, въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, касающихся инородцевъ, приведены только цифры тридцатыхъ годовъ. Мы можемъ привести только двѣ численныхъ данныхъ. Въ иркутскомъ округѣ земледѣліемъ занимается около 40,000 бурятъ мужского пола. Въ 1864 г. всего хлѣба въ иркутской губерніи посѣяно 441,839 четвертей, снято 1,481,273 четверти; около $^1/_3$ этого хлѣба принадлежало инородцамъ. А въ Забайкальѣ, съ усиліемъ запроса хлѣба на Амуръ, бурятское земледѣліе значительно усилилось. По офиціальнымъ свѣденіямъ, доставленнымъ въ забайкальское областное правленіе въ 1857 г., буряты посѣяли хлѣба 19,344 четверти, а въ 1858 г. 38,971 четв. Благодаря такому успѣшному переходу къ земледѣлію, буряты въ настоящемъ столѣтіи пользовались несравненно лучшимъ положеніемъ, нежели какіе нибудь другіе инородцы.

Якуты, какъ извѣстно, славятся своимъ скотоводствомъ, которое достаточно гарантируетъ ихъ отъ тѣхъ неудачъ въ промыслахъ, которые такъ часто поражаютъ другихъ инородцевъ и которые часто за собой ведутъ совершенное раззореніе дикарей, даже голодную смерть. Кромѣ того якуты не чужды и земледѣлія, не смотря на всю угрюмость окружающей ихъ природы. Еще въ 1839 году якуты намскаго улуса получали со своихъ пашень 1 четв. хлѣба, канталасскаго улуса 238 четв., батурусскаго 317, борогонскаго 11, мегинскаго 198. Конечно, количество добываемаго хлѣба незначительно, но нужно вспомнить, что и у русскихъ жителей якутской области земледѣліе находится въ жалкомъ положеніи. Благодаря своему скотоводству, якуты зажиточнѣе и счастливѣе всѣхъ другихъ инородцевъ сѣверовосточной Сибири. Якуты и буряты, какъ увидимъ ниже, размножаются

чрезвычайно быстро, въ то время какъ другіе инородцы, не пользующіеся такимъ же счастливымъ положеніемъ, или постепенно вымираютъ, или размножаются чрезвычайно медленно.

III

Религіозное состояніе инородцевъ. Водвореніе между ними образованія. Общія замѣтки объ ихъ нравахъ.

Съ конца XVIII и въ особенности съ начала XIX в. въ Сибири вполнѣ утвердились буддизмъ и исламъ.

По словамъ буддійской мифической легенды, распространеніе буддизма между шаманистами совершалось далеко немирными средствами. Шакьямуни, говоритъ легенда, объявилъ себя противникомъ всѣхъ шамановъ и осудилъ ихъ на погибель. Будучи на одномъ состязаніи съ представителями *Черной вѣры*, Шакьямуни рѣшилъ ихъ участь однимъ мановеніемъ руки: едва коснулся онъ своего трона, земля потряслась и раздался дикій голосъ, похожій на ревъ слона; явились изъ земли духи и начали поражать шамановъ. Несчастные искали спасенія въ бѣгствѣ, но рѣка преградила имъ путь, и погибель ихъ сдѣлалась неизбѣжною. Изъ 600,000 уцѣлѣло только 200 шамановъ. — То, что легенда приписываетъ Буддѣ, было совершено въ Сибири его фанатическими проповѣдниками, ламами. Въ XVIII в. они толпами проникали къ бурятамъ, истребляли шамановъ, строили свои капища и водворяли такимъ образомъ религію Будды. Сами буряты охотно обращались въ ту вѣру, которую исповѣдуютъ ихъ соотечественники монголы. Благодаря религіи, буряты входили все болѣе и болѣе въ тѣсныя сношенія съ Тибетомъ и Монголіей. Тамъ живутъ папы буддійскаго міра—Далай-Лама и Кутухта; оттуда привозятся идолы, священныя книги и засушен-

ные экскременты Далай-Ламы, съ благоговѣніемъ вкушаемые буддистами; оттуда выходятъ ламы и хубилганы, т. е. мужи, взошедшіе на степень божественности по очистительной лѣстницѣ метемпсихоза. Плотскимъ отечествомъ для бурята-буддиста служитъ Монголія, духовнымъ отечествомъ для него сдѣлался Тибетъ. Желая создать для буддизма новый центръ въ Сибири и тѣмъ по возможности предупредить вѣроятное выселеніе изъ нея бурятъ, правительство рѣшилось учредить въ Забайкальѣ особую высшую духовную власть для сибирскихъ буддистовъ. Въ 1764 г. Ширетуй цонгольскаго доцана на правомъ берегу Чикоя, былъ облеченъ упомянутою властью съ титуломъ *бандидо-хамболамы*. Это званіе оставалось за цонгольскимъ настоятелемъ до 1808 г., когда, послѣ продолжительной борьбы, оно перешло къ настоятелю гусиноозерскаго доцана, за которымъ и было утверждено правительствомъ. Хамбо-лама избирается сходкою при селегинской степной думѣ изъ родоначальниковъ бурятскаго народа и изъ депутатовъ 34 буддійскихъ приходовъ. Избираются такимъ образомъ три кандидата, и достойнѣйшаго изъ нихъ генералъ-губернаторъ представлялъ на высочайшее утвержденіе. Прежде, при вступленіи въ свою должность, хамбо-лама давалъ присягу въ томъ, что онъ обязывается ревностно поддерживать и распространять въ Россіи буддійскую вѣру; нынѣ эта странная присяга уничтожена. Хамбо-ламѣ принадлежитъ высшая власть надъ всѣми буддійскими монастырями Забайкалья, которыхъ прежде было утверждено правительствомъ 11, а по положенію 15 мая 1853 г.—34. Къ каждому доцану приписанъ церковный приходъ, въ которомъ ламы этого доцана обязаны за плату, конечно, совершать требы. Кромѣ этой платы за требы ламы имѣютъ доходы отъ доброхотныхъ приношеній міранъ и отъ продажи идоловъ, молитвъ, поясовъ и другихъ церковныхъ предметовъ по таксѣ, ежегодно утверждаемой военнымъ губернаторомъ забай-

кальской области. Кромѣ того доцанамъ отведены такія прекрасныя и обширныя земли, какихъ не имѣютъ лучшіе православные монастыри въ Сибири. Къ гусиноозерскому доцану примежеваны 1,500 десятинъ, къ агинскому 1,400, цонтольскому и аларскому 1,200; самые незначительные доцаны имѣютъ по 350 десятинъ. Количество этой земли сообразуется съ числомъ штатнаго духовенства въ доцанѣ. На долю хамбо полагается 500 дес., на ширетуя 200, на ламу 60, на бандія 30, на хуварака 15 десятинъ. Денежные доходы доцана дѣлятся на 10 частей, изъ которыхъ $^1/_{10}$ поступаетъ хамбо-ламѣ, $^2/_{10}$ ширетуямъ, $^3/_{10}$ на содержаніе доцановъ, а остальные $^4/_{10}$ дѣлятся между ламами и бандіями. Всѣ ламы освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, отъ всѣхъ казенныхъ и общественныхъ повинностей, даже отъ казачьей службы, если лама казачьяго происхожденія. Ламы болѣе другихъ сословій свободны отъ надзора русскихъ властей, потому что подчинены хамбо-ламѣ, который зависитъ непосредственно отъ генералъ-губернатора.

Благосклонное покровительство, оказанное буддизму въ Сибири, вело за собою его быстрое распространеніе въ этомъ краю. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1741 г., оказалось, что большинство бурятъ держатся шаманской вѣры, а у буддистовъ было только 11 доцановъ и 150 ламъ. Число это было утверждено комплектнымъ; но въ 1831 г. оказалось буддистовъ 85,000, а ламъ 3,514; въ 1848 г. буддистовъ—125,000, а ламъ—4,546. Правительство въ 1853 г. сочло необходимымъ нѣсколько ограничить такое быстрое распространеніе буддизма и въ особенности ограничить число тунеядцевъ—ламъ. Но положеніе 1853 г. остается далеко недостигающимъ своей цѣли, и ламы умѣютъ поддерживать тѣ безпорядки, для пресѣченія которыхъ было издано это положеніе.

По буддійскому ученію, ламы есть ничто иное, какъ аскеты, не имѣющіе никакого отношенія къ мірянамъ; но у насъ въ Сибири ламы отличаются крайнею распущенностью и раз-

вращенностью. Ламы держатъ обыкновенно по нѣскольку наложницъ и незаконныхъ своихъ дѣтей держатъ при себѣ подъ именемъ племянниковъ. Къ этимъ незаконнымъ дѣтямъ переходятъ по наслѣдству самыя лучшія ламскія должности; ламское сословіе такимъ образомъ представляетъ собою родъ жреческой касты. Даже должность хамбо-ламы передается иногда по наслѣдству; послѣдній хамбо Чойванъ-Дорджи-Иши-Чжамсуевъ, замѣчательный своею глупостью и своимъ шестнадцати-пудовымъ тѣломъ, былъ незаконный сынъ прежняго хамбо-ламы, имѣлъ много дѣтей и умеръ отъ излишняго угощенія на свадьбѣ своей дочери. Кромѣ своихъ родственниковъ ламы стараются увеличить силу и численность своего сословія посредствомъ вербовки въ число своихъ учениковъ дѣтей постороннихъ имъ бурятъ. Не смотря на запрещеніе начальства, они обрекаютъ въ духовное званіе множество дѣтей, часто при самомъ ихъ рожденіи. Своимъ нравственнымъ вліяніемъ на суевѣрныхъ прихожанъ, они заставляютъ ихъ отдавать въ это званіе своихъ дѣтей вслѣдствіе обѣтовъ, сдѣланныхъ для предотвращенія несчастія или устраненія болѣзней, угрожающихъ смертью имъ или скоту ихъ. Ламы берутъ къ себѣ мальчиковъ съ самого малолѣтства, учатъ ихъ читать по-монгольски и по-тибетски и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляютъ ихъ работать на себя. Этимъ пріобрѣтаютъ они огромное вліяніе въ семействахъ своихъ учениковъ. Сами ламы крайне невѣжественны, и все ихъ образованіе состоитъ въ одномъ умѣньи читать по-монгольски и по-тибетски, но читать безъ всякаго пониманія смысла. Многіе ламы—чистые атеисты, въ роди послѣдователей Конфуція; они не вѣрятъ ни въ Будду, ни въ три драгоцѣнности, ни въ спасительную силу экскрементовъ Далай-Ламы, книги свои считаютъ собраніемъ сказокъ и съ наглымъ безстыдствомъ признаются, что они поддерживаютъ свою вѣру только для глупой черни. Они стараются содержать народъ въ невѣжествѣ, лишеніяхъ и грязи кочевой жизни, изъ боязни, чтобы,

полюбивши русское просвѣщеніе и удобства русской осѣдлой жизни, онъ не принялъ бы и русской вѣры. Они стараются поддержать въ нихъ сердечную привязанность къ Монголіи и Тибету, откуда приходятъ къ нимъ хубилганы, обирающіе ихъ до нитки ради своего высокаго сана. Пользуясь своимъ жреческимъ авторитетомъ, ламы угнетаютъ и раззоряютъ бурятъ. Они воспользовались шаманскими суевѣріями бурятъ и обезобразили примѣсью ихъ чистое ученіе Будды, учредивъ многочисленныя *гурумы* или требы, которыя есть ничто иное, какъ заимствованныя изъ шаманства отчитыванья, наговоры, жертвоприношенія и ворожба. Ламы—непремѣнные члены на родинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, при чемъ они пускаютъ въ ходъ все свое наглое шарлатанство, чтобы вытянуть послѣднюю овцу у бѣднаго бурята. Даже понынѣ случается, что послѣ смерти бурята ламы силою растаскиваютъ все его имущество, продаютъ даже его юрту, а его семейство пускаютъ по міру. Плата за похороны простирается до 80 и больше скотинъ; другія требы оплачиваются въ такой же степени. Можно себѣ послѣ этого представить, какъ вредно дѣйствуетъ на благосостояніе бурятъ ихъ духовное сословіе и какъ эта каста шарлатановъ-грабителей задерживаетъ переходъ бурятскаго племени въ область высшей культуры.

Точно такое же вліяніе на судьбу инородцевъ имѣетъ и магометанское духовенство. Въ XIX в. исламъ уже не претерпѣвалъ въ Сибири тѣхъ гоненій, которымъ онъ подвергался въ XVII и XVIII в. отъ тобольскихъ архіереевъ. И онъ утвердился въ Сибири, преимущественно въ западной, также прочно, какъ буддизмъ въ восточной. Въ 1851 г. въ Сибири было 188 мечетей, въ томъ числѣ 148 въ одной тобольской губерніи; муллъ было 237. Поддерживая въ своихъ прихожанахъ религіозный фанатизмъ и суевѣріе, муллы также безцеремонно обираютъ магометанъ, какъ ламы буддистовъ, и тѣмъ много содѣйствуютъ обѣдненію инородцевъ. Невѣжественные, даже едва умѣющіе читать сибирскіе муллы

держатъ въ такомъ же невѣжествѣ все магометанское населеніе, и содержимыя при мечетяхъ школы приносятъ только денежную пользу самимъ мулламъ.

Ламы и муллы всегда противодѣйствовали своимъ нравственнымъ вліяніемъ на инородцевъ распространенію между ними христіанства. И реакція христіанству этихъ жрецовъ всегда была успѣшна, потому что она встрѣчала полное сочувствіе со стороны инородцевъ. Всѣ инородцы Сибири, какъ буддисты и магометане, такъ и шаманисты, любятъ свою національность и боятся потерять ее, сдѣлавшись христіанами. Въ ихъ понятіяхъ слово *вѣра* вполнѣ синонимируетъ съ словомъ *культура*, и принять русскую вѣру для инородца значитъ тоже, что сдѣлаться русскимъ, принять русскіе обычаи, устроить всю свою внѣшнюю обстановку по русскому образцу. И вотъ березовскіе самоѣды, защищавшіе въ XVIII в. свою вѣру и свою національность съ оружіемъ въ рукахъ, до сихъ поръ остались упорными шаманистами. Въ 1828 г. они готовы были даже взбунтоваться, вслѣдствіе распространенныхъ между ними ложныхъ слуховъ о намѣреніи начальства силою обратить ихъ къ христіанству. Обскіе остяки, по словамъ Кастрена, давно уже желаютъ поселиться по берегамъ Оби осѣдлыми рыболовными деревнями, но ихъ удерживаетъ отъ этого боязнь миссіонеровъ. И они раздробляются на отдѣльныя семейства, которыя изъ страха встрѣчи съ миссіонерами все болѣе и болѣе удаляются въ глубь лѣсовъ, окончательно разстроивая тѣмъ свое благосостояніе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ съ Алтая (въ Archiv Ermann's) д-ръ Радловъ говоритъ, что основаніе алтайской миссіи встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны зайсановъ, и число новокрещеныхъ до сихъ поръ еще незначительно (около 3,000 ч.) „Какъ въ каждомъ побѣжденномъ народѣ, такъ и у калмыковъ (говоритъ Радловъ) является противодѣйствіе господствующему племени. Калмыкъ боится утратить свою національность, сближаясь съ русскими, и потому всегда ста-

рается держать себя дальше отъ нихъ. Русскія колоніи обхватываютъ Алтай, и по многимъ уже рѣкамъ русскіе далеко проникли во внутренность страны. Калмыкъ бѣжитъ отъ нихъ, удаляется все дальше и дальше въ горы и постепенно бѣднѣетъ, лишаясь прекрасныхъ луговыхъ мѣстъ. Калмыкъ считаетъ миссію учрежденіемъ, воздвигнутымъ на его погибель; онъ удаляется отъ нея, насколько это возможно; крѣпко привязывается къ старымъ нравамъ и обычаямъ и смотритъ на перешедшихъ въ христіанство, какъ на отступниковъ". То же самое свидѣтельствуетъ относительно бурятъ начальникъ забайкальской миссіи еп. Веніаминъ. „Крещенный бурятъ", пишетъ онъ „среди своихъ некрещеныхъ соотечественниковъ есть всегдашній мученикъ, и самая бдительная полиція не въ состояніи защитить его отъ притѣсненій его родовичей—язычниковъ". Буряты большіе индифферентисты. Случается, что буряту шаманисту служитъ молебенъ лама; бурятъ молится, затѣмъ покупаетъ восковую свѣчу и идетъ молиться въ русскую церковь, а потомъ призываетъ къ себѣ шамана и приноситъ жертву своимъ идоламъ. Большинство бурятъ давно уже приняло бы христіанство, если бы отъ этого не удерживали ихъ нѣкоторыя, не касающіяся самого христіанства побужденія, и прежде всего любовь къ своей національности. По словамъ протоіерея Ц. Громова, коряки, кочующіе около Тигиля, радушно встрѣчали миссіонеровъ; но на предложеніе креститься, они отвѣчали, что „боятся съ принятіемъ русской вѣры сдѣлаться такими же злыми и нечестными, какъ тигильскіе казаки". Чаукоцкій шаманъ Тнепа такъ отвѣчалъ на проповѣдь миссіонера Аргентова. „Вы — люди русскіе, Богъ далъ вамъ и вѣру русскую, и лошадей; мы люди чаукчи, Богъ далъ намъ и вѣру чаукоцкую, и оленей. И такъ вы, русскіе, вѣруйте по русски и оставайтесь съ вашими лошадьми; а мы, чаукчи, будемъ вѣровать по чаукоцки и останемся съ нашими оленями. Богъ же, присматривающій за всѣми вѣрами и всѣми народами, будетъ глядѣть съ неба и

наблюдать—по русски-ли живутъ русскіе, по чаукоцки-ли—чаукчи". Другой чаукча говорилъ г. Аргентову: „я былъ молодъ; русскіе предлагали мнѣ свое знакомство, лаская дружбою; сопротивляться было нельзя, и я окрестился. Теперь я гляжу на былое иными глазами, стариковскими! Что принесло намъ крещеніе? Испыталъ я на себѣ, видѣлъ и надъ другими, что, крестившись, люди бѣднѣютъ, стада ихъ уменьшаются, олени переводятся; да и самые люди переводятся, съ тѣхъ поръ какъ начали креститься. Стариковъ почти вовсе не стало. Многіе умерли не полюдски. Въ старину не водилось этого съ нашимъ народомъ. Бывало, всѣ наши умирали по нашему. Нѣтъ, я не позволю никому креститься и самъ хочу умереть по человѣчески". Когда кончилъ эту рѣчь старшина Ульвекъ, стоявшій тутъ молодой шаманъ, обратясь къ чаукчамъ, выразительно произнесъ: „не надобно!" а миссіонеру—„не хотимъ!" и вышелъ изъ шатра. Сынъ Ульвека говорилъ: „мы живы оленями и безъ нихъ намъ нельзя быть живыми въ здѣшнемъ краѣ. Уменьшенія въ стадахъ не желаемъ, къ нищитѣ не расположены, креститься не хотимъ"! Это убѣжденіе о гибельномъ вліяніи русской вѣры на экономическое благосостояніе сильно распространено между инородцами. На обращеніе въ христіанство они смотрятъ, какъ на переходъ къ нищетѣ. Поэтому нѣкоторые изъ нихъ готовы употребить всѣ усилія, чтобы остаться не христіанами. Дѣятельная оппозиція, съ цѣлью отстоять свою вѣру, случалась и въ настоящемъ вѣкѣ, также какъ и въ XVIII. Такъ въ 1830-хъ годахъ сильно волновались жители сѣверной Камчатки, видя расширеніе дѣятельности тогдашней миссіи. Они говорили, что съ утвержденіемъ между ними русскаго духовенства уменьшается звѣриные и рыбные промыслы, усилятся болѣзни. Волненіе принимало широкіе размѣры; инородцы замышляли силою противиться постройкѣ у нихъ церквей и пропагандѣ миссіонеровъ. Но строгія мѣры начальника Камчатки Голенищева положили конецъ этому волненію.

Кромѣ боязни потерять послѣ обращенія въ христіанство свою національность, инородцевъ удерживаетъ отъ обращенія еще убыточность новыхъ, повинностей, сопряженныхъ съ принятіемъ православія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ томской губерніи, даже очень недавно крестившихся инородцевъ переводили въ разрядъ осѣдлыхъ или причисляли ихъ къ русскимъ селеніямъ, отчего увеличивались платимые ими налоги. Нѣкоторые изъ крестившихся инородцевъ были даже вносимы, вопреки закону, въ рекрутскіе списки (*Журналъ томск. губ. правл. 20 марта 1854 г.*). Инородцевъ стѣсняютъ еще разныя церковныя повинности,—плата за требы, обязательная служба при церквахъ старостами и трапезниками и т. п. На это жаловались и жалуются буряты. Алтайскій миссіонеръ Вербицкій говоритъ также, что „къ прежнимъ предлогамъ невыгоды принятія христіанства присоединяется еще новый: избраніе изъ кочевыхъ крещеныхъ инородцевъ трапезниковъ къ приходскимъ церквямъ, хотя приходы эти состоятъ и не изъ однихъ инородцевъ. Должность трапезника или сторожа для бѣднаго инородца весьма раззорительна и обременительна. Она отрываетъ его отъ дома на цѣлый годъ, а семейство его повергаетъ въ совершенную нищету. Если же инородецъ по врожденной ему кочевой свободѣ найметъ за себя другого сторожа къ церкви, то этотъ наемъ или введетъ его въ тяжкіе долги или лишитъ его послѣдней лошади“. Разъѣзды миссіонеровъ увеличиваютъ и безъ того тяжкую подводную повинность; не малое отягощеніе составляютъ также, такъ называемыя, походныя церкви, изъ которыхъ двѣ существуютъ въ якутской области и одна въ туруханскомъ краѣ. Походная церковь объѣзжаетъ въ годъ пространство иногда въ нѣсколько сотъ, даже тысячъ верстъ; ее должны возить инородцы; подъ нее и подъ причтъ требуется много подводъ,— одна туруханская церковь вѣситъ 60 пудовъ. Инородцы стѣсняются также исполненіемъ многихъ церковныхъ обязанностей, несовмѣстныхъ съ ихъ бытомъ. Въ березовскомъ краѣ, напр.,

время великаго поста самое удобное для ловли проточной рыбы; въ это время остякамъ необходимо идти по разнымъ протокамъ верстъ за 100 и болѣе отъ своихъ жилищъ. Но въ тоже самое время духовенство настоятельно требуетъ остяковъ въ церковь на говѣніе, а въ случаѣ ихъ упорства, прибѣгаетъ къ немедленному и строгому содѣйствію земскаго начальства. Прежде остякъ молился даромъ, на родины и похороны денегъ не требовалось; теперь онъ живъ, а ему предлагаютъ купить заблаговременно покойническій вѣнчикъ. Суевѣрный остякъ отбивается руками и ногами: „я жить хочу, умирать нѣтъ!" и оканчиваетъ разговоръ о вѣрѣ заключеніемъ, что „русская вѣра дорога!" Подобнымъ же неудобствамъ подвержены инородцы-христіане и въ другихъ мѣстностяхъ. Прибавьте къ этому еще строгія притязанія со стороны духовенства за разныя церковныя проступки,—за нехожденіе въ церковь, за несоблюденіе постовъ, рѣшительно несовмѣстныхъ съ инородческимъ бытомъ, за употребленіе въ пищу *поганыхъ* животныхъ—мышей, кротовъ, лошадей; прибавьте къ этому тѣ притѣсненія и поборы, которые инородцамъ случалось терпѣть отъ духовенства; прибавьте сюда безтактность отношеній къ новопросвѣщеннымъ, необразованность нѣкоторыхъ священнослужителей, не учившихся даже и въ семинаріяхъ; прибавьте необезпеченность жалованьемъ священниковъ отдаленныхъ инородческихъ приходовъ и естественное въ человѣкѣ желаніе нажиться,—и вы увидите, что принятіе христіанства дѣйствительно не выгодно для инородцевъ,—не выгодно тѣмъ болѣе, что обращеніе ихъ нерѣдко сопровождалось страшными притѣсненіями. Въ XVIII в. ихъ сплошь и рядомъ крестили огнемъ и мечемъ; а въ настоящемъ столѣтіи случалось, что миссіонеры сожигали буддійскіе храмы, заставляли креститься при помощи земской полицій, которая не скупилась при этомъ на розги, и т. д., и т. д...

Однакожь, при всѣхъ исчисленныхъ и другихъ препятствіяхъ, распространеніе христіанства въ XIX в. шло успѣшно,

хотя далеко не въ такой степени, какъ въ XVIII, когда одинъ Филофей Лещинскій окрестилъ 40,000 дикарей. Камчадалы уже всѣ теперь считаются крещеными. Въ якутской области въ началѣ XIX столѣтія протоіерей Слѣпцовъ устроилъ походную церковь, ходилъ съ нею по всей области и „обратилъ не малое число тысячъ иновѣрцевъ.“ Дѣло Слѣпцова продолжали другіе миссіонеры, и уже къ 1851 г. въ якутской области христіанъ-инородцевъ было 71,311 человѣкъ, т. е. около половины всего инородческаго населенія области. Въ иркутской губерніи и Забайкальѣ также обращено нѣсколько тысячъ бурятъ и тунгусовъ; въ 1823 г. здѣсь было инородцевъ-христіанъ 5,709 ч., а въ 1835 г.—12,334. Въ енисейской губерніи въ 1823 г.—15,560 ч., въ 1835 г.—19,812 ч., въ 1864 г.—34,288 ч. Въ томской губерніи въ 1830 г. основана алтайская миссія; ею обращено около 3,000 ч., учреждено 8 миссіонерскихъ станцій, 11 церквей, 22 осѣдлыхъ поселенія и 10 школъ. Въ 1863 г. основана въ Алтаѣ улалинская женская община, составившаяся изъ новокрещеныхъ инородокъ, а въ настоящее время строится миссіонерскій монастырь при впаденіи Чулышмана въ Телецкое озеро. Въ 1823 г. въ томской губерніи христіанъ-инородцевъ было 9,269 ч., а въ 1851 г.—13,325 ч. Въ тобольской губерніи въ 1836 г., сдѣланъ миссіонерскимъ кондинскій монастырь и въ немъ открыта школа для десяти остяцкихъ мальчиковъ на казенномъ содержаніи. Въ тобольской губерніи въ 1851 г. христіанъ-инородцевъ было 24,385 ч. Приведенныя нами цифры много говорятъ въ пользу успѣховъ христіанства между инородцами; но эти успѣхи чисто количественные, а не качественные.

Каждая религія при своемъ распространеніи между чуждыми ей народами сначала прививается къ нимъ только своею внѣшнею стороной. Пріобрѣтенные ею прозелиты примѣшиваютъ къ ней множество своихъ прежнихъ вѣрованій; часто даже перемѣняются только имена боговъ, а сами боги остаются совершенно тѣми же. Если народный разумъ не сто-

итъ на одной и той же степени развитія, а постепенно идетъ впередъ и совершенствуется, то онъ создаетъ наконецъ періодъ религіозной реформаціи и очищаетъ свою вѣру отъ упомянутой посторонней примѣси; въ противномъ же случаѣ, религія остается въ своей смѣшанной формѣ: таковъ буддизмъ, который, вслѣдствіе сліянія съ народными вѣрованіями и обычаями азіятцевъ, принялъ форму ламаизма и окаменѣлъ въ ней.—Та же исторія повторилась и при распространеніи христіанства. Язычники, вступая въ лоно церкви, долго еще оставались при своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, и религія, которую они исповѣдывали подъ названіемъ христіанства, представляла изъ себя только пеструю смѣсь христіанства съ язычествомъ.

Распространеніе христіанства въ Сибири сопровождалось тѣми же результатами: водворялось и водворяется не чистое христіанство, а двоевѣріе.

Вести христіанскую пропаганду такъ, чтобы инородцы обращались въ православіе съ полнымъ убѣжденіемъ въ его достоинствахъ, — чрезвычайно трудно. Для этого нужно знать въ совершенствѣ нарѣчія инородцевъ, ихъ нравы, обычаи, вѣрованія, бытъ; нужно пріобрѣсть уваженіе и любовь туземцевъ, нужно дать имъ понять нравственное величіе христіанства. Это трудная дѣятельность, на нее способны не многіе... Въ Сибири же инородческіе приходы часто замѣщаются людьми вовсе неспособными къ миссіонерской дѣятельности, иногда— людьми, не окончившими курса даже въ уѣздномъ училищѣ. Между тѣмъ миссіонерская дѣятельность всегда была очень выгодна. Миссіонеръ, обратившій многихъ язычниковъ, получаетъ отъ начальства награды и, увеличивая число своихъ прихожанъ, увеличиваетъ съ тѣмъ вмѣстѣ матеріальныя выгоды своей должности. Но для того, чтобы получить награду, для того, чтобы увеличить свои доходы посредствомъ увеличенія числа прихожанъ, — для этого достаточно одного номинальнаго обращенія.

Инородцы, съ своей стороны обращаются въ христіанство большею частію также изъ-за выгодъ. Ихъ соблазняютъ трехлѣтняя льгота отъ податей и подарки отъ воспріемниковъ или миссіонеровъ. Обращеніе такого рода отлично характеризуется разсказомъ путешественника Матюшкина. Въ мѣстечкѣ Островномъ, во время пріѣзда чаукчей на ярмарку, туда пріѣзжаетъ священникъ и обыкновенно креститъ нѣсколько чаукчей. Матюшкинъ, присутствовавшій при одномъ изъ такихъ крещеній, разсказываетъ, что одинъ чаукча согласился окреститься за нѣсколько фунтовъ табаку. Привели его въ часовню, гдѣ уже была готова бочка, замѣнявшая купель. Чаукчѣ предложили окунуться; но онъ началъ спорить, доказывая, что можно обойтись и безъ этого; „давай мой табакъ," твердилъ онъ. Только послѣ долгаго спора онъ рѣшился войти въ купель; но, окунувшись разъ, тотчасъ выскочилъ и, бѣгая по часовнѣ, кричалъ: „давай табакъ! мой табакъ!" Всѣ убѣжденія окунуться еще два раза не повели ни къ чему,—на нихъ чаукча отвѣчалъ одно: „давай табакъ!" Обращенный подобнымъ образомъ инородецъ, хотя и пріобрѣтаетъ впослѣдствіи какія нибудь понятія о христіанствѣ, но въ сущности остается все-таки язычникомъ. Березовскіе остяки напр., давнымъ давно уже всѣ обращены въ христіанство. Но Гоффманъ въ своемъ „Сѣверномъ Уралѣ" говоритъ, что они все-таки остаются язычниками, „продолжаютъ держаться старыхъ обычаевъ и, при появленіи незнакомыхъ людей, тотчасъ прячутъ своихъ идоловъ." Начальникъ тобольской губерніи въ своемъ отчетѣ о ревизіи березовскаго края въ 1864 г. также говоритъ, что „христіанство хотя и распространено между ними, но распространено болѣе номинально. Инородцы остаются въ душѣ язычниками, по прежнему чествуютъ своихъ шамановъ, и между ними незамѣтно того благодѣтельнаго вліянія, какое христіанство имѣло на другіе народы." Тоже самое можно сказать о множествѣ бурятъ, числящихся православными. Кто потрудится заглянуть въ мою статью „О шаманствѣ въ Си-

бири“ (*Зап. Географич. Общ. 1864 г. ч. II*), тотъ найдетъ тамъ нѣсколько бурятскихъ легендъ, въ которыхъ христіанскія вѣрованія бурятъ перемѣшаны съ огромною долею шаманскаго мифологическаго элемента. Случалось даже, что сами миссіонеры поддерживали шаманство изъ корыстныхъ видовъ, напр., ворожили по шамански, дѣлали предсказанія на шаманскій манеръ и т. п. Къ этимъ двумъ элементамъ вѣрованій христіанствующихъ бурятъ часто присоединяется еще третій, — элементъ русскихъ народныхъ суевѣрій, которыя прочно прививаются ко всѣмъ вообще инородцамъ Сибири. Не оставляя своихъ шаманскихъ вѣрованій, буряты не оставляютъ и шаманскихъ религіозныхъ обычаевъ. Они и шаманскія жертвы приносятъ, и продолжаютъ относиться къ шаманамъ съ полною вѣрою въ ихъ фамиліарныя сношенія съ духами. Между якутами-христіанами, по свидѣтельству путешественниковъ, сохранилось также много шаманскихъ вѣрованій и шаманскихъ обычаевъ. Но болѣе всего недавно обнаружилось описываемое двоевѣріе между камчадалами, которыхъ давно, уже считали хорошими христіанами и которые по своему характеру болѣе всѣхъ инородцевъ способны къ усвоенію себѣ христіанства. Въ 1847 г., по всему сѣверу Камчатки разнесся слухъ, что изъ глубины сѣвера ѣдетъ на оленяхъ камчадальскій національный богъ *Кутху*; что онъ надѣляетъ всѣхъ лучшими оленями, рыболовными сѣтями и другими подарками; куда ни приходитъ онъ, всюду исчезаетъ снѣгъ, являются цвѣты и зелень. Всѣ и крещеные, и некрещеные инородцы съ полною вѣрою и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали Кутху въ мартѣ 1848 г. Они бросали свою старую утварь, сѣти, оружіе; убивали своихъ лучшихъ оленей, часто безъ всякой надобности, и многіе поэтому вовсе лишились своихъ стадъ. Но Кутху не пришелъ!..

Главною причиною неуспѣховъ христіанства служитъ отсутствіе грамотности и образованія. Можно надѣяться, что съ новымъ уставомъ алтайской и забайкальской миссій вмѣ-

стѣ съ вѣрою будетъ водворяться между инородцами и образованіе. Въ доказательство успѣшности такой пропаганды можно указать на дѣятельность англійскихъ миссіонеровъ въ забайкальской области. Поселившись около Селенгинска, они прожили тамъ около двадцати лѣтъ; они завели монгольскую типографію, библіотеку, сдѣлали превосходный переводъ библіи на монгольскій языкъ, обучали бурятъ ремесламъ и обратили около 3,000 въ христіанство. Въ началѣ сороковыхъ годовъ они были, къ сожалѣнію, высланы изъ Сибири; одинъ изъ нихъ до настоящаго времени съ успѣхомъ подвизается на зондскихъ островахъ.

Въ XVIII в. въ Сибири было основано много инородческихъ школъ; но ни одна изъ нихъ не дожила до настоящаго столѣтія; одни закрылись, вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ и учителей, а двѣнадцать камчатскихъ школъ были закрыты мѣстнымъ начальствомъ, сдѣлавшимъ это въ пику мѣстному духовенству. Школы пали и не возобновлялись болѣе. Новыхъ школъ для инородцевъ до самаго послѣдняго времени было основано очень мало. Только въ 1800 г. якутскій князецъ кангаласкаго улуса Шадринъ въ своемъ прошеніи на высочайшее имя просилъ учредить при якутскомъ монастырѣ школу для обученія якутскаго юношества. Синодъ опредѣлилъ открыть семинарію, въ которой преподавать русскую грамматику, катехизисъ, св. исторію, а учителями отпредѣлить монаховъ. Въ эту семинарію начали поступать и нѣкоторые якуты, переходившіе, по окончаніи курса, въ духовное званіе. Въ иркутскую семинарію, въ иркутское и нерчинское духовныя уѣздныя училища также иногда, очень рѣдко впрочемъ, поступали буряты. Нѣсколько человѣкъ бурятъ были даже въ университетахъ, и въ томъ числѣ извѣстный ученый монголистъ Дорджи Банзаровъ. Но все это были частные факты, вовсе не имѣвшіе вліянія на умственное развитіе инородческихъ племенъ. Мало имѣли также значенія и тѣ инородческія шко-

лы, которыя основались при церквахъ инородческихъ приходовъ и при монастыряхъ туруханскомъ и кондинскомъ. Кажется, большая часть этихъ школъ существовала только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Въ описаніи березовскаго края Абрамова говорится, что „въ кондинскомъ монастырѣ и при нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ съ 1843 по 1847 г. заведены *девять* инородческихъ школъ, въ которыхъ въ 1850 г. училось *71* остякъ, да въ русскихъ училищахъ *16* остяковъ“. Кондинскій монастырь, нужно замѣтить, на содержаніе школы для 12 остяцкихъ мальчиковъ получаетъ въ годъ отъ казны 285 р. 71 1/2 к.—Въ другихъ книжкахъ, подобныхъ абрамовской, и въ офиціальныхъ отчетахъ состояніе инородческаго образованія въ березовскомъ краѣ выражалось цифрами, подобными выше приведеннымъ. Конечно, друзья народнаго просвѣщенія считали эти цифры незначительными, но все-таки они не могли не радоваться тому, что въ странѣ Иперборреевъ насаждено древо знанія, что оно ростетъ и современемъ принесетъ, конечно, хорошіе плоды. Но друзья просвѣщенія горько ошибались. Въ январѣ 1864 г. начальникъ тобольской губерніи ѣздилъ по березовскому краю и „былъ крайне пораженъ невѣжественнымъ состояніемъ инородцевъ. Не смотря на то, что тамъ давно уже существуетъ русское управленіе, и русскіе торговцы, и промышленники давно уже посѣщаютъ этотъ край и даже живутъ вблизи инородцевъ, образованность нисколько не коснулась послѣднихъ, и они остаются почти въ томъ же первобытномъ состояніи, какъ были назадъ тому сотни лѣтъ. Дикое и невѣжественное состояніе сѣверныхъ инородцевъ причиною тому, что пьянство и другіе самые отвратительные пороки распространены между ними до послѣдней крайности. Пороки эти, ведя за собою бѣдность и болѣзни, способствуютъ раззоренію края и *уменьшенію народонаселенія*, которое замѣчается ежегодно и видимо ведетъ къ тому, что оставленное въ настоящемъ состояніи племя сѣверныхъ инородцевъ наконецъ исчезнетъ“.

„Имѣющіяся нынѣ училища для инородцевъ" — продолжаетъ г. начальникъ губерніи—„существуютъ болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Такихъ училищъ два: въ кондинскомъ монастырѣ и въ Обдорскѣ, кромѣ того учится 1 остякъ въ березовскимъ приходскомъ училищѣ; въ сургутской же школѣ нѣтъ ни одного". Остяки не охотно отдаютъ въ школы своихъ дѣтей, а которые и отдавали-бы то содержать не чѣмъ. Между тѣмъ изъ числа всѣхъ инородческихъ училищъ въ одномъ только кондинскомъ учащіеся пользовались даровымъ помѣщеніемъ и содержаніемъ. Въ лучшее время этого училища въ немъ было не болѣе *10* остяковъ, которыхъ обыкновенно брали въ школу насильно, при содѣйствіи земской полиціи. Самое обученіе производилось очень небрежно. Мальчики учились по три, по четыре года, и все-таки, по выходѣ изъ школы, едва умѣли читать и писать, а проживъ года два дома, въ юртахъ, совсѣмъ позабывали грамоту. Въ настоящее время это училище, получая отъ казны ежегодное пособіе, существуетъ только на бумагѣ и не имѣетъ ни одного ученика... Въ Обдорскѣ при миссіи селенія находится очень мало инородческихъ учениковъ. Приходскія училища хотя и были учреждены при многихъ церквяхъ березовскаго округа, но духовенство, не получая никакого вознагражденія за свои труды, нетолько занималось ими неохотно, но даже постепенно прекращало занятія свои по школамъ, такъ что въ настоящее время не существуетъ училищъ ни при одной церкви".

Водворенію образованія между инородцами до сихъ поръ препятствовали, съ одной стороны—неумѣнье взяться за это дѣло, съ другой стороны—положеніе самихъ инородцевъ. Это доказываетъ слѣдующая за симъ назидательная исторія.

Въ 1853 г. министръ государственныхъ имуществъ гр. Киселевъ спрашивалъ мѣстное начальство—„какими средствами можно было бы водворить постепенно образованіе между инородцами, дѣйствуя такимъ образомъ на распространеніе между ними хотя нѣкоторой гражданственности?" Начались со-

ображенія и переписка. Водворить между инородцами образованіе было предположено на слѣдующихъ основаніяхъ. Для этого инородцы были раздѣлены на четыре разряда. Къ первому отнесены осѣдлые, обрусѣвшіе уже инородцы, которые живутъ или отдѣльными селеніями, или смѣшанно съ русскими. Поэтому было положено, что они могутъ учиться въ тѣхъ же приходскихъ училищахъ, которыя тогда были предположены къ открытію для приготовленія крестьянскихъ мальчиковъ въ волостные писаря. При этомъ сочтено необходимымъ, чтобы инородцы участвовали въ платежѣ сбора, платимаго крестьянами на содержаніе этихъ училищъ. Магометане этого разряда могутъ учиться у муллъ при мечетяхъ, какъ это дѣлается и теперь.

Ко второму разряду отнесены осѣдлые магометане, сохранившіе вполнѣ свой языкъ, свои нравы, обычаи и вѣрованія. Такъ при заведеніи у нихъ школъ можно встрѣтить сопротивленіе со стороны муллъ, то было положено поручать мулламъ, за извѣстное вознагражденіе, преподавать въ этихъ школахъ магометанскій законъ. Вмѣстѣ съ русскою грамотою учить и татарской. Учителей приготовить лучше всего изъ инородцевъ же.

Къ третьему разряду отнесены инородцы, находящіеся на нисшей степени гражданственности, ведущіе осѣдлую жизнь и незнающіе русскаго языка. Таковы, напримѣръ, инородцы нарымскіе и алтайскіе. Въ школахъ преподавать законъ божій, русскую грамоту и *мастерство* (какое неизвѣстно). Дѣти должны жить при школахъ, на казенномъ содержаніи.

Гдѣ взять учителей? этотъ вопросъ прожектеры рѣшали различно. Большинство совѣтовало поручить эту обязанность приходскому духовенству. Томскій директоръ училищъ писалъ, что въ учителя нужно опредѣлять „престарѣлыхъ подвижниковъ—монаховъ“ (которыхъ въ Сибири вовсе не имѣется), а туринскій исправникъ — „отставныхъ благонадежныхъ

унтеръ-офицеровъ!“ Относительно размѣровъ содержанія, потребнаго на школы, также всѣ разногласили. Алтайская миссія считала достаточнымъ 25 р. въ годъ на каждую школу. Тарскій исправникъ полагалъ: расходовъ на постройку дома 800 р. тремъ учителямъ 1,500 р. ежегодно, на учебныя пособія 250 р., отопленіе и освѣщеніе 35, непредвидимыхъ 40 р.— Для успѣха преподаванія совѣтъ главнаго управленія западной Сибири положилъ „обучавшимся давать особый мѣдный знакъ съ изображеніемъ государственнаго герба для ношенія на шапкахъ“!..

Начали наводить разныя справки, начали спрашивать самихъ инородцевъ—желаютъ-ли они имѣть школы; оказалось, что сдѣлать это можно только на казенный счетъ и то съ большимъ трудомъ. Большинство инородцевъ оказалось погруженнымъ въ такую бѣдность, что объ образованіи ихъ пока нельзя было и думать. „Буде предположить особаго учителя для образованія малолѣтнихъ инородцевъ“ — говорилъ весьма основательно тогурскій отдѣльный засѣдатель „то въ такомъ случаѣ они не только не будутъ имѣть возможности производить сборъ для устройства училища, но даже не въ состояніи будутъ оплачивать государственнаго ясака и земской повинности.“ Но если бы завесть училища на казенный счетъ, то и въ такомъ случаѣ инородческое хозяйство также пострадало-бы. Инородческіе дѣти съ самыхъ малыхъ лѣтъ помогаютъ своимъ родителямъ въ ихъ работахъ; отдавать ихъ въ школу родители обыкновенно не желаютъ, такъ какъ это лишитъ ихъ необходимыхъ работниковъ и тѣмъ разстроитъ ихъ хозяйство. Кромѣ того, инородцы думаютъ, что школьное образованіе приноситъ вредъ для ихъ народа. И инородцы отчасти правы, такъ какъ въ подтвержденіе этого мнѣнія они приводятъ примѣры инородцевъ, учившихся въ школахъ. Нѣкоторые изъ этихъ инородцевъ дѣлаются волостными писарями и притѣсняютъ своихъ соотечественниковъ. Другіе вовсе бросаютъ своихъ кочевыхъ родственниковъ, шатаются по русскимъ селамъ, пьян-

ствуютъ, мошенничаютъ или уходятъ на пріиски и погибаютъ часто безъ вѣсти, опившись водки или попавши подъ судъ. Вообще инородцы воспринимаютъ отъ русскихъ скорѣе дурное, чѣмъ хорошее. Это нужно сказать даже о тѣхъ, которые имѣли случай вкусить высшаго образованія. Они съ презрѣніемъ относятся къ своимъ соотечественникамъ, гордятся своими чинами и ведутъ себя такъ глупо—напыщенно, что не могутъ быть терпимы въ сколько нибудь порядочномъ обществѣ. Конечно, здѣсь есть исключенія, въ родѣ Д. Банзарова и Чекана Валиханова; но судьба этихъ исключительныхъ натуръ до того плачевна, что ихъ какъ-то не хочется ставить въ примѣръ того, что инородцы могутъ быть вполнѣ европейски-развитыми людьми. И Банзаровъ былъ очень образованный человѣкъ, и Валихановъ также. Но Банзаровъ, пріѣхавъ въ Иркутскъ, началъ все дружественнѣе и дружественнѣе сходиться съ невѣжественными и грязными ламами, которыхъ онъ прежде презиралъ, чуть-ли снова не обратился къ буддизму, въ который прежде не вѣрилъ; началъ пить и запился до смерти!.. Валихановъ же, въ бытность свою въ Петербургѣ, съ такимъ рвеніемъ предался разгулу гусарской жизни, что пріобрѣлъ чахотку, былъ принужденъ уѣхать въ степи, и чахотка тамъ убила его. Такова была судьба двухъ сибирскихъ инородцевъ, которые *одни* только и получили европейское образованіе!...

Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ причинъ, инородцы отнеслись весьма не сочувственно къ изложенному нами проекту о заведеніи у нихъ школъ. Кузнецкій исправникъ напр., доносилъ, что „они боятся всякаго нововведенія со стороны правительства, опасаясь обращенія ихъ въ крестьянъ, отчего никто изъ нихъ не согласится добровольно отдать дѣтей своихъ въ училища.“ Въ березовскомъ округѣ между инородцами разошлась молва, что дѣти ихъ по обученіи грамотѣ будутъ отдаваемы въ солдаты. И они рѣшились не соглашаться на открытіе школъ. Въ это время въ Березовъ ѣздилъ директоръ училищъ тобольской губерніи. Лишь только остяки услышали отъ него

предложеніе открыть школу,—они забили руками и ногами— „не надо школы!“ Въ слѣдующихъ селахъ директоръ не видѣлъ уже ни одного ребенка; остяки прятали дѣтей, желая показать, что у нихъ нѣтъ ребятъ и что открывать школы не для кого.

Такимъ образомъ оказалось, что большинство инородцевъ и не можетъ, и не желаетъ содержать школъ; содержать же ихъ на казенный счетъ оказалось дорого. Проекты не осуществились и остались проектами на бумагѣ. Дѣло инородческаго образованія осталось въ прежнемъ положеніи. Только въ Балаганскѣ открыта г. Пирожковымъ частная бурятская школа, да въ Иркутскѣ составлена и переведена на бурятскій языкъ книжечка „о мірозданіи.“ Вотъ почти все, о чемъ стоитъ упомянуть. Еще нужно прибавить, что школа, подобная кондинской, существуетъ въ Туруханскѣ, да нѣкоторые инородцы изрѣдка попадаютъ въ русскія училища [1]). Число грамотныхъ инородцевъ въ Сибири, благодаря бездѣятельности мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, неизвѣстно, по крайней мѣрѣ мнѣ. Я знаю только, что въ енисейской губерніи изъ 41,797 инородцевъ грамотныхъ только 46 человѣкъ. Процентъ ничтожный. Между тѣмъ, для успѣховъ обрусѣнія инородцевъ, для поправленія ихъ экономическаго и умственнаго состоянія грамотность и образованіе необходимы. Нужно разсѣять окружающій инородцевъ мракъ невѣжества, освободить ихъ отъ разныхъ отвратительныхъ пороковъ, отъ грязи коче-

---

[1]) Упомянувъ о туруханской школѣ, я не могу не выразить сомнѣнія на счетъ ея дѣйствительнаго существованія. Въ туруханскихъ просвѣтителяхъ инородческаго юношества замѣчается *гибельная* ревность къ дѣлу образованія, благодаря которой школа давно уже могла закрыться. Упомянутая ревность погубила же одну туруханскую школу въ самомъ ея началѣ. Нѣкто иногородній пожертвовалъ когда-то на основаніе школы деньги, оставленные на сохраненіе монахамъ, и лѣсъ. Такимъ образомъ щкола должна была поступить въ руки монаховъ, что возбудило не малую зависть въ священникѣ и засѣдателѣ. Деньги были растрачены хранителями, лѣсъ сожженъ однимъ изъ ихъ соперниковъ, а другой соперникъ, засѣдатель, донесъ на всѣхъ виновныхъ начальству!..

вой жизни,—а всего этого можно достигнуть только посредствомъ образованія. Русской цивилизаціи предстоитъ здѣсь огромная и трудная задача не только измѣнить внѣшнюю культуру инородцевъ, но и реформировать ихъ общественный бытъ, облагородить ихъ общественные и семейные нравы.

Принадлежа всѣ къ одной группѣ народовъ, именно къ группѣ, которую называютъ *алтайскою*, — инородцы Сибири мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга въ своихъ нравахъ и обычаяхъ.

Первоначальная форма сѐмьи у первобытныхъ народовъ есть полное рабство. Взятыя на войнѣ невольницы употребляются ихъ завоевателемъ для удовлетворенія своихъ животныхъ инстинктовъ. Эта форма брака существовала у сибирскихъ инородцевъ до русскаго владычества, какъ свидѣтельствуютъ ихъ саги и преданія. Но еще передъ приходомъ русскихъ бракъ началъ переходить и, наконецъ, вовсе перешелъ во вторую форму своего развитія—въ куплю жены. Жена покупается и такимъ образомъ мужъ пріобрѣтаетъ надъ ней полное право собственности. Вслѣдствіе недостатка женщинъ, цѣны за невѣсту (*калымъ*) всюду почти довольно высоки. На покупку жены инородецъ часто раззоряется, а бѣднякъ или остается холостымъ, или женится на нищей, на старухѣ, на уродѣ. Само собою понятно, что жена завалена работою и подвержена постоянному деспотизму мужа. Иногда инородецъ бьетъ ее только ради развлеченія, такъ какъ у многихъ инородцевъ драка составляетъ забаву въ родѣ англійскаго бокса. Г. О—въ въ своемъ описаніи нарымскаго края разсказываетъ: „представьте себѣ кружокъ пьяныхъ остяковъ, сидящихъ за обѣдомъ вокругъ котла. Вдругъ одинъ изъ мужчинъ вскакиваетъ и начинаетъ бить свою жену, таскаетъ ее за волосы по землѣ, топчетъ ногами и т. д. Жена не издаетъ никакого стона и только по временамъ вскрикиваетъ: *айга*, *айга*, больно, больно!.. Уставъ, остякъ садится снова къ котлу; жена поднимается съ земли и садится тутъ же.“ Въ такомъ же отношеніи къ отцу

находятся и дѣти. Прежде отецъ имѣлъ даже право жизни и смерти надъ всѣмъ своимъ семействомъ. Во время русскаго завоеванія и во время своихъ бунтовъ, инородцы сплошь и рядомъ перерѣзывали своихъ женъ и дѣтей, чтобы легче убѣжать отъ непріятеля или чтобы семейство не попалось въ русскія руки. Всѣ права отца переходятъ послѣ его смерти къ старшему сыну.

То же положеніе, какое занимаетъ отецъ въ своемъ семействѣ, занимаетъ родоначальникъ въ своемъ родѣ. Патріархальный характеръ власти родоначальника особенно хорошо сохранился у бурятъ, алтайскихъ калмыковъ и у большинства бродячихъ инородцевъ. Родоначальники въ настоящее время уже не пользуются такою обширною властью надъ своимъ родомъ, какую они имѣли до русскаго владычества. Но такъ какъ ихъ власть была утверждена русскимъ правительствомъ, хотя и въ ограниченномъ видѣ, то родоначальники умѣютъ пользоваться этимъ для угнетенія своихъ родовичей. Дань, которую они получали съ рода во времена независимости, превратилась теперь во взятки, которыя они сдираютъ съ родовичей при всякомъ удобномъ случаѣ. Эти взятки принимаютъ иногда самую оригинальную форму. Еще очень недавно, напр., бурятъ былъ обязанъ платить своему тайшѣ столько рублей, сколько получилъ отъ него розогъ! Особенно вредны тѣ родоначальники, которые имѣютъ чины, ордена, медали и др. знаки отличія. Они считаютъ себя чиновниками и притѣсняютъ инородцевъ часто для одного того, чтобы показать свое чиновное значеніе. Они стараются подражать въ своей внѣшней жизни русскимъ; есть даже бурятскіе тайши, которые пьютъ шампанское и читаютъ газеты,—это увеличиваетъ ихъ расходы и заставляетъ ихъ увеличивать также и свои доходы на счетъ родовичей.

Нравственность инородцевъ представляетъ странную смѣсь отвратительныхъ пороковъ и патріархальныхъ добродѣтелей. Нѣкоторые изъ нихъ походятъ на невинныхъ дѣтей и не имѣ-

ютъ даже понятія о правѣ собственности. Случается, что русскій звѣропромышленникъ встрѣчаетъ въ лѣсу бродячаго тунгуса. Тунгусъ радостно привѣтствуетъ незнакомца, подходитъ къ нему, беретъ у него тѣ вещи, которыя ему понравились, вовсе и не подозрѣвая, что русскому это непріятно. За то и русскій можетъ обобрать тунгуса хотя до-нага, не встрѣтивъ ни малѣйшаго знака неудовольствія. Остяки рыбопромышленники при всей своей бѣдности не оставляютъ помогать своимъ нищимъ собратамъ. У нихъ существуютъ даже общественные котлы, въ которые всѣ остяки сваливаютъ всю наловленную ими рыбу и изъ которыхъ ѣстъ и тотъ, кто поймалъ много, и тотъ, кто не поймалъ ничего. Буряты никогда не допустятъ, чтобы въ ихъ улусѣ завелся хоть одинъ нищій; каждому бѣдняку они помогаютъ общими силами, а если онъ лѣнивъ, то понуждаютъ его къ труду. Вообще большинство инородцевъ сохранило до сихъ поръ во всей патріархальной чистотѣ чисто братскія чувства другъ къ другу и обычаи самаго безкорыстнаго и радушнаго гостепріимства. Преступленій между ними чрезвычайно мало. Въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Сибири каждое инородческое племя имѣетъ свой охотничій округъ, изъ котораго не выходитъ, и свои ловушки на звѣрей, неприкосновенность которыхъ свято соблюдается всѣми инородцами. Г. О—въ въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ пишетъ, что въ нарымскомъ краѣ, во время четырнадцатилѣтняго его тамъ пребыванія, было только *одно* преступленіе: какой-то остякъ, возвращаясь съ пустыми руками съ охоты, взялъ изъ чужой ловушки лисицу. Въ березовскомъ краѣ съ 1830 по 1862 г. изъ 20,000 инородцевъ признаны виновными только 21 человѣкъ, 13 въ убійствѣ и растлѣніи, 4 въ отгонѣ оленей и 4 въ корчемствѣ и кражѣ. Такая малочисленность преступленій зависитъ, по моему мнѣнію, не отъ однихъ только патріархальныхъ добродѣтелей инородцевъ, а также и отъ важнаго недостатка ихъ характера, — отъ ихъ робости, вялости, запуганности и безмолвной

покорности року. Прошедшіе вѣка довели инородца до того, что онъ сдѣлался скорѣе безчувственнымъ вьючнымъ скотомъ, чѣмъ человѣкомъ. Большинство инородцевъ, сознавая свое горестное положеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не вѣритъ въ возможность улучшенія своей участи. Они дошли почти до того же положенія, въ какомъ находится алеутъ. Алеутъ можетъ лежать безъ пищи и безъ питья дня два-три и голодовать до тѣхъ поръ, пока ему не прикажутъ наѣсться и напиться; безъ приказанія же, онъ будетъ голодовать до послѣдней возможности! Остались ли здѣсь какіе нибудь признаки свободной человѣческой личности и возможно ли ожидать отъ подобной полумашины какого нибудь преступленія! А въ подобномъ положеніи находятся очень многіе инородцы Сибири. Офиціальные документы постоянно жалуются на ихъ лѣность и безпечность, совершенно несправедливо, однакожъ, приписывая исключительно этимъ недостаткамъ причину инородческой бѣдности. Есть, конечно, трудолюбивые и дѣятельные инородческіе племена, какъ напр. хлѣбопашцы буряты, якуты, нѣкоторые татарскіе роды. Но чѣмъ дѣятельнѣе инородческое племя, тѣмъ оно развращеннѣе нравственно, тѣмъ болѣе оно совершаетъ преступленій. Якуты, напр., всегда славились и славятся своею страстною склонностью къ тяжбамъ и ябедничеству. Между бурятами не рѣдко случаются, и воровство, и убійство и даже разбой; однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ разбойниковъ Сибири въ настоящемъ вѣкѣ былъ бурятъ, дѣйствовавшій съ своею шайкою въ Забайкальѣ. О тарскихъ торговыхъ бухарцахъ и татарахъ одинъ офиціальный документъ говоритъ, что „способности къ обману развиты у нихъ до крайней степени совершенства; они такъ корыстолюбивы, что готовы продать за хорошія деньги родного брата,“ Самые же губительные пороки, распространенные между всѣми безъ исключенія инородцами,—это пьянство и развратъ, о которыхъ, по принятому нами плану, мы должны говорить въ концѣ статьи.

IV.

Экономическія отношенія инородцевъ къ русскому населенію.

Во время завоеванія Сибири сила русскаго оружія отнимала у инородцевъ всѣ ихъ лучшія угодья и большую часть ихъ имущества, а инородческихъ женъ и дѣтей обращала въ рабство. Въ XIX в. совершается тоже самое явленіе, только другимъ путемъ, не военнымъ, а мирнымъ, большею частію экономическимъ. Вопервыхъ инородческія угодья болѣе и болѣе переходятъ въ руки русскихъ, во-вторыхъ сами инородцы дѣлаются кабальными рабами своихъ завоевателей.

Завладѣніе инородческими угодьями или расхищеніе ихъ русскими жителями совершается тремя путями, и во-первыхъ путемъ *насильственнаго захвата*. Такъ напр. инородцы цынгалинскихъ юртъ съ давнихъ лѣтъ владѣли кондинскимъ *соромъ* (рыболовное мѣсто). Но въ 1823 году сосѣдніе крестьяне изломали ихъ изгороди, изрубили ихъ рыболовныя избушки и совершенно завладѣли упомянутымъ соромъ. Такъ около того же времени крестьянинъ Шашковъ завладѣлъ рыболовными мѣстами, лежащими на рѣкѣ Сосновой Курьѣ и составляющими собственность инородцевъ ячинскихъ юртъ. Точно также крестьяне деревни Батовой завладѣли рыбными и лѣсными угодьями, принадлежащими инородцамъ сарсатскихъ юртъ и начали хозяйничать въ этихъ угодьяхъ, какъ дома,—выкашиваютъ сѣно, вылавливаютъ рыбу, рубятъ лѣсъ и ловятъ капканами звѣрей. Крестьяне той же деревни Батовой отняли лѣсныя и рыболовныя дачи у сорока трехъ остяковъ нарымской и тарханской волостей. Въ 1828 г. инородцы заводнинскихъ юртъ жаловались, что въ предвидущемъ году раполовскіе крестьяне отняли у нихъ и отъ себя отдали въ наемъ рыболовное мѣсто на Иртышѣ, что они въ ино-

родческихъ дачахъ ловятъ капканами и ловушками звѣрей и тѣмъ „причиняютъ инородцамъ крайнее раззореніе.“ Жители базьяновскихъ юртъ въ то же время жаловались, что крестьяне входятъ самовольно въ ихъ лѣсныя угодья, промышляютъ звѣря, а изъ рѣки вылавливаютъ рыбу, раззоряютъ лисьи гнѣзда и вынимаютъ лисятъ, а отъ каждаго такого гнѣзда инородцы могли бы получать пользы рублей 100 въ годъ. Въ 1820 г. крестьяне деревни Шатиной овладѣли звѣропромышленными и рыболовными угодьями инородцевъ шатинскихъ юртъ и тѣмъ повергли ихъ въ „крайнюю нужду.“ Иногда такой захватъ совершался слѣдующимъ образомъ: крестьянское семейство покупало у инородцевъ землю и селилось на ней. Проходили года: колонисты увеличивались и путемъ переселенія, и путемъ естественнаго размноженія; на мѣстѣ прежней крестьянской избушки являлась цѣлая деревня, жители которой и отнимали у инородцевъ ихъ земли и угодья. Такъ во время оно деньщиковскіе крестьяне купили у инородцевъ семейскихъ юртъ рыбныя и земляныя угодья на двѣ души. Къ 1830 г. эти крестьяне размножились, имѣли уже шесть домовъ и сверхъ купленной ихъ предками земли захватили много инородческой, на которой и начали пахать пашню, косить траву, вырубать лучшій кедровый лѣсъ, сбирали орѣхи, вылавливали рыбу и звѣрей. Иногда крестьяне завладѣвали инородческими угодьями по отводу начальства. Такъ въ 1828 г. крестьяне коринскихъ юртъ жаловались, что крестьяне овладѣли ихъ сѣнокосными, хлѣбопахотными и рыболовными мѣстами; но оказалось, что крестьянамъ эти земли были отведены начальствомъ, при заселеніи Демьянскаго Яма. Такимъ образомъ инородцы тобольской губерніи много терпѣли отъ расселяющихся крестьянъ, но еще болѣе терпѣли они отъ рыбопромышленниковъ. Рыболовная Обь считается у остяковъ божествомъ; остяки главнымъ образомъ живутъ рыбой, добываемой ими изъ этой рѣки. Но съ начала настоящаго вѣка русскіе рыбопромышленники на-

чали вторгаться въ инородческія рыболовныя угодья и, вылавливая въ нихъ рыбу, раззоряли остяковъ. „Прежде“—писали они—„мы жили рыболовствомъ на Малой Оби. Но всѣ оныя наши выгоды съ нѣкоторыхъ лѣтъ пресѣчены въѣзжающими изъ Тобольска прасолами, которые въ самомъ устьѣ Малой Оби неводятъ большими неводами, притомъ смолятъ ихъ такъ, что отъ запаха смолы и величайшихъ неводовъ рыба съ устья упомянутой Оби обращается назадъ и не имѣетъ прохода туда, гдѣ мы имѣемъ свое лѣтнее жительство. Отъ этого мы приходимъ въ крайнюю нужду и занимаемся довольнымъ числомъ хлѣба, за который платить вполнѣ не можемъ.“ То же самое насильственное завладѣніе угодьями инородцевъ мы видимъ и въ другихъ частяхъ Сибири, напр. въ Алтаѣ. Такъ въ 1832 г. калмыки первой, второй, пятой, шестой и седьмой дючинъ просили избавить ихъ отъ притѣсненій заводскихъ крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ, самовольно поселившихся въ земляхъ, принадлежащихъ упомянутымъ дючинамъ. Ясачная комиссія, разслѣдовавъ эту жалобу, нашла, что просьба калмыковъ вполнѣ справедлива. Крестьяне заводскаго вѣдомства и люди другихъ сословій самовольно селились на ихъ земляхъ. Нѣкоторые изъ этихъ колонистовъ имѣли тамъ только временныя заведенія для хлѣбопашества, пчеловодства и скотоводства, другіе — заводили цѣлыя деревни. Сосѣдство тѣхъ и другихъ съ калмыками губительно дѣйствовало на промышленность послѣднихъ. Колонисты вылавливали въ инородческихъ угодьяхъ звѣрей, рыбу, предупреждали калмыковъ въ сборѣ ягодъ, орѣховъ и дикаго меда. Мало этого, колонисты раззоряли инородцевъ своимъ воровствомъ и грабежами. Такъ напр. въ сентябрѣ 1829 г. одинъ калмыкъ былъ ограбленъ на 1800 р. и затѣмъ убитъ. Подобныя преступленія были *вовсе неизвѣстны* калмыкамъ до приближенія къ ихъ кочевьямъ русскихъ колоній. Ясачная комиссія нашла, что „выманивать у калмыковъ добычу разными средствами за безцѣнокъ—сдѣлалось уже обык-

новеннымъ между поселенцами. Но есть еще другія средства отнимать у нихъ собственность, — это штрафы за потоптанные калмыцкими стадами посѣвы крестьянъ. Штрафы эти калмыки считаютъ несправедливыми, потому что крестьяне не имѣютъ права производить хлѣбопашества на самыхъ ихъ пастбищахъ. Извѣстно, что скотоводство у калмыковъ весьма обширно, и пастбища ихъ не могутъ быть опредѣлены въ точности, ибо стада ихъ, въ теченіе всего года, оставаясь на подножномъ корму, необходимо должны постоянно переходить на новыя, изобильныя кормомъ мѣста. Слѣдовательно, подобныя заведенія крестьянъ на калмыцкихъ земляхъ есть ничто иное, какъ новыя вѣрныя средства къ насильственнымъ поборамъ съ этихъ беззащитныхъ дикарей." И здѣсь, какъ и въ тобольской губерніи, инородцы раззорялись не одними крестьянами, а также торговцами и промышленниками, которые давно уже начали расхищать инородческія угодья, вывозя изъ нихъ въ огромномъ количествѣ кедровые орѣхи, вылавливая звѣрей, заводя въ инородческихъ угодьяхъ пчелиныя пасѣки и т. д. Все это повторялось и повторяется во всѣхъ другихъ частяхъ Сибири. Въ губерніяхъ енисейской и иркутской, въ областяхъ якутской и забайкальской, кромѣ крестьянъ и торговцевъ, инородческія угодья отнимаются еще золотопромышленниками, разбивающими на нихъ золотопромышленныя площади и основывающими пріиски. Инородцы для успѣховъ своего звѣроловства откочевываютъ подальше отъ этихъ заселившихся мѣстъ и тѣмъ лишаются и своихъ угодій, и выгоды, проистекающей для ихъ торговли отъ сосѣдства съ русскими поселеніями.

Кромѣ захвата, инородческія угодья переходятъ въ русскія руки путемъ заклада или отбираются за долги. Инородцы при своей постоянной бѣдности для уплаты податей и повинностей, для пріобрѣтенія съѣстныхъ припасовъ, для снаряженія на охоту, должны прибѣгать къ займамъ и отдавать въ закладъ свои угодья. Эти заложенныя угодья очень рѣдко воз-

вращаются ихъ настоящимъ владѣльцамъ; инородцы или не въ состояніи выплатить своего долга или кредиторы находятъ разныя средства присвоить въ полную свою собственность заложенныя имъ угодья. При каждомъ удобномъ случаѣ инородцы жалаются на то, что будто бы ихъ кредиторы незаконно владѣютъ угодьями; начинается тяжба; кредиторы представляютъ угодья и оказывается, что кредиторы владѣютъ угодьями совершенно на законномъ юридическомъ основаніи, какъ залогами за неуплаченныя еще долги. Такимъ образомъ инородцы лишаются своихъ угодій, большею частію за самый незначительный долгъ. Въ 1803 г. напр. остяки буреинскихъ, солянскихъ и кошелевскихъ юртъ заняли у крестьянина Кормовщикова 140 р., заложивъ ему свои сѣнокосы съ тѣмъ, чтобы онъ пользовался ими въ уплату долга 25 лѣтъ. Но въ заемное письмо было включено условіе, что по смерти Кормовщикова эти сѣнокосы должны перейдти во владѣніе Питухина съ тѣмъ, чтобы онъ ежегодно вносилъ 3 р. въ уватскую церковь. На основаніи этого условія и по истеченіи двадцатипятилѣтняго срока, сѣнокосы остались за Питухинымъ. Остяки варламовскихъ юртъ въ 1683 г. заложили въ двухъ рубляхъ ямскому охотнику Сергѣеву свой сѣнокосъ въ 420 копенъ съ тѣмъ, что если эти деньги не будутъ уплачены черезъ полгода, то покосъ остается за Сергѣевымъ навѣчно; остяки долга не заплатили; покосы перешли къ потомкамъ Сергѣева, съ которыми потомки его должниковъ до сихъ поръ не перестаютъ спорить и тягаться изъ-за этихъ покосовъ. Тѣ же инородцы лишились покоса въ 700 копенъ, заложеннаго 1688 г. въ 5 рубляхъ ямщику Кобылину. Остяки априныхъ юртъ жаловались ясачной комиссіи, что ихъ рыболовными мѣстами самовольно завладѣли крестьяне и промышляютъ тутъ рыбу большими неводами и во многомъ числѣ рабочихъ людей. Но крестьяне представили закладную, которая доказала, что упомянутыя ловли отданы предками остяковъ въ 1730 г. крестьянину Скрыпунову въ залогъ за

30 р., а по неуплатѣ долга, эти ловли перешли отъ Скрыпунова къ его наслѣдникамъ. Изъ лежащихъ передо мною тяжебныхъ актовъ инородцевъ съ крестьянами видно, что всѣ лучшія угодья инородцевъ березовскаго края давно перешли и продолжаютъ переходить въ руки кредиторовъ, такъ какъ инородцы не въ состояніи уплатить даже самаго незначительнаго долга. Одни, напр., инородцы совершенно раззорились отъ того, что были принуждены крестьянамъ заложить свои пашни въ 1 р. 50 к. Этотъ закладъ совершенъ *въ 1668 г.*, и съ тѣхъ поръ должники не могли уплатить 1 р. 50 к. до 1828 г., а можетъ быть, этотъ ничтожный долгъ не уплаченъ и до настоящаго времени!.. Нужно замѣтить, что въ описываемый мною періодъ, такіе заклады угодій совершались гораздо рѣже, чѣмъ прежде: всѣ лучшія угодья были уже давнымъ давно заложены и въ настоящее время у березовскихъ инородцевъ почти ужь нечего закладывать. У нихъ остались только плохія угодья, да и тѣхъ мало; инородцы впрочемъ иногда находятся вынужденными закладывать и эти послѣднія угодья. Такъ остяки обдорскаго отдѣленія, желая избавиться отъ тягостной подводной гоньбы, въ 1833 г. уступили купцамъ свои земли, лежащія близь Обдорска. Купцы обязались отбывать на обдорской станціи обывательскую гоньбу и содержать въ домахъ своихъ постой для служащихъ казаковъ и прибывающихъ по дѣламъ чиновниковъ. Для постройки домовъ и прочихъ зданій инородцы уступили купцамъ свои земли отъ церкви на 1 $^1/_2$ версты во всѣ стороны, сверхъ того купцы получали право косить сѣно, гдѣ пожелаютъ, на инородческихъ земляхъ и пользоваться строевымъ лѣсомъ по отводу инородцевъ. — Въ другихъ мѣстностяхъ Сибири тѣмъ же путемъ заклада и задолжанія множество инородческихъ угодій переходили и переходятъ въ руки русскихъ кредиторовъ, преимущественно торговцевъ. Такъ въ нарымскомъ краѣ одна волость заложила недавно купцу три рыболовныхъ мѣста на пять лѣтъ; эти мѣста заложены въ

шести рубляхъ, а если ихъ отдавать въ аренду, то въ пять лѣтъ можно получить за нихъ платы по крайней мѣрѣ шестьдесятъ рублей. Такой переходъ инородческихъ угодій въ руки кредиторовъ въ особенно большихъ размѣрахъ совершается въ южныхъ частяхъ томской губерніи, въ плодоносной странѣ Алтаѣ. Торговцы дерутъ здѣсь съ инородцевъ чертовскіе проценты. На р. Чуѣ напр. русская торговля производится посредствомъ тридцати капиталовъ; цифра торговаго оборота ихъ не превышаетъ 300,000 р. Вся почти торговля до послѣдняго времени совершалась въ долгъ; но долгъ за инородцами пропадалъ рѣдко, потому что въ случаѣ неисправности должника за него платитъ вся волость, и во взысканіи долговъ купцамъ до послѣдняго времени помогали пограничные китайскіе чиновники. Но нынѣ китайское начальство отказало купцамъ въ своемъ содѣйствіи. Причина тому—громадные проценты, которыми пользовались русскіе купцы. Они издавна торговали рубль на рубль, а за одолженіе на годъ цѣна удвоивалась или утроивалась, такъ что черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ получалось *200* или *300*%. Такіе проценты привели въ нищету большинство инородцевъ. То же самое совершается и въ другихъ мѣстахъ Алтая. Въ 1853 г. начальникъ алтайской миссіи оффиціально писалъ, что „напр. 1 топоръ или старые сапоги, данные русскимъ человѣкомъ въ долгъ кочевому инородцу, года черезъ четыре выростаютъ въ сторублеваго коня, а вскорѣ — и въ цѣлый табунъ, который неробкіе торговцы и угоняютъ безъ дальнихъ толковъ, объявивъ черезъ людей хозяину, что скотъ угнанъ такими-то... 1 пудъ ячменя года черезъ два выростаетъ въ 25 пудовъ орѣховъ или еще болѣе. Такимъ образомъ нынѣ едва ли не всѣ лѣса съ ихъ орѣхами и бѣлками запроданы русскимъ за нѣсколько лѣтъ впередъ, такъ же какъ дикія пчелы и прочіе промысла. Русскіе люди, свободно въѣзжая въ *чернь* (лѣса), предвосхищаютъ всякую промышленность кочевыхъ инородцевъ и тѣмъ лишаютъ ихъ послѣднихъ средствъ къ пропита-

нію, не вознаграждая ихъ за то ничѣмъ добрымъ ни въ гражданственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Инородцы— вѣчные рабы лукавыхъ заимодавцевъ!..“ Справедливость этихъ извѣстій, сообщенныхъ алтайской миссіей, вполнѣ признана и мѣстнымъ начальствомъ. Въ журналѣ томскаго губернскаго правленія (20 марта 1854 г.) говорится, что инородцы бійскаго и кузнецкаго округовъ сдѣлались „неоплатными должниками торговцевъ и впали въ полную ихъ зависимость. Тѣ же торговцы вывозятъ ежегодно изъ принадлежащихъ инородцамъ лѣсовъ въ огромномъ количествѣ кедровые орѣхи, заводятъ въ звѣропромышленныхъ мѣстахъ пчелиныя пасѣки и поселенія и тѣмъ отнимаютъ у инородцевъ возможность пользоваться мѣстными способами промышленности. Оба эти обстоятельства ввергаютъ инородцевъ въ крайнюю бѣдность, лишаютъ ихъ всякой возможности образованія и вредно дѣйствуютъ даже на ихъ нравственность“. Алтайскіе инородцы такимъ образомъ сдѣлались только номинальными владѣтелями своихъ угодій, точно также, какъ инородцы березовскіе только номинально владѣютъ многочисленными стадами оленей. Въ березовскомъ краѣ давно уже ведутъ дѣятельную торговлю ижемскіе зыряне. Торговля эта основана на тѣхъ же началахъ, какъ и въ Алтаѣ, какъ и вездѣ въ Сибири. Зыряне имѣютъ столь гибельное экономическое вліяніе на остяковъ, что послѣдніе, по словамъ Гоффмана, имъ главнымъ образомъ приписываютъ упадокъ и разстройство своего хозяйства. Зыряне въ роли купцовъ и оленьихъ пастуховъ — настоящіе господа въ березовской тундрѣ. Лукавые, расторопные, смышленые — они вовлекли остяковъ и самоѣдовъ въ неоплатные долги. За эти-то долги они расхищаютъ скудныя богатства тундры. За эти долги они перевели въ свою собственность оленьи стада березовскихъ инородцевъ, а ихъ самихъ превратили въ своихъ пастуховъ, которые въ уплату долговъ, кромѣ отдачи оленей, должны еще работать на зырянъ!..

Наконецъ, инородческія угодья переходятъ къ русскимъ еще

путемъ аренды. Угодья арендуются обыкновенно за самую ничтожную цѣну; арендаторы наживаются и, совершенно, истощивъ угодье, возвращаютъ его инородцамъ. Такъ, по словамъ Гагемейстера, тунгусы восточной Сибири часто отдаютъ свои лѣса русскимъ лѣтъ на 5, на 10 „за самую ничтожную цѣну". Такъ въ нарымскомъ и березовскомъ краѣ всѣ лучшія рыболовныя угодья инородцы отдаютъ за безцѣнокъ въ аренду русскимъ промышленникамъ. Сами инородцы не въ состояніи эксплуатировать своихъ лучшихъ рыболовныхъ мѣстъ, такъ какъ для этого нужны большіе невода и другіе дорого стоющіе рыболовные снаряды, завесть которые инородцамъ рѣшительно не на что. Въ нарымскомъ краѣ одно изъ лучшихъ рыболовныхъ мѣстъ, Ишкинъ Яръ, со всѣми его курьями, озерами и истоками остяки отдаютъ въ аренду одному мѣщанину за 50 р. въ годъ. Мѣщанинъ, въ свою очередь, раздаетъ его по частямъ въ аренду разнымъ промышленникамъ и выручаетъ за одинъ только яръ, безъ озеръ, курей и истоковъ болѣе 500 р. въ годъ. То же самое видимъ и въ отдачѣ въ аренду рыболовныхъ мѣстъ березовскаго края, такъ называемыхъ, *песковъ*. Въ 1816 г. остякамъ платили за песокъ въ лѣто отъ 10 до 130 р. асс., а арендаторы выручали съ песка въ десять, даже въ двадцать разъ больше арендной платы. Въ 1848 г. березовскіе остяки отдавали въ аренду 150 песковъ за 6,050 р.; арендаторы же добывали на этихъ пескахъ рыбы 99,530 р. Нужно еще замѣтить, что аренда уплачивается большею частію товарами, причемъ инородцы страшно обманываются и получаютъ товары по чрезвычайно дорогимъ цѣнамъ. Независимо отъ этого, арендаторы вовлекаютъ хозяевъ въ долги, давая имъ, при уплатѣ арендной цѣны, еще нѣсколько товару въ кредитъ, сверхъ платы. Потомъ арендаторъ нанимаетъ своего хозяина работать на нанятомъ у него пескѣ; вмѣсто платы за работу, хозяинъ песка получаетъ прощеніе своего долга арендатору. Если же долгъ этотъ слишкомъ малъ, для того чтобы по-

крыть заработную плату, или, если инородецъ не долженъ арендатору, то плата производится дорогими товарами. Во всякомъ случаѣ инородецъ дѣлается должникомъ арендатора, и вслѣдствіе этого, по необходимости, отдаетъ ему же въ аренду свой песокъ и на слѣдующій годъ. Такимъ образомъ, если песокъ и не переходитъ въ полную собственность арендатора, то послѣдній пользуется имъ почти даромъ.—Часто инородцы отдаютъ въ аренду рыболовное мѣсто не все, а только нѣсколько паевъ и эксплуатируютъ его вмѣстѣ съ арендаторами. Послѣдніе, благодаря своей изворотливости, лучшимъ снарядамъ и наглости, получаютъ въ ущербъ инородцу, гораздо больше прибыли, чѣмъ слѣдуетъ имъ по условію. Часто такая аренда кончается тѣмъ, что арендаторы захватываютъ въ свою пользу все угодье. Такъ ряполовскіе и цынгалинскіе остяки давали пай въ своихъ рыболовныхъ угодьяхъ ряполовскимъ крестьянамъ. Но въ 1823 г. крестьяне лишили цынгалинскихъ остяковъ ихъ пая, а въ 1825 г. та же участь постигла и ряполовскихъ остяковъ. Крестьяне овладѣли всѣмъ угодьемъ и начали отдавать его въ аренду одному купцу за 140 р. въ годъ. Остяки раззорились. Такъ въ 1815 г. инородцы филинскихъ юртъ отдали доньщиковскимъ крестьянамъ въ аренду на тридцать лѣтъ часть своихъ сѣнокосовъ. „Когда прошелъ“ — пишутъ въ своей просьбѣ остяки — „кортомный срокъ, то мы неоднократно упомянутымъ крестьянамъ отъ кортому отказывали, но они все-таки усильствомъ своимъ траву косятъ! Сверхъ того, въ бору нашемъ, при лисьихъ гнѣздахъ, безъ дозволенія нашего стрѣляютъ бѣлку, вырубаютъ лучшій лѣсъ, ловятъ *птаху*, а въ рѣчкѣ Волоковой промышляютъ рыбу, чѣмъ дѣлаютъ намъ крайнюю бѣду и въ промыслахъ недостатокъ.“ Вотъ, вамъ и аренда!..

V.

КАБАЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ИНОРОДЦЕВЪ КЪ РУССКОМУ НАСЕЛЕНІЮ.

Мы разсмотрѣли, какимъ образомъ инородческія угодья переходятъ въ руки русскихъ. Но экономическая эксплуатація инородцевъ не ограничивается этимъ. Инородецъ дѣлается кабальнымъ рабомъ русскаго человѣка.

Выше мы уже нѣсколько разъ замѣчали, что торговля съ инородцами отличается громадными процентами и губительнымъ кредитомъ. Инородцу нуженъ хлѣбъ, ему нужно снарядиться на охоту, ему нужно уплатить подати, — во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ входитъ въ долги у русскаго человѣка. И будьте увѣрены, что онъ не выплатитъ этого долга во вѣки вѣковъ. На первый годъ онъ отдаетъ своему кредитору все упромышленное имъ и все-таки за нимъ будетъ считаться часть будто бы недоплаченнаго долга; въ то же время онъ по необходимости дѣлаетъ новый долгъ, который заставляетъ его и на слѣдующій годъ отдать кредитору весь свой уловъ. И не только самъ инородецъ остается кабальнымъ должникомъ кредитора до своей смерти, но его долги переходятъ на его потомство, которое по наслѣдству поступаетъ въ кабальную зависимость къ потомкамъ кредитора, которому закабалился ихъ отецъ. Немногіе инородцы избавлены отъ этой печальной участи. Большинство ихъ давно уже сдѣлалось кабальными работниками купцовъ, промышленниковъ и крестьянъ. Эти кабальники эксплуатируютъ въ пользу кредиторовъ свои угодья и за это получаютъ отъ нихъ лишь такую плату, которая доставляетъ имъ только возможность не умереть съ голода, да заплатить, и то не всѣ, подати и повинности. Такъ въ восточной Сибири вся инородческая звѣропромышленность, по справедливому замѣчанію Раева, находится подъ гнетомъ купеческаго деспотизма, безъ всякой

соразмѣрности выгодъ промышленника и покупщика. Менѣе другихъ инородцевъ подчинены этой кабалѣ буряты. Бурятъ можетъ избѣжать монополіи купца, потому что многіе буряты сами ходятъ въ городъ продавать свои мѣха и продаютъ конечно тому, кто даетъ дороже. Но это относится только къ племенамъ ближайшимъ къ Иркутску. Чѣмъ отдаленнѣе племя отъ города, тѣмъ болѣе оно встрѣчаетъ затрудненій въ сбытѣ и тѣмъ сильнѣе подчиняется вліянію монополіи. Сословіе этихъ монополистовъ охватило все пространство, на которомъ добывается дорогой звѣрь. И инородцы, войдя разъ въ долговое обязательство съ такими людьми, никогда уже не въ состояніи выдти изъ подъ вліянія ихъ. Нужда все больше и больше заставляетъ его забирать въ долгъ и онъ по необходимости долженъ отдавать весь свой товаръ за цѣну, произвольно назначенную покупщикомъ. Зло это, впрочемъ, имѣетъ одну хорошую сторону, именно ту, что кредиторъ рѣдко оставляетъ инородца даже и въ томъ случаѣ, если его промыселъ бываетъ неудаченъ; безъ помощи кредитора, въ такомъ случаѣ, не имѣя возможности достать все нужное для промысла, инородецъ долженъ былъ бы умереть съ голоду. Такъ множество березовскихъ остяковъ и самоѣдовъ обязаны жизнію своимъ кредиторамъ-кабалителямъ. Остякъ не можетъ обойтись безъ хлѣба, который продаетъ ему купецъ. Остякъ покупаетъ хлѣбъ въ долгъ и обязуется заплатить въ слѣдующемъ году рыбою. Вошедши въ долгъ, онъ находится уже въ полной власти купца, который кладетъ произвольную цѣну, какъ на свой товаръ, такъ и на товаръ остяка. Эти спекулянты изъ Обдорска, Березова и Тобольска цѣлое лѣто разгуливаютъ по Оби на своихъ судахъ, покупаютъ рыбу и солятъ на мѣстѣ лососей и осетровъ, а потомъ отвозятъ ихъ въ свои магазины, построенные по берегамъ рѣки. Продавъ съ отличнымъ барышомъ привезенную муку, купцы возвращаются домой съ большимъ грузомъ рыбы и съ радостною надеждою такъ же выгодно торговать съ инород

цами и на будущій годъ. Такъ ведется торговля не одной мукой, а всѣми товарами, необходимыми для инородца. Привезенный купцами товаръ раздается мелкимъ промышленникамъ, болѣе или менѣе задолжавшимъ купцу и купецъ, отдавая товаръ своему должнику, необходимо налагаетъ лишній процентъ. Мелкіе торговцы продаютъ инородцу также въ долгъ и также съ надбавкою большихъ процентовъ. Торговецъ очень вѣрно расчитываетъ, что чѣмъ выше цифра въ долговомъ счетѣ инородца, чѣмъ на большее полученіе можно расчитывать; а инородецъ думаетъ, что чѣмъ дороже вещь, тѣмъ она лучше. Такое барышничество, какъ мы уже замѣтили, хотя раззоряетъ и закабаляетъ инородцевъ, но за то и спасаетъ ихъ въ особенно трудныя для нихъ времена голода, неудачи промысловъ или уплаты податей. Благодаря кабалѣ, инородецъ имѣетъ рыболовныя сѣти, хотя и плохія, имѣетъ винтовку, свинецъ и контрабандный порохъ, безъ которыхъ онъ умеръ бы съ голоду; кредиторъ платитъ за него подати даже и въ тѣ года, когда инородецъ потерпѣлъ положительную неудачу въ промыслѣ и не добылъ ничего. Мы вовсе не хотимъ защищать торговли съ инородцами; громадные проценты, сдираемые съ инородцевъ, гнилые товары, фальшивые вѣсы, спаиванье инородцевъ водкой, закабаленіе инородческаго населенія и тому подобныя плутни, постоянно сопровождавшія эту торговлю, удаляютъ всякую мысль объ ея защитѣ. Но мы сейчасъ увидимъ, что ограниченіе этой торговли, ограниченіе, не соединенное съ другими мѣрами къ прекращенію инородческихъ золъ, причиняло инородцамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Въ сороковыхъ годахъ восточную Сибирь ревизовалъ сенаторъ графъ Толстой. Онъ нашелъ, что иркутское купечество, выѣзжая въ инородческія стойбища до сбора ясака, скупаетъ всѣ лучшіе ясачные мѣха, вслѣдствіе чего въ ясакъ поступаютъ только мѣха низшаго сорта. По этому купцамъ и было запрещено ѣздить къ инородцамъ для торговли во вся-

кое время, какъ это было до тѣхъ поръ. Купцамъ позволено торговать съ инородцами только въ февралѣ и съ 1 іюля по 1 сентября. Купцамъ запрещено нетолько торговать съ инородцами во все остальное время года, но даже имѣть въ инородческихъ стойбищахъ амбары и магазины для склада своихъ товаровъ. Если купецъ, въ отведенное ему для торговли время, не успѣлъ продать всѣхъ своихъ товаровъ, то остатокъ онъ непремѣнно долженъ увезти съ собою назадъ. Этотъ законъ 27 февраля 1844 г. велъ за собою значительный упадокъ частной торговли съ инородцами. Главною причиною тому служило крайнее неудобство назначеннаго для торговли времени. Лѣтомъ инородцы расходятся для промысловъ въ разныя, отдаленныя отъ ихъ жилищъ мѣста; дома остаются только немногіе; у нихъ купецъ ненайдетъ тогда никакого товара; у нихъ въ это время часто даже нечего ѣсть. Въ февралѣ мѣсяцѣ инородцы также не имѣютъ товаровъ, которые они могли бы продать купцу. Да если купецъ и найдетъ въ упомянутые сроки какіе нибудь товары у инородцевъ, то ему некуда сбыть ихъ. Товары, купленные у инородцевъ въ февралѣ, не поспѣютъ на ирбитскую ярмарку, а закупленные въ лѣтнюю поѣздку къ инородцамъ—опоздаютъ на нижегородскую ярмарку. Не забудьте, что купецъ отдѣленъ отъ инородческихъ стойбищъ большими пространствами, что отправляясь съ товаромъ часто за 1000 верстъ, онъ рискуетъ не распродать своего товара и долженъ тащить его назадъ цѣлыя тысячи верстъ. Въ силу этихъ причинъ, частная торговля съ инородцами значительно сократилась съ 1844 г. До этого времени въ нарымскій край, напр., ввозилось товаровъ на 200,000 р., а нынѣ только на 50—60,000 р.; вывозилось инородческаго звѣря до 1844 г. на 30—150,000 р.; а въ 1854 г. на ирбитскую ярмарку вывезено только на 13,000 р. Такой упадокъ частной торговли велъ за собою ухудшеніе экономическаго состоянія инородцевъ. Чтобы инородцу отправиться на промыселъ звѣря, орѣховъ, птицы или

рыбы, онъ долженъ обезпечить себя и свое семейство пищею и одеждою мѣсяца на четыре или на пять, онъ долженъ пріобрѣсть ружье, порохъ, свинецъ, ловушку, неводъ и т. д. Изъ всѣхъ этихъ необходимыхъ предметовъ казна даетъ инородцу только немного пороху, свинцу и хлѣба. Но этого хлѣба очень недостаточно для инородцевъ и этотъ недостатокъ онъ долженъ восполнить покупкою муки изъ частныхъ рукъ. Изъ частныхъ же рукъ только инородецъ можетъ доставать себѣ оружіе, сѣти, мясо, холстъ. Съ упадкомъ частной торговли множество инородцевъ лишилось возможности пріобрѣтать эти необходимые предметы и тѣмъ были ввержены въ крайнюю бѣдность. Въ нарымскомъ краѣ, напр., множество инородцевъ вовсе бросило звѣропромышленность и поступило въ работы къ купцамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ; это сдѣлали въ особенности обскіе инородцы. Остяки чижановскіе и нюренскіе почти всѣ переселились въ тарскій округъ и поступили тамъ въ работы къ крестьянамъ. Васюганскіе же инородцы, обремененные большею частію большими семействами, не могли поступить въ постоянныя работы къ нарымскому купечеству. Они занимаются промысломъ бѣлки, но не въ состояніи ходить въ отдаленныя, обильныя звѣремъ мѣста; они охотятся только въ окрестностяхъ своихъ зимнихъ юртъ, забирая съ собою на охоту все свое семейство, которое питается тогда бѣлкою, кротами, колонками и олениной. „Представьте себѣ“—пишетъ очевидецъ—„это несчастное семейство, которое должно жить подъ открытомъ небомъ, вырывъ подъ густымъ деревомъ яму въ снѣгу и устлавъ ее вѣтвями хвойнаго дерева. Эти бѣдняки въ своихъ рубищахъ кое-какъ отогрѣваютъ у костра свои закоченѣвшіе члены. Женщины въ это же время часто разрѣшаются отъ беременности. Несчастная мать, не имѣя никакого пріюта и для прочихъ своихъ дѣтей, должна согрѣвать новорожденнаго на своей холодной груди и кормить его на открытомъ воздухѣ, имѣющимъ градусовъ 45 мороза!“ —

Отъ подобнаго положенія инородцы находили спасеніе только въ кабальной работѣ у русскихъ. Инородцы, какъ мы уже сказали, дѣйствительно начало во множествѣ выходить изъ своихъ лѣсовъ и наниматься въ работу на судахъ, коноводкахъ, пароходахъ, а также на пріиски томскихъ золотопромышленниковъ. Инородцу давали въ лѣто рублей 15—20 или только платили за него казенныя недоимки, да кое-какъ прикрывали наготу его. Инородецъ работалъ какъ волъ все лѣто, работалъ почти даромъ, а затѣмъ — голодовалъ цѣлую зиму. Эти работы теперь почти вовсе прекратились: съ пріисковъ инородцевъ вытѣснили болѣе выгодные для золотопромышленника ссыльные; обскія же суда на которыхъ работали дикари, постепенно исчезаютъ съ развитіемъ параходства. Большинство этихъ инородцевъ поступило въ домашніе работники къ русскимъ. „Здѣсь они", пишетъ г. О—въ, „окончательно гибнутъ и матеріально и нравственно. Если они попадаютъ въ *срокъ*, какъ здѣсь называется такая работа, то они считаютъ себя окончательно погибшими и становятся до того апатичными, что если кто укоритъ такого работника въ лѣности или дурномъ поступкѣ, то остякъ отвѣтитъ: „что-же такое,—я вѣдь сроковой!.." Одни только кетскіе инородцы пользуются болѣе счастливымъ положеніемъ, благодаря священнику села Максимояровскаго. Священникъ доставляетъ имъ съѣстные припасы, оружіе, платитъ за нихъ ясакъ, а они ежегодно отдаютъ ему *всю свою добычу* — тысячи пудовъ орѣховъ, тысячи бѣлокъ и др. звѣрей. Всѣ эти товары священникъ продаетъ купцамъ. Вообще нужно замѣтить, что съ изданія указа 27 февраля 1844 г. купцы начали вести контрабандную торговлю черезъ посредниковъ, живущихъ постоянно между инородцами, черезъ вахтеровъ хлѣбныхъ магазиновъ, казаковъ, крестьянъ и т. д. Это увеличивало дороговизну товаровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ усиливало кабалу, и кабалу не однимъ только купцамъ, а также вахтерамъ, казакамъ, крестьянамъ и т. д. Раззорившійся инородецъ часто

тащится съ своею юртою въ русскую деревню, ставитъ ее подлѣ крестьянскаго дома и работаетъ со всѣми своими домочадцами на крестьянина, получая отъ него только скудную, дрянную пищу. Иногда, за малочисленностью русскаго населенія, инородцы попадаютъ въ кабалу, къ инородцамъ же. Такъ въ березовскомъ округѣ въ 1859 году въ большей части остяцкихъ деревень хозяева составляли не болѣе четвертой части; остальныя три четверти состояли изъ остяковъ-работниковъ, т. е. кабальниковъ.

Кабала у крестьянина или у инородца гораздо вреднѣе, чѣмъ кабала у купца. Отъ крестьянина инородецъ получаетъ только пищу и одежду, а отъ купца, кромѣ того, оружіе, свинецъ, сѣти. Кабальникъ крестьянина — нищій деревенскій работникъ, кабальникъ купца—звѣроловъ, рыбакъ или скотоводъ. Если онъ даже обязанъ отдавать кредитору всѣ продукты своего промысла, то онъ можетъ обмануть кредитора и отдать ему не все, добытое имъ. Такимъ образомъ, упадокъ торговли съ инородцами ухудшилъ положеніе многихъ дикарей, не избавивъ ихъ въ то же время отъ купеческаго вліянія. Купцы все-таки продолжаютъ торговать съ инородцами. Въ стойбища, напр., нарымскихъ инородцевъ, по словамъ г. О — ва, купцы имѣютъ теперь почти *свободный* въѣздъ во всякое время; но звѣропромышленность у инородцевъ чрезвычайно пала, и поэтому торговля съ ними не можетъ имѣть обширныхъ размѣровъ. Кромѣ того, съ упадкомъ торговли частныхъ лицъ, ею начали заниматься официальныя лица, — смотрители хлѣбныхъ магазиновъ, казаки, засѣдатели и т. д. Такъ, по словамъ „*Сибирскаго Вѣстника*" (1866 г. № 13), въ Гижигѣ „частная торговля идетъ плохо потому, что тамъ черезъ исправника торгуетъ казна товарами, посылаемыми канцеляріей изъ Николаевска подъ предлогомъ обезпеченія казаковъ и инородцевъ. Исправникъ имѣетъ и свои товары... Всѣ эти товары и хлѣбъ находятся въ распоряженіи урядника, который продаетъ ихъ инородцамъ за звѣрей, а казакамъ

даетъ въ счетъ будущаго жалованья. Но самыя нужныя и ходовыя вещи отдѣляются для Р., который, записавшись въ гильдію, разъѣзжаетъ по округу и деретъ по хорошей шкуркѣ съ каждаго инородца. Чтобы дѣла шли успѣшнѣе, онъ снабжается и порохомъ, который для другихъ есть товаръ недоступный... Гижигинскіе купцы, запуганные казенною торговлею, совсѣмъ опустили руки и чуть не сдѣлались прикащиками исправника, пользуясь отъ него ничтожнымъ количествомъ товаровъ и платя ему, разумѣется, самые высокіе проценты... Инородцы всѣ должны купцамъ и не въ состояніи уплатить этого долга, хотя взысканіе его купцы производятъ съ примѣрною строгостью, обирая у инородцевъ всѣхъ соболей и не оставляя нисколько у нихъ даже для уплаты ясака". Мы не можемъ навѣрное сказать, что исправники превращаются въ купцовъ и въ другихъ округахъ; но до начала настоящаго царствованія это было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ... Кромѣ исправниковъ и засѣдателей, торговали съ инородцами вахтера, прикрываясь личиною офиціальныхъ продавцовъ хлѣба, пороха и свинца.

Вообще мы разсказывали, какъ часто инородцы до Сперанскаго мерли съ голода и дѣлались даже людоѣдами. Мы говорили также, что система казеннаго продовольствія инородцевъ была въ самомъ дурномъ состояніи. Сперанскій обратилъ на это вниманіе и, значительно увеличивъ объемы казеннаго продовольствія инородцевъ, составилъ особыя правила для этой торговли. Продажу предписано производить въ обыкновенныхъ случаяхъ на деньги, съ наложеніемъ 6% въ пользу обращающагося капитала; но въ крайнихъ случаяхъ угрожающаго голода, предписывается не только не налагать процента, но позволяется продавать даже ниже настоящей казенной цѣны. Въ послѣднемъ только случаѣ дозволена продажа *кочующимъ* въ долгъ, но не иначе, какъ по требованію и на отвѣтственности старостъ, головъ и степныхъ думъ. Бродячимъ же инородцамъ продажа въ долгъ дозволена во всякое

время, въ обыкновенныхъ случаяхъ по требованію и на отвѣтственность почетныхъ людей, въ случаѣ же настоятельной нужды—каждому требующему пособія безъ всякихъ формальностей. Во взысканіи этихъ долговъ для бѣдныхъ чинить отсрочки, а при безнадежности взысканія, долги эти, по рѣшенію губернскаго совѣта, прощать.

Едва сибирское уложеніе успѣло войти въ силу, какъ на инородцахъ накопились уже огромные долги за казенный хлѣбъ, порохъ и свинецъ. Напр., инородцы тогурскаго отдѣленія уже въ 1825 г., были должны 9,904 р. Вопреки уложенію, взысканіе этихъ долговъ начали производить съ примѣрною и раззорительною строгостью, о которой мы можемъ судить по тому, какъ взыскивались эти долги въ березовскомъ краѣ въ пятидесятыхъ годахъ. На березовскихъ инородцахъ по обыкновенію были огромные долги за казенные товары. Начальство сочло возможнымъ взыскать эти долги. Засѣдателямъ было предписано, чтобы они отбирали у инородцевъ все промышленное ими, кромѣ рыбы, и присылали въ Березовъ для продажи съ аукціона. Предписаніе было исполнено въ точности. Но всѣ отобранные у инородцевъ мѣха, орѣхи и т. д., могли быть проданы только по самымъ низкимъ цѣнамъ, и на инородцахъ все-таки остались большіе долги. Начальство заключило съ одной пароходной компаніей контрактъ о поставкѣ дровъ на пароходы посредствомъ инородцевъ. Инородцамъ было предписано отправляться на извѣстные пункты для рубки дровъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ такъ называемую *комарную пору*, когда отъ комаровъ въ лѣсу нельзя и носу показать безъ сѣтки или дыма. У остяковъ не было ни топоровъ для рубки, ни лошадей, ни телѣгъ для возки дровъ, ни платья, ни сѣтокъ, ни рукавицъ, необходимыхъ для защиты отъ насѣкомыхъ. Всѣ остяки рѣшились бѣжать, но были остановлены узнавшими объ ихъ намѣреніи вахтерами. И остяки были принуждены нанять рубить дрова тѣхъ же вахтеровъ, которые взяли по три рубля съ квадратной сажени. Инородцы заплатили вахтерамъ

работой и кабалой. Вахтера же вовсе не рубили дровъ,—да и невозможно было въ теченіи двухъ мѣсяцевъ поставить одному человѣку 100—150 кв. саженъ. Сначала вахтера донесли, что дрова нарублены, а потомъ снова донесли, что дрова всѣ унесены разливомъ Оби. Чѣмъ кончилось дѣло,—не знаю. Подобныя строгія взысканія долговъ были особенно часты въ первое время послѣ Сперанскаго, и напуганные ими инородцы начали избѣгать покупки казеннаго хлѣба. Такъ въ 1829 г. начальникъ тобольской губерніи писалъ, что „инородцы, въ особенности пелымскаго края, не берутъ изъ казенныхъ магазиновъ хлѣба для своего продовольствія единственно изъ боязни строгихъ мѣръ, употребляемыхъ при взысканіи накопившихся на нихъ недоимокъ, и въ семъ страхѣ томятся голодомъ". Но это продолжалось недолго; начальство скоро убѣдилось въ негодности особенно строгихъ мѣръ при взысканіи долговъ, и инородцы стали больше покупать казеннаго хлѣба. Долги росли, по истеченіи извѣстнаго времени прощались, потомъ снова росли. Въ туруханскомъ краѣ долгъ за хлѣбъ простирается иногда до 200 р. на человѣка. По всѣмъ магазинамъ этого края въ 1861 г., на шестидесяти четырехъ инородцахъ хлѣбной недоимки считалось 13,000 р. сер. Нужно замѣтить, что благодаря плутнямъ вахтеровъ, значительная часть этого долга давно уже заплачена инородцами, но не скинута со счетовъ. Въ березовскомъ краѣ въ 1850 г., были должны за хлѣбъ 12,947 р., а въ 1852 г. 17,000 р. Большею частію эти долги неоплатные, такъ смотрятъ на нихъ и администраторы и сами инородцы. „Старый долгъ—гнилой долгъ", говоритъ остякъ и продолжаетъ забирать казенный хлѣбъ съ полной увѣренностью, что никогда не заплатитъ за него. И онъ дѣйствительно не платитъ. Такимъ образомъ, множество инородцевъ давнымъ давно уже состоитъ на казенномъ содержаніи. Это чрезвычайно вредно дѣйствуетъ на ихъ характеръ и ихъ экономическое благосостояніе. Инородецъ увѣренъ, что казна если не накормитъ его до-сыта, то по край-

ней мѣрѣ не дастъ ему умереть съ голода,—и онъ мало заботится о будущемъ, вполнѣ надѣясь на казенную помощь.

По сибирскому уложенію, всѣ казенныя продажи инородцамъ должны имѣть двоякую цѣль: 1) умѣреніе частныхъ цѣнъ на хлѣбъ, и 2) пособіе инородцамъ въ ихъ продовольствіи и промыслахъ. Мы сейчасъ увидимъ, въ какой мѣрѣ достигались эти цѣли.

Поставка хлѣба въ казенные магазины производится посредствомъ того же купечества, которое торгуетъ съ инородцами хлѣбомъ. Эта поставка всегда обходилась очень дорого, и казенный хлѣбъ поэтому былъ всегда немногимъ дешевле, а иногда даже дороже частнаго. Можно принять среднимъ числомъ, что казенный хлѣбъ стоитъ 80 коп. пудъ, а въ частной продажѣ 1 руб. Но, какъ увидимъ ниже, вахтера продаютъ хлѣбъ дороже казенной цѣны, дѣлая надбавку въ свою пользу, отчего казенный хлѣбъ дѣлается дороже продаваемаго купцами. Иногда казенная торговля не только не умѣряла, но даже *возвышала* цѣны хлѣба, обращающагося въ вольной торговлѣ. Купцы имѣютъ право торговать хлѣбомъ и уложеніе предписываетъ не стѣснять этой торговли. Но такъ какъ казенная продажа хлѣба можетъ вредить успѣху купеческой хлѣбной торговли, то купцы начали входить въ сдѣлки съ вахтерами хлѣбныхъ магазиновъ. Вахтера задерживали выпускъ казеннаго хлѣба, а купцы продавали свой съ барышомъ. Тобольскій губернаторъ писалъ въ 1829 г., что „частные торгаши, входя въ стачки съ чиновниками, раздаютъ въ ссуду хлѣбъ свой инородцамъ и, зная время, удобное для ловли звѣря, пріѣзжаютъ въ ихъ аулы для сбора онаго въ уплату долга и, употребляя при семъ случаѣ, въ видѣ угощенія, вино, получаютъ за безцѣнокъ самаго лучшаго звѣря“. Хотя березовскій исправникъ и отвѣчалъ на это замѣчаніе губернатора, что „того не только въ обыкновеніи никогда не было, но едвали и мыслію кто либо осмѣливался мнить о томъ“, но слова губернатора вполнѣ справедливы; сдѣлки вахтеровъ съ

купцами были и въ то время, были и послѣ. Само собою разумѣется, что эти сдѣлки падали всею своею тяжестью на инородцевъ. Что купецъ давалъ вахтеру, то онъ бралъ съ инородца за хлѣбъ. Цѣна хлѣба поднималась. А такъ какъ инородцы всегда покупали частнаго хлѣба гораздо больше, чѣмъ казеннаго, то такое поднятіе цѣнъ очень невыгодно отзывалось на инородцахъ.

Уже одно то, что размѣры частной торговли превышаютъ размѣры казенной торговли, показываетъ, что казенный хлѣбъ не обезпечиваетъ вполнѣ продовольствія инородцевъ. Это вполнѣ и подтверждается ближайшимъ разсмотрѣніемъ дѣла. Кромѣ того, что одного казеннаго хлѣба всегда было недостаточно для инородцевъ, и это недостаточное количество его рѣдко все покупалось инородцами. Иногда ихъ удерживалъ отъ покупки страхъ строгихъ взысканій хлѣбнаго долга, но чаще всего—отдаленность хлѣбныхъ магазиновъ, разбросанныхъ на сотни и тысячи верстъ. Инородецъ кромѣ того, можетъ покупать хлѣбъ только изъ того магазина, къ которому онъ приписанъ, а онъ иногда кочуетъ отъ него за тридевять земель. Самая покупка обставлена затруднительными формальностями. Прежде всего инородческій старшина долженъ собрать свѣденія у своихъ родичей, сколько кому нужно хлѣба. Эти свѣденія онъ представляетъ вахтеру, вахтеръ засѣдателю, засѣдатель со своимъ мнѣніемъ въ губернское правленіе, послѣднее утверждаетъ это мнѣніе и посылаетъ его къ засѣдателю, засѣдатель же предписываетъ вахтеру отпустить требуемое количество муки. Проходитъ въ этой перепискѣ время и часто нуждающійся инородецъ сидитъ голодомъ въ ожиданіи отпуска. Кромѣ того, инородцы раскиданы часто на тысячеверстномъ пространствѣ и старшина можетъ быть не въ состояніи собрать свѣденія о всѣхъ нуждающихся. А не попавшій въ его списокъ не получитъ хлѣба. Но всѣ эти неудобства—ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя создаются вахтерами хлѣбныхъ магазиновъ.

Представьте себѣ необозримую, пустынную, холодную тунд-

ру сѣвера; по которой разсѣяны хлѣбные магазины для продовольствія живущихъ тамъ инородцевъ. Здѣсь очень мало русскихъ жителей, отсюда далеко до значительнаго начальства. И вахтеръ—полный властелинъ, король печальной тундры. Этотъ король тундры происходитъ изъ простыхъ казаковъ или отставныхъ „благонадежныхъ" унтеръ-офицеровъ. Хорошо торгуетъ вахтеръ съ голодными, довѣрчивыми, робкими инородцами. Онъ или беретъ съ инородца за продажу хлѣба извѣстную дань или просто возвышаетъ казенную цѣну въ свою пользу. Но уплатить вахтеру дань можетъ не всякій инородецъ; хлѣбъ поэтому продается большею частію только болѣе или менѣе достаточнымъ. Не принесшій дани не получитъ хлѣба и можетъ умереть съ голода. Такъ васюганскій вахтеръ еще недавно былъ подъ судомъ за то, что, благодаря ему, одно инородческое семейство умерло съ голода, и причина его смерти была записана священникомъ въ метрическую книгу. Вахтеръ можетъ обвѣсить инородца. Вахтеръ можетъ подмѣшать въ муку песку и снѣгу. Но этого мало,—вахтеръ заводитъ свою частную торговлю, обзаводится мукой, водкой, свинцомъ, порохомъ. Инородецъ попадается къ нему въ кабалу тѣмъ болѣе тягостную, что вахтеръ держитъ въ своихъ рукахъ жизнь инородца. Инородецъ кабалится вахтеру за его собственные товары, онъ кабалится ему также въ томъ случаѣ, если, будучи не въ состояніи дать вахтеру за отпускъ хлѣба подарокъ, можетъ предложить ему только свою свободу. Вахтеръ кормитъ инородца, а инородецъ отдаетъ вахтеру всю свою добычу. Вахтеръ, напр., даетъ инородцу въ долгъ нѣсколько пудовъ муки; инородецъ забираетъ свою семью и отправляется на промыселъ; съѣвъ весь хлѣбъ, онъ выходитъ изъ тайги къ магазину, отдаетъ вахтеру всю свою добычу, снова забираетъ въ долгъ хлѣба, снова идетъ въ лѣсъ, снова отдаетъ вахтеру всю свою добычу и т. д.—Вахтеръ богатѣетъ страшно. При поступленіи на службу онъ имѣетъ только одну казенную солдатскую шинель, а черезъ десять-пятнадцать лѣтъ онъ становится бога-

чемъ. Напр. въ селѣ Тогурѣ въ 1860 г. умеръ вахтеръ Нестеровъ, казакъ сильно нажившійся отъ своей, повидимому, незначительной должности. Нестеровъ нажилъ четыре отличныхъ дома въ Тогурѣ, одинъ въ Нарымѣ; у него было 250 прекрасныхъ лошадей, кромѣ рабочихъ, множество рогатаго скота, свиней, птицы и т. п. Онъ вступалъ въ казенные подряды на поставку хлѣба, соли, пороха, велъ значительную торговлю мѣхами и орѣхами, поставлялъ на пароходы тысячи саженъ дровъ, содержалъ почтовую гоньбу отъ Нарыма до Томска. Въ 1860 г. онъ сгорѣлъ въ собственномъ домѣ. Но остяки долго не вѣрили въ его смерть: они видѣли, какъ Нестеровъ въ его красной рубахѣ былъ унесенъ въ воздухъ чертями; долго они боялись, что этотъ вахтеръ снова явится къ нимъ и снова начнетъ торговать съ ними!.. Другой король тундры, вахтеръ одного магазина, вывезъ въ Нарымъ въ 1864 г. *своихъ нажитыхъ имъ въ тундрѣ товаровъ:* на 1,000 р. сер. орѣховъ, на 180 р. сер. лосиныхъ кожъ, 7,000 бѣлокъ и 40 соболей! Да, выгодно быть вахтеромъ!.. Само собою понятно, что въ большинствѣ случаевъ администрація не можетъ искоренить злоупотребленія, гнѣздящіяся въ отдаленной тундрѣ и часто находящія себѣ сильную поддержку въ административныхъ центрахъ Сибири. Въ Туруханскомъ краѣ, напр., одинъ чиновникъ, посланный для изслѣдованія причинъ голода между инородцами былъ признанъ сумасшедшимъ и отозванъ назадъ, когда началъ раскрывать истинную причину горестнаго положенія дикарей. Назначенная послѣ того комиссія, вмѣсто слѣдствія, пустилась въ торговлю.

Инородецъ, какъ мы видѣли, не всегда имѣетъ хлѣбъ; инородца, какъ мы уже говорили, часто поражаетъ неудача его промысловъ; вслѣдствіе этого, и послѣ Сперанскаго много разъ повторялись ужасныя голодовки, въ родѣ описанной нами туруханской въ 1814—1816. И послѣ Сперанскаго голодная смерть хаживала по сибирской тайгѣ, истребляя бѣдныхъ дикарей. Такъ въ 1827 г. въ рѣкахъ нарымскаго края

отъ чрезвычайныхъ морозовъ вымерла рыба. Насталъ голодъ. „Остяки“, по словамъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, — „находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи и только-что не умирали отъ голода“. Такія голодовки повторялись въ нарымскомъ краѣ и послѣ; въ такихъ случаяхъ, по словамъ О—ва, весной инородцы выходили на Обь, ловили плывшую по ней дохлую скотину и ѣли эту падаль. Баронъ Врангель въ своемъ путешествіи пишетъ, что инородцы сѣверовосточной Сибири часто имѣютъ полную неудачу въ охотѣ на дикихъ оленей. Настаетъ голодъ. Племя разсыпается по тундрѣ отдѣльными семействами. Они питаются древесной корой, травами, воронами, падалью. Многіе гибнутъ съ голоду. Вотъ напр. въ 1844 году въ окрестностяхъ аянскаго порта бродитъ нѣсколько семей остяковъ. Они потерпѣли полную неудачу въ охотѣ и въ ловлѣ нерпъ. Они голодны и отъ голода больны. Силы постепенно измѣняютъ имъ. Аянъ близко, но они не могутъ идти... Управляющій аянской факторіей узналъ объ этомъ и послалъ помощь; но въ живыхъ застали только одного тунгуса, всѣ остальные уже кончили свою страдальческую жизнь... Но это что!.. Вотъ, раннимъ утромъ по улицамъ какого нибудь сибирскаго города подъ звукъ барабана медленно движется черная, позорная колесница, съ сидящемъ на ней преступникомъ инородцемъ. На груди его привязана доска и на ней написано: *дѣтоубійца и женоубійца*... Но эти слова не выражаютъ его преступленія,—это человѣкъ съѣвшій во время голодовки свою жену и своихъ дѣтей! Случаи людоѣдства бывали и послѣ Сперанскаго.

Продавать инородцамъ вино всегда строго запрещалось. Это запрещеніе подтверждалось и сибирскимъ уложеніемъ и поддерживалось высшимъ мѣстнымъ начальствомъ. Но *огненная вода* по прежнему текла по инородческимъ стойбищамъ, пожирая и имущество и здоровье инородцевъ. Купцы, казаки, крестьяне и т. д. всегда отлично умѣли пользоваться вод-

кой для своего обогащенія. Инородецъ же страшно любитъ это зелье и готовъ отдать за него все, хотя послѣ, во время голоднаго похмѣлья, и готовъ пожаловаться на виноторговца-раззорителя. Такъ въ 1832 г. инородцы комляжской и южской волостей приносили ясачной комиссіи такую жалобу на бійскаго засѣдателя Черепанова: „при сборѣ нашего общества въ деревню Найму, при сборѣ нашего ясака г. Черепановъ имѣлъ при себѣ вино, которое продавалъ намъ каждый штофъ по 5 р. Верхнекумандинской волости Демичи Игдановъ пропилъ 2 р. 50 к. Комляжской волости Сазы Окучаевъ, вообще, съ волостью пропилъ 15 р., да во второй разъ 15 р. Южской волости Полушка Чехановъ вообще съ оной волостью пропилъ 14 р. Кузенской волости Арыспай Юдековъ 5 р. Да онъ же Черепановъ просилъ подарокъ, и дали ему 30 р., и за то онъ хотѣлъ намъ руку помощи подать". Чтобы характеризовать эту прежнюю виноторговлю мы разскажемъ здѣсь, какъ она производилась въ березовскомъ краѣ въ тридцатыхъ годахъ. За достовѣрность этого разсказа ручается офиціальность источниковъ, по которымъ онъ составленъ (*Архивъ Главн. Управл. Зап. Сибири № 1889 и 1407*). Съ 1810 по 1831 г. протоіерей Вергуновъ велъ обширную торговлю сукномъ, холстомъ, чаемъ, сахаромъ, медомъ, солью, крупою, хлѣбомъ, табакомъ, мѣхами. Березовскій округъ простирается болѣе, чѣмъ на 2,000 верстъ и на всемъ этомъ пространствѣ торговалъ Вергуновъ; его причетники разъѣзжали всюду на обывательскихъ, безъ платежа прогоновъ. Они продавали инородцамъ и водку по 40 р. ведро, покупая ее въ Березовѣ по 5 р. ведро. Напоивъ инородцевъ, они забирали у нихъ, что попадалось. Кромѣ того инородцы покупали много водки у березовскихъ обывателей, преимущественно у откупщика. Прежде чѣмъ инородецъ отправлялся въ городъ за водкой, онъ долженъ былъ являться къ засѣдателю, и онъ, за извѣстную сумму, давалъ инородцу дозволеніе ѣхать за водкой. Собиралось нѣсколько инородческихъ семей и отправ-

лялось въ Березовъ. Здѣсь инородцы останавливались у знакомаго обывателя, который велъ ихъ представлять разнымъ чиновникамъ. Сначала шли къ городничему; городничій спрашивалъ — сколько имъ нужно водки и сообразно съ количествомъ ведеръ назначалъ количество потребныхъ ему мѣховыхъ даровъ; затѣмъ онъ давалъ остякамъ дозволительную записку къ откупщику на отпускъ водки. Отъ городничаго остяковъ вели къ исправнику и ко всѣмъ другимъ важнымъ чиновникамъ, а если ихъ водилъ казакъ, то и къ начальнику казачьей команды. Вездѣ повторялась таже исторія, что и у городничаго. Наконецъ, инородцы добираются до откупщика и закупаютъ нѣсколько сотъ ведеръ водки. Закупивъ водки для отвоза въ стойбища, инородцы покупаютъ еще для гулянки въ самомъ городѣ. Начинается безобразное пьянство, во время котораго хозяева инородцевъ отбавляютъ изъ ихъ посудинъ много водки, добавляя эти посудины водой. Пропивъ все, что можно пропить, инородцы отправляются домой. Едва отъѣдутъ они версты двѣ-три, какъ уже встрѣчаютъ на дорогѣ чиновниковъ, у которыхъ они не были. Чиновники останавливаютъ дикарей, начинаютъ допрашивать—какъ смѣли они покупать водку, грозятъ имъ судомъ, приказываютъ вернуться въ городъ и т. д. Инородцы удовлетворяютъ этихъ господъ, чѣмъ могутъ — деньгами, звѣриными шкурами, отпряженными отъ саней оленями или снимаемою съ себя одеждою. Инородцевъ отпускаютъ. Проѣдутъ они версты три, — вдругъ на дорогѣ стоитъ нѣсколько верховыхъ казаковъ съ обнаженными саблями, а „другіе казаки, нагоняя ихъ, скачутъ на лошадяхъ и приведя инородцевъ въ безмѣрный страхъ, забираютъ все, что осталось у нихъ изъ денегъ или вещей; буде же мало того, то снимаютъ съ нихъ половину одежды и забираютъ даже часть купленнаго ими вина, и тогда только отпускаютъ инородцевъ въ ихъ жилища“. Чиновникъ Палашковскій, ѣздившій въ Березовъ для изслѣдованія этихъ злоупотребленій, пишетъ, что какъ чиновники, такъ и мѣ-

щане, купцы, казаки возили къ инородцамъ водку и, спаивая инородцевъ, забирали все, что могли найдти у нихъ цѣннаго. Особенно обширную виноторговлю велъ обдорскій отдѣльный засѣдатель. Конкурентовъ, такимъ образомъ, было много; они ссорились и доносили другъ на друга. Березовскій откупщикъ, страдавшій отъ этой конкуренціи, подалъ слѣдователю Палашковскому докладную записку. Откупщикъ изображалъ въ ней необходимость дозволить виноторговлю съ инородцами, „такъ какъ вино для большинства ихъ необходимо. Съ давнихъ временъ существуетъ между ними венерическая болѣзнь, отъ которой они лечатся настоемъ на винѣ сассапарели". Плохо вѣрится, чтобы подобныя вещи существовали тридцать пять лѣтъ назадъ!.. Въ другихъ мѣстахъ Сибири велась также обширная виноторговля. Даже въ настоящее время ведется... *Сибирскій Вѣстникъ* (1866 г. № 13) говоритъ, что въ „Гижигѣ между товарами исправника первое мѣсто и значеніе имѣетъ водка, которою распоряжается супруга исправника черезъ вѣстоваго казака". Кромѣ того тамошніе инородцы страстно любятъ настой мухомора на уринѣ. „Чукчи и коряки предпочитаютъ мухоморъ даже водкѣ, потому что послѣ опьяненія отъ него не чувствуется головной боли. Мухоморъ растетъ по всему охотскому прибрежью, но самый обильный сборъ его бываетъ въ Ямскѣ, откуда онъ и привозится въ Гижигу для коряковъ и чукчей. Чрезмѣрное употребленіе мухомора часто бываетъ причиною смерти. Торговля мухоморомъ въ Анадырскѣ укоренилась давно. Здѣсь его закупаютъ анадырскіе чукчи; они идутъ на встрѣчу носовымъ чукчамъ, возвращающимся съ колымской ярмарки, и вымѣниваютъ его на табакъ очень выгодно". Главная торговля мухоморомъ находится въ рукахъ купца К...

VI.

Санитарное состояние инородцевъ. Движение народонаселения. Заключение.

Въ настоящемъ отдѣлѣ мы должны значительно выйдти изъ предѣловъ описываемаго нами періода и начать съ 1763 г. Къ этому времени относится начало губительныхъ болѣзней во многихъ инородческихъ округахъ, къ упомянутому же году относятся и первыя, сколько нибудь полныя статистическія данныя о движеніи инородческаго народонаселенія.

Въ одной самоѣдской сказкѣ разсказывается, что два шамана спорили о своемъ могуществѣ. Одинъ изъ нихъ взялъ съ неба луну, и по землѣ распространился ужасный холодъ, убійственный для людей. Всѣ умоляютъ шамана отпустить луну, и онъ отпускаетъ. Но тотчасъ другой шаманъ схватываетъ съ неба солнце, — и люди начинаютъ умирать отъ страшнаго жара; они умоляютъ шамана поставить солнце на свое мѣсто. Въ этой мифической сказкѣ самоѣдъ изобразилъ тѣ пагубныя атмосферическія вліянія, которыя никогда не переставали поражать все инородческое народонаселеніе Сибири. Жестовая продолжительная зима, съ сорокаградусными морозами и снѣжными ураганами, удушливое жаркое лѣто съ его вредными болотными испареніями, — оба эти времени года равно губительны для инородческаго здоровья. Инородецъ плохо защищенъ отъ атмосферическихъ вліяній; его шалашъ грязенъ и холоденъ, его пища скудна и нездорова, его одежда часто не предохраняетъ его отъ холода и всегда не соотвѣтствуетъ основнымъ правиламъ гигіены. Все это ведетъ за собой рядъ губительныхъ болѣзней, истребляющихъ множество инородцевъ. Гибельность этихъ эпидемій увеличивается еще тѣмъ, что онѣ всегда наводятъ на ино-

родцевъ паническій страхъ; при появленіи эпидеміи всѣ инородцы разбѣгаются, бросивъ больныхъ на произволъ судьбы и только снабдивъ ихъ пищею на нѣсколько дней. Смертность поэтому громадная и при частомъ своемъ повтореніи эпидеміи постепенно истребляютъ цѣлыя племена. Съ особенною губительностью дѣйствовала всегда оспа [1]). Во второй половинѣ XVIII в. оспа сильно опустошала Забайкалье, появляясь здѣсь періодически, лѣтъ черезъ десять, и похищая множество тунгусовъ и бурятъ. Въ сентябрѣ 1768 года оспа изъ Охотска завезена въ Камчатку, а отсюда проникла на острова алеутскіе и курильскіе, также къ ледовитому морю. Эта эпидемія похитила около 20,000 камчадаловъ, коряковъ и курильцевъ. Въ слѣдующіе года къ оспѣ присоединилась горячка и лихорадка, и дѣятельно продолжали опу-

---

[1]) Для сравненія, и нѣкоторымъ образомъ въ видѣ поученія, мы сообщимъ здѣсь объ оспѣ въ колоніяхъ Новой Испаніи. А. Гумбольдтъ разсказываетъ (Essai politique sur la nouvelle Espagne, tome I, p. 344—352), что оспа, появившаяся здѣсь въ 1520 г., производила свои опустошенія періодически. Она произвела ужасныя опустошенія въ 1763 г. и особенно въ 1799 г. (въ тоже время, какъ и въ сѣверовосточной Сибири). Въ послѣдній годъ она похитила въ одной столицѣ Мехики болѣе 9,000 человѣкъ. Телѣги разъѣзжали каждый вечеръ за подборкой труповъ, какъ это бываетъ въ Филадельфіи во время желтой лихорадки. Большая часть мехиканскаго юношества была похищена оспою въ этотъ роковой годъ. Эпидемія 1797 г. была менѣе опустошительна, благодаря усердію, съ которымъ распространялось искуственное оспоприниваніе въ окрестностяхъ Мехики и въ епископствѣ Мехуаканѣ. Въ г. Вальядолидѣ изъ 6,800 челов., которымъ была привита оспа, умерли только 170 т. е. $2^1/_2$ изъ 100; тамъ же, гдѣ оспа не прививалась, умерло 14 изъ 100. Многіе частные люди, особенно духовенство, выказывали при этомъ похвальный патріотизмъ, останавливая посредствомъ оспопрививанія успѣхи этой эпидеміи. Тогда привили оспу болѣе 60 тыс. человѣкъ. Въ 1804 г. въ Мехику введена коровья оспа. Индѣйцы скоро научились переносить временное зло отъ оспопрививанія, чтобы избѣжать зла болѣе пагубнаго. Если бы прививаніе коровьей или обыкновенной оспы было извѣстно въ Новомъ Свѣтѣ въ XVI в., то многіе милліоны индѣйцевъ не погибли бы ея жертвою. Этой болѣзни слѣдуетъ приписать ужасное уменьшеніе туземцевъ Калифорніи и другихъ областей Америки. По словамъ Гумбольдта, главная заслуга по введенію оспопрививанія принадлежала духовенству, миссіонерамъ и частнымъ людямъ. Въ невѣжественной же Сибири не было ничего подобнаго, и оспѣ былъ здѣсь полный просторъ.

стошать Камчатку. Въ 1799 г. въ Камчатку прибылъ генералъ-маіоръ Сомовъ съ отрядомъ солдатъ. Тѣсное помѣщеніе команды на двухъ небольшихъ судахъ во время продолжительнаго плаванія, холодъ и сырость глубокой осени развили въ морѣ между солдатами тифъ, вынесенный на берегъ, по мѣрѣ размѣщенія солдатъ по Камчаткѣ, распространившійся по всему полуострову и по курильскимъ островамъ. Камчатка потеряла еще 2,000 челов. Въ то же время солдаты распространили сифились, заразившій всѣхъ камчадаловъ, перешедшій навсегда въ ихъ потомство и отнявшій всякую надежду когда-либо размножиться этому доброму племени. Тѣ же эпидеміи опустошили и другія части Сибири. Такъ въ 1824 и 1825 г. на Ленѣ отъ горячки вымерли тунгусы. Кромѣ горячки и оспы здѣсь свирѣпствуетъ проказа (lepra). Ужасная болѣзнь elephantiasis, по словамъ доктора Кибера, распространена между всѣми сѣверовосточными племенами. Тотъ же докторъ пишетъ, что у верхоянскихъ инородцевъ господствуетъ эпидемія, проявляющаяся сильнымъ стѣсненіемъ въ груди, головною болью и стрѣльбою въ ушахъ. Въ Туруханскомъ краѣ тифъ и оспа также не прекращали своихъ опустошеній до самого послѣдняго времени. Съ особенною силою дѣйствовала здѣсь оспа въ 1850 и 1851 г. Кромѣ того инородцы постоянно страдаютъ здѣсь снѣжной слѣпотой. Тифъ и оспа очень знакомы также всѣмъ инородцамъ губерній иркутской и томской. Такъ напр. въ 1841 г. множество телецкихъ калмыковъ погибло отъ тифозной горячки. Такъ нарымскій край, по свидѣтельству г. О—ва, постоянно страдаетъ отъ оспы, тифа и лихорадокъ. То же самое видимъ и въ тобольской губерніи, особенно въ сѣверной половинѣ ея, въ березовскомъ краѣ. Объ опустошительности ея здѣсь можно судить потому напр., что въ 1855 году въ обдорскомъ отдѣленіи отъ кровянаго тифа умерли втеченіе трехъ мѣсяцевъ 1,270 человѣкъ изъ 1,752 больныхъ, а въ кондинскихъ волостяхъ 53 изъ 64 больныхъ.

Перечисленныя нами эпидеміи истребляютъ инордцевъ періодически, но есть болѣзнь, которая никогда не разстается съ ними,—это сифилисъ. Инородцы называютъ его *русскою болѣзнію* и называютъ справедливо. Ею заразили дикарей солдаты, казаки, звѣропромышленники, ссыльные. Въ 1830 г. медицинскій инспекторъ восточной Сибири писалъ, что сифилисъ распространили въ Сибири преимущественно ссыльные „которые въ совмѣстномъ продолжительномъ путеслѣдованіи, предаваясь распутству, заражали другъ друга, принесли эту заразу въ Сибирь и заразили природныхъ жителей. Стеченіе въ извѣстное время отдаленныхъ жителей обоего пола на сборныя мѣста для торговъ, рыбныхъ промысловъ, взноса ясака и т. д., способствовало зараженію самыхъ отдаленныхъ жителей. Они, въ мѣстахъ этихъ, ведя нетрезвую жизнь, жертвуя такъ сказать Бахусу и Венерѣ въ излишествѣ и безъ всякой предосторожности, заражались сами и заражали другихъ“. Расходясь изъ этихъ сборныхъ пунктовъ по своимъ жилищамъ, инородцы разнесли сифилисъ по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Сибири. „Холодный климатъ сѣверныхъ частей Сибири“—продолжаетъ упомянутый медицинскій инспекторъ—„влажная атмосфера сѣверовосточныхъ приморскихъ береговъ—все это, располагая жителей къ цынготной болѣзни, способствуетъ необыкновенному дѣйствію венерической. Отъ смѣшенія съ цынгою родились разные оттѣнки сифилиса“. Этого же мнѣнія держатся и другіе компетентные медики. Такъ иркутскій штабъ-лекарь, Малиновскій, изучавшій у колымскихъ якутовъ ихъ проказу, пришелъ къ убѣжденію, что эта болѣзнь есть ничто иное, какъ соединеніе венерики, цынги и ревматизма. Въ березовскомъ краѣ множество инородцевъ поражено гноетеченіемъ и воспаленіемъ глазъ; излеченіе этой болѣзни не имѣло успѣховъ до тѣхъ поръ, пока, въ недавнее время, не узнали, что это признакъ третичнаго сифилиса. Въ 1826 г. инспекторъ тобольской врачебной управы, д-ръ Альбертъ, первый высказалъ

мнѣніе, что господствующая между березовскими остяками болѣзнь есть не чисто венерическая, а „таже самая, которая была наблюдаема и въ другихъ сѣверныхъ странахъ и которая извѣстна въ Шотландіи и Канадѣ подъ именемъ *новой*, а въ Норвегіи подъ именемъ *нѣмецкой*“. Это мнѣніе было подтверждено д-ромъ Рожеромъ. „Соединеніе венерической болѣзни съ другими“, говоритъ онъ „производитъ нерѣдко такую смѣсь, опредѣленіе которой заставляетъ заблуждаться даже опытнаго врача“. Томскій акушеръ Докучаевъ, изучавшій эту болѣзнь въ нарымскомъ краѣ въ 1837 г., писалъ, что „у многихъ остяковъ язвы въ зевѣ и въ небѣ и ломота въ костяхъ, которая усиливается при суровой непогодѣ. Я убѣжденъ, что это болѣзнь компликантная изъ сифилистической, скорбутной и ревматической“. Эта болѣзнь ужасно угнетаетъ и обезображиваетъ инородцевъ. По словамъ камчатскаго корреспондента *Сибирскаго Вѣстника* (1866 г., № 14) „начальство при появленіи этой болѣзни, не обратило на нее вниманія. А бѣдные камчадалы, не имѣя понятія объ ея прилипчивости, назвавъ венерическіе прыщи *пуговицами*, по простотѣ нравовъ, а большею частію по неосторожности, разнесли ее по всему краю. Въ настоящее время очень немногіе не заражены ею. Большая же часть инородцевъ заражены и изуродованы до безобразія. Есть острожки, въ которыхъ за десять лѣтъ населеніе считали сотнями душъ, а нынѣ едва-ли наберется десятокъ человѣкъ, да и то калѣки. Отъ камчадаловъ эта болѣзнь перешла къ корякамъ и ламутамъ и губитъ ихъ ужасно. На дняхъ мнѣ разсказывали объ одной ламутской юртѣ, въ которой нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы ходить и смотрѣть за оленями, кромѣ дряхлаго старика. А оленей эта юрта имѣетъ штукъ тысячу. Пожалуй, что люди всѣ умрутъ безъ всякой помощи, а олени разсѣются по тундрѣ... По причинѣ страшнаго распространенія сифилиса, большая часть населенія, при рыбной и нерпичьей пищѣ, *въ скоромъ времени должна погибнуть*.“

Въ другихъ сѣверныхъ округахъ дѣйствіе сифилиса не менѣе ужасно. Въ березовскомъ краѣ онъ свирѣпствовалъ уже въ началѣ XVIII в. Спутникъ Филофея Лещинскаго, Новицкій, пишетъ, что „остяковъ преизлишнее женорачительство низвело ихъ впасти въ неисцѣльный нечистоты недугъ. Человѣку гнилостію снѣдаетъ уста, носъ, ноги, и многимъ все тѣло, даже до костей. Жестокою сею язвою вящщая ихъ часть поражена. Егда кого начнетъ сія болѣзнь язвити, то онъ нетокмо не имѣетъ попеченія о исцѣленіи, но ниже, ради облегченія болѣзни язвы согнившія чимъ прикрывать; но нерадя о семъ, берестомъ гніющую обвивъ язву, за промысломъ идетъ, и доселѣ ходитъ, донележе язвою весь пораженъ—падетъ.“ Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка лекарь Бѣлявскій ѣздилъ въ Березовъ для изслѣдованія сифилиса и нашелъ, что нѣтъ ни одного инородца, который не былъ бы зараженъ имъ. Полудикіе остяки ходили безъ носовъ, ушей, губъ; не гнушаясь своимъ безобразіемъ, они вступали между собой въ бракъ, приживали дѣтей и тѣмъ дѣлали сифилисъ неотъемлемою принадлежностью своего племени. Въ настоящее время сифилисъ проявляется у нихъ весьма разнообразно. У большинства остяковъ, особенно у женщинъ,—третичный сифилисъ въ видѣ глазной болѣзни. У дѣтей онъ проявляется струпьями по тѣлу, преимущественно на головѣ; у взрослыхъ—ранами по лицу и тѣлу, отсутствіемъ носа и гнусливостью, у стариковъ—ломотою въ костяхъ и тою же глазною болѣзнію. — Инородцы лечатся отъ сифилиса или разными вредными снадобьями своихъ знахарей или настоемъ на водкѣ сассапарели, которую продаютъ имъ купцы. Но это леченіе не столько искореняетъ, сколько усложняетъ болѣзнь и дѣлаетъ ее неизлечимою. Леченіе сассапарелью требуетъ содержанія тѣла въ постоянномъ теплѣ; инородецъ же безпрестанно подверженъ холоду, особенно зимой; онъ безпрестанно выходитъ изъ шалаша на трескучій морозъ; онъ часто по цѣлымъ днямъ принужденъ работать на такомъ морозѣ. Сифилисъ не излечивается и къ нему присоединяется

еще ревматизмъ. Излеченіе же сифилиса посредствомъ русскихъ медиковъ всегда производилось только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ Сибири, на обширные округа, превосходящіе своимъ пространствомъ самое обширное государство западной Европы, всегда полагалось только по одному окружному медику. Болѣе дѣятельно, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, излеченіе инородческаго сифилиса производилось въ березовскомъ краѣ. Въ 1822 г., для обозрѣнія березовскаго края были командированы чиновникъ Буличъ и лекарь Шавровъ. Они первые донесли губернатору о страшномъ развитіи тамъ венерики. Начали посылать туда медиковъ съ лекарскими учениками и необходимыми медикаментами. Но медики долго не могли не только излечивать, но даже распознавать сифилиса. Послѣ поѣздки лекаря Бѣлявскаго для березовскихъ инородцевъ было выписано на нѣсколько тысячъ рублей антисифилистическихъ медикаментовъ, но инородцы мало того, что не слушали совѣтовъ доктора, они были даже не въ состояніи ни понять, ни исполнять ихъ. Инородцы боятся лекарей и большею частію скрываютъ отъ нихъ свою болѣзнь,—это также чрезвычайно затрудняетъ излеченіе, и безъ того недостаточное [1]).

---

[1]) Кромѣ сифилиса, тифа и другихъ болѣзней, общихъ всему народонаселенію Сибири, инородцы, особенно сѣверные, сильно страдаютъ еще отъ болѣзней нервныхъ въ родѣ русскаго кликушества. Якуты, напр, и въ особенности якутки, каждую весну во множествѣ страдаютъ сильными истерическими припадками. Человѣкъ совершенно, повидимому, здоровый вдругъ вскакиваетъ, начинаетъ охать, махать руками и пѣть дикимъ голосомъ разныя непотребства о себѣ и о другихъ. На его голосъ изъ юртъ выбѣгаютъ другіе и дѣлаютъ тоже самое. Начинается дикій, сумасшедшій шабашъ. Здоровые стараются перевязать ихъ и положить въ юрты, потому что иначе они могутъ дойти до такого неистовства, что начнутъ грызть другъ друга. Связанные умолкаютъ, но ихъ страданія не прекращаются. Страшныя конвульсіи и истерическіе вздохи продолжаются дня два или три и доводятъ больныхъ до совершеннаго изнеможенія, въ которомъ и засыпаютъ. Черезъ нѣсколько дней припадки возобновляются и продолжаются съ небольшими промежутками по мѣсяцу и по два. Сосѣди и родные въ это время находятся въ какомъ-то паническомъ страхѣ и часто сами заболѣваютъ тою же болѣзнію, которая нерѣдко ведетъ за собой смерть.

Впрочемъ, эта боязливая скрытность инородцевъ не имѣла бы мѣста, если бы медицинское пособіе было основано на болѣе широкихъ и цѣлесообразныхъ основаніяхъ. Между тѣмъ, этого нѣтъ, и русская медицина, нисколько не избавляя инородцевъ отъ сифилиса, только нагоняетъ на нихъ страхъ. Однажды, только были приняты повидимому дѣятельныя мѣры къ искорененію инородческаго сифилиса. Въ 1831 г. министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ сибирскимъ генералъ-губернаторамъ войти въ мѣстныя соображенія по этому дѣлу. Началась переписка и продолжалась до 1840 г. Составлено нѣсколько проектовъ. Медицинскія управленія Сибири просили значительно увеличить число больницъ, лекарей и фельдшеровъ. Но на это требовались довольно значительные расходы, и проекты не были утверждены.—Да если бы излеченіе сифилиса и другихъ болѣзней было усилено во сто разъ противъ нынѣшняго, то оно все-таки мало принесло бы пользы. Причина появленія и сильнаго развитія инородческихъ болѣзней лежитъ въ бѣдности инородцевъ и въ грязи ихъ кочевого быта. Поэтому, лучшіе медики указывали всегда на устраненіе этихъ пагубныхъ причинъ, какъ на необходимое и главное условіе для поправленія санитарнаго состоянія инородцевъ. Такъ напр., акушеръ Докучаевъ, изучивъ инородческія болѣзни нарымскаго края, пришелъ къ убѣжденію, что „главное и вѣрнѣйшее средство для прекращенія этихъ болѣзней есть лучшій образъ жизни. Для этого нужны мѣры болѣе полицейскія и религіозныя, чѣмъ медицинскія“. Штабъ-лекарь Богдановъ, знакомый съ инородческими болѣзнями туруханскаго края, говоритъ, что причины ихъ—„всегдашнее пребываніе инородцевъ на открытомъ воздухѣ, дымъ въ юртахъ, яркій отблескъ снѣга, тѣснота, неопрятность жилищъ, худая пища, тяжелыя удушливыя испаренія, непомѣрное напряженіе во время трудовъ и ненастная, холодная осень“. Пока будутъ существовать эти болѣзнетворныя причины, до тѣхъ поръ инородцевъ никто не исцѣлитъ отъ ихъ болѣзней.

Такимъ образомъ, мы видѣли, что нищета и дикость инородческаго быта всегда вели за собою голодъ и болѣзни. Само собою понятно, что даже отъ этихъ двухъ причинъ движеніе инородческаго народонаселенія должно было находиться въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Неблагопріятность этихъ условій увеличивается еще двумя обстоятельствами. Во первыхъ, инородцы платятъ за своихъ невѣстъ *калымъ*; бѣднякъ инородецъ долго копитъ этотъ калымъ или же втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ заработываетъ его у своего будущаго тестя. Такимъ образомъ, множество бѣдныхъ инородцевъ вступаютъ въ бракъ уже не молодыми, а это, конечно, уменьшаетъ плодовитость браковъ и поддерживаетъ развратъ, который также ведетъ за собою безплодіе женщинъ. Во вторыхъ, число инородческихъ женщинъ очень незначительно относительно числа мужчинъ, а это, какъ извѣстно, всегда служитъ большимъ препятствіемъ къ быстрому размноженію народонаселенія. Причина же этой малочисленности женщинъ лежитъ въ томъ, что положеніе женщины въ дикомъ инородческомъ быту гораздо хуже, чѣмъ положеніе мужчины. Поэтому женщинъ и умираетъ болѣе, чѣмъ мужчинъ. Такъ напр., въ березовскомъ округѣ съ 1816 по 1828 г. мужское инородческое народонаселеніе *увеличилось* на 260 чел., а женское *уменьшилось* на 1,609 чел. Съ 1816 по 1831 г., въ тридцати четырехъ волостяхъ томскаго округа инородческое народонаселеніе убыло на 375 мужчинъ и 426 женщинъ. Благодаря такой слабой устойчивости женщинъ противъ нападеній смерти, ихъ всегда было мало сравнительно съ числомъ мужчинъ. По таблицамъ ясачной комиссіи я нашелъ, что напр., во всѣхъ инородческихъ волостяхъ томскаго округа на 100 мужчинъ приходилось женщинъ въ 1816 г. 85,2; въ 1832 г.—82,4. Менѣе всего женщинъ въ 1832 г., было въ волостяхъ малоіоргачинской 63,6; большечурубаровской 66,9; большебайгульско-чулымской 69,3. Въ бійскомъ округѣ въ 1816 г., на 100 инородцевъ приходилось 83,3 женщинъ,—minimum въ комляжской

волости,—60,1. Въ березовскомъ округѣ въ 1816 г. maximum женщинъ было 95,7, minimum въ казымской волости—72,4. Самая значительная пропорція женщинъ относительно мужчинъ у якутовъ и бурятъ, за то эти два народа и умножаются весьма быстро.

Подробное разсмотрѣніе вопроса о движеніи инородческаго народонаселенія приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Если разсматривать общіе итоги движенія всего инородческаго народонаселенія, то получается результатъ довольно благопріятный. Инородцевъ *мужескаго пола* въ Сибири было:

Въ 1763	г.	131,995	ч.	Въ 1817	г.	„	220,307
„ 1797	„	180,994	„	„ 1834	„	39	250,000
„ 1812	„	212,512	„	„ 1851	„	„	280,000

Такимъ образомъ, инородческое народонаселеніе Сибири удвоивается въ періодъ времени около 75 лѣтъ. „Такое увеличеніе“, замѣчаетъ академикъ Беръ „не очень быстро, однокожъ оно необыкновенно быстро для народовъ, стоящихъ въ весьма близкомъ соприкосновеніи съ народами болѣе ихъ развитыми“.

Размноженіе нѣкоторыхъ племенъ совершается еще быстрѣе, чѣмъ размноженіе всѣхъ инородцевъ по общему итогу. Такъ въ пяти якутскихъ улусахъ—намскомъ, кангаласскомъ, бутурусскомъ, борогонскомъ и мегинскомъ — якутовъ мужского пола было въ 1750 г. 21,642 ч., въ 1817 г. 35,070 ч. въ 1839 г. 41,733 ч. Въ якутской области инородцевъ обоего пола было въ 1823 г. 156,495 ч., въ 1835 г. 181,325 ч.— Буряты размножаются также очень быстро. Въ 1766 г. ихъ было 31,140 луковъ, въ 1783 г. 49,764 мужского пола, кромѣ 5,275 бурятскихъ и тунгузскихъ казаковъ; въ 1816 г. 58,730 ч., въ 1839 г. 83,018 ч. м. п. Въ настоящее же время бурятъ обоего пола 240.000 ч.

Академикъ Беръ, которому принадлежитъ единственная до сихъ поръ статья о движеніи инородческаго народонаселенія

въ Сибири [1]) на основаніи вышеприведенныхъ и другихъ цифръ, предполагаетъ, что всѣ инородческія племена Сибири размножаются. Очевидно, что у достопочтеннаго академика не было таблицъ инородческаго народонаселенія, составленныхъ ясачной комиссіей. Разсмотрѣніе этихъ таблицъ и нѣкоторыхъ другихъ свѣденій даетъ намъ слѣдующіе выводы.

Буряты, якуты и нѣкоторыя другія племена размножаются, и размножаются очень быстро.

Другія же племена, преимущественно сѣверныя *уменьшаются;* но эта убыль съ избыткомъ вознаграждается увеличеніемъ первыхъ племенъ.

Здѣсь мы займемся только фактами уменьшенія народонаселенія.

На устьѣ Индигирки до сихъ поръ видны слѣды жилищъ какого-то народа. Это мѣсто называется *омское городище,* и юрты по общему преданію тамошнихъ жителей приписываются вымершему народу *омоковъ*, которые по словамъ сѣверо-восточныхъ туземцевъ „были многочисленны, какъ звѣзды небесныя“.—Точно также давно уже изчезли съ лица сибирской земли шелаги, ходынцы и онаульцы. Во время русскаго завоеванія въ Сибири былъ народъ аринцы. Въ 1608 г. ихъ было 300 семей. Они быстро вымирали и слабые ихъ остатки образовали наконецъ вмѣстѣ съ качинцами улусъ Ара, состоявшій изъ 60 человѣкъ. Въ 1735 г. Миллеръ и Гмелинъ видѣли послѣдняго человѣка, говорившаго по-арински. Къ половинѣ XIX в. изъ 300 аринскихъ семей, бывшихъ въ 1608 г. осталось только 5 человѣкъ. Барагадскій якутскій родъ, бывшій въ 1763 г. однимъ изъ многочисленныхъ, во время ясачной комиссіи оказался вымершимъ, и въ живыхъ осталось отъ него только 2 человѣка. — Въ туруханскомъ краѣ съ 1763 г. по 1816 г. вымерло цѣлыхъ $^3/_4$ инородче-

---

[1]) Zunahme der eingebornen Bevölkerung, Sibiriens, in Beiträge zur Kenntniss d. russisch. Reiches, Band VII, S. 89—117.

скаго народонаселенія. — Когда ясачная комиссія пріѣхала въ березовскій округъ, то не могла найти шести самоѣдскихъ родовъ. Князецъ обдорскій волости объяснилъ, что самоѣды родовъ Найвачи и Айвамды вошли въ составъ рода Карачей. но причинѣ своей бѣдности. Сигунеевъ родъ почти весь вымеръ отъ болѣзней, кромѣ 2 человѣкъ, ушедшихъ къ Енисею. Родъ Тазу-Карачей частію вымеръ, частію былъ болѣнъ и ни одного человѣка не могло явиться въ комиссію. Содомы и Аседы значительно уменьшились въ числѣ и поэтому соединились въ одинъ родъ. Обдорскій отдѣльный засѣдатель вполнѣ подтвердилъ это показаніе остяцкаго князца, объяснивъ комиссіи, что „одни изъ этихъ родовъ, будучи въ малочисленности, присоединились къ другимъ родамъ, а другіе *вымерли*". Такимъ образомъ, въ Сибири довольно часто повторяется та ужасающая сцена, которою начинается одна самоѣдская сказка. Въ одномъ мѣстѣ, говоритъ она, стояло 700 шатровъ, въ которыхъ жило 700 человѣкъ. Ими управляли семь мужей; всѣ они были бездѣтны, и только у одного былъ лѣнивый и сонливый сынъ. Проснулся онъ однажды утромъ и видитъ, что всѣ 700 человѣкъ умерли. Онъ посмотрѣлъ на оленей,—всѣ олени подохли. Онъ смотритъ на собакъ,—и онѣ лежатъ мертвыми. Онъ отправляется въ путь. Идетъ онъ день, идетъ другой, идетъ третій, идетъ недѣлю, идетъ семь мѣсяцевъ. Все идетъ онъ безъ пищи по голодной пустынѣ и, наконецъ, въ изнеможеніи падаетъ на снѣгъ. Лежитъ онъ, лежитъ долго, долго. Вотъ онъ пробуждается и снова отправляется въ путь. Идетъ, идетъ—и приходитъ на мѣсто, на которомъ видны слѣды бывшаго тутъ жилья. Онъ ищетъ пищи и находитъ въ снѣгу только обглоданныя собаками кости. Онъ грызетъ ихъ, бросаетъ и роется снова въ снѣгу, ища другихъ костей. Затѣмъ онъ снова отправляется въ путь, питаясь единственно отрываемыми изъ снѣга обглоданными костями. Встрѣчаются ему и люди другихъ племенъ, но они коварно и враждебно относятся къ несчастно-

му; его бьютъ и нѣсколько разъ убиваютъ, только его постоянно воскрешаетъ мифическое существо,—однорукій, одноглазый старикъ съ желѣзной палицей. Въ такомъ положеніи находится инородецъ, пережившій свой родъ!

Теперь мы приведемъ статистическія данныя о движеніи инородческаго народонаселенія въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ замѣчается убыль населенія (къ сожалѣнію, мы не имѣемъ таблицъ народонаселенія Туруханскаго края).

Выше мы говорили, что ужасныя эпидеміи, посѣщавшія Камчатку, не только уменьшали въ ней народонаселеніе, но даже отняли у него всякую возможность къ размноженію. Въ 1744 г. камчадаловъ обоего пола было около 20,000; въ 1823 г. — 2,760 ч.; въ 1850 г. — 1,951 ч. Убыль громадная!

Въ березовскомъ округѣ инородцевъ мужского пола было въ 1763 г.—8,303 ч., въ 1816 г.—10,793 ч. Въ пятьдесятъ три года *прибыло* 2,490 ч.

Въ 1816 г. инородцевъ обоего пола здѣсь было 21,001 чел., а въ 1828 г.—19,652 ч. Слѣдовательно, въ двѣнадцать лѣтъ *убыло* 1,349 человѣкъ. Такое уменьшеніе народонаселенія должно приписать введенію устава Сперанскаго.—Въ 1850 г. здѣсь было 21,513 ч., слѣдовательно въ двадцать два года прибыло 1,861 ч. Въ 1858 г. было 21,734 ч., — въ восемь лѣтъ прибыло 221 человѣкъ, т. е. гораздо меньшій процентъ, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Слѣдовательно, можно допустить, что все инородческое народонаселеніе березовскаго округа можетъ снова пойти на убыль даже въ общемъ итогѣ, не говоря уже объ уменьшеніи отдѣльныхъ родовъ и волостей, что замѣчается и въ эти періоды общаго увеличенія числа инородцевъ.

Въ томскомъ округѣ съ нарымскимъ краемъ въ 1816 г. было: инородцевъ обоего пола 10,135 ч., а въ 1832 г. 9,724 ч., т. е. въ теченіе шестнадцати лѣтъ *убыло* 411 человѣкъ.

Въ семи барабинскихъ волостяхъ [1]), до введенія ихъ въ осѣдлыя, народонаселеніе прибывало довольно сильно, но съ этого время оно пошло на убыль. Въ этихъ волостяхъ жителей обоего пола было въ 1840 г. —4,915 ч., а въ 1858 г. 4,419 ч., т. е. втеченіе восемнадцати лѣтъ *убыло* на 504 ч.

Изъ двадцати четырехъ волостей тогурскаго отдѣленія въ двѣнадцати [2]) было инородцевъ муж. пола въ 1763 г. — 1,247, а въ 1816 г.—1,110,—*убыло* 137 человѣкъ. Обоего пола въ нихъ было въ 1816 г. — 2,111 ч., а въ 1832 г. — 1,808 ч., т. е. *убыло* 306 человѣкъ.

Во всѣхъ двадцати двухъ волостяхъ кузнецкаго округа въ 1827 г. инородцевъ было 5,160, а въ 1832 г.—4,399, т. е. въ пять лѣтъ *убыло* 771 человѣкъ.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ туринскаго округа народонаселеніе инородческое также убывало. Въ пяти изъ его волостей [3]) въ 1763 г. было муж. пола 555 ч., а въ 1816 г.— 467 ч.; *убыло* 88 чел. Въ пяти другихъ волостяхъ [4]) въ 1816 г. было инородцевъ обоего пола 850, а въ 1830 г. — 740 чел., *убыло* 110 чел.

Вогулы округовъ тобольскаго и туринскаго (въ 1838 г. 4,527 ч., обоего пола) также убываютъ. „Обжорство ихъ", говоритъ г. Гагемейстеръ „частыя лишенія, неопрятность, пьянство и развратъ причины общаго тщедушія этого народа, большой смертности и малаго плодородія женщинъ. Съ 8 до 9-й ревизіи коренныхъ вогуловъ *убыло* почти на 50%".

Въ енисейскомъ округѣ съ туруханскимъ краемъ въ 1838

---

1) Бараба, Туражъ, Тунужъ, Любей, Чай, Каргалы, Турене.

2) Лелькина, Иштанова, Няняжина, Киргѣева, Тогурская-Порубежная, Тогурская, Циповская 3-я Парабельская, Ларнитская 4-я Парабельская, Парабельская Отдѣльная, Подгородно-Пойдушная.

3) Большекондинская, Лиственичная, Сосвинская, Нижнетабаринская.

4) Верхнекондинская, Верхнепелымская, Вагильская, Лиственичная, Ворьинская.

году инородцевъ было 7,740 чел., а въ 1864 г.—7,483, убыло 257 чел.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что во многихъ мѣстностяхъ Сибири инородческое народонаселеніе *убываетъ*. Мы, по неимѣнію цифръ, не могли перечислить всѣхъ этихъ мѣстностей; впрочемъ и выставленныхъ нами цифръ достаточно для доказательства факта убыли.

Окидывая общимъ взглядомъ все сказанное нами, мы видимъ, что въ настоящемъ столѣтіи одна половина сибирскихъ инородцевъ находилась въ сносномъ положеніи, благодаря своему земледѣлію и скотоводству (хотя говоря о *сносномъ* положеніи, мы хотимъ только сказать, что они имѣютъ возможность *жить* и не вымираютъ отъ голода и другихъ убійственныхъ золъ).

Другая половина инородцевъ находится въ страшной нищетѣ, заражена губительными болѣзнями, подвержена вымиранію. Это инородцы березовскіе, нарымскіе, туруханскіе, енисейскіе, камчатскіе, охотскіе, гижигинскіе, барабинскіе, частію якутскіе, туринскіе, тобольскіе, алтайскіе. По всей вѣроятности, имъ въ непродолжительномъ времени суждено вовсе исчезнуть съ лица земли.

Судьба первыхъ рѣшена исторіей—имъ предстоитъ совершенно смѣшаться съ русскими, составить съ ними одну народность или, по крайней мѣрѣ, усвоить себѣ русскую культуру и образованность. Въ настоящей статьѣ мы вовсе не ставили своей задачей разсмотрѣніе вліянія русской культуры на этихъ инородцевъ и ихъ физіологическаго сліянія съ русскимъ племенемъ. Для этого необходимы спеціальныя этнологическія и физіологическія знанія, которыхъ у насъ нѣтъ.

Въ настоящей статьѣ, какъ уже видѣлъ читатель, мы занимались не тѣмъ, какъ исчезаютъ инородческія національности путемъ обрусѣнія, а только разборомъ причинъ, ведущихъ за собою полное раззореніе инородческихъ племенъ и ихъ постепенное вымираніе. Односторонность нашего очерка

для насъ казалось необходимою, чтобы по возможности лучше обрисовать положеніе тѣхъ инородцевъ, которымъ, можетъ быть, суждено вовсе исчезнуть съ лица земли.

Мы сомнѣваемся, чтобы положеніе этихъ дикарей могло значительно улучшиться. Это возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы виною инородческихъ бѣдствій были неудобство и тяжесть законодательства или административныхъ мѣръ. Конечно, и до Сперанскаго и послѣ его реформы, были неудобные для инородцевъ законы, приводились въ исполненіе тягостныя для нихъ административныя мѣры, совершались чудовищныя злоупотребленія администраціи; но это было только частица зла. Мы видѣли, что инородцевъ стѣсняли и раззоряли крестьяне; что ихъ обдували, давили, раззоряли купцы и промышленники; что русскіе всѣхъ сословій отнимали у нихъ угодья и имущество, спаивали ихъ водкой; что отъ русскихъ переходили къ нимъ ужасныя контагіозныя болѣзни; мы видѣли, что вся обстановка инородцевъ, весь ихъ бытъ, наконецъ, гибельныя вліянія природы—все это давитъ инородцевъ. Уничтожить всѣ эти злотворныя причины въ скоромъ времени—невозможно. Главнымъ образомъ невозможно уничтожить тѣ нравственные недостатки въ русскомъ народонаселеніи Сибири, благодаря которымъ сибирякъ такъ энергично эксплуатируетъ дикаря. Участь этихъ инородцевъ можетъ улучшиться только тогда, когда истинное образованіе и гуманная нравственность сроднятся съ сибирякомъ; безъ этихъ благодѣтельныхъ факторовъ свобода — сонъ, а счастіе народа—безумная мечта; безъ нихъ сибирякъ всегда найдетъ возможность эксплуатировать инородца, какъ бы ревниво не охранялъ законъ интересы послѣдняго и какими бы ангельскими добродѣтелями ни обладала администрація...

V.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНІЯ.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНІЯ.

Завоевывая и колонизуя Сибирь, русскіе пришли на берега Восточнаго океана. Не долго Камчатка и Охатскій край были главнымъ мѣстомъ ихъ дѣйствія,—Берингъ и Чириковъ открыли богатые морскими звѣрями острова Алеутскіе и сѣверо-западный материкъ Америки, и промышленники съ жадностью кинулись туда за добычей. Въ это время въ восточной Сибири была какая-то манія на пушные промыслы; впродолженіе пятидесяти съ лишнимъ лѣтъ, начиная съ 1743 г. и до основанія Россійско-Американской Компаніи, извѣстно болѣе сорока компаній и отдѣльныхъ лицъ, промышлявшихъ звѣрями во вновь открытыхъ мѣстахъ. Правительство поощряло предпріятія промышленниковъ и поручало имъ покореніе туземцевъ, сборъ съ нихъ ясака и ученыя изслѣдованія вновь открытыхъ острововъ. Въ высочайшихъ указахъ предписывалось сибирскимъ губернаторамъ и большерѣцкой канцеляріи снабжать отправляющихся за промысломъ пособіями отъ казны, съ отсрочкою за нихъ платежей до возвращенія судовъ изъ вояжа. Въ 1764 г. компанія иркутскихъ купцовъ Югова и Трапезникова получила особенныя привилегіи: компаньоны были освобождены отъ службы по выборамъ, а ихъ дома отъ постоя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, компанія эта была обязана собирать ясакъ и вносить въ казну десятую часть своей добычи. Всѣ эти привилегіи и обязанности первыхъ

нашихъ промышленниковъ на Восточномъ океанѣ принесли горькіе плоды. Будучи чѣмъ-то въ родѣ вольнонаемнаго войска, промышленники начали покорять, притѣснять инородцевъ, и при малѣйшемъ ихъ сопротивленіи, истреблять ихъ „безъ всякаго сожалѣнія". Дѣйствуя такимъ образомъ, они, съ одной стороны, хотѣли выслужиться передъ правительствомъ, а съ другой—извлечь возможную пользу для себя изъ исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Главнымъ мѣстомъ дѣйствія промышленныхъ компаній были Алеутскіе острова, населенные промышленнымъ, трудолюбивымъ и довольно развитымъ народомъ—алеутами. Они жили мирно съ русскими промышленниками до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не стали черезъ-чуръ ужъ злоупотреблять данною имъ отъ правительства властью. Выведенные изъ терпѣнія насиліями русскихъ, уналашкинскіе и умнакскіе алеуты въ одну зиму истребили три промышленныхъ судна и стали уже непріязненно встрѣчать приплывавшихъ на ихъ острова промышленниковъ. Послѣдніе же, подъ предлогомъ покоренія алеутовъ русскому владычеству и отомщенія за смерть своихъ товарищей, внесли къ нимъ мечъ и опустошеніе. Глотовъ истребилъ безъ остатка всѣ селенія на Умнакѣ и всѣхъ жителей острововъ Четырехсопочныхъ и Самалги. Другой промышленникъ, Соловьевъ, умертвилъ больше 5,000 алеутовъ, убивая ихъ часто для одной только потѣхи. Однажды, напр., ему пришло въ голову испытать—въ которомъ изъ поставленныхъ въ линію двѣнадцати человѣкъ остановится пуля? Онъ велѣлъ связать вмѣстѣ двѣнадцать алеутовъ и выстрѣлилъ въ нихъ: пуля остановилась въ девятомъ. Въ другой разъ, желая чѣмъ-нибудь развлечься, Соловьевъ согналъ въ одно укрѣпленное жилище 200 алеутовъ и взорвалъ ихъ на воздухъ. Товарищъ и другъ Соловьева, Натрубинъ, губилъ алеутовъ безъ милости,—ни въ чемъ не виноватыхъ, даже по его понятіямъ, и совершенно безоружныхъ. Другіе промышленники поступали не лучше,—они били ино-

родцевъ съ такимъ-же равнодушіемъ, какъ бобровъ. Илья Лазаревъ кидалъ туземцевъ съ утеса, рѣзалъ ножемъ, убивалъ обухомъ топора за то только, что кто-нибудь изъ нихъ посмотрѣлъ на его любовницу. Случалось, что промышленникъ распарывалъ брюхо своей наложницѣ-алеуткѣ, если та безъ его позволенія съѣла кусокъ китовины. Иногда промышленники выкапывали яму, ставили надъ нею алеутовъ и ударами толстыхъ палокъ, сваливали ихъ замертво одного за другимъ въ эту яму. А такъ какъ на большинствѣ Алеутскихъ островъ нѣтъ лѣсу, то промышленники запасались убійственными дубинами въ Камчаткѣ и Охотскѣ. Много гибло алеутовъ отъ подобнаго варварства промышленниковъ; но еще болѣе гибло ихъ, когда русскіе ходили „смирять туземцевъ подъ высокую руку Государыни, ради Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса“. Вотъ, напримѣръ, партія русскихъ, подъ начальствомъ своего передовщика, отправилась на островъ Умнакъ, съ цѣлью истребить всѣхъ его жителей за ихъ непокорность. Подойдя тайкомъ къ первому инородческому селенію, русскіе напали на него врасплохъ и перебили всѣхъ жителей, безоружныхъ и неждавшихъ нападенія; та же участь постигла два слѣдующихъ селенія; подходя къ четвертому,—русскіе промокли отъ дождя и продрогли. Алеуты, еще не знавшіе объ истребленіи своихъ сродниковъ, радушно приняли русскихъ, обогрѣли и угостили ихъ. Но обсушившись и подкрѣпивъ свои силы, промышленники напали на хозяевъ и перебили всѣхъ жителей безъ остатка. Съ тѣмъ-же намѣреніемъ партія отправилась къ слѣдующему селенію, но была отбита съ урономъ.

Такимъ образомъ, промышленники истребили большую часть алеутовъ. Въ 1792 г. жителей на островахъ Уналашкинскаго отдѣла считалось 2,500, а до прибытія русскихъ ихъ было вдесятеро болѣе этого числа.

Истреблять инородцевъ побуждало промышленниковъ не одно стремленіе къ грабежу и далеко не ревность объ инте-

ресахъ правительства, тутъ были болѣе тонкіе виды. Алеуты превосходно умѣютъ промышлять бобровъ, чему русскіе не выучились еще до сихъ поръ, а въ то время совершенно не знали, какъ взяться за дѣло. Промышленникамъ нужно было закабалить себѣ алеутовъ въ работники; но этого нельзя было достичь при многочисленности туземцевъ, постоянно бунтовавшихъ и принимавшихъ русскихъ вооруженною рукою. Нужно было истребить большую часть этихъ непокорныхъ, остальные неминуемо должны были сдѣлаться русскими холопами. Такъ и сталось. Власть, данную промышленникамъ надъ инородцами, они употребили въ свою пользу; да кромѣ того, ихъ злоупотребленія казались въ далекомъ Петербургѣ благородными подвигами, совершаемыми на пользу отечества. Награды сыпались на промышленниковъ, „за всѣ ихъ къ добру общества подвиги и благонамѣренныя дѣянія".

Въ ряду всѣхъ этихъ промышленниковъ, первое мѣсто принадлежитъ рыльскому купцу Григорью Шелихову. Вмѣстѣ съ братьями Голиковыми онъ составилъ компанію и взялся быть главнымъ распорядителемъ ея. Въ августѣ 1784 года, онъ высадился на островъ Кадьякъ и со 130 человѣками команды и пятью пушками, разбилъ 400 человѣкъ туземцевъ. Основавъ на Кадьякѣ поселенія и сдѣлавъ кой-какія географическія изслѣдованія, Шелиховъ съ 1786 г. отправился въ Иркутскъ. Здѣсь онъ представилъ генералъ-губернатору Якоби краснорѣчивое описаніе своихъ подвиговъ, ввернувъ въ заключеніе фразу, что „безъ монаршаго одобренія малъ и недостаточенъ будетъ трудъ мой". Не довольствуясь этимъ, онъ написалъ о своемъ путешествіи особую книгу; здѣсь, равно какъ и въ донесеніи Якоби, онъ черезъ-чуръ превозноситъ свои подвиги и безъ зазрѣнія совѣсти присвоиваетъ себѣ чужія заслуги. Такъ, напр., достовѣрно извѣстно, что въ первой стычкѣ съ кадьякцами онъ разбилъ *400* человѣкъ, въ числѣ которыхъ были еще женщины и дѣти; а между тѣмъ, онъ пишетъ, что имъ разбито *4,000* чел. и *1,000* взята въ

плѣнъ! Жителей на Кадьякѣ тогда не было и *15,000*, а Шелиховъ увѣряетъ и правительство и публику, что онъ покорилъ *50,000* человѣкъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доноситъ, что въ одну зиму обратилъ множество туземцевъ къ христіанству и до того убѣдилъ ихъ въ благости и мудрости Государыни, что они „страхъ 'какъ Ея Величество полюбили!" Якоби все это довелъ до свѣденія Екатерины II и на запросъ ея о лучшихъ, по его мнѣнію мѣрахъ къ развитію русскаго владычества и промышленности на Восточномъ океанѣ, Якоби писалъ Императрицѣ, что „компаніи Шелихова необходимо предоставить право промышленной монополіи въ открытыхъ ею мѣстахъ, именно отъ 49° до 60° широты и отъ 53° до 63° долготы". Необходимость на исключительное право Шелихова и его товарищей на производство промысла истекаетъ изъ того, что, если Шелиховъ умѣлъ привлечь къ себѣ жителей, то тѣмъ болѣе вѣрноподданническое усердіе его, одобренное милостію Ея Величества, заставитъ его усугубить свои старанія въ образованіи сихъ народовъ". Императрица наградила Шелихова и Голикова, а коммерцъ-коллегія сочла необходимымъ выдать имъ 200,000 р.

Злодѣянія „россійскаго Колумба", какъ величали Шелихова его льстецы и пріятели, сдѣлались извѣстны Екатеринѣ, и она грозила ему даже „оковами". Но у Шелихова были друзья и товарищи, участвовавшіе въ его выгодахъ, и его дѣла шли, какъ по маслу, а „великій" поэтъ Державинъ слагалъ хвалебные вирши этому пройдохѣ, возведенному въ Колумбы.

Послѣ смерти Шелихова, его компанія, состоявшая теперь, кромѣ Голиковыхъ, изъ жены Шелихова, соединилась съ компаніей Мельниковыхъ подъ названіемъ: *Соединенной Американской Компаніи*. Между тѣмъ Павелъ I какъ-то узналъ о многихъ варварскихъ поступкахъ русскихъ промышленниковъ въ новыхъ колоніяхъ. „Такія жестокости"— писалъ въ 1818 г. Головинъ, — „возбудили гнѣвъ Монарха

и онъ совсѣмъ хотѣлъ уничтожить промышленность, для Имперіи и народа его ничего незначущую". Но родственники Шелихова, люди влiятельные и участвовавшіе по наслѣдству въ выгодахъ компаніи, дали дѣлу совершенно другой ходъ. Высочайшимъ манифестомъ отъ 8-го іюля 1799 года компаніи „позволялось пользоваться всѣми промыслами и заведеніями по берегу Америки, такожъ на островахъ Курильскихъ, Алеутскихъ и другихъ, по сѣверовосточному океану лежащихъ". Въ пользу компаніи поступало все, „что на поверхности земли и въ нѣдрахъ ея доселѣ отыскано и впредь отыщется". Она получала право дѣлать открытія новыхъ земель и занимать ихъ, заводить поселенія и укрѣпленія, производить торговлю и мореплаваніе, получать вспоможеніе отъ правительства и т. д. Съ тѣмъ вмѣстѣ высочайше запрещено пользоваться сими выгодами и преимуществами „не токмо тѣмъ, кои-бы сами собой мореплаваніе туда предпринять похотѣли, но и всѣмъ прежнимъ промышленникамъ". Въ 1800 году главное правленіе компаніи переведено въ Петербургъ, за десятки тысячъ верстъ отъ своихъ колоній, чтобы удобнѣе управлять ими! Между тѣмъ, правительство продолжало покровительствовать и благодѣтельствовать компаніи: въ 1801 году, Александръ I внесъ въ ея капиталъ 10,000 р., его примѣру послѣдовали императрица и наслѣдникъ; въ 1802 году велѣно выдать компаніи на восемь лѣтъ 250,000 руб.; въ 1803 г.—100,000; въ 1806 г. отложено на всегдашнее пособіе компаніи, по ея востребованію, 200,000 р. По истеченіи двадцатилѣтнихъ сроковъ ея привилегій, они были возобновляемы.

Что же сдѣлала компанія въ продолженіе своего слишкомъ шестидесятилѣтняго существованія? Намъ нѣтъ дѣла, что она извлекла изъ своихъ правъ и привилегій для себя; мы постараемся показать, какую пользу она принесла народу, его торговлѣ и промышленности.

Американская компанія не имѣла уже нужды „смирять

алеутовъ оружейною рукою"; они не могли еще опомниться отъ варварства прежнихъ компаній и были покорны новой. Компанія воспользовалась этимъ; она обратила алеутовъ въ полныхъ своихъ рабовъ и довела ихъ до крайней нищеты и нравственнаго отупѣнія. Можно безъ преувеличенія сказать, что отношенія южно-американскихъ плантаторовъ къ неграмъ были во многомъ мягче отношеній компаніи къ алеутамъ. Плантаторъ, по крайней мѣрѣ, цѣнилъ жизнь негра, зная, что онъ купилъ его и получаетъ отъ него доходъ, — компанія же не входила въ такіе разсчеты. Не смотря на то, что подъ ея владычествомъ число алеутовъ уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину,—она вплоть до послѣдняго времени продолжала свою старую убійственную систему управленія и содержанія алеутовъ, и только передъ возобновленіемъ ея привилегій въ 1861 г. главное правленіе подняло вопросъ объ отмѣнѣ обязательнаго труда алеутовъ, но это такъ и осталось вопросомъ.

Всѣ алеуты отъ 15 до 50 лѣтъ обязаны были служить компаніи и она могла требовать изъ нихъ на работы столько человѣкъ, сколько ей заблагоразсудится. Всѣ работы въ коloніяхъ лежали на алеутахъ; для этого ихъ перевозили съ острова на островъ, отрывали, часто навсегда, отъ семейства, увозили отъ родины за тысячи верстъ. Большая часть алеутовъ погибла при переѣздахъ черезъ море, въ стычкахъ съ американскими дикарями и на компанейскихъ работахъ. При первомъ занятіи Ситхи Барановъ вывезъ алеутовъ въ 1799 г. 550 *байдаръ*, [1]) въ 1801 г. 740 байдаръ; изъ этихъ алеутовъ не возвратилось назадъ и третьей части. Для промысловъ при Барановѣ съ одного Кадьякскаго отдѣла ежегодно выѣзжало 500 байдаръ. При переѣздахъ по морю погибло множество; такъ въ 1804 г. 20 байдаръ, въ 1809 г. байдара съ 40 алеутами, въ 1811 г. байдара съ 30 алеутами

---

1) Въ байдарѣ помѣщается до 50 человѣкъ.

и т. д. Компанія часто посылала алеутовъ въ такія мѣста, гдѣ имъ грозила неминуемая смерть отъ кровныхъ враговъ ихъ—американскихъ туземцевъ. Такъ въ 1802 г. партія алеутовъ, состоявшая изъ 90 байдаръ, вся истреблена колошами. Чаще всего это случалось, когда компанія отдавала алеутовъ въ распоряженіе какого нибудь командира иностраннаго корабля, съ тѣмъ чтобы все упромышленное алеутами раздѣлить между компаніей и иностраннымъ судномъ. Иностранцы увозили алеутовъ на берега Новаго Альбіона, въ заливъ Тринидадъ, въ Калифорнію; здѣсь алеуты тонули или были убиваемы индѣйцами. Въ 1817 г. правитель колоній посылалъ съ Кадьяка алеутовъ на промыселъ подъ распоряженіемъ капитана французскаго корабля; они не соглашались, опасаясь, что, ихъ повезутъ на американскій берегъ, гдѣ уже много ихъ сродниковъ погибло отъ оружія воинственныхъ туземцевъ. Правитель колоній далъ алеутамъ честное слово, что ихъ не повезутъ на этотъ берегъ, но судно отправилось туда и всѣ почти алеуты были перебиты американцами. Когда французское судно возвратилось въ Кадьяку; то правитель началъ посылать новую партію алеутовъ и послалъ бы ее на явную гибель, если бы этому не воспротивились французскіе матросы.

Кромѣ промысла бобровъ, алеуты употреблялись на разныя другія работы: на постройки, рубку лѣса, рыбную ловлю, обжиганіе кирпичей и т. д. Когда компанія начала дѣлать попытки къ разведенію хлѣбопашества, то вмѣсто скота, въ неуклюжіе, тяжелые плуги, заставляли впрягаться алеутовъ. Женщины и старики также обязаны были работать на компанію; первыя собирали ягоды, заготовляли рыбу, шили платье изъ собственныхъ матеріаловъ; это платье сдавалось въ компанейскія лавки, изъ которыхъ продавалось тѣмъ же алеутамъ. Старики обязаны отыскивать птичьи яйца, обыкновенно находящіяся на гнѣздахъ на уступахъ скалъ. Для этого нужно спускаться съ вершины скалы на ремняхъ, кото-

рые часто перетираются объ острые камни и промышленникъ летитъ стремглавъ въ пропасть.

Всѣ эти работы производились въ разныхъ мѣстахъ колоній и алеуты, какъ мы уже сказали, развозились по этимъ мѣстностямъ, отрываемые отъ семьи и отъ родины. Жены, дѣти и престарѣлые родители ихъ, лишившись лучшихъ работниковъ своей семьи, принуждены были бѣдствовать, питаться древесною корой, ракушками, морской падалью, выбрасываемою на берегъ, умирать съ голода иногда цѣлыми поселеніями. Кромѣ того, это отрываніе мужей отъ женъ препятствовало дѣторожденію и деморализировало алеутовъ, сильно привязанныхъ къ своей семьѣ, къ родному очагу.

Плата алеутамъ за ихъ работы никогда не была достаточною. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ алеуты-работники получали отъ 100 до 200 р. въ годъ, но эти деньги по тамошней дороговизнѣ ничего не значатъ. Къ тому же алеуты получали плату не деньгами, а товарами изъ компанейскихъ лавокъ,—товарами худыми и чрезвычайно дорогими. Занимающіеся бобровыми промыслами алеуты получали не годовое жалованье, а за каждаго добытаго имъ звѣря отдѣльно, по таксѣ, составленной безъ всякаго съ ихъ стороны согласія компаніей. Бобръ цѣнился прежде отъ 15 до 30 р. асс.; а въ послѣднее время въ 50 р. асс.; но и эта цѣна очень низка; даже колоши, получающіе за бобра не 50, а 140 р., считаютъ эту плату неудовлетворительною. „Занятые почти постоянно или промыслами, или приготовленіемъ къ нимъ“— пишетъ г. Головинъ,— „алеуты не имѣютъ времени для какихъ нибудь другихъ занятій, изъ которыхъ могли бы извлекать свою пользу. Сравнивая количества уловленныхъ бобровъ съ числомъ взрослыхъ алеутовъ, окажется, что на каждаго промышленника не придется въ годъ и одного бобра, слѣдовательно менѣе 50 р. асс., такъ что этой суммы, вмѣстѣ съ платою за шкуры земляныхъ звѣрей, едва будетъ достаточно на одежду и предметы первой необходимости и ничего не

останется алеуту для устройства своего быта". Не даромъ же алеуты постоянно жаловались на слишкомъ низкую цифру задѣльной платы, постоянно просили прибавки. Женщинамъ, старикамъ и дѣтямъ плата самая ничтожная; такъ за нѣсколько паровъ, сшитыхъ изъ собственныхъ еврашечьихъ шкуръ, компанія дарила алеуткамъ иголки для шитья, да иногда давала что нибудь въ родѣ дрянной холщевой рубахи, а тоеншамъ—папушу табаку; чаще всего-ничего не давала. Послѣднее часто случалось и съ инородцами-промышленниками; служитъ, служитъ бѣдный дикарь компаніи, выслужитъ рублей тысячу, но не можетъ ни выручить долгу, ни вырваться изъ лапъ компаніи домой. Подобныхъ случаевъ бывало очень много. Часто промышленники заставляли инородцевъ работать на себя или на компанію не обѣщаніемъ платы, а угрозами и палкою. Нѣкоторые алеуты извѣстные подъ именемъ *касоръ* (невольниковъ), наряжались сплошь да рядомъ на разныя работы безъ всякой платы, только получали иногда отъ компаніи дрянную одежду да никуда негодную обувь.

Содержаніе алеутовъ, работающихъ на компанію, всегда было плохое. „Возмутительно видѣть,—пишетъ Лангсдорфъ,— этихъ полуголодныхъ, полунагихъ людей, работающихъ, какъ арестанты, когда знаешь, что въ компанейскихъ магазинахъ есть и провизія и одежда!" Пища алеутовъ—рыба, китовина, жиръ, часто гнилые, вредные для здоровья, да и тѣхъ недостаточно. Отправляемые на дальніе промыслы алеуты часто умирали съ голода. Хлѣба они почти и въ глаза не видывали; въ послѣднее время даже компанія пришла къ убѣжденію, что *алеутовъ вредно кормить хлѣбомъ,* по мѣстнымъ, дескать, условіямъ! Алеуты же говорятъ, что они любятъ хлѣбъ, но „просишь, просишь, — не даютъ, говорятъ, что нѣтъ; заплачешь иногда, да уйдешь домой!"

Многіе путешественники начала нынѣшняго столѣтія описываютъ видѣнныя ими жилища алеутовъ, построенныя для

нихъ компаніей, какъ самыя неудобныя и нездоровыя. „*Кажимы*, въ коихъ живутъ алеуты“, говоритъ Лазаревъ—„состоятъ изъ двухъ сараевъ съ разными отдѣленіями, подобными стойламъ въ конюшняхъ. Смрадъ и нечистота жилища, гдѣ помѣщается 150 алеутовъ съ ихъ женами и дѣтьми (въ лѣтнее время, по случаю промысла, число сіе увеличивается до 500), ужасаютъ и не позволяютъ путешественнику имѣть подробнѣйшаго познанія о ихъ домашней жизни“. И въ послѣднее время эти жилища нисколько не ушли отъ прежнихъ. Въ сырыхъ и темныхъ кажимахъ биткомъ набитые алеуты выдѣлываютъ шкуры и лавтаки для байдаровъ, чистятъ кишки и т. п.; все это прѣетъ, гніетъ и производитъ нестерпимую, самую возмутительную вонь. А между тѣмъ компанія въ своихъ отчетахъ постоянно говорила, что алеуты живутъ въ опрятныхъ, свѣтлыхъ и просторныхъ домахъ! Она поставляла себѣ также въ заслугу, что собрала разсыпанныхъ на большія пространства алеутовъ въ нѣсколько большихъ поселеній. Но вотъ что говоритъ объ этой мѣрѣ г. Головинъ: „алеуты дѣйствительно соединены теперь въ большихъ поселеніяхъ, но иногда собиралось ихъ въ извѣстномъ мѣстѣ слишкомъ много, такъ что трудно для всѣхъ дѣлать достаточные запасы на зиму; поэтому нѣкоторые просили, чтобы раздѣлить ихъ селенія на двѣ части, предоставляя желающимъ избрать мѣста, гдѣ есть достаточно рыбы и другихъ жизненныхъ припасовъ, необходимыхъ алеутамъ“. Заботясь объ устройствѣ быта алеутовъ, компанія ухудшила даже и собственныя ихъ жилища; Резановъ запретилъ строить ихъ по старому плану, и съ тѣхъ поръ они строятся на новый ладъ. Алеуты говорятъ, что эти новыя жилища неудобнѣе и гораздо нездоровѣе прежнихъ, что низкія двери и маленькія окна не очищаютъ спертаго воздуха, а это, по мнѣнію алеутовъ, не только вредитъ здоровью, но и препятствуетъ плодородію женщинъ.

Управленіе туземцами и отношенія къ нимъ русскихъ было до такой степени варварскими, что въ первой четверти настоящаго столѣтія начальникъ Охотскаго порта былъ заваленъ жалобами русскихъ промышленниковъ и алеутовъ, такъ что— по замѣчанію Головина, „ими одними наводилась величайшая начальнику тягость и не было никакой возможности записывать всѣхъ ихъ въ книгу и отмѣчать рѣшенія, хотя бы употреблять для этого во все лѣтнее время десять человѣкъ писарей". Но что могъ сдѣлать съ деспотической компаніей начальникъ? При малѣйшемъ сочувствіи съ его стороны къ алеутамъ, компанія выставляла его на видъ правительства, какъ бунтовщика, подстрѣкателя алеутовъ къ возстанію. Такъ было, напр., въ 1814 г., по поводу прокламаціи, данной начальникомъ Охотскаго порта главному *тоёну* (старшинѣ) Алеутскихъ острововъ. Въ этой прокламаціи говорится, что командиры компанейскихъ судовъ, „приходя къ островамъ на судахъ для промысловъ звѣрей, вынуждаютъ усильно отъ алеутъ разную ихъ собственность, заставляютъ ихъ работать безъ всякой платы, отнимаютъ у нихъ женъ и дѣтей, утѣсняютъ въ ихъ домахъ житіемъ, ругаются и распоряжаются съ ними, какъ съ рабами". Далѣе охотскій начальникъ объявляетъ, что „всѣ таковые притѣснители будутъ судимы по законамъ и строго наказываемы по достоянію". Но все это осталось *словами* и притѣсненія не уничтожились. Компанейскіе служителя грабили алеутовъ, били и сѣкли ихъ за каждую малость, а тѣлесныя наказанія до того нестерпимы для алеутовъ и американскихъ туземцевъ, что наказанные не могутъ переносить своего позора и часто избавляются отъ него самоубійствомъ. Русскіе однажды высѣкли мальчика аманата; это возмутило алеутовъ до такой степени, что они перебили всѣхъ русскихъ. Особенно страдали алеутскія жены и дочери; русскіе отнимали ихъ, дѣлали своими рабами и наложницами, проживъ съ ними дѣтей, бросали ихъ или увозили въ Сибирь.

Но, говорятъ нѣкоторые,— положимъ, что алеуты и другіе инородцы американскихъ колоній много пострадали отъ русскихъ, за то отъ нихъ и просвѣтились они христіанствомъ! Отвѣчаемъ на это, вопервыхъ, что если бы и дѣйствительно компанія просвѣтила ихъ христіанствомъ, то это нисколько не оправдываетъ ея варварства въ другихъ отношеніяхъ; а вовторыхъ—американскіе, какъ и сибирскіе, инородцы обращены въ христіанство только формально, по внѣшности. Всѣ они крестятся или изъ разсчетовъ или по принужденію и не имѣютъ къ миссіонерамъ ни довѣрія, ни уваженія. По справедливому замѣчанію г. Головина, всѣ они завтра же сдѣлаются магометанами, если имъ прикажетъ начальство. И компанія ничуть не можетъ ставить себѣ въ заслугу свое содѣйствіе въ обращеніи инородцевъ и просвѣщеніи ихъ христіанствомъ. Вѣдь такъ просвѣтить, какъ просвѣщали ихъ до сихъ поръ, можно въ одну недѣлю всю Америку съ помощью нѣсколькихъ бочекъ рому и нѣсколькихъ пудовъ табаку! Первыя миссіи, кромѣ того, содѣйствовали компаніи въ угнетеніи туземцевъ. „Монахи-миссіонеры—писалъ г. Головинъ — отнимали у туземцевъ женщинъ, приживали съ ними дѣтей, пьянствовали постоянно, грабили алеутовъ и т. п. Такому развратному житію ихъ много способствовалъ самъ главный правитель, Барановъ". Монахъ Ювеналій не имѣлъ на столько сноровки, чтобы не вооружаться противъ народныхъ, свято чтимыхъ инородцами обычаевъ, и туземцы убили его. Эти миссіонеры до того вооружили противъ себя инородцевъ, что они гораздо послѣ просили русскихъ не присылать къ нимъ поповъ, говоря, что убьютъ перваго пріѣхавшаго къ нимъ.

Разстройство быта алеутовъ и рабская служба ихъ компаніи повели за собою эпидеміи—оспу, сифилисъ, лихорадки, поносы, цынгу, простудныя болѣзни. Компанія не только не принимала должныхъ мѣръ къ прекращенію ею же причиненныхъ болѣзней, но лишила алеутовъ ихъ собственныхъ

лекарей—шамановъ. Въ старину алеутскіе шаманы, славились своими лекарскими познаніями; они изучали практически анатомію, употребляя для этого трупы невольниковъ. Русскіе начали преслѣдовать шамановъ, какъ колдуновъ и скоро извели ихъ, хотя они были весьма полезны алеутамъ своимъ простымъ, но дѣйствительнымъ врачебнымъ искуствомъ. Мѣръ же къ обезпеченію здоровья алеутовъ компанія, какъ увидимъ ниже, не приняла почти никакихъ, и подъ ея владычествомъ число алеутовъ уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину.

Своей системой управленія компанія достигла выгодныхъ для нея результатовъ: алеуты — ея безмолвные, покорные рабы. Этотъ воинственный и энергичный нѣкогда народъ подъ компанейскимъ игомъ сдѣлался до того тупымъ и лѣнивымъ, что неспособенъ ни къ какому дѣлу безъ посторонняго побужденія. Разсказываютъ, что алеутъ будетъ нѣсколько дней лежать въ своей отвратительной землянкѣ безъ куска пищи и рѣдко самъ постарается найти средства для утоленія голода; прикажутъ ему добыть пищи или принести воды, онъ безпрекословно исполнитъ это, не прикажутъ, будетъ голодовать до невозможности!.. Объ улучшеніи своего быта у нихъ нѣтъ ни желаній, ни мысли. Да и естественно такое состояніе: больше столѣтія всѣми трудами алеута, его способностями, имуществомъ, семействомъ пользовались русскіе, особенно съ учрежденія компаніи. Все что ни дѣлалъ алеутъ, онъ дѣлалъ не для себя, а для компаніи; а развѣ въ природѣ человѣка заботиться о выгодахъ своего тирана—притѣснителя? Да кромѣ того, компанія растасовала алеутовъ, какъ карты, оторвала большинство ихъ отъ семьи и родины, а самихъ ихъ обратила въ своихъ рабовъ и, лишивъ ихъ всего имущества, взяла ихъ на свое содержаніе. Компанія ограбила алеутовъ до гола; алеуты не имѣютъ теперь ни байдаръ, ни звѣроловныхъ орудій, всѣмъ они снабжались отъ компаніи и поставлены были въ полную отъ нея зависимость.

Когда въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ поднялись голоса, возмущавшіеся существованіемъ компанейской монополіи, то правленіе компаніи заговорило объ отмѣнѣ обязательнаго труда алеутовъ, очень хорошо понимая, что свобода труда будетъ почти вовсе безполезна для алеутовъ при существованіи компанейской монополіи. Если бы въ Америкѣ было больше промышленниковъ или компаній, тогда бы свободный въ своихъ дѣйствіяхъ алеутъ нанялся туда, гдѣ ему больше заплатятъ. При монополіи же компанія имѣла бы полную возможность не возвышать задѣльной платы, даже уменьшить ее; алеутъ своими промыслами жить не можетъ, потому что онъ не имѣетъ собственныхъ снарядовъ; а если онъ что и добудетъ, то кромѣ компаніи не имѣетъ права никуда сбыть упромышленнаго имъ, а она заплатитъ ему столько, сколько захочетъ, и онъ непремѣнно продастъ ей, потому что въ противномъ случаѣ пропадутъ всѣ труды его. Вотъ, напр., *кенайцы*, совершенно независимые отъ русскихъ, торговали же съ компаніей и работали на нее за недостаточную плату; они просили г. Головина объ увеличеніи таксы на шкуры и поденной платы. *Чугачи*, также независимые, работали за далеко невознаграждающую ихъ труды плату единственно потому, какъ сами они говорятъ, что невозможно найти болѣе выгодной работы. Кромѣ того, и при мнимо-свободномъ трудѣ, компанія могла силою заставлять алеутовъ работать на нее.

Кромѣ алеутовъ въ американскихъ колоніяхъ живутъ еще многія другія туземныя племена—*колоши*, *чугачи*, *мѣдновцы*, *квихпакцы*, *кускоквимцы* и т. д. Всѣ они никогда не покорялись русскимъ; одни изъ нихъ были враждебны компаніи, другіе жили мирно или, по собственному ихъ выраженію, *терпѣли русскихъ*. Выгоды торговли заставляли нѣкоторыхъ изъ нихъ даже сближаться съ русскими; но при всемъ томъ, они отъ глубины души ненавидѣли компанію и при первой возможности мстили ей. Нѣсколько разъ они избивали русскихъ,

истребляли безъ остатку ихъ поселенія. Послѣдній разгромъ Новоархангельска сдѣланъ ими въ 1855 году. Счастье еще для компаніи, что большая часть этихъ племенъ враждебны другъ другу, — иначе, при ихъ единодушіи, никогда бы не существовать въ Америкѣ компанейскимъ поселеніямъ.

Всѣ эти туземцы ненавидѣли компанію за отнятіе у нихъ земель, за жестокое обращеніе съ ними изверга Баранова и другихъ правителей, за стѣсненіе ихъ торговли съ иностранцами. При всемъ томъ, что эти племена независимы, сосѣдство и вліяніе компаніи были гибельны для нихъ. Оспа и сифилисъ, привитые къ нимъ русскими, истребили огромное число ихъ. Сифилисъ до сихъ поръ свирѣпствуетъ между колошами, отъ которыхъ заражаются русскіе и заражаютъ въ свою очередь колошъ. Болѣзнь эта въ послѣднее время до того распространилась между ситхинскими колошами, что послѣдній правитель колоній, г. Фуругельмъ, велѣлъ разрушить всѣ шалаши около порта, въ которыхъ русскіе сходились съ колошенками, и построилъ особое большое помѣщеніе, гдѣ наслаждающіеся подвергнуты строгому осмотру и надзору.

Мы уже говорили, что русскіе постоянно имѣли связи съ туземками; алеуты, колоши и другіе инородцы не препятствовали этому, а старались, напротивъ, извлекать выгоды; они завели обыкновеніе отдавать русскимъ своихъ женщинъ, особенно невольницъ, въ картомъ. Дѣти, родившіеся отъ этихъ связей, называются *креолами* и отдѣлены компаніей въ особенную касту, пользующуюся гораздо большими правами, чѣмъ инородцы. Послѣдніе относятся къ нимъ съ ненавистью, какъ къ лицамъ привилегированнымъ, а русскіе — съ пренебреженіемъ, какъ къ дѣтямъ незаконныхъ браковъ. Составивъ особую среду, они пьянствуютъ, развратничаютъ, торгуютъ своими женами и т. п.

Русскіе промышленники, служащіе въ компаніи, сначала поступали на службу *изъ половинокъ*, т. е. половина про-

мысла шла на хозяина, а половина на промышленниковъ; но съ 1817 г. они начали, по распоряженію правителя колоній Гагемейстера, получать вмѣсто полупаевъ жалованье, по 300 рублей асс. въ годъ. Эти промышленники поступали на компанейскую службу большею частью изъ Сибири. „Надобно знать“, писалъ Головинъ, — „что компанія, нанимая промышленныхъ въ Сибири или въ Россіи, обѣщаетъ имъ золотыя горы, а чтобъ вѣрнѣе ихъ обмануть, то ни въ какихъ ихъ требованіяхъ не отказываетъ и всѣ желанія ихъ удовлетворяетъ въ долгъ. Такимъ образомъ, по прибытіи своемъ въ Америку, они войдутъ уже въ неоплатимые долги и тогда увидятъ сѣти, въ кои попались, когда уже поздно будетъ изъ нихъ выпутаться, ибо не могутъ они оставить компанейской службы, не расплатясь съ нею, а заплатить нечѣмъ, потому что получаемой ими платы едва только на содержаніе ихъ достаетъ“. Не разъ также случалось, что промышленниковъ, кончившихъ срокъ своей службы и имѣющихъ получить за нее довольно порядочныя суммы, иногда тысячи двѣ-три рублей, компанія насильно оставляла у себя и не заплативъ имъ долгу принуждала къ новой работѣ. Это она дѣлала нѣсколько разъ даже съ солдатами и казенными матросами.

Содержаніе ихъ было всегда гнусное. Жили они въ сырыхъ и нездоровыхъ землянкахъ; возвращаясь домой промокшими и озябшими, они принуждены, за неимѣніемъ другаго платья, ложиться въ мокромъ или же нагими. Отъ спертаго воздуха, отъ худой и однообразной пищи — китовины, жира и рыбы, отъ работы въ худой одеждѣ, подъ дождемъ, при туманѣ и вѣтрѣ, они постоянно страдали цынгою и простудою. Но и эти больные, если только въ состояніи держаться на ногахъ, должны стоять на часахъ и ходить дозоромъ. А свалится больной, — тогда отнесутъ и положатъ его въ сырую и холодную казарму. Медицинской помощи вовсе не полагалось. Въ морѣ промышленники бѣдствовали еще больше

отъ недостатка пищи и воды, а также и отъ вывезенныхъ съ берега болѣзней. Лекарей же на компанейскихъ судахъ никогда не бывало. Вотъ какъ описываетъ, напр., Крузенштернъ, положеніе видѣннаго имъ компанейскаго судна *Марія*. „Экипажа было на немъ 70 человѣкъ, изъ нихъ 20 больныхъ съ трудомъ помѣстились подъ палубой, 50 человѣкъ здоровыхъ должны были или спать на палубѣ, что по тамошнему суровому климату крайне вредно, или ложиться внизу съ больными одинъ на другаго. Койекъ совсѣмъ не имѣлось; каждый ложился во всемъ своемъ платьѣ, которое показывало величайшую бѣдность. Всѣ они покрыты были рубищами и жили въ великой нечистотѣ. Мы осмотрѣли больныхъ. Цынготныя и застарѣлыя венерическія раны казались неизлечимыми. Мнѣ показали двѣ бочки солонины, назначенной для больныхъ; но едва открыли одну изъ нихъ, какъ вдругъ распространилось такое зловоніе, что я принужденъ былъ удалиться“.

Кромѣ мужичковъ-промышленниковъ компанія имѣла у себя на службѣ солдатъ, матросовъ и разныхъ чиновниковъ. Она заключала съ весьма многими изъ этихъ лицъ контракты не ясно, потомъ, вопреки условіямъ, налагала на поступившихъ къ ней на службу новыя, неупоминаемыя въ контрактѣ обязанности или увеличивала срокъ службы. Содержаніе *почетныхъ* [1]), разумѣется, было достаточно, но солдаты и матросы далеко не могли похвалиться тѣмъ же. Во все время пребыванія въ колоніяхъ солдаты должны были одѣваться на свой счетъ, что обходилось каждому въ годъ болѣе 200 руб., а между тѣмъ онъ получалъ отъ компаніи, по окончаніи колоніальной службы, за одежду и аммуницію только 27 р. 44 к. асс. за годъ! Продовольствіе этихъ людей, какъ видно изъ отчета г. Головина, было очень плохо даже въ 1860-хъ годахъ.

---

[1]) Въ колоніяхъ существуетъ дѣленіе людей на *почетныхъ*, *полупочетныхъ* *и непочетныхъ*.

Мы видѣли, что обѣщаясь пріобрѣтать новыхъ подданныхъ Россіи, компанія вмѣсто того истребила большинство старыхъ, оставшихся изъ нихъ привела въ жалкое состояніе нищеты, и нравственнаго отупѣнія, а независимыя племена вооружила противъ себя и сдѣлала для нихъ ненавистнымъ русское имя. Торговая дѣятельность компаніи носила характеръ чуть-чуть не грабежа; она старалась извлечь изъ своихъ привилегій возможно большую выгоду, какъ можно скорѣе и безъ большихъ съ своей стороны пожертвованій. При такомъ образѣ своихъ дѣйствій, компанія вовсе не заботилась о благоустройствѣ колоній. Стыдъ вѣдь сказать, что, владѣя шестьдесятъ лѣтъ своею территоріей, она вплоть до своей кончины рѣшительно ничего не знала о внутреннихъ мѣстностяхъ острова Ситхи и весьма мало — о внутренности американскаго материка. На Ситхѣ компаніей былъ занятъ только небольшой клочекъ земли, гдѣ стоитъ Новоархангельскъ. А во внутренности острова, говорятъ, есть превосходныя мѣста для пастбищъ. И компанія, постоянно нуждающаяся въ скотѣ, не хотѣла никогда даже освидѣтельствовать этихъ мѣстъ. Для скотоводства способны также сѣверозападные берега Америки и сосѣдніе съ ними острова. Но компанія не дѣлала никакихъ усилій для разведенія скота. Еще менѣе сдѣлала она для хлѣбопашества. „Она, по справедливому замѣчанію г. Головина, не находила разсчета заводить хлѣбопашества, потому что это стоитъ дорого. Вотъ почему она постоянно отзывалась, что хлѣбопашество и скотоводство въ колоніяхъ невозможны, вслѣдствіе климатическихъ условій, и не хлопотала дѣлать нужныя изслѣдованія для отысканія мѣстностей, способныхъ для новыхъ поселеній“. При своихъ немногихъ попыткахъ завести поселенія, компанія имѣла въ виду образованіе не земледѣльческихъ и самостоятельно промышленныхъ колоній, а пріобрѣтеніе новыхъ рабочихъ, которыми бы она могла располагать по своему произволу и съ огромными для себя выгодами. Такъ,

еще при жизни Шелихова, правительство послало въ колоніи 35 русскихъ семей, большею частію ремесленниковъ, съ тою цѣлью, чтобы они обучали туземцевъ разнымъ ремесламъ, рукодѣльямъ, хлѣбопашеству и скотоводству. Компанія употребила этихъ колонистовъ на свои работы и промыслы, и черезъ 25 лѣтъ изъ нихъ осталось въ живыхъ только *трое* мужчинъ и *одна* женщина. Директоры компаніи около этого же времени хлопотали, чтобы имъ позволено было имѣть крѣпостныхъ людей и переселять ихъ въ колоніи, а правитель колоній Резановъ, сравнительно съ другими либеральный и гуманный, хотѣлъ селить въ колоніяхъ плѣнныхъ японцевъ и употреблять ихъ на компанейскія работы. Единственную попытку завести земледѣльческую колонію сдѣлалъ Резановъ, учредивъ въ 1812 г. на берегу Новаго Альбіона заселеніе *Россъ*, съ цѣлью продовольствовать изъ него колоніи хлѣбомъ и скотомъ. Климатъ и почва этой мѣстности благопріятны для скотоводства и земледѣлія, но компанія не умѣла повести дѣло, какъ слѣдуетъ. Вмѣсто того, чтобы занять подъ пашни долины, идущія внутрь страны отъ залива Бодего, начали сѣять хлѣбъ по скатамъ прибрежныхъ горъ, гдѣ близость моря препятствуетъ успѣшному произрастанію хлѣба. Кромѣ того, компанія мало употребила средствъ для промышленнаго развитія этой колоніи. Отправивъ въ Россъ 95 человѣкъ русскихъ и 40 байдаръ алеутовъ, она употребила послѣднихъ, вмѣсто пріученія ихъ къ земледѣлію, на бобровые промыслы, подвергая ихъ нападеніямъ индѣйцевъ, а себя непріятностямъ отъ испанцевъ, зорко слѣдившихъ за промысломъ бобровъ въ ихъ водахъ. Ведя дѣло спустя рукава, компанія наконецъ рѣшилась бросить Россъ и въ 1841 году эта колонія со всѣмъ заведеніемъ, была продана швейцарцу Суттеру за 30,000 піастровъ.

Въ послѣднее время въ компанейскихъ владѣніяхъ жило нѣсколько выслужившихъ свои сроки русскихъ рабочихъ, большею частью дряхлыхъ, старыхъ и больныхъ. Компанія

обязана правительствомъ селить ихъ на удобныхъ мѣстахъ и содѣйствовать ихъ обзаведенію хозяйствомъ. Въ своихъ отчетахъ она прославляетъ свою материнскую попечительность *о колоніальныхъ гражданахъ*, какъ называются эти поселенцы, и объ ихъ благоденствіи. Но во первыхъ, мѣста для поселеній, назначаемыя самой компаніей, были негодны для хлѣбопашества и мало способны для скотоводства; во вторыхъ, колоніальные граждане недовольны своимъ положеніемъ, они желаютъ увеличенія задѣльной платы и пенсіи имъ и отпуска за деньги изъ компанейскихъ лавокъ всего, что имъ нужно. Г. Головинъ говоритъ, что колоніальные граждане и креолы люди вообще лѣнивые и крайне апатичные ко всякому труду, что всѣ они считаютъ компанію обязанною помогать имъ и заботиться объ ихъ благосостояніи. Это, по нашему мнѣнію, весьма естественно, — и тутъ не колонисты виноваты, а сама компанія. Въ теченіи 5—20 лѣтъ эти люди работали на компанію какъ волы, а она давала имъ за это только скудное жалованье, нездоровую, плохую пищу и отвратительное помѣщеніе. Гдѣ же вознагражденіе за труды ихъ, вознагражденіе, которое бы обезпечивало ихъ существованіе? Вѣдь большинство колоніальныхъ гражданъ потеряло на службѣ свое здоровье и силы, сдѣлалось неспособнымъ снискивать себѣ своимъ трудомъ пропитаніе, и имѣетъ полное право требовать отъ компаніи достаточнаго обезпеченія. А что дѣти креоловъ и колоніальныхъ гражданъ неохотно работали на компанію, это тоже естественно: они очень хорошо знаютъ, что компанейская служба неприбыльна и тягостна, лучше же лежать дома и бѣдствовать, чѣмъ бѣдствовать и работать до истощенія, работать на общество, угнетавшее ихъ отцовъ. Работать же для себя они не могли: для хлѣбопашества и скотоводства имъ нужна помощь компаніи, а она ничтожна, бобровый промыселъ имъ не по душѣ и они не привычны къ нему, да и все упромышленное они должны продавать компаніи по низкимъ цѣнамъ.

Не заботясь о хозяйственно-промышленномъ развитіи своихъ колоній, компанія часто подвергала ихъ голодовкѣ. Продовольствіе ихъ хлѣбомъ и мясомъ всегда основывалось на подвозѣ этихъ предметовъ изъ Калифорніи, Россіи, Сандвичевыхъ острововъ и Соединенныхъ Штатовъ. Выгоднѣе всего было бы, если бы компанія получала провизію отъ купцовъ Соединенныхъ Штатовъ, которые могли привозить ее на своихъ корабляхъ и не разъ уже спасали жителей колоній отъ голодной смерти. Дѣло доходило иногда до того, что хлѣба давали по 1 фунту на 200 человѣкъ на недѣлю, наконецъ, принуждены были прекратить и эту выдачу; рыбы было мало, ѣли все—орловъ, воронъ, каракатицъ и т. п Скорбутъ развивался при подобныхъ несчастіяхъ съ необыкновенною силою; смертность бывала огромная. Не разъ при подобныхъ бѣдствіяхъ американскіе купцы доставляли въ колоніи провизію; но компанія всячески старалась закрыть доступъ въ свои воды кораблямъ Соединенныхъ Штатовъ, потому что они торговали съ инородцами, и такимъ образомъ уничтожила лучшій способъ обезпеченія своихъ колоній провизіей. Провозъ хлѣба стоилъ дорого кругомъ свѣта, еще дороже черезъ Сибирь. Вывозъ хлѣба изъ Калифорніи на компанейскихъ судахъ всегда шелъ плохо, по причинѣ неразвитости компанейскаго судоходства, нерасположенія калифорнцевъ къ иностранной торговлѣ и разныхъ продѣлокъ компаніи въ калифорнійскихъ портахъ, въ родѣ контробандной торговли. До послѣдняго времени большая часть хлѣба шла кругомъ свѣта и обходилась съ доставкою въ колоніи въ 1856 г. 9 р. 42 к. асс. пудъ, въ 1857 г. 7 р. 50 к. пудъ, въ 1860 г. 4 р. 51 к. пудъ. Между тѣмъ хлѣбъ, доставляемый изъ Калифорніи, обошелся бы несравненно дешевле, такъ какъ хлѣбопашество въ этой странѣ нынѣ въ цвѣтущемъ состояніи. Но компанія какъ-то плохо смекала даже на счетъ собственныхъ своихъ интересовъ.

Плохо продовольствуя свои колоніи, компанія мало забо-

тилась объ ихъ благосостоянiи и въ другихъ отношенiяхъ. Въ теченiе цѣлыхъ двадцати лѣтъ въ ея владѣнiяхъ не было ни одного лекаря и жители болѣли и умирали, не пользуясь никакимъ медицинскимъ пособiемъ. Завели, наконецъ, больницу, но, какъ и слѣдовало ожидать, неудобную и нездоровую. Въ этомъ зданiи могло помѣщаться самое ограниченное число больныхъ, остальные должны были лежать въ своихъ сырыхъ и вонючихъ кажимахъ. Для больныхъ пищи особенной не полагалось, — ѣдятъ, дескать, юколу и китовый жиръ, а хлѣбъ и мясо нужны для стола почетныхъ! Въ последнее время въ колонiяхъ было двѣ больницы—новоархангельская на 40 и кадьякская на 10 кроватей. Въ нѣкоторыхъ покояхъ первой воздухъ сырой и удушливый, чистота соблюдалась плохо, аптека въ дурномъ положенiи, потому что аптекаря выписали хоть и умнаго человѣка, но пьяницу непросыпнаго. Обыкновенная пища больныхъ—супъ изъ солонины и соленой рыбы, а больные большею частiю скорбутные и сифилитическiе! Женщинъ принимали въ больницу только сифилитическихъ, остальныя лежали дома. Лекарей на Ситхѣ двое. Въ кадьякской больницѣ не было даже и лекаря, а только и фельдшеръ.

Управленiе въ колонiяхъ было всегда чисто деспотическое. Всѣ владѣнiя компанiи дѣлились на пять отдѣловъ и каждымъ изъ нихъ управлялъ приказчикъ. Главный правитель колонiй имѣлъ неограниченную власть распоряжаться всѣмъ и всѣми, чинить судъ и расправу. Судъ въ колонiяхъ хуже турецкаго—кого оправдаетъ правитель или приказчикъ, тотъ и правъ, а обвиненный однимъ ихъ словомъ—виноватъ. Неизвѣстно, былъ ли въ послѣднее время въ колонiяхъ сводъ законовъ, но извѣстно, что еще недавно его тамъ не было. Вообще судъ былъ замѣненъ въ колонiяхъ чистымъ произволомъ начальника. Эта безконтрольность властей постоянно была причиною вопiющихъ злоупотребленiй—грабежа, возмутительнаго взяточничества, насилiя женщинъ, наглыхъ при-

тѣсненій и обмана служителей при расчетахъ, варварскаго обращенія съ ними. Все это не разъ подавало поводъ къ бунтамъ служащихъ въ колоніи. Особенно несносно было промышленникамъ управленіе Баранова и они постоянно въ то время составляли заговоры. Интересенъ заговоръ, начальникомъ котораго былъ Навплаковъ, ссыльный приказный, и промышленникъ Поповъ. Со многими участниками они согласились убить Баранова и всѣхъ, кто не пристанетъ къ нимъ, забрать и погрузить на одно изъ компанейскихъ судовъ всю провизію, товары, артиллерію и военныя снаряды, казну и проч., взять съ собою женщинъ и плыть на острова Лодранскіе или Маріанскіе, гдѣ и основать свою самостоятельную колонію. Навплаковъ составилъ планъ заговора и тѣ правила, которыми они должны были руководствоваться при устройствѣ своей колоніи. Въ обезпеченіе сохраненія тайны заговорщики присягнули и приложили руки къ составленному Навплаковымъ акту. Все было готово къ возмущенію и даже выбранъ начальникъ будущей колоніи — Поповъ, подъ именемъ хорунжаго. Но одинъ изъ участниковъ, полякъ Лещинскій, выдалъ заговорщиковъ Баранову, который пятерыхъ изъ нихъ отправилъ для суда въ Камчатку. Здѣшній комиссіонеръ компаніи Хлѣбниковъ, отобравъ отъ начальника заговора подробныя о немъ свѣденія, увидѣлъ, что причиною его былъ голодъ, изнурительныя работы и разныя притѣсненія промышленниковъ. Хлѣбниковъ писалъ директорамъ компаніи, что если заговорщиковъ будутъ судить въ присутственномъ мѣстѣ, то „они могутъ открыть истины, долженствующія служить ко вреду и посрамленію компаніи", и предлагалъ бросить его дѣло. „Директоры,—по словамъ Головина, — велѣли представить заговорщиковъ къ сужденію, предписавъ Хлѣбникову употребить все свое стараніе, чтобы направить ходъ сего дѣла къ выгодной сторонѣ для компаніи, т. е. постараться, чтобы промышленные были обвинены, а компанейскіе грѣхи прикрыты". Такъ и сдѣлано.

И послѣ всего описаннаго нами, многіе, вмѣстѣ съ г. Головинымъ, хлопотали еще о большемъ расширеніи власти колоніальнаго начальства. Зависимость его отъ главнаго правленія компаніи въ Петербургѣ, была конечно, крайне неудобна, — это почти тоже, если бы Камчатку приписать къ Смоленской губерніи, а Якутскую область къ Землѣ Войска Донскаго! Но вопросъ заключался не въ зависимости колоній отъ далекаго главнаго правленія, а въ самоуправленіи ихъ. Необходимость послѣдней мѣры сознавалъ лучшій изъ правителей—Резановъ. Онъ проектировалъ *расправу промышленныхъ и американцевъ*, которая должна была состоять изъ туземцевъ и русскихъ и рѣшать дѣла по большинству голосовъ. Присылаемые въ колоніи товары, по его мнѣнію, должны были подвергаться оцѣнкѣ выборными отъ промышленниковъ. Главное правленіе, разумѣется, не обратило вниманія на проектъ Резанова, а самъ онъ скоро показалъ примѣръ, какъ стоящій внѣ контроля, правитель можетъ ошибаться и самодурствовать. Онъ началъ войну съ Японіей, желая силой принудить ее къ торговлѣ съ компаніей! Онъ отправилъ противъ Японскихъ поселеній на Сахалинѣ и Урупѣ два корабля, съ приказомъ взять Сахалинъ, захватить тамъ и привезть для чего-то въ Америку всѣхъ идоловъ изъ кумирень и одного буддійскаго попа, сжечь и раззорить всѣ поселенія, а изъ жителей набрать плѣнниковъ. Нѣсколько поселеній было сожжено и разграблено этой резановской экспедиціей; самъ же онъ, желая свалить свою вину на исполнителей своей воли, офицеровъ Хвостова и Давыдова, уѣхалъ черезъ Сибирь въ Россію.

Въ дѣлѣ образованія компанія кое-что сдѣлала; первая школа основана была еще Шелиховымъ; въ 1862 г. было въ Новоархангельскѣ 3 училища и въ томъ числѣ одно для дѣвочекъ, 1 училище на Уналашкѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ колоній обученіемъ дѣтей занималось духовенство, которое и само-то училось на мѣдныя деньги въ худшей изъ

всѣхъ семинарій—якутской (бывшей новоархангельской). Изъ компанейскихъ же школъ выходили шкипера, конторщики, приказчики, матросы. Воспитанныхъ въ этихъ школахъ креоловъ компанія закабаляла къ себѣ на службу: они обязаны были служить ей за воспитаніе 15 лѣтъ. Такимъ образомъ, и дѣломъ образованія компанія воспользовалась для своихъ плантаторскихъ видовъ.

Промыслы бобровъ, морскихъ котовъ и другихъ звѣрей — были главною цѣлью, и основой существованія компаніи. Не споримъ, что при прежнихъ промышленныхъ компаніяхъ звѣрямъ грозило, если не совершенное истребленіе, то по крайней мѣрѣ, сильное уменьшеніе ихъ. Съ полученіемъ настоящей компаніей монополіи промысловъ, они сократились и уменьшеніе звѣрей пошло болѣе медленными шагами, чѣмъ прежде. Компанія въ видахъ собственной пользы должна была принимать мѣры къ поддержанію своихъ промысловъ, и она старалась объ этомъ, но только отчасти. Нѣсколько ужъ разъ промыслы бобровъ и морскихъ котовъ истощались отъ безрасчетнаго и совершенно безплоднаго истребленія ихъ. Однажды, напримѣръ, компанія до того много наупромыслила котовъ, что цѣны на нихъ въ Кяхтѣ чрезвычайно упали; чтобы поднять ихъ, ревизоры въ Иркутскѣ сожгли нѣсколько тысячъ котовъ подъ предлогомъ ихъ гнилости.

Кромѣ звѣринаго промысла, всѣ другіе находились въ жалкомъ положеніи и производительныя силы колоній подъ компанейскимъ владычествомъ оставались въ бездѣйствіи. Мы видѣли выше въ какомъ состояніи были хлѣбопашество и скотоводство. Рыбный промыселъ, весьма обильный и могущій служить выгодною статьею торговли, находились далеко не въ желанномъ состояніи и удовлетворяли только мѣстнымъ потребностямъ. Обильные пласты каменнаго угля лежали безъ разработки и сбыта. Дремучіе лѣса Америки, которые могутъ быть чрезвычайно выгоднымъ предметомъ внѣшней и внутренней торговли, при апатическомъ бездѣйствіи компаніи, не

удовлетворяли даже потребностей самихъ колоній. Минеральныя богатства Америки, существованіе которыхъ несомнѣнно, оставались совершенно непроизводительными.

Внутренняя торговля колоній съ инородцами постепенно падала. Причина этого упадка—низкія цѣны, платимыя компаніей за товары туземцевъ, ненависть ихъ къ компаніи и стѣснительность торговыхъ ея правилъ. Инородцы просили пороху, ружей, рому, а компанія имъ этихъ товаровъ по трусости не давала. Инородцы давно уже начали торговать съ англичанами и американцами, которые доставляли имъ упомянутые предметы и платили за мѣха больше, чѣмъ компанія. Съ 1851 г. колоши уже почти вовсе не торговали съ компаніей, а открытіе свободной торговли въ англійскомъ портѣ *Викторіи* убило окончательно торговлю компаніи съ колошами.

Товары, продаваемые компаніей въ колоніяхъ, всегда были низкаго достоинства, а стоили между тѣмъ страшно дорого. Бывало, что компанія продавала инородцамъ топоръ за 2 морскихъ бобра, ножикъ за 1 бобра, 2 фунта попушнаго табаку за 2 бобра. А такъ какъ по тогдашней компанейской таксѣ боберъ стоилъ 30—50 рублей, то слѣдовательно компанія во столько же цѣнила и фунтъ табаку! Когда она торговала въ Камчаткѣ, то брала безсовѣстные барыши. Пудъ муки, напр., съ доставкою въ Камчатку обходился ей въ 10 р., а она продавала по 18; фунтъ чаю обходился въ 3 р., а продавался по 10 р.; пудъ сахару обходился въ 42 р., а продавался по 160 р.; ведро рому стоило 22 р., а компанія продавала по 80 р. и т. д. Въ послѣднее время внутренняя колоніальная торговля носила тотъ же характеръ безсовѣстнаго грабежа, какъ и прежде. Покупая за безцѣнокъ у инородцевъ и русскихъ ихъ промыслы, компанія наваливала имъ свои дрянные товары по высокой цѣнѣ. „Привозные изъ Россіи сапоги для рабочихъ,—говоритъ г. Головинъ,—продаются по 10 р. за пару, а между тѣмъ они положительно

никуда не годятся и ни одни не прослужатъ даже и мѣсяца; такимъ образомъ, одна обувь обойдется рабочему въ годъ болѣе 100 рублей. Регатовыя рубахи, продающіяся по 4 р. 50 к. и бумажныя—по 6 р., для рабочаго человѣка никуда не годны". Вмѣсто денегъ въ колоніяхъ употреблялись особенныя марки; они введены компаніей съ тою цѣлью, чтобы жители колоній не могли торговать съ иностранцами, а покупали въ три-дорога всякую дрянь изъ компанейской лавки".

Въ торговлѣ съ Сибирью и съ иностранцами компанія являлась всегда съ одной стороны крайне апатичною, а съ другой—жадною къ скорѣйшему обогащенію, невѣжественною и рутинною. Напр., она не могла завести прочныхъ торговыхъ сношеній съ Калифорніей, гдѣ русскіе товары могли бы найти отличный сбытъ, гдѣ, напр., до того цѣнился русскій холстъ, что англичане и американцы дѣлали на своемъ холстѣ фальшивые русскіе штемпеля и выгодно сбывали его за русскій. Компанія всегда уклонялась отъ торговли съ американцами, всячески даже препятствовала ей, и поставляла тѣмъ не только свои колоніи, но и сибирскія прибрежья океана, въ затруднительное положеніе. Такъ напр., въ страдавшіе недостаткомъ хлѣба Охотскъ и Камчатку американецъ Добелло предлагалъ доставлять провизію; но, по ходатайству компаніи, это предложеніе не было принято, подъ тѣмъ предлогомъ, что „американцы доставленіемъ горячихъ напитковъ неминуемо нанесутъ вредъ русской торговлѣ". Компанія взялась сама доставлять кругомъ свѣта хлѣбъ въ порты Восточнаго океана. Но это она сдѣлала только для того, чтобы удалить отъ торговли американцевъ; она скоро отказалась отъ своего обѣщанія, объявивъ его „неудобоисполнимымъ". Стремясь въ полной торговой монополіи на океанѣ, компанія склоняла вліятельныхъ лицъ къ изданію выгодныхъ для нея правилъ; даже либеральный адмиралъ Мордвиновъ былъ поборникомъ компанейской монополіи и дѣятельнымъ ревнителемъ ея интересовъ. Въ высочайшемъ указѣ отъ 4 сентября 1821 г.

компанія получила полное удовлетвореніе своихъ желаній объ устраненіи иностранцевъ отъ торговли съ русскими прибрежьями Восточнаго океана. „Воспрещается симъ", гласитъ .2 § этого указа „всякому иностранному судну не только приставать къ берегамъ и островамъ подвластнымъ Россіи, но и приближаться къ онымъ въ разстояніи менѣе 100 итальянскихъ миль. Нарушившій сіе запрещеніе подвергается конфискаціи со всѣмъ грузомъ". Компанія оказывала даже стѣснительное вліяніе на торговлю европейской Россіи. Такъ напр., въ 1802 г. запрещенъ былъ привозъ изъ-за границы морскихъ котовъ. „Это сдѣлано (говорится въ указѣ) снисходя на просьбу россійско-американской компаніи, поелику чрезъ то стѣсняются промыслы ея въ Америкѣ".

Безумно стремясь къ полной промышленной и торговой монополіи на Восточномъ океанѣ, компанія осталась при однихъ только стремленіяхъ или *огромныхъ видахъ*, какъ выражался Резановъ. У нея не было ни средствъ, ни умѣнья достигнуть цѣли. Ея флотъ находился долго въ самомъ жалкомъ положеніи. Мечтая объ одномъ—какъ бы все сдѣлать подешевле, она нанимала въ шкипера и капитаны ничего не знающихъ пьянчугъ англичанъ и американцевъ. Множество судовъ гибло въ морѣ отъ ихъ неумѣнья и неосторожности. Давыдовъ въ своемъ путешествіи разсказываетъ много забавнаго о компанейскомъ флотѣ первой четверти настоящаго столѣтія. Одно судно, вышедшее изъ Камчатки на Алеутскіе острова, зашло такъ далеко къ югу, что въ ноябрѣ стала таять смола отъ солнечнаго жара. Долго носилось оно неизвѣстно гдѣ, весь экипажъ чуть не погибъ отъ недостатка прѣсной воды. Другой мореходецъ три раза въ лѣто ходилъ съ Уналашки на Котовые острова, лежащіе въ 160 миляхъ, и никакъ не могъ отыскать ихъ.—Третій при сильномъ вѣтрѣ взошелъ съ судномъ на камчатскій берегъ, такъ что рѣдкій валъ достигалъ до судна,—и незналъ, гдѣ онъ находится—въ Японіи или въ Америкѣ. Ну, куда же съ такими

морявами, съ дурно построенными и плохо содержимыми судами было мечтать объ *огромныхъ видахъ!* И поторговала немного компанія съ Калифорніей,—да и бросила; пыталась торговать съ Японіей, но когда та отказалась, то компанія начала грабить японскія поселенія. Мы, впрочемъ, нисколько не скорбимъ о томъ, что компанейская промышленная монополія недостигла тѣхъ размѣровъ, о которыхъ мечтала компанія,—этому мы даже рады. Но грустно, когда подумаешь, что компанейская монополія убивала столько времени торговлю иностранцевъ съ русскими берегами Вост. океана, торговля, которая, безъ сомнѣнія, оживила бы и обезпечила всѣмъ необходимымъ эти пустынныя мѣстности.

Въ послѣднее время компанейскій флотъ, по отзыву г. Головина, находился въ хорошемъ состояніи, но торговли все-таки не было, вывозилось только немного льду, лѣсу и рыбы въ Калифорнію, нѣсколько товаровъ въ устьямъ Амура и въ Аянъ.

Главная торговля компаніи пушнымъ товаромъ; но и она была не такъ громадна, какъ можетъ показаться незнающему. Съ 1 января, напр., 1849 г. по іюль 1860 г., все упромышленное въ колоніяхъ стоило по тамошней таксѣ 1,776,878 р. асс. Положимъ, по таксѣ цѣны втрое ниже настоящихъ, и то выйдетъ только 4 милл. р. асс. Пушные товары шли въ Сибирь, Китай, въ Россію и частію въ Америку. Нельзя сковать, чтобы эта торговля очень оживляла Сибирь. Одно только: казна пріобрѣтала отъ нея выгоды...

Такимъ образомъ, вся исторія компаніи ясно свидѣтельствуетъ, что это общество приносило только одинъ вредъ народу, его торговлѣ, промышленности и благосостоянію. Компанія разворила своихъ подданныхъ; она почти вовсе истребила цѣлый алеутскій народъ, а отъ многочисленнаго нѣкогда племени курильцевъ въ 1862 г. осталось въ живыхъ только 66 человѣкъ обоего пола; тысячи, десятки тысячъ убитыхъ, засѣченныхъ, ограбленныхъ, заморенныхъ голодомъ, развра-

щенныхъ ею людей погибли подъ ея безчеловѣчной системой управленія, которая была несостоятельна до того, что при всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ не могла извлекать изъ колоній надлежащихъ выгодъ даже для компаньоновъ. И несмотря на все это, компанія продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока правительство не продало ея земель Соединеннымъ Штатамъ, а говорить о вредѣ этой монополіи сдѣлалось возможно только въ шестидесятыхъ годахъ... До этого времени русское общество даже и не подозрѣвало о томъ позорѣ, который навлекали на себя русскіе люди своими подвигами на Восточномъ Океанѣ!..

VI.

ИРКУТСКІЙ ПОГРОМЪ

въ 1758—1760 г.

ИРКУТСКІЙ ПОГРОМЪ

въ 1758—1760 г. *).

Жилъ да былъ въ нашемъ благословенномъ отечествѣ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ,—человѣкъ умный, достаточно по своему времени образованный, сынокъ генералъ-аншефа, женатый на племянницѣ императрицы Елисаветы, довѣренный чиновникъ Петра III, блаженной памяти. Онъ быстро повышался на службѣ и сдѣлался генералъ-прокуроромъ; по справедливому замѣчанію графа Брюля, „должность, занимаемая имъ при сенатѣ, давала ему почти всемогущество въ дѣлахъ внутренняго управленія“. Злые языки, правда, говорили о немъ, что, будто-бы еще въ молодости онъ, вслѣдствіе короткаго знакомства съ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, совершенно испортился и „напоился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для ихъ самихъ“. Но это говорила, конечно, зависть; „чѣмъ выше башня, тѣмъ длиннѣе тѣнь ея, чѣмъ выше поставленъ человѣкъ, тѣмъ больше у него завистниковъ“, говоритъ пословица, кажется, китайская. Изъ того, что мы знаемъ о жизни Глѣбова, достаточно видно, что онъ былъ ничѣмъ не хуже другихъ хорошихъ людей XVIII вѣка, не хуже даже са-

*) Иркутскія Лѣтописи.—Бумаги изъ дѣла о генералъ-прокурорѣ Глѣбовѣ и слѣдователѣ Крыловѣ, въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества“. т. I.

маго свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, о которомъ тоже зловредные люди распространили молву, что и онъ „былъ напоенъ принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для него самого“.

Глѣбовъ нуждался въ большихъ средствахъ для жизни, сообразной съ его высокимъ положеніемъ. Онъ былъ большой практикъ, и потому не затруднялся въ пріобрѣтеніи средствъ, очень хорошо зная всѣ тѣ мѣста, гдѣ зимуютъ раки. Однажды, когда Петру III понадобились деньги, когда никто не могъ придумать, откуда-бы взять ихъ, Глѣбовъ придумалъ и—досталъ 4,000,000 р. При своемъ могуществѣ, при своей предпріимчивости, онъ, конечно, не могъ довольствоваться тѣми доходами, какіе доставлялись ему его должностью, его положеніемъ, его крестьянами, и обратилъ свои дальновидные взоры туда, гдѣ—

Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро.

Люди предпріимчивые наживали тогда въ Сибири несмѣтныя богатства, и только тѣ, которые были плохо знакомы съ отечественною географіей, считали эту страну сѣдалищемъ холода; болѣе же образованные россіяне очень хорошо знали, что въ Сибири всегда можно найдти множество самыхъ теплыхъ мѣстечекъ. Державинъ, разсказывая о назначеніи Якоби сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, говоритъ, что Сибирь была дана ему въ приданое за женою. Дѣйствительно, когда Якоби обвѣнчался, то по русскому обычаю, вмѣсто хлѣба, молодыхъ благословили этимъ пирогомъ.—Но возвратимся къ нашему генералъ-прокурору.

Глѣбову, который ворочалъ дѣлами имперіи, не было разсчета самому переселяться въ сибирскія трущобы изъ развеселой столицы. Его мощная рука могла вытянуться на какихъ нибудь 6,000 верстъ и обшарить, какъ слѣдуетъ, сибирскія дебри. Генералъ-прокуроръ зналъ, что въ этихъ дебряхъ есть городъ Иркутскъ, а въ городѣ Иркутскѣ не мало богатыхъ

купцовъ и промышленниковъ, имѣвшихъ дѣла по всей Сибири, добывавшихъ дорогіе мѣха въ Америкѣ и на Алеутскихъ островахъ, державшихъ въ кабальной зависимости не только инородцевъ, но и массу русскаго народонаселенія. Около этихъ купчинъ можно было хорошо поживиться, тѣмъ болѣе, что представители сибирской администраціи въ это время не были облечены такими полномочіями, какія получили впослѣдствіи, и потому не могли сопротивляться притязаніямъ всесильнаго генералъ-прокурора. Сибирью правилъ тогда губернаторъ, который, по выраженію одного тогдашняго акта, „недвижимо пребывалъ въ Тобольскѣ“, нынѣшняя же Восточная Сибирь, подъ именемъ Иркутской провинціи, состояла подъ властью подчиненнаго Тобольску вице-губернатора, отъ котораго еще менѣе можно было ожидать сопротивленія Глѣбову, чѣмъ отъ губернатора.

Въ это время, россійское дворянство рачительно стало заниматься винокуреніемъ и постаралось обратить въ свою монополію эту почтенную промышленность, принесшую столько пользы благосостоянію и нравственности народа. Указомъ 1755 г. „во всемъ государствѣ, купцамъ, винныхъ заводовъ имѣть не велѣно, а повелѣно поставку винъ отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ на десять лѣтъ“; но въ отдѣльныхъ провинціяхъ, не имѣвшихъ дворянства, а слѣдовательно, и въ иркутской, винокуренные заводы оставлялись и не за дворянами. Слѣдовательно, иркутское купечество имѣло полное право продолжать винокуреніе, которымъ оно занималось съ 1727 г. Полное право! Вѣроятно оно, не смотря на свою житейскую опытность, не понимало, что тогда всякое „полное право“ принадлежало сильнѣйшему, что имъ могли пользоваться только лица всемогущія, въ родѣ генералъ-прокурора. Послѣдній въ 1756 г. заключилъ съ сибирскимъ приказомъ контрактъ о поставкѣ водки въ кабаки иркутской провинціи по разнымъ цѣнамъ, а въ Иркутскѣ по 1 р. 40 к. ведро, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности-то ведро стоило

не дороже 1 рубля. Иркутское купечество заявило, что на такихъ условіяхъ оно не можетъ продолжать виноторговли и ходатайствовало о пониженіи цѣны. Но Глѣбовъ доложилъ сенату, что представленіе иркутянъ о цѣнѣ водки — ложное, что иркутскій магистратъ злоупотребляетъ питейными сборами, что купечество занимается корчествомъ и противозаконно продаетъ водку инородцамъ, что вино у него дурное, въ доказательство чего представилъ двѣ пробныхъ бутылки иркутской сивухи, что, въ Иркутскѣ вывариваютъ соль безъ указу, а иркутская провинціальная канцелярія и корчемная контора покрываютъ всѣ эти злоупотребленія. Изъ дѣла видно, что обвиненія Глѣбова были отчасти справедливы, особенно послѣднее, уличавшее иркутянъ въ сопротивленіи сенатскимъ указамъ, предписывавшимъ сдать всѣ винокурни Глѣбову. Когда пріѣхалъ въ Иркутскъ повѣренный послѣдняго, Евреиновъ, для принятія винокурень, то не только купцы, но даже и самъ вице-губернаторъ Вульфъ, опираясь на указъ 1755 года, оставлявшій винокуреніе въ отдаленныхъ мѣстностяхъ за купцами, воспротивились такой сдачѣ, надѣясь, вѣроятно, посредствомъ доказательствъ, подкрѣпленныхъ извѣстными приложеніями, оставить дѣло по старому. Но Глѣбовъ уже сдѣлалъ торги на иркутскій откупъ, взялъ его себѣ за 58,000 р. въ годъ, отстранивъ вліяніемъ своимъ соперниковъ, двухъ петербургскихъ купцовъ, которымъ тотчасъ же, считаясь офиціально ихъ компаньономъ, и передалъ этотъ откупъ за 160,000 единовременной и 25,000 р. ежегодной платы. Въ то же время генералъ-прокуроръ отправилъ членамъ иркутскаго магистрата грозное посланіе, въ которомъ говоритъ, что онъ „принужденъ просить въ сенатѣ объ учиненіи слѣдствія о всѣхъ ихъ поведеніяхъ и имѣть себѣ въ сатисфакцію справедливость закона, и буде они тѣмъ себя льстятъ, чтобъ его, чрезъ причиненные ему убытки удержать отъ поставки вина, то сіе они несправедливо мыслятъ, ибо чѣмъ болѣе препятствій и огорченій (ему) послѣдуетъ, тѣмъ

болѣе онъ, не жалѣя своего капиталу, въ предпринятомъ дѣлѣ упражняться станетъ; а когда они надѣются на свое богатство, то оно, всеконечно, сколько бы велико ни было, не затмитъ правосудія въ высокомъ правительствующемъ учрежденіи, ибо не пользуетъ имѣніе *въ день ярости и гнѣва*".

„Ярость и гнѣвъ" верховнаго въ имперіи блюстителя правосудія были чрезвычайны, и генералъ-прокуроръ, чтобы доѣхать своихъ иркутскихъ конкурентовъ по винной продажѣ, дѣйствительно, „въ предприятомъ дѣлѣ упражняться сталъ" со всею свойственною ему энергіей.

Для разслѣдованія иркутскихъ злоупотребленій сенатъ командировалъ коллежскаго ассесора Крылова съ секретаремъ, двумя канцеляристами и четырмя писцами. Такъ какъ слѣдствіе это было назначено по доносу Глѣбова, то само собою понятно, что слѣдователь для разъясненія дѣла необходимо долженъ былъ во время производства просить у доносителя поясненія, доказательствъ и уликъ, подтверждающихъ справедливость обвиненій, которыя онъ взводилъ на своихъ иркутскихъ соперниковъ. Но генералъ-прокуроръ управлялъ сенатомъ, и сдѣлался въ одно и то же время и лицомъ подслѣдственнымъ, въ качествѣ доносителя и откупщика, и главнымъ руководителемъ слѣдствія, въ качествѣ верховнаго блюстителя правосудія! Онъ разрѣшилъ Крылову не стѣсняться въ Иркутскѣ ничѣмъ, обнадеживъ его, что за свои труды „онъ безъ удовольствія и отъ сената оставленъ не будетъ" и, кромѣ того, можетъ получить значительную долю барышей отъ порученнаго ему судебно-коммерческаго предпріятія, отъ слѣдственной разработки золотосодержащихъ купеческихъ кармановъ. Сенатъ же содѣйствовалъ генералъ-прокурору въ осуществленіи его „принциповъ, хотя и не весьма для общества полезныхъ, но достаточно прибыльныхъ для него самого". Сенатъ предписалъ Крылову „все, по доношенію господина Глѣбова, слѣдствіе производить надлежащимъ порядкомъ,

чиня основательные въ чемъ кому надлежитъ допросы безъ наималѣйшаго послабленія и донаровки, и буде кто въ чемъ учинитъ запирательство, въ такомъ случаѣ требовать отъ повѣреннаго его (Глѣбова) доказательства; а на которые пункты тотъ повѣренный доказательства не покажетъ, а по другимъ пунктамъ и по справкамъ къ тому подозрѣніе приличное показываться будетъ, то *и безъ доказательствъ то слѣдствіе производить* для того, что сенатомъ усмотрѣно по нѣкоторымъ пунктамъ, что иркутскимъ магистратомъ чинено было въ противность указовъ, и безъ доказательства уже открылось“.

„День ярости и гнѣва“, которымъ пугалъ Глѣбовъ иркутянъ, насталъ для нихъ: Крыловъ пріѣхалъ. Граждане, которые всѣ отличались добродѣтелями, искони свойственными русскому народу, почтили новаго начальника, явившись къ нему на поклонъ съ хлѣбомъ и солью и дарами. Крыловъ милостиво принялъ ихъ, а потомъ началъ дѣлать визиты обывателямъ, являясь столь же примѣрнымъ начальникомъ, насколько иркутяне заявили себя примѣрными подчиненными. Во все онъ вникалъ, даже въ мелочныя подробности хозяйства, обо всемъ распрашивалъ, и кромѣ того, подъ рукою разузнавалъ, у кого какой капиталъ имѣется, за кѣмъ и какіе грѣшки водятся и т. д.

Первое время ревизоръ былъ смиренъ, но иркутяне предчувствовали что-то недоброе, понимая, что генералъ-прокуроръ не сталъ бы даромъ угрожать имъ „днемъ ярости и гнѣва“. Еще болѣе струхнули они, когда Крыловъ предписалъ иркутскому магистрату приготовить для открываемой имъ слѣдственной комиссіи три куска синяго сукна, для закрытія столовъ, нѣсколько стопъ бумаги, добрый запасъ гусиныхъ перьевъ и ведро чернилъ, — цѣлое ведро чернилъ, и это только на первый разъ! Значитъ, дѣло начиналось не на шутку.

Вторымъ дѣломъ Крылова было укрѣпленіе его квартиры.

На основаніи сенатскаго указа, предписывавшаго мѣстнымъ властямъ исполнять безпрекословно всѣ его требованія, онъ вытребовалъ изъ Селенгинска семдесять семь солдатъ съ тремя оберъ-офицерами, взялъ ихъ на свое содержаніе, постарался привязать ихъ къ себѣ, устроилъ при своей квартирѣ гауптвахту и, такимъ образомъ, получилъ въ чинахъ этой импровизированной лейбъ-гвардіи и вѣрныхъ тѣлохранителей, и безпрекословныхъ исполнителей всѣхъ своихъ распоряженій. Спальня и кабинетъ Крылова были обвѣшаны множествомъ оружія, и спалъ онъ не иначе, какъ съ заряженными пистолетами подъ подушкой.—Иркутяне уже видывали всякихъ начальниковъ; бывали и такіе, которые, подобно Крылову, заводили у себя лейбъ-стражу и посредствомъ ея держали городъ въ постоянномъ страхѣ и трепетѣ. Одинъ изъ нихъ, напр., подписывавшійся „со властію губернаторскою бригадирскаго ранга Нѣмцовъ", завелъ, такъ называемую, *глухую команду*, и, рыская съ нею по ночамъ по городу, производилъ грабежи и ужасныя дебоширства; однажды онъ пригласилъ обывателей на пикникъ, подговоривши предварительно своего пріятеля, разбойничьяго атамана Гондюхина, напасть на нихъ и ограбить; пикникъ дѣйствительно кончился ограбленіемъ гостей. Иркутяне, поэтому, будучи уже пугаными птицами, серьозно встревожились учрежденіемъ крыловской лейбъ-стражи, которая, тотчасъ же по прибытіи въ городъ, начала производить, по солдатскому обыкновенію, воровства, грабежи и дебоширства.

Крыловъ началъ свое слѣдствіе тѣмъ, что велѣвъ купить для себя бочку водки, своимъ же чиновникамъ велѣлъ конфисковать ее. Онъ нашелъ, „что принимаемое вино на кабаки негодное, пробуется не указными отжигальницами и продается не указными мѣрами, что казаны и кубы клеймятся магистратомъ неправильно". Затѣмъ принялся онъ за ревизію счетовъ. Собравъ всѣ дѣла ратуши и магистрата о питейныхъ сборахъ съ 1728 по 1758 г., онъ сложилъ ихъ

въ сундуки, запечаталъ и приставилъ къ нимъ караулъ, а послѣ того потребовалъ, чтобы магистратъ составилъ и подалъ ему немедленно вѣдомости за все упомянутое время! Магистратъ, понятно, не могъ сдѣлать этого; Крыловъ предписалъ ему не отпускать изъ города ни одного купца, „чѣмъ уже купечеству учинилъ притѣсненіе, и въ торговыхъ промыслахъ помѣшательство“. Магистратъ доставилъ ему вѣдомости только съ 1746 года, остальныя Крыловъ потребовалъ отъ провинціальной канцеляріи, началъ ихъ сличать съ вѣдомостями, составленными его собственными чиновниками, будто бы, на основаніи данныхъ, доставленныхъ ему изъ разныхъ мѣстъ провинціи, и открылъ расхищеніе казенныхъ суммъ при израсходованіи 829,000 рублей, а также многіе другіе „непорядки и замѣшательства“. Затѣмъ, призвавъ въ комиссію членовъ магистрата, слѣдователь началъ допрашивать ихъ, есть ли у нихъ такія же вѣдомости, какія доставлены ему изъ разныхъ мѣстъ провинціи? Тѣ отвѣчали, что „таковыя вѣдомости уповательно въ магистратѣ состоятъ“. Дѣйствительно, въ ящикѣ, запечатанномъ по его-же собственному приказанію, Крыловъ нашелъ эти вѣдомости и составилъ актъ, „включа въ оный таковыя рѣчи: будто-бы, оныхъ вѣдомостей комиссія требовала многими указами, точно-де они до нынѣ магистратомъ утаены и представлено было, якобы сочинить таковыхъ вѣдомостей вскорѣ невозможно“; на самомъ-же дѣлѣ, „онъ, Крыловъ, этихъ вѣдомостей не требовалъ, а велѣлъ сочинить вновь“. Но запуганные Крыловымъ бургомистръ Бречаловъ, ратманы: Верховцевъ, Глазуновъ и, шпіонившій Крылову, Елезовъ признали себя виновными въ утайкѣ вѣдомостей и подписали упомянутый актъ. Тотчасъже была призвана команда, принесены кандалы, и всѣ члены магистрата были арестованы и закованы. Въ дополненіе къ упомянутому акту, бургомистры Бречаловъ и Ворошиловъ, подъ пристрастіемъ и подъ диктовку Крылова, показали: „вѣдомости оныя въ комиссію не отосланы были затѣмъ,

что признаны магистратомъ фальшивыми, потому что въ тѣхъ вѣдомостяхъ показано въ сборѣ сверхъ окладу въ приборѣ великая сумма до 800,000 рублевъ, и якобы оные въ тѣхъ-же годахъ всѣ въ расходѣ, каковымъ великимъ расходамъ быть не можно; и для того оные отъ комиссіи были утаены и не объявлены по общему всѣхъ согласію" *). Члены магистрата были отведены въ острогъ. Затѣмъ, во главѣ своихъ чиновниковъ и военной команды, Крыловъ отправился по домамъ и лавкамъ арестованныхъ магистратскихъ членовъ и другихъ богатыхъ купцовъ. Произошла отвратительная, потрясающая сцена. Крыловская ватага врывалась въ домъ, вверхъ дномъ переворачивала его, рылась въ сундукахъ, запечатывала ихъ и жилыя комнаты и амбары, выгоняя жильцовъ куда-нибудь въ кухню; женщины и дѣти выли или, разбѣгаясь, прятались на сѣновалахъ, въ садахъ, баняхъ. Хозяевъ, къ общему ужасу ихъ семей арестовывали, забивали въ кандалы и отправляли въ острогъ. Осмотрѣвъ и запечатавъ дома, крыловская шайка направилась къ лавкамъ, и, порядочно поживившись въ нихъ, запечатывала и лавки. Было арестовано семдесятъ четыре человѣка, считая въ томъ числѣ и магистратскихъ членовъ. Назавтра, 1-го іюня 1750 г.. всѣ арестованные приведены въ комиссію, и имъ объявлено, „чтобъ они въ похищенныхъ интересахъ добровольно признались, а въ случаѣ упорства, ихъ будутъ приводить въ застѣнокъ, а когда и по тому не признаются. то и на виску поднимать". Бречаловъ, испугавшись пытокъ, подписалъ слѣдующее признаніе, сочиненное Крыловымъ: „выкурка вина на казенныхъ заводахъ, которые были тогда въ магистратскомъ содержаніи, производилась въ истинѣ отъ 50 до 60 коп. ведро, а писалась въ магистратѣ отъ 1 рубля и выше; такожъ приставники муки и солоду, хмѣлю и дровъ на выку-

*) Дѣйствительно, трудно повѣрить, что съ 1729 по 1745 г., въ шестнадцать лѣтъ, магистратъ могъ израсходовать законнымъ образомъ 829,000 руб.

ренное вино прикладывали излишнее, коихъ излишнихъ въ каждый годъ тысячъ по десяти было, и тѣми деньгами онъ, Бречаловъ, и прочіе корыстовались, и дѣлили по себѣ, и бирали себѣ отъ приставниковъ безденежно вино, и на приготовленіе припасовъ магистратскіе судьи чинили подряды подъ чужими именами, съ повышеніемъ цѣны; и такъ излишекъ располагался на выкуренное вино, а потому цѣна возвышалась, а интересъ умалялся". Въ то же время, подслуживавшій и шпіонившій Крылову на другихъ, ратманъ Елезовъ подписалъ сочиненный слѣдователемъ отъ его имени доносъ, подтверждавшій всѣ обвиненія Глѣбова.

Признаніе Бречалова, доносы Елезова и другихъ, наконецъ, нѣкоторыя открытія самого Крылова такъ правдоподобны, такъ согласны съ тогдашними понятіями, обычаями, практикой, что нельзя нисколько сомнѣваться въ достовѣрности многихъ заключающихся въ нихъ показаній, что была признано и сенатомъ уже въ то время, когда, по настоянію и подъ руководствомъ самой Екатерины, онъ разсматривалъ это дѣло совершенно безпристрастно. Правда, что злоупотребленія были преувеличены, что Крыловъ привлекъ къ дѣлу множество лицъ не на основаніи ихъ виновности, а единственно съ цѣлью ограбить ихъ, но все-таки злоупотребленія несомнѣнно были, хотя иркутскія хроники, составленныя людьми близкими къ пострадавшимъ, положительно отрицаютъ ихъ.

На основаніи упомянутыхъ признаній и доносовъ, кромѣ арестованныхъ семидесяти четырехъ человѣкъ, Крыловъ привлекъ къ дѣлу еще сто человѣкъ иркутскихъ купцовъ, которые „винились въ разныхъ по кабацкому сбору интересованіяхъ". Допросы производились подъ плетьми и палками, при чемъ самъ слѣдователь, сильный, громадный, здоровый мужчина, съ налитыми кровью глазами и „рыкая, аки левъ", билъ купцовъ по лицу кулаками и гростію, вышибалъ имъ зубы, таскалъ за бороды. Когда Бречаловъ подписалъ упоми-

нутое уже признаніе, всѣхъ подсудимыхъ повели въ крѣпость въ застѣнокъ; жены, сестры, матери несчастныхъ сопровождали эту процессію, раздирая воздухъ своими воплями и умоляя о милости грознаго ревизора. Начались ужасныя истязанія, продолжавшіяся нѣсколько дней; около сотни гражданъ по нѣскольку разъ предавалась пыткамъ; ихъ драли плетьми, кнутами и палками, поднимали на дыбу, жгли огнемъ. Упомянутый уже Елезовъ, сообщилъ Крылову о степени зажиточности каждаго изъ подсудимыхъ и съ кого сколько можно выбить денегъ. Крыловъ, поэтому, не довольствовался однимъ признаніемъ виновности, а сѣкъ и пыталъ до тѣхъ поръ, пока истязуемый не признавалъ себя виновнымъ въ похищеніи изъ казны суммы, требуемой ревизоромъ на основаніи Елезовскихъ свѣденій. Дольше всѣхъ не признавался первый иркутскій капиталистъ, купецъ Бичевинъ, имѣвшій обороты на всю Сибирь и столько богатства, что въ его подвалахъ стояли цѣлыя бочки съ мѣдною и серебряною монетой, а въ народѣ говорили, что по ночамъ къ нему летаетъ змѣй и носитъ золото. Бичевина сѣкли и пытали нѣсколько дней; но старикъ былъ упоренъ и не признавался. Наконецъ, его въ послѣдній разъ подняли на дыбу; къ ногамъ привязали бревна, а къ кистямъ рукъ веревку, ходившую по блоку въ потолкѣ, и подняли на воздухъ; затрещали и вывернулись суставы рукъ и ногъ, а палачъ по обнаженному тѣлу началъ полосовать кнутомъ, разсѣкая кожу и даже вырывая куски мяса. Бичевинъ все не признавался. Крыловъ усталъ и поѣхалъ на закуску къ купцу Глазунову, а Бичевинъ, до его пріѣзда, впродолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ, все висѣлъ въ упомянутомъ положеніи и изрѣдка получалъ удары кнута. Когда Крыловъ вернулся и велѣлъ усилить кнутованіе, умирающій Бичевинъ призналъ за собою 15,000 руб. Его сняли съ дыбы и полумертваго отнесли домой. Крыловъ вскорѣ явился къ нему на квартиру и новыми угрозами заставилъ умирающаго къ признаннымъ уже имъ за собою 15,000 р.

прибавить еще 15,000 р. Бичевинъ умеръ. Его смерть навела на весь городъ паническій страхъ. Память о немъ живетъ до сихъ поръ среди иркутскихъ старожиловъ, разсказывающихъ мифъ, что Бичевинъ умеръ на висѣлицѣ, поставленной среди площади; его трупъ висѣлъ трое сутокъ, и каждую ночь въ воздухѣ горѣли восковыя свѣчи передъ тѣломъ невиннаго страдальца.

Со ста двадцати человѣкъ Крыловъ вымучилъ 155,295 р. 80 к. *).

---

*) Бичевинъ далъ 30,000 р.; Бречаловъ 23,000 р.; Мих. Глазуновъ 15,000 р ; Макс. Глазуновъ 15,000 р.; Ив. Ворошиловъ 12,000 р.; Добрынскій 6,000 р.; Ив. Елезовъ 5,400 р.; Вас. Ворошиловъ 4,800 р.; В. Сибиряковъ 2,500 р.; В. Елезовъ 2,000 р.; Шапошниковъ 1,800 р.; Власовъ 1,600 р.; Петръ Мальцевъ 1,500 р.; Верховцевъ 1,500 р.; Перевозкинъ 1,500 р.; Ал. Сибиряковъ 1,040 р.; Ив. Мясниковъ 1,000 р ; Дудинъ 800 р.; Бородинъ 750 р.; Ив. Дружининъ 700 р.; Ив. Рудаковъ 700 р.; Козловъ 700 р.; Ободуровъ 700 р.; Чураковъ 650 р.; Петръ Лысковцевъ 630 р.; Пуляевъ 600 р.; Старцевъ 600 р.; Ник. Перевозкинъ 600 р.; Ив. Верховцевъ 550 р.; Андрей Елезовъ 500 р.; Переваловъ 500 р.; Ос. Сибиряковъ 500 р.; Пахолковъ 500 р.; Корюховъ 500 р.; Пестовскій 500 р.; Паникаровскій 600 р.; Подрѣзовъ 500 р.; Звѣздочетовъ 450 р.; Дрюковъ 450 р.; Зиминъ 450 р.; Пряничниковъ 400 р.; Зубовъ 400 р ; Никитинъ 370 р.; Лазаревъ 360 р.; Дементьевъ 350 р.; Николай Дементьевъ 350 р.; Новиковъ 350 р.; Горбовъ 330 р.; Осокинъ 300 р.; Лупъ Пахолковъ 300 р.; Ив. Пестовскій 300 р.; Куроптевъ 300 р.; Алексѣй Елезовъ 300 р.; Ив. Храшовъ 2-й 270 р.; Лычаговъ 270 р.; Калининъ 270 р.; Иванъ Храшовъ 1-й 260 р.; Дуровскій 250 р.; Защихинъ 250 р.; Кочневъ 234 р. 25 к.; Каргопольцевъ 225 р.; Быковъ 224 р.; Больниковъ 210 р.; Васильевъ 200 р.; Сизой 200 р., Дан. Глазуновъ 200 р.; Савельевъ 200 р ; Калашниковъ 200 р.; Пѣтуховъ 180 р.; Овсянниковъ 175 р.; Иванъ Кочневъ 170 р.; Назаровъ 170 р.; Шамановъ 160 р.; Бичинъ 160 р.; Маньковъ 150 р.; Балахонцевъ 150 р.; Матвѣй Кудреватый 120 р.; Кабановъ 110 р.; Чипизубовъ 100 р.; Кириловъ 100 р.; Смоленскій 100 р.; Дементьевъ 100 р.; Безруковъ 100 р.; Миронъ Дудоровскій 100 р.; Красногоровъ 100 р ; Поповъ 100 р.; Фроловъ 100 р ; Стрѣкаловскій 100 р.; Дан. Зиминъ 100 р.; Шаламовъ 83 р.; Гусевъ 70 р.; Квасниковъ 70 р.; Ив. Пахолковъ 65 р.; Ракитинъ 60 р.; Трапезниковъ 60 р.; Кузнецовъ 50 р.; Портнягинъ 50 р.; Калашниковъ 50 р.; Петчиковъ 50 р.; Зыряновъ 50 р.; Аф. Стрѣкаловскій 50 р.; Цивилинъ 50 р.; Гордѣевъ 45 р.; Б - гомоловъ 40 р.; Рудинъ 30 р.; Кузовлевъ 30 р.; Соловьевъ 20 р., Слатинъ 15 р.; Мих. Кудреватый 15 р., Шарыповъ 1 р.; 55 к.

Вице-губернаторъ Вульфъ не разъ уже доносилъ сенату о крыловскйхъ злодѣяніяхъ; но его доносы клались подъ сукно. Въ іюнѣ 1759 г. въ сенатѣ былъ полученъ отъ Вульфа пакетъ, адресованный на имя Императрицы Елисаветы „который подлѣ печати явился подрѣзанъ, и тѣмъ доношеніемъ Вульфъ просилъ о взятіи производимыхъ Крыловымъ дѣлъ въ Москву и объ увольненіи его туда-жъ". Но конвертъ Государынѣ переданъ не былъ „а къ нему генералъ-маіору Вульфу, посланъ изъ сената указъ съ выговоромъ, что ему къ самой Ея Императорскому Величеству того донесенія присылать не надлежало и впредь бы такого дерзновенія не чинить". Сенатъ, такимъ образомъ, оказывалъ Крылову явное покровительство и устранялъ всякую возможность жалобъ на него. Хотя въ то же время онъ предписывалъ Крылову „пристрастными распросами удержаться", но принимая во вниманіе, что „онъ, Крыловъ, прилагаетъ усердный трудъ, и особливымъ его стараніемъ и радѣніемъ сыскана, ко взысканію въ казну, немаловажная сумма, и сверхъ того о поднесенныхъ ему Крылову отъ купечества въ подарокъ тысячи рубляхъ въ сенатъ онъ представилъ, и оную 1,000 р. отдалъ въ иркутскую канцелярію, а за такой его, Крылова, трудъ и радѣніе" сенатъ положилъ „выдать ему изъ казны 1,000 р. и сверхъ того обнадежить, что онъ, Крыловъ, по возвращеніи въ Москву, и еще безъ награжденія деньгами и чиномъ оставленъ не будетъ". Глѣбовъ въ свою очередь тоже погладилъ Крылова по головкѣ и писалъ ему, что „изъ письма его усмотрѣлъ, что по власти божеской всѣ иркутскіе безпорядки и казенныя великія похищенія открылись; осталось ожидать только счастливаго окончанія"; только проситъ онъ Крылова „въ розыскѣ осторожнымъ быть", говоря, что онъ „хочетъ лучше свое потерять нежели народъ истязать".

Когда указъ сената и письмо Глѣбова были получены въ Иркутскѣ, то сто двадцать человѣкъ было уже ограблено, и одинъ изъ нихъ, засѣченный ревизоромъ, лежалъ въ могилѣ.

Осенью 1759 г. Крыловъ составилъ отъ имени иркутскихъ купцовъ просьбу въ сенатъ, въ которой они, будто бы, признавались во всѣхъ, взведенныхъ на нихъ, обвиненіяхъ просили о помилованіи и восхваляли честность и благородство Крылова. Слѣдователь заставилъ купцовъ подписать эту просьбу и послать съ нею въ Петербургъ довѣреннымъ своего клеврета Елезова съ двумя товарищами. Купцы вынуждены были дать Елезову довѣренность на заемъ до 50,000 р., изъ которыхъ имъ отдано генералъ-прокурору 30,000 р., *). Явившись въ Петербургъ и разсовавши, по указаніямъ Крылова, взятки, иркутскіе повѣренные представили въ сенатъ челобитную купечества, которое приносило свою повинную и представляло, что изъ оставшихся за нимъ 150,000 рубл., оно въ состояніи уплатить не болѣе половины. Елезовъ, какъ мы уже говорили, держалъ руку Крылова; два же другихъ повѣренныхъ: Верховцевъ и Мальцевъ „яко бѣдные и беззаступные люди, не смѣя прекословить, боясь господина Глѣбова, слыша и видя его въ превосходной милости и случаѣ, дабы съ ними не было учинено чего наигорше прежняго, принуждены были, яко невольники, все то дѣлать, что ему, г. Глѣбову, было надобно, помня бывшее съ ними отъ Крылова въ Иркутскѣ не только раззореніе, но и тиранское безъ вины мученіе“. Глѣбовъ обобралъ повѣренныхъ, какъ липку. Однакожъ, при всемъ этомъ они успѣли исхлопотать сенатскій

---

*) Въ приходорасходной книжкѣ Елезова значатся, между прочимъ, слѣдующія взятки: его превосходительству А. И. Глѣбову: 2 канфы большой руки, 1 жестянка чаю большая, 8 соболей хорошихъ; дано два векселя въ 50,000 р. Повѣренному его, Евреинову, при отправленіи изъ Иркутска 23 сентября дано для рекомендаціи и писемъ. Въ домѣ его п—ва управителямъ: Ивану Николаевичу 1 канфа малой руки, 3 соболя хорошихъ, 3 бахчаю, 1 штофъ виннова, 6 бутылокъ пива, деньгами 200 рублей. Ивану Карповичу: 1 канфа, 3 бахчи чаю, 2 соболя хорошихъ. Тарасу Сергѣевичу: 1 канфа, 3 бахчи чаю, 2 соболя хорошихъ, 2 гина шелку, 2 канфы малой руки. Льву Чебышеву: 1 канфа, 3 бахчи чаю, 1 голь, 12 рублей. Такимъ образомъ Крыловъ доставлялъ доходъ даже прислугѣ генералъ-прокурора.

указъ отъ 29 марта 1760 г., которымъ опредѣлялось: „производимое Крыловымъ слѣдствіе оставить и болѣе о томъ не слѣдовать“, изъ слѣдующихъ же, сверхъ заплоченныхъ уже иркутскимъ купечествомъ денегъ, 150,000 р. „за ихъ изнеможеніемъ“, взыскать только половину.

Между тѣмъ въ Иркутскѣ Крыловъ неистовствовалъ болѣе и болѣе. Онъ продалъ съ аукціона все имущество подсудимыхъ за 93,120 рублей, являясь на аукціонѣ и продавцемъ, и оцѣнщикомъ, и покупателемъ; онъ содралъ съ горожанъ 3,780 р. на содержаніе слѣдственной комиссіи, хотя эта комиссія содержалась ими натурою; онъ захватилъ слѣдовавшія купцамъ за выкурку и продажу вина 78,000 р. Сюда не входитъ множество мелкихъ подарковъ, сдѣланныхъ ему обывателями, которые содержали его со всей его ватагой на свой счетъ, завели ему лошадей и карету, постоянно пополняли винами его погребъ, презентовали ему все, что нравилось ему.

Надѣясь на покровительство сената и генералъ-прокурора, Крыловъ разыгрывалъ роль всемогущаго деспота, публично унижалъ и бранилъ вице-губернатора и другихъ важныхъ чиновниковъ; „бывшаго въ Иркутскѣ губернаторскаго товарища, подполковника Свободскаго, якобы за ослушаніе сенатскихъ указовъ, неповинно держалъ подъ крѣпкимъ карауломъ полгода, и сенату оболгалъ напрасно“; менѣе же важныхъ чиновниковъ—билъ и сѣкъ безъ пощады; „взялъ въ комиссію сыновей поручика Юсупова и жену его и сѣкъ ихъ плетьми за партикулярную свою ссору“. Заподозрѣвъ чиновника своей комиссіи Юрлова въ волокитствѣ за своей любовницей, Крыловъ началъ преслѣдовать его, сажать подъ арестъ, хотѣлъ даже высѣчь. Пріѣхавъ однажды посмотрѣть артиллерійское ученье за городомъ и замѣтивъ, въ толпѣ зрителей, Юрлова, Крыловъ подбѣгаетъ къ нему, придирается, какъ онъ смѣлъ придти туда безъ его дозволенія, ударомъ кулака въ голову сбиваетъ его съ ногъ и потомъ кричитъ, стоявшимъ около,

зрителямъ: „Бейте его!“ Иркутяне и на этотъ разъ выказали свою добродѣтельную, безпрекословную покорность и затаскали несчастнаго Юрлова до полусмерти, не оставивъ на его головѣ ни одного волоска!.. Для внушенія жителямъ вящщаго страха и большаго уваженія къ своей персонѣ, Крыловъ выкинулъ слѣдующую штуку: „на сдѣланномъ въ Иркутскѣ на башнѣ государственномъ гербѣ, на груди, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на монетахъ изображается московскій гербъ, продерзостно прибилъ жестяную доску съ такими на ней литерами: „Году 1760, мѣсяца сентября, бытности въ Иркутскѣ начальника коллежскаго ассесора Крылова“; а сверхъ той надписи выбита на той же доскѣ дворянская корона, а вокругъ надписи лавры“. За это впослѣдствіи досталось Крылову болѣе, чѣмъ за всѣ его другія злодѣянія...

Иркутскія лѣтописи и преданія сохранили множество возмутительныхъ разсказовъ о подвигахъ „злодѣя“, какъ его втихомолку называлъ весь городъ,—о подвигахъ, не входившихъ въ составъ его офиціальной дѣятельности. Крыловъ пилъ много, пилъ съ утра до ночи, и хотя всегда держался на ногахъ, но выпивъ извѣстную дозу, становился дикимъ звѣремъ. Иногда, въ такомъ состояніи, онъ сѣкъ безпощадно встрѣчнаго и поперечнаго, но чаще всего давалъ волю своему необузданному, чисто болѣзненному половому неистовству. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ, онъ насильно занялъ понравившійся ему домъ купца Мясникова, приказавъ хозяевамъ немедленно перебраться въ нижній этажъ. Хозяева безпрекословно исполнили его требованіе, и цѣлыхъ три года мучились, какъ въ аду, со своимъ гнуснымъ постояльцемъ, который билъ ихъ, сѣкъ плетьми, ругалъ безпощадно, врываясь пьяный въ ихъ квартиру, переворачивалъ тамъ все вверхъ дномъ.

Сладострастіе Крылова не знало границъ и доходило до звѣрскаго неистовства. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда онъ захватилъ свою сосѣдку, дочь купца Воротилова, изнасиловалъ

ее и сдѣлалъ своей любовницей. (Это событіе послужило сюжетомъ очень популярному въ свое время роману сибиряка Калашникова. „Дочь купца Жолобова“, вышедшему недавно вторымъ изданіемъ). Но одной любовницей Крыловъ не довольствовался, а захватывалъ каждую попавшуюся ему на глаза хорошенькую дѣвушку или женщину, и если онѣ не сдавались добровольно, то насиловалъ ихъ или принуждалъ къ любви жестокими побоями и тѣлесными истязаніями при помощи своихъ солдатъ. Кромѣ многихъ взрослыхъ, онъ изнасиловалъ нѣсколько малолѣтнихъ дѣвочекъ. Долго преслѣдовалъ онъ своими предложеніями жену хозяина, купчиху Мясникову; угрожалъ ей, билъ по щекамъ, таскалъ за косу, колотилъ головою о стѣну, сѣкъ плетьми и розгами, но Мясникова не сдавалась. Тогда Крыловъ, призвавъ къ себѣ ее вмѣстѣ съ мужемъ, приказалъ послѣднему собственноручно сѣчь ее и при этомъ убѣждать, чтобы она отдалась Крылову. Мясниковъ явился образцомъ добродѣтельнаго повиновенія и безпрекословно, хотя со слезами на глазахъ, началъ исполнять приказаніе грознаго ревизора... Шестидесятилѣтняя старуха, мать Мясникова также не избавилась отъ его ухаживаній. Она бѣжала изъ дому и только изрѣдка, тайкомъ навѣщала своихъ родныхъ. Пришелъ день ея имянинъ, на которые она переселилась домой, въ той нодеждѣ, что Крыловъ оставитъ ее въ покоѣ на этотъ день, такъ какъ въ гостяхъ у нихъ будетъ весь городъ. Но послѣ ужина, при всѣхъ Крыловъ, какъ звѣрь бросился на старуху и повалилъ ее на полъ... Гости кое-какъ стащили его съ несчастной и увели вверьхъ, на его квартиру...

Самодурствовалъ и деспотствовалъ Крыловъ, не отставали отъ него и его солдаты и его чиновники—дебоширили, драли взятки, воровали, грабили, насиловали. И въ добавокъ ко всему, ужасъ, обнимавшій городъ, еще болѣе увеличился, когда по вечерамъ начали неистовствовать на улицахъ *еретики*, какъ называются въ Сибири выходящіе изъ могилъ по-

койники. Длинныя тѣни, въ бѣлыхъ саванахъ, исполинскими шагами ходили въ темные вечера по улицамъ, нападали на прохожихъ и грабили ихъ. Это были мошенники, наряжавшіеся мертвецами и искусно управлявшіе своими ходулями. (Въ настоящемъ столѣтіи *еретики* появлялись въ Иркутскѣ, кажется, всего одинъ разъ, въ ужасное управленіе Трескина). Но для тогдашнихъ иркутянъ, это были дѣйствительные мертвецы, а не разбойники или—что вѣроятнѣе—крыловскіе солдаты. Въ городѣ ходили страшные суевѣрные слухи. На могилѣ Бичевина по ночамъ горѣла чудотворная восковая свѣча. Обыватели теряли всякую надежду на избавленіе. Всѣ разбѣгались и прятались, запирали ворота, двери и окна, когда катилась карета грознаго ревизора. Дѣтей пугали именемъ Крылова.

Чтобы пресѣчь всякій путь жалобамъ, Крыловъ перехватывалъ и прочитывалъ даже офиціальные пакеты вице-губернатора, а изъ города никто не смѣлъ выѣхать безъ его дозволенія. Въ то время жилъ въ Иркутскѣ купецъ Алексѣй Сибиряковъ, бывшій впослѣдствіи депутатомъ въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Какъ человѣкъ начитанный и большой законникъ, онъ былъ въ глазахъ Крылова вреднымъ ябедникомъ, тѣмъ болѣе, что пользовался большимъ вліяніемъ въ иркутскомъ обществѣ. Напуганный тиранствомъ слѣдователя, Сибиряковъ бѣжалъ изъ Иркутска и гдѣ-то скрывался. Крыловъ же заподозрилъ, что онъ уѣхалъ жаловаться въ Петербургъ, и еще болѣе утвердился въ этой мысли, когда, производя обыскъ въ домѣ Сибирякова, нашелъ въ его библіотекѣ множество юридическихъ бумагъ и копіи со всѣхъ указовъ и постановленій, изданныхъ со времени Петра Великаго. Жену Сибирякова и его брата Осипа перетрусившій Крыловъ арестовалъ, потребовалъ въ комиссію и подъ кнутами началъ допрашивать, куда уѣхалъ Алексѣй. Но они и сами не знали этого. За Сибиряковымъ отправлена погоня, доскакавшая до Верхотурья и вернувшаяся ни съ чѣмъ. Кры-

ловъ, впрочемъ, скоро успокоился отъ своего страха и началъ дурить пуще прежняго. Въ августѣ 1760 г., встрѣтившись съ Вульфомъ у одного купца, онъ началъ укорять его въ слабомъ управленіи провинціей и въ казнокрадствѣ; вице-губернаторъ началъ оправдываться; Крыловъ велѣлъ отобрать у него шпагу, объявилъ его арестованнымъ, „усильно потащилъ его въ комиссію и, ругаясь надъ нимъ, изъ поколотой руки своею кровью теръ его по лицу и арестовалъ; желая тотъ продерзостный поступокъ свой закрыть, призвавъ къ себѣ въ комиссію иркутской канцеляріи секретаря Бурсенцова и двухъ съ приписью подъячихъ, принудилъ показать, якобы Вульфъ отъ присутствія самовольно отказался, и что они присутствующихъ въ той канцеляріи ассесоровъ, Федорова и Владыкина за судей не признаютъ и слушать ихъ не будутъ; и какъ то принужденное отъ нихъ показаніе, со взятіемъ съ нихъ подписки, онъ получилъ, то пришедъ въ иркутскую канцелярію, оныхъ ассесоровъ выслалъ вонъ, а самъ вступилъ въ управленіе вице-губернаторской должности и тѣмъ узаконенную власть похитилъ, и въ вѣрности службы секретарей и прочихъ служителей приводилъ къ присягѣ, а въ города иркутской провинціи о томъ своемъ вступленіи разослалъ указы“.

Можно себѣ представить, какой ужасъ обнялъ Восточную Сибирь при такомъ извѣстіи! Въ Иркутскѣ струсилъ даже архіерей, а отставленный вице-губернаторъ испугался до того, что сдѣлался смѣлымъ. И архіерей и Вульфъ послали доносы императрицѣ черезъ сибирскаго губернатора, жившаго въ Тобольскѣ, помимо сената.

8-го ноября 1760 г. ночью курьеръ привезъ въ Иркутскъ приказъ сибирскаго губернатора арестовать Крылова и заковать въ кандалы.

Вульфъ съ нѣсколькими чиновниками и двадцатью пятью казаками тотчасъ же отправился къ квартирѣ слѣдователя, потихоньку подобрался къ его гауптвахтѣ, обезоружилъ ка-

раулъ и послалъ казаковъ захватить самого Крылова. Послѣдній началъ было защищаться, но былъ обезоруженъ и связанъ. Ему прочли указъ и, заковавъ въ кандалы, оставили подъ крѣпкимъ карауломъ.

На завтра прискакалъ другой курьеръ изъ Петербурга съ приказаніемъ немедленно отправить Крылова въ столицу. Грозный ревизоръ былъ увезенъ въ кандалахъ.

Въ догонку за Крыловымъ иркутское купечество послало на него челобитную. Но замѣчательно, что, исчисляя въ этой челобитной всѣ официальныя злоупотребленія ревизора, его вымогательства, подлоги, пытки, иркутскіе граждане ни слова не говорили объ его гнусныхъ злодѣяніяхъ надъ женщинами! Видно, что иркутянамъ ихъ собственный карманъ и собственная шкура были несравненно дороже, чѣмъ честь и счастіе ихъ женъ и дочерей.

Императрица Елисавета велѣла сенату слѣдствіе надъ Крыловымъ произвесть „кратчайшимъ путемъ, чтобы слезы неповинныхъ наискорче удовольствованы были и чтобъ съ симъ злодѣемъ, не смотря ни на какія персоны, поступлено было“.

Сенатъ ограничился тѣмъ, что лишилъ Крылова чиновъ — не за его грабежи, насилія, казнокрадство, пытки, не за умерщвленіе Бичевина, а за арестованіе Вульфа, да за то, что Крыловъ, какъ мы уже разсказывали, въ Иркутскѣ, съ пьяныхъ-то глазъ, велѣлъ приколотить къ государственному гербу на башнѣ досчечку со своей фамиліей!.. Глѣбовъ замялъ дѣло, и оно лежало подъ сукномъ до воцаренія Екатерины.

Екатерина возобновила это дѣло, по ходатайству иркутскихъ купцовъ. Глѣбовъ былъ смѣненъ съ генералъ-прокуроровъ и уволенъ отъ службы со званіемъ генералъ-поручика. Крылова же повелѣвалось „вмѣсто заслуживаемой имъ смертной казни, высѣчь въ городѣ Иркутскѣ кнутомъ и сослать на каторгу въ работы вѣчно, а имѣніе его, описавъ, продать съ аукціона, и взятыя за оное деньги употребить на

роздачи обиженнымъ имъ, кому что принадлежитъ въ силу законовъ".

Пусть не тревожится чувствительный читатель столь горестною судьбою несчастнаго ревизора: въ Иркутскѣ кнутомъ его не драли, и на каторгѣ онъ не бывалъ. Иркутскія лѣтописи, чрезвычайно подробныя, ничего не говорятъ о столь важномъ для Иркутска событіи, а, напротивъ, разсказываютъ, что бывавшіе въ столицѣ иркутскіе купцы встрѣчали тамъ Крылова здравымъ и невредимымъ.

„Вотъ превосходный сюжетъ для исторической трагедіи", воскликнулъ одинъ мой знакомый, когда я разсказалъ ему эту исторію. Хороша трагедія!.. Даже въ судьбѣ самого Крылова нѣтъ ничего трагическаго: человѣкъ положилъ себѣ натѣшиться и позабавиться въ волю, — и натѣшился и позабавился, сколько было душенькѣ угодно, заплативъ за безобразіе арестомъ, да лишеніемъ чиновъ. Трогательна судьба перваго виновника всѣхъ этихъ бѣдъ, Глѣбова. Увольненіе отъ службы—это, какъ хотите, ужасный ударъ для такой важной персоны!..

КОНЕЦЪ.

(Стр. 178.) (стр. 224)
(Стр. 296–297)

Красота и здоровье женщины. К. Реклама, перев. съ нѣмецкаго. Е. Блекуэль. Основы жизни и физическое воспитаніе дѣвицъ, перев. съ англійскаго. Спб. 1872 г. Цѣна 2 руб. вѣсов. за 2 ф.

Сочиненія Е. А. Баратынскаго. Съ гравированнымъ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, съ письмами и біографическими о немъ свѣденіями. М. 1868 г. Цѣна 3 р. вѣс. за 3 ф.

Впередъ. Романъ Шпильгагена. 2 части. Спб. 1872 г. Цѣна 2 руб. вѣс. за 2 ф.

Нѣмецкіе піонеры. Романъ Шпильгагена. Спб. 1871 г. Цѣна 1 руб. вѣс. за 1 ф.

Загадочныя натуры. Романъ Шпильгагена. Изд. 2-е. Спб. 1870 года. Цѣна 2 р. вѣс. за 2 ф.

Изъ мрака къ свѣту. Романъ Шпильгагена. Оконч. романа: «Загадочныя натуры.» Спб. 1870 г. Цѣна 2 р. вѣс. за 2 ф.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Шпильгагена. 2 тома. Спб. 1868 года. Цѣна 2 р. вѣс. за 2 ф.

Между молотомъ и наковальней. Романъ Шпильгагена. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р. вѣс. за 3 ф.

Два поколѣнія. Романъ Шпильгагена. Спб. 1870 г. Цѣна 2 р. вѣс. за 2 ф.

Очеркъ исторіи русской женщины. Соч. С. С. Шашкова, изд. исправленное и дополненное съ приложеніемъ статьи «Русская проституція». Спб. 1872 г. Цѣна 1 р. 75 к. вѣс. за 2 ф.

СОДЕРЖАНІЕ:

Придисловіе.—Глава I. Женщина въ древнѣйшей славяно-русской жизни. Факторы ея постепеннаго порабощенія.—Глава II. Родовое начало, какъ главная основа древне-русской жизни.—Глава III. Византизмъ и его вліяніе на положеніе женщины. Полное порабощеніе женщины въ XVI и XVIII вв.—Глава IV. Положеніе женщины въ семействѣ.—Глава V. Паденіе патріархальныхъ порядковъ. Семейныя преступленія и всеобщій развратъ.—Глава VI. Противодѣйствіе женщины домостройнымъ порядкамъ и ея борьба за свои интересы.—Глава VII. Реформа Петра. Половая свобода и развращенность. Успѣхи женской самостоятельности. Воспитаніе женщинъ. Начатки эманципаціонныхъ движеній и элементы противодѣйствующіе имъ. Семья и женщина по Своду Законовъ.—Глава VIII. Женское дѣло во второй половинѣ XIX вѣка.—Приложеніе: Русская проституція.